

Российская Академия Естествознания
Издательский дом Академии Естествознания

В.Л. Бозаджиев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие

Москва
2015

УДК 316.6(075.8)

ББК 88.5я73-1

Б769

Рецензенты:

Агапов В.С. – доктор психологических наук, профессор;

Ким В.С. – доктор политических наук, профессор

Бозаджиев В.Л.

Б769 Политическая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2015. – 474 с.

ISBN 978-5-91327-291-1

В предлагаемом учебном пособии рассматривается феномен политической психологии как научной и прикладной дисциплины, как отрасли психологического знания. Раскрываются сущность, предмет, цели, задачи политической психологии, рассматриваются некоторые аспекты политической психики, сущность и политико-психологическая структура личности, проблемы лидерства, малых и больших социальных групп и массовых явлений в политике и другие вопросы, имеющие непосредственное отношение к малоисследованной отрасли науки, каковой является политическая психология.

Учебное пособие создано на основе исследовательской и преподавательской работы автора, читающего курс политической психологии на протяжении более десяти лет.

Для студентов и преподавателей психологических факультетов, для обучающихся по другим направлениям высшего профессионального образования, а также всех, интересующихся проблемами политической психологии.

ISBN 978-5-91327-291-1

© Бозаджиев В.Л., 2015

© ИД «Академия Естествознания»

© МОО «Академия Естествознания»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА	11
1.1. Политика как деятельность	11
1.2. Предмет и задачи политической психологии	15
1.3. Основные объекты политической психологии	18
1.4. Основные принципы политической психологии	22
1.5. Основные проблемы политической психологии	27
1.6. Функции политической психологии	29
1.7. Проблема методологии и методы политико-психологического исследования	33
Глава 2. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	46
2.1. Первые формы научного политико-психологического знания	46
2.2. Развитие политико-психологических подходов	53
2.3. Истоки политической психологии в России	66
2.4. Современное состояние политической психологии	72
Глава 3. ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	76
3.1. Природа и сущность политической власти	76
3.2. Психология восприятия власти	89
3.3. «Легитимность власти» как психологическое понятие	93
Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХИКА	103
4.1. Политическое восприятие	104
4.2. Политическая память	105
4.3. Политическое мышление	107
4.4. Политическое воображение	112

4.5. Политические эмоции и чувства	116
4.6. Политическая воля	122
4.7. Политические установки и стереотипы	123
4.8. Инертность политической психики	128
4.9. Политическое сознание и политическое самосознание.....	131
4.10. Коллективное бессознательное в политике.....	140
4.11. Политический менталитет.....	143
Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.....	151
5.1. Личность и личностный фактор в политике	151
5.2. Политико-психологическая структура личности.....	156
5.3. Политическая социализация личности.....	167
5.4. Психология политической активности и политического участия	180
5.5. Политическая культура личности.....	190
Глава 6. ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	199
6.1. Психологическая природа политического лидерства.....	199
6.2. Теории политического лидерства	217
6.3. Политико-психологические типологии лидерства	223
6.4. Психология вождей и вождизма	242
6.5. Психология политической элиты	246
6.6. Политическая элита в России	257
Глава 7. ПСИХОЛОГИЯ МАЛЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ.....	263
7.1. Понимание малой группы в политической психологии	263
7.2. Типология малых групп в политике.....	264
7.3. Команда и лидер	277
Глава 8. ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ.....	284
8.1. Понятие большой социальной группы в политике.....	284
8.2. Политико-психологические характеристики больших социальных групп	288

Глава 9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП	309
9.1. Виды национально-этнических групп	309
9.2. Национальное сознание.....	315
9.3. Национальное самосознание.....	320
9.4. Национальный характер и национальный темперамент	325
9.5. Русский национальный характер	330
9.6. Психология и политика национальных конфликтов	337
Глава 10. ПСИХОЛОГИЯ МАСС В ПОЛИТИКЕ	344
10.1. Массовое политическое сознание	344
10.2. Психология политических масс и массовидных явлений.....	352
10.3. Индивид и массовое поведение	367
10.4. Массовые политические настроения	375
10.5. Психология «Майдана».....	381
Глава 11. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИМИДЖЕЛОГИЯ	389
11.1. Понятие и типология имиджа	389
11.2. Субъекты политического имиджа	394
11.3. Имидж политического лидера	395
11.4. Имидж политической партии.....	430
11.5. Политический имидж государства.....	437
11.6. Политический имидж России	441
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ	448
ЛИТЕРАТУРА	459

*Моему отцу
Луқьяну Степановичу Бозаджиеву
посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политика не создает людей, но берет их
такими, какими их создала природа

Аристотель

Политическая психология – относительно молодая междисциплинарная наука, находящаяся на стыке политологии, психологии и социологии, и изучающая психологические компоненты политической жизни общества.

Формально годом рождения политической психологии считается 1968-й, когда в Американской ассоциации политических наук было создано отделение политической психологии. Однако как самостоятельное и специфическое направление исследований политическая психология сформировалась намного раньше – еще в начале XX века в рамках исследований политики и политических процессов, именно для того, чтобы обозначить, в какой мере они зависят от психологического состояния субъектов политического процесса.

Американский психолог С. Хоффман заметил, что не вся психология посвящена политике, но вся политика психологична. И с этим нельзя не согласиться. Политику «делают» живые люди, руководствующиеся в своей деятельности и поведении определенными представлениями, мотивами, целями, интересами, эмоциями и т.п., и все это неизбежно накладывает отпечаток на всю политическую жизнь общества. И, таким образом, очевидна целесообразность исследования политики вообще, и отдельных политических процессов и явлений, через изучение индивидуально-психологических особенностей людей, социально-психологических характеристик больших и малых социальных групп.

Все формы отражения политики в психике людей опосредованы их деятельностью, условиями жизни, собственными целями.

Внешняя среда определенным образом и непосредственно влияет, однако каждый реагирует на ее влияние в зависимости от собственных индивидуальных механизмов, основу которых составляют именно психологические особенности, эмоциональное состояние человека. При этом следует помнить, что «политическим сполна» человек стал тогда, когда сформировались специфические общности-общины, города, государства, когда люди научились понимать и реализовывать не только свои интересы и потребности, но и интересы и потребности других людей, соотносить их с собственными. Постепенно политический человек научился принимать решения, организовывать их исполнение, управлять другими людьми, учитывая не только их подготовку, осведомленность, но и психологические особенности.

Интерес к политико-психологическому анализу процессов и явлений современного общества неуклонно растет. Об этом говорят исследования политологов, философов, социологов, представителей других гуманитарных наук. Вместе с тем, появляющиеся в нашей стране монографии, диссертации, учебники и учебные пособия психологов свидетельствуют все же о дефиците внимания к этой области знания.

Данное учебное пособие представляет собой попытку проанализировать основные аспекты дисциплины «Политическая психология».

В первой главе даются основные положения о политической психологии как современной науке. В ней рассматриваются политика как деятельность, предмет, задачи, основные объекты, принципы и проблемы политико-психологической науки, отражена проблема методологии и методов политико-психологического исследования.

Вторая глава посвящена истории политико-психологической мысли, становления политической психологии как самостоятельной отрасли психологии, излагаются основные проблемы современного состояния политической психологии в нашей стране и за рубежом.

В третьей главе рассматриваются психологические аспекты политической власти. Феномен власти не является предметом монопольного анализа какой-либо одной науки, будь то политология, социология, история или психология. Предметом психологического анализа являются не властные отношения как таковые, а скорее их субъективные аспекты – восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т.д. В данной книге речь идет

о природе и сущности политической власти, о восприятии политической власти, о легитимности власти как психологическом понятии.

Особое внимание в учебном пособии уделено проблеме политической психики. В четвертой главе с политико-психологической точки зрения рассматриваются такие психические процессы как восприятие, память, мышление, воображение, эмоции и чувства, воля. Наряду с этим раскрываются и другие, не менее важные для политико-психологического анализа явления: политические установки и стереотипы, политическое сознание и политическое самосознание, коллективное бессознательное в политике, политический менталитет и др.

Одной из важнейших проблем в процессе становления политической психологии, да и в ее современных исследованиях остается проблема личности. В пятой главе предлагается анализ личностного фактора в политике, дана характеристика понятия и политико-психологической структуры личности, иерархически включающей в себя три уровня – биологический, психологический и социально-психологический. Здесь представлен теоретический анализ и результаты эмпирического исследования политической социализации личности в ранней юности. Рассматриваются проблемы политической культуры личности современного общества.

Логическим продолжением анализа проблемы личности стало раскрытие вопросов психологии политического лидерства и политической элиты. Шестая глава учебного пособия представляет возможность ознакомиться с психологической природой политического лидерства, с теориями и типами лидерства в политике, с основными аспектами психологии вождизма и политической элиты.

Важной проблемой является и психология больших и малых социальных групп в политике. Знакомство с содержанием седьмой и восьмой глав позволяет читателю получить представление о понятии, типологиях, политико-психологических характеристиках, особенностях возникновения и функционирования больших и малых социальных групп в политике.

Анализ политических событий, процессов и явлений современного общества невозможен без понимания роли и значения больших национально-этнических групп в политике. В связи с этим автор обращается к типологии национально-этнических групп, к характеристике национального сознания и национального самосознания,

национального характера и темперамента, к политико-психологическим аспектам национальных конфликтов.

В истории становления политической психологии заметно особое внимание исследователей к психологии масс. Актуальность этой проблемы по-прежнему сохраняется. Десятая глава учебного пособия раскрывает вопросы массового политического сознания, психологии массовидных явлений в политике (масса, толпа, митинг, демонстрация), массовых политических настроений и их влияния на поведение индивида в толпе. В данной главе представлена попытка психологического анализа такого относительно нового массовидного явления в политике, как «Майдан», заявившего о себе в политических событиях на Украине.

Последняя, заключительная, глава учебного пособия посвящена политической имиджологии. Основное внимание здесь уделено проблеме имиджа политического лидера, политических партий, государства.

После каждой главы предлагаются вопросы для размышления и самоконтроля, дающие читателю возможность не только проверить и закрепить знания из области политической психологии, но и попытаться самостоятельно осмыслить варианты решения некоторых политико-психологических проблем.

Завершается учебное пособие словарем основных политико-психологических понятий и списком литературы.

Настоящее учебное пособие рекомендуется при изучении дисциплины «Политическая психология» студентами, обучающимися по направлению «Психология». В то же время оно может быть полезным студентам, обучающимся по другим направлениям высшего профессионального образования, а также всем, интересующимся проблемами политической психологии.

Глава 1.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

Политика как деятельность. Предмет и задачи политической психологии. Основные объекты политической психологии – во внутренней политике, во внешней политике и международных отношениях. Основные принципы политической психологии.

Этические принципы политической психологии.

Основные проблемы политической психологии.

Функции политической психологии. Проблема методологии и методы политико-психологического исследования

У каждой профессии свой жаргон.
Политики свой навязали народам.

Станислав Ежи Лец

Само название дисциплины «Политическая психология» говорит о том, что в ней особым образом соединяются политика как сфера человеческой деятельности (и политология как наука о политике) и психология как наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности.

Знакомство с политической психологией, как и с любой другой научной дисциплиной, предполагает необходимость постижения ее предметного поля, основных проблем, задач, функций, объектов и методов научного познания.

1.1. Политика как деятельность

Я слышал, как один палач сказал:
«Делом нужно заниматься, господин
хороший, а не в политику играть и не
философствовать о жизни и смерти».

Станислав Ежи Лец

Понятие «политика» (греч. *politika* – государственные или общественные дела, от *polis* – государство) – одно из древнейших. Это – «многообразный мир отношений, деятельности, поведения, ориентаций

и коммуникационных связей между людьми по поводу власти и управления обществом; основными факторами политики выступают, прежде всего, большие социальные группы (классы, нации, народы, цивилизации), выражающие их интересы политические организации, институты, движения и лидеры» [61]. П.С. Гуревич определяет политику как сферу деятельности, регулирующую социальные отношения и обеспечивающую завоевание, удержание и использование государственной власти [63].

Существуют различные представления о природе и происхождении политики – теологическое, антропологическое, биологическое, социальное, психологическое и др. Согласно психологическому представлению, первоисточником политического взаимодействия между людьми являются потребности, интересы, эмоции и другие проявления человеческой психики. «Политика проявляется через людей. Она адекватно отражает их качества, ценности. Содержание политики выражается в ее целях, в проблемах, которые она решает, в мотивах, правилах и механизмах принятия политических решений. Политика выявляет смысл существования общности людей, определяет общие интересы всех субъектов политики, то есть участников данной общности, вырабатывает приемлемые для них правила поведения, распределяет между ними функции и роли...» [61].

Какое бы из определений политики мы ни взяли, практически в любом из них особое внимание уделяется рассмотрению деятельности человека как субъекта социальных отношений.

Стройная система деятельности субъектов политики выстраивается на основе реализации деятельностного подхода в психологии, предложенного С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным и другими отечественными психологами. В контексте деятельностного подхода к изучению личности человека деятельность, по определению А.Г. Асмолова, представляет собой «динамическую, саморазвивающуюся иерархическую систему взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит порождение психического образа, осуществление, преобразование и воплощение опосредствованных психическом образом отношений субъекта в предметной действительности» [13]. Будучи чрезвычайно широким и многообразным, мир, в котором живет человек, характеризуется и широким и многообразным включением личности в систему политических отношений, его взаимодействием с этой системой даже тогда, когда

человек об этом не догадывается, не подозревает и даже, возможно, пытается отрицать.

С точки зрения общепсихологической теории деятельности, политическая деятельность представляет собой процесс активного взаимодействия с окружающей социально-политической действительностью, ходе которого человек как субъект общественно-политических отношений целенаправленно воздействует на объект и таким образом удовлетворяет свои политические потребности, достигает определенных политических целей.

Трактовка политики как специфической человеческой деятельности связана с представлением о том, что политику делают люди. При таком подходе и возникает необходимость привлечения в политическую науку психологических понятий, одним из которых выступает деятельность.

В контексте научного мышления понятие деятельности полифункционально. Э.Г. Юдин [260] выделил несколько функций деятельности, среди которых: деятельность как объяснительный принцип, универсальное основание человеческого мира; деятельность как предмет объективного научного исследования, то есть как нечто расчленимое и воспроизводимое в теоретической картине, определенной научной дисциплине в соответствии со спецификой ее задач и совокупностью ее понятий. Через эти функции в полной мере раскрывается сущность политики как специфической человеческой деятельности.

Еще в XIX в. К. Маркс писал: «...главный недостаток всего предшествующего материализма – включая феербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно». Отсюда и следует трактовка К. Марксом политики как особой человеческой деятельности: «*История не делает ничего, она не обладает никаким необъятным богатством*», она «не сражается *ни в каких битвах!*». Не «история», а именно *человек*, действительно живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком для достижения своих целей. История – *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [128].

Реконструируя и обобщая прошлое, Д.В. Ольшанский считает, что в истории существовало три основных подхода к роли психологии в изучении политики [154].

Во-первых, максималистский подход. Поскольку, как считал А. Этциони, политику «делают» люди, то возможности психологии в изучении политики и влиянии на нее «практически безграничны». Этот «супер-психологизаторский подход» чрезмерно преувеличивает роль психологии в том влиянии, которое она оказывает, или может оказать, на развитие политических процессов в обществе.

Во-вторых, позиция минималистов, которые на первое место ставят иные, более объективные факторы: социальные, экономические и другие, не признавая за психологическими факторами практически никакого значения. Эта позиция также показала в политической истории свою несостоятельность. Максимум, к чему она приводила – это к стремлению решать все политические вопросы с позиции силы, что нередко оказывалось достаточно плохой политикой. Возникали конфликты, для урегулирования которых, опять-таки требовались психологи.

В-третьих, компромиссный, синтетический подход, сторонники которого, осознавая и признавая серьезную роль психологии, в то же время понимали, что психология – один из голосов в общем хоре факторов влияния на политику. Политика представляет собой настолько сложный феномен общественной жизни, что не может быть некой единой науки, которая в состоянии объяснить все аспекты политики. Значит, возможно и необходимо построение сложных моделей политики, включая и политико-психологические модели.

В конечном счете, с этой точки зрения политика есть прежде всего определенная человеческая деятельность с определенными мотивами и целями. Главным мотивом и, в случае успеха, результатом этой деятельности является согласование интересов различных социальных групп и отдельных индивидов.

Таким образом, можно говорить о двух базовых подходах к изучению политики как деятельности. Во-первых, об институциональном подходе – с его выраженным акцентом на политические институты, то есть на результаты определенной деятельности людей. Во-вторых, о процессуальном подходе – с его не менее выраженным акцентом на политические процессы, то есть на сам процесс этой деятельности. Согласно польскому социологу Я. Щепаньскому, социальные процессы, включая процессы политические – «это единые серии изменений в социальных системах, то есть в отношениях, институтах, группах и других видах социальных систем». Это «серия явлений взаимодействия людей друг с другом или серия явлений, происходящих в орга-

низации и структуре групп, изменяющих отношения между людьми или отношения между составными элементами общности» [255].

Каждый из названных подходов к роли психологии в политике был хорош для своего времени. В кризисные периоды исторического времени, когда трансформируются или разрушаются политические институты и повышается значимость политических процессов, на первое место выходила психология. Когда же доминируют институциональные структуры (особенно в тоталитарных общественно-политических системах), психология, будучи подавленной этими структурами, как бы «пряталась» внутрь общественной жизни.

Тем не менее, общее понимание политики как особого вида человеческой деятельности, смыслом которой является управление людьми через согласование различных интересов социальных групп и индивидов, позволяет соизмерять эти подходы, рассматривая их как разные стороны проявления политики как особой человеческой деятельности.

1.2. Предмет и задачи политической психологии

Я не интересуюсь политикой.
И это отнимает много времени.

Станислав Ежи Лец

Политическая психология – междисциплинарная наука, изучающая психологические компоненты политической жизни общества, которые формируются и проявляются в сознании социальных групп, наций, индивидов и реализуются в их практических действиях.

Политическая психология – междисциплинарная область, находящаяся на стыке политологии, психологии и социологии. Вопрос о предмете политической психологии остается все еще дискуссионным. Е.Б. Шестопал и Г.Г. Дилигенский [29] отмечают в качестве ведущей политической парадигмы в современной политической психологии политический бихевиоризм, главной задачей которого является изучение разнообразных форм политического поведения, в частности, раскрытие механизмов политических выборов, выявление мотивов поведения людей в политическом процессе и т.п. Отсюда и понимание предмета политической психологии: психологические компоненты политического поведения человека, исследование

которых позволяет применить психологическое знание к объяснению политики.

Есть авторы, считающие предметом политической психологии двусторонний процесс влияния психологических факторов на политическое поведение и политических действий – на психологические состояния индивидов (М. Дойч). Высказывалось мнение о включении политической психологии в состав социальной психологии, изучающей отношения между индивидом и обществом, большими социальными группами. В основном, поскольку политическая психология зародилась в США, понимание предмета новой науки нередко продолжает основываться на традициях поведенческой психологии.

В то же время, заметно влияние и психоаналитических концепций (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, В. Райх, Э. Фромм и др.). Психоаналитический подход в истолковании политики основан на изучении глубинных, индивидуальных и массовых чувств в политической коммуникации. В качестве глубинных стимуляторов политической деятельности выступают такие факторы, как пол, массовые, сексуальные стереотипы, сексуальная идентичность личности и общества.

В России, как уже отмечалось, на протяжении многих десятилетий в психологической науке развивается деятельностный подход. Однако среди пока еще немногочисленных в области политической психологии отечественных авторов нет единства в выборе парадигмы развития политико-психологического знания. Встречаются попытки синтезировать деятельностный и поведенческий подходы. Д.В. Ольшанский, обращаясь к предмету политической психологии, апеллирует то к поведению, то к деятельности («деятельностно-поведенческий подход»), однако в конечном счете останавливается на последней категории.

Основываясь на субъектно-деятельностном подходе в психологии (С.Л. Рубинштейн и его школа), на концепции А.Н. Леонтьева, на идеях, развиваемых представителями его школы (А.Г. Асмолов, В.А. Иванников и др.), предметом политической психологии следует назвать политику, как особую форму деятельности, представляющей собой динамическую, иерархическую систему взаимодействий человека с социальным миром. В процессе такой деятельности происходит воплощение субъектом своих отношений в политической системе общества.

Как особая человеческая деятельность политика обладает своей иерархической структурой и своими побудительными силами.

Объективно структура политики как деятельности, как целостной системы целенаправленной активности, включает: во-первых, деятельность как целостную содержательную активность субъекта политических отношений; во-вторых, действия как составные звенья, как едины анализа политической деятельности; в-третьих, операции как более мелкие звенья действий, как способы действий.

Внутренне (субъективно) деятельность представлена двумя компонентами: причинными составляющими (потребности, ценности, мотивы, цели) и регулируемыми составляющими: знания (образы ситуации и мира); умения (способность решать задачи и исполнять решения); эмоциональные состояния, индивидуально-психологические особенности индивида, как субъекта отношений в политической системе общества.

Соответственно всей политике как деятельности соответствует обобщенный мотив управления действиями, поведением человека. Конкретным политическим действиям соответствуют определенные цели согласования (или отстаивания) интересов индивидов и групп. Частным политическим операциям соответствуют способы достижения политических целей – от переговоров до вооруженных конфликтов (или войн) и восстаний.

Субъектом политики как деятельности могут выступать отдельные индивиды (отдельные политики), малые и большие социальные, национально-этнические и иные группы, а также стихийные массы. Как деятельность в целом, политика как и отдельные ее звенья, может носить организованный или неорганизованный, структурированный или неструктурированный характер.

Основными задачами политической психологии, выстраивающимися иерархически снизу вверх, являются:

– анализ политико-психологических явлений, психологических компонентов в политике, понимание роли «человеческого фактора», роли конкретной личности в политической жизни общества;

– основанное на предшествующем анализе и понимании прогнозирование развития политических процессов с учетом их психологических характеристик;

– влияние психологии (психологов) на политическую ситуацию в обществе, психологическое обеспечение политической деятельности отдельных политиков, а также политических групп (партий, движений и др.).

1.3. Основные объекты политической психологии

Политика – слишком серьезное дело,
чтобы доверять ее политикам.

Шарль де Голль

Выделение объектов политической психологии – задача непростая в силу обилия ее межпредметных и междисциплинарных связей. По характеру изучаемых объектов и своему конкретному содержанию политическая психология на конкретно-практическом уровне тесно смыкается с рядом близких психологических дисциплин, прежде всего с социальной психологией, психологией личности, организационной психологией, психологией рекламы, психологией имиджа. Первое место в этом ряду социальная психология занимает не случайно, так как именно с политической психологией непосредственно взаимосвязаны ее разделы: социальная психология личности, психология малых групп, психология больших социальных групп и массовых явлений, психология общения, психология конфликта, экономическая психология, этническая психология (рис. 1.1).

Политическая психология достаточно тесно связана с социологией и политологией. Особенно тесно взаимодействуя с политической социологией, политическая психология использует ее методы (массовых социологических опросов, демоскопии и др.), обеспечивая их более развернутую интерпретацию, качественный анализ. Это взаимно обогащает обе научные дисциплины, хотя и не исключает извечно продолжающихся дискуссий социологов и психологов о роли и значении представляемых ими наук.

Не менее разнообразны междисциплинарные связи политической психологии с различными разделами политологии. Так или иначе, в целом они имеют общий объект исследования – политику, – а значит и общие корни. Несмотря на постоянно возрастающую самостоятельность политической психологии, политология во многих случаях выступает в качестве заказчика перед ней, выдвигая те или иные функциональные проблемы. Соответственно происходит и взаимообмен методами обеих наук. Задачи, выдвигаемые политологией и политической практикой, сказываются на динамике развития политической психологии, выдвигая на первое место то одну, то другую функциональную проблему, соответственно тот или иной объект изучения.

Социальная психология

(социальная психология личности, психология малых групп, психология больших социальных групп и массовых явлений, психология общения, психология конфликта, экономическая психология, этническая психология)

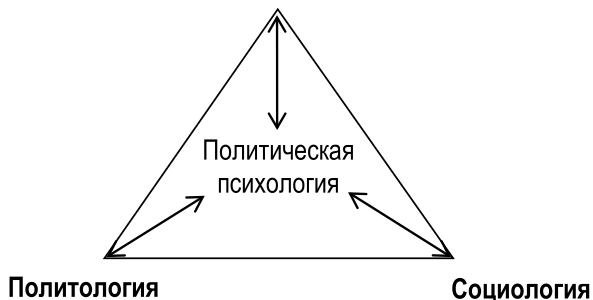

Рис. 1.1. Взаимодействие политической психологии с другими науками и разделами психологии

Конкретные объекты политической психологии лежат в сфере внутренней политики, а также в сфере внешней политики и международных отношений.

Во *внутренней политике* объектами исследований выступают: личность «политического человека»; политические малые социальные группы; политическая элита общества; большие социальные группы и массы в политике; политические настроения в обществе; межгрупповые конфликты, вызванные борьбой за политическую власть и пр.

В центре исследований находится политическая психология личности и непосредственно связанные с ней проблемы политической социализации и социальных установок. Формы связи «интрапсихических детерминант с политическими процессами» прослеживаются путем анализа проблем лидерства, проявлений политического недовольства, антиправительственных выступлений, поведения на выборах и т.д.

Психология личности «политического человека» рассматривается в двух аспектах. Во-первых, личность лидера. В этом аспекте исследуются индивидуально-психологические особенности конкретных государственных и политических деятелей. Основоположником данной линии был, как известно, З. Фрейд, создавший в соавтор-

стве с У. Буллитом первый в науке психобиографический портрет «28-го президента США» Т.В. Вильсона [234]. Трансформировавшись в психоисторию, эта линия обогатилась и иными, не только психоаналитическими подходами. В ее рамках активно исследуются механизмы мотивации политического поведения; способы принятия политических решений; особенности политического мышления; политико-психологические механизмы влияния на различные социальные группы и слои населения; особенности имиджа лидеров и т.д.

Во-вторых, личность рядового участника политических процессов или члена определенной социальной группы. Таким образом исследуется целый ряд проблем – степень вовлеченности «среднего человека» в политику; конкретные типы такой вовлеченности («лидер», «ведомый», «исполнитель», «сочувствующий» и др.); «качество» участия в политической деятельности (гибкость, ригидность позиции, творческий подход); механизмы «привязанности» к политической системе (так, например, западными политическими психологами выделяются «сентиментальный» и «инструментальный» виды лояльности) [154] и т.д.

При исследовании политической психологии личности важнейшее место занимает социальная установка. Если процесс политической социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный, политический опыт и вместе с тем активно (организованно или стихийно) воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках? [8]. Политическая психология рассматривает социальные установки и стереотипы как предрасположенность личности к определенному восприятию ситуации, ее оценке и последующим действиям. Социальные установки в этом контексте изучаются в качестве ведущих механизмов политического поведения и деятельности. Только при изучении этого механизма можно понять, чем конкретно регулируется поведение и деятельность человека.

Для того чтобы понять, что предшествует развертыванию реального действия, необходимо прежде всего проанализировать потребности и мотивы, побуждающие личность к деятельности. В общей психологии и теории личности как раз и рассматривается соотношение потребностей и мотивов для уяснения внутреннего механизма, побуждающего к действию. Однако при этом остается не ясным, чем определяется выбор мотива. Этот вопрос имеет несколько сторон: почему в опреде-

ленных ситуациях люди поступают так, а не иначе? Почему выбирают именно эту цель (как цель номер один)? Почему выбирают эту цель здесь-и-теперь [72]? Чем они руководствуются, когда выбирают именно данный мотив? Понятие, которое в определенной степени объясняет выбор мотива, есть понятие социальной установки [152]. Не случайно в теории А.Н. Леонтьева близким к социальной установке является понятие «личностный смысл», которое рассматривается как отношение мотива и цели предполагаемой деятельности.

Установка включает в себя когнитивный и эмоциональный компоненты наряду с психологической готовностью к некоему действию, то есть активно-действенное отношение субъекта к политическим объектам – партиям, движениям, политическим деятелям и пр. Отличительной особенностью изучения установок в рамках политической психологии является стремление не просто описать их, но раскрыть механизмы их формирования, спрогнозировать направленность их изменений и выработать методы целенаправленного воздействия на эти изменения.

Во внешней политике и международных отношениях политическая психология исходит из того, что психологическая наука имеет, хотя и ограниченное, но достаточно важное значение в теории и практике международных отношений. Сегодня, как и прежде, во внешней политике невозможно игнорировать роль лидеров государств, общественного мнения и политического настроения различных социальных слоев общества, оказывающих влияние на решение не только внутри-, но и внешнеполитических вопросов. В центре данной проблематики находится изучение политической элиты различных стран (личностей и групп, принимающих решения, имеющие международное значение). Детально исследуются проблемы конфликтов, как в теоретическом, так и в прикладном планах, психологические механизмы принятия внешнеполитических решений, влияние тех или иных акций элиты на общественное мнение, психологические механизмы ведения переговоров и урегулирования международных противоречий и конфликтов. В общем виде, предметом этого направления является «человеческий фактор международных отношений».

Исследования данного рода носят, прежде всего, прикладной характер. Они предполагают:

– изучение психических процессов, состояний и свойств индивидуальных и коллективных субъектов, которые находят свое выражение в сфере международных отношений;

- использование психологической теории для интерпретации политических событий, имеющих международное значение;
- психологический анализ политических решений во внешней политике и международных отношениях;
- изучение и учет психологических аспектов политического общения и политической международной коммуникации;
- применение психологических знаний в урегулировании международных конфликтов, поддержании стабильности в межгосударственных отношениях. И. др.

Ряд объектов политической психологии находятся в *сфере решения военно-политических вопросов* [154]. В рамках военного использования политической психологии акценты делаются на вопросы борьбы с армиями реальных и потенциальных противников. Это включает в себя психологическое исследование:

- особенностей личности военачальников;
- проблем разработки психологических механизмов предательства;
- вопросов отработки подрывных психологических мероприятий, разработки специальных операций;
- вопросов совершенствования тактики ведения допросов;
- механизмов ведения психологической войны в разных формах.

Таким образом, предварительный обзор основных объектов политической психологии показывает, что современная политико-психологическая наука представляет собой не вполне еще систематизированное соединение теоретических подходов и прикладных исследований, обнаруживающих, тем не менее, достаточно закономерное психологическое объяснение политических процессов и явлений.

1.4. Основные принципы политической психологии

Ничто так не нуждается в нравственности,
как политика, и никто так не ненавидит политику,
как нравственные люди.

Ф. Искандер

Принципы политической психологии можно рассматривать в двух контекстах: частно-научные принципы и этические. Эти группы принципов в целом исходят из прикладного значения политико-

психологических исследований и, соответственно, из этических проблем профессиональной деятельности политического психолога.

В качестве самостоятельного, междисциплинарного и одновременно достаточно автономного направления конкретных исследований, политическая психология исходит из пяти основных специфических для нее частно-научных принципов. Обращая внимание на эту группу принципов, Д.В. Ольшанский подчеркивает их значение не столько как собственно научных, исследовательских, сколько этических норм, которые приняла на себя, и на которые опирается политическая психология. Поскольку политическая психология имеет огромное прикладное, практическое значение, она может быть использована как особое психологическое «оружие» в реальной политике. В силу этого обстоятельства, политическая психология теряет свою объективность, выступая как некий набор знаний, которыми может воспользоваться любой нуждающийся в них человек, равно как и любая политическая сила. Чтобы не допустить этого и был выработан ряд базовых принципов, которые следует рассматривать скорее как рамки (ограничения) в работе политического психолога. Они необходимы, чтобы политическая психология продолжала развиваться как серьезная объективная наука.

Первый принцип – принцип взвешенности и научного объективизма. Эпицентром политико-психологического исследования должна быть «зона взаимодействия политических и психологических явлений». Попытки уклона в ту или иную сторону чреваты методологической опасностью редукционизма, то есть сведения сложных политико-психологических реалий либо к сугубо политическому, либо к исключительно психологическому объяснению.

Второй принцип – принцип гласности и публичности. Центральное место в исследованиях политической психологии должны занимать «наиболее значимые и актуальные политические проблемы», к которым «привлечено внимание общественности». Помимо того, что именно в решении таких проблем политическая психология оказывается наиболее полезной, гласность и публичность результатов таких исследований служит дополнительным препятствием для их использования в социально- или политико-эгоистических, антиобщественных, а иногда и просто криминальных целях.

Третий принцип – принцип широкого учета социально-политического контекста политико-психологического исследования. Согласно

этому принципу, декларируется необходимость уделять максимально возможное внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений. Недооценка контекста ставит под угрозу надежность получаемых выводов и может породить опасные для общественно-политического развития рекомендации. В то же время и переоценка контекста иногда тоже бывает опасной. Для разрешения данного противоречия экспертами предлагается использование максимально широкого набора методических процедур и приемов сбора данных, а также исследовательских процедур, в опоре на предположение, что методический плюрализм и разнообразие – не только подчас неизбежное, но иногда и весьма продуктивное дело. В конечном счете, такого рода плюрализм способствует содержательному расширению объяснительных возможностей политико-психологической науки за счет ее вначале методической, а затем и содержательной широты.

Четвертый принцип – принцип внимания к итоговому результату. Согласно данному принципу необходимо исследовать не только конкретные результаты влияния тех или иных психологических факторов на политику, но и сам процесс формирования тех или иных политических явлений и процессов, а также потенциальные тенденции их развития. Это, естественно, в еще большей степени обеспечивает содержательную широту политико-психологических исследований.

Пятый принцип – принцип нейтральности. Современная политическая психология весьма терпима в отношении оценок как внешней, так и внутренней политики, которые связаны с политической деятельностью, то есть, нейтрально характеризует поведение людей в условиях тех или иных политических ситуаций или их отношение к системе политических учреждений и организаций общества. Это политически и идеологически нейтральная наука.

Этические принципы политической психологии и правила их достижения отражены в Этическом кодексе политического психолога, принятом Санкт-Петербургским психологическим обществом [259].

В соответствии с Уставом международного общества политической психологии (International society of political psychology (ISPP)), принятом в 1985 году, члены ISPP могут заниматься политической деятельностью (принимать участие в предвыборных собраниях лидеров политических партий), но при этом обязаны подчеркивать, что любые их позиции или предпринимаемые ими действия не являются позицией или действиями, принимаемыми ISPP.

Перечислим этические принципы политической психологии.

1. Принцип не нанесения ущерба объекту политики. Исследования политического психолога должны быть направлены только на создание и осуществление адекватной политики, не имеющей целью морального, экономического, физического подавления оппонентов субъектов политики.

1.1. Правило взаимоуважения политического психолога и объекта политики. Высказывания политического психолога не должны содержать оскорбительных намерений, рекомендаций, оценок, комментариев.

1.2. Правило безопасности действий политического психолога для объекта политики. Исследования политического психолога и его рекомендации не должны составлять основу опасности ни для кого из участников политического процесса.

1.3. Правило предупреждения неадекватных действий субъекта политики относительно объекта политики. Субъект политики не должен требовать, а политический психолог не должен позволять использовать результаты своей работы для нанесения ущерба объекту политики.

2. Принцип компетентности политического психолога. Политическим психологом является специалист, имеющий соответствующее его деятельности образование и квалификацию, а также опыт работы, подтвержденный государственными документами.

2.1. Правило обоснованности результатов деятельности политического психолога. Политический психолог должен обладать знаниями, умениями и навыками формулирования научных итогов своей деятельности.

2.2. Правило сотрудничества политического психолога и субъекта политики (депутата, лидера партии, государственного и общественного деятеля и т.д.). Политический психолог и субъект политики должны информировать друг друга по всем моментам своего сотрудничества без скрывания действительных мотивов своей деятельности.

2.3. Правило профессионального поведения политического психолога относительно объекта политики (избирателя, демонстранта, бастующего и т.д.). Политический психолог должен обладать способностями и навыками общения, взаимодействия с объектом политики.

3. Принцип беспристрастности политического психолога. Практикующий политический психолог не должен быть руководителем,

соруководителем, активистом какой-либо политической организации, борющейся за власть.

3.1. Правило научности результатов деятельности политического психолога. Политический психолог в своих исследованиях или практических действиях может опираться только на научные знания, умения или навыки, за получение которых он получил соответствующий диплом.

3.2. Правило адекватности методов деятельности политического психолога относительно объекта политики. Политический психолог не должен использовать незаконные или аморальные методы получения информации или воздействия на субъектов и объекты политики.

3.3. Правило взвешенности сведений, передаваемых политическим психологом гласности. Высказывания, рекомендации, действия политического психолога не должны содержать причин или оснований, создающих любую форму опасности для людей, вовлеченных в политику.

4. *Принцип конфиденциальности деятельности политического психолога.* Политический психолог ни в какой форме не должен разглашать полученных им конфиденциальных сведений о субъектах и объектах политики, если эти сведения могут быть приравнены к врачебной или государственной тайне.

4.1. Правило кодирования сведений психолого-политического характера. Все исследовательские материалы политического психолога должны содержаться в закодированной форме: любая произвольная комбинация чисел или букв, число вместо имени и фамилии.

4.2. Правило контролируемого хранения сведений психолого-политического характера. Политический психолог хранит сведения психолого-политического характера о субъекте или объекте политики в месте и условиях, исключающих их неконтролируемое использование.

4.3. Правило корректного использования сведений психолого-политического характера. Все сведения психологического характера, полученные политическим психологом, используются только лишь в тех целях, ради которых проводилось исследование.

При соблюдении настоящих принципов и правил деятельности политического психолога гарантируется профессиональная и личная безопасность субъектов и объектов политики, самого политического психолога, адекватной политике не наносится ущерб.

1.5. Основные проблемы политической психологии

«Вы подрываете строй!» – кричал на меня представитель власти.
«Вы заметили это, глядя на меня или на строй?» – полюбопытствовал я.

Станислав Ежи Лец

Определение круга проблем политической психологии базируется на конкретных объектах политической психологии, а также выделении компонентов, известных в политической науке и в реальной политике. Содержательно в качестве относительно самостоятельных Д.В. Ольшанский выделяет в порядке актуальности пять групп проблем, которые можно изобразить в виде своеобразной «мишени», центром которой является проблема личности в политической психологии. Концентрическими кругами этой «мишени» являются: психология малых групп в политике; психология больших групп в политике; психология масс в политике (рис. 1.2).

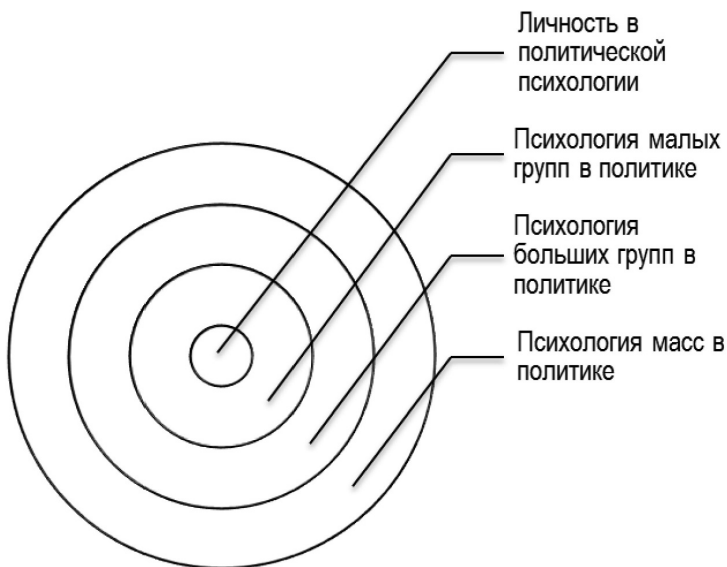

Рис. 1.2. Проблемы политической психологии

Обращаясь к проблеме личности, политическая психология рассматривает:

- отношения человек и политика;
- личность отдельного человека в политике, факторы, определяющие роль отдельной личности в политике;
- политическую социализацию личности на различных этапах ее развития в условиях социально-политической ситуации в обществе;
- генезис политического участия;
- политическое лидерство и личность политического лидера;
- образование политической элиты общества.

Проблема малых групп в политике требует изучения с различных сторон:

- типологии малых групп;
- психологических механизмов и этапов их формирования и функционирования;
- внутренних механизмов становления политической группы;
- основных критериев формирования малых групп в политике;
- появления лидера, отношений лидер и группа (команда).

Большие социальные группы являются особой проблемой политико-психологических исследований, которые предполагают:

- классификацию, а также анализ роли и места больших групп в политике;
- изучение влияния принадлежности к большой социальной группе на психику человека;
- изучение групповой психологии, группового сознания в соотноении с групповой идеологией и групповой культурой;
- выявление и изучение политико-психологических уровней больших социальных групп и их характерных признаков;
- изучение истоков и психологических особенностей маргинальных групп и слоев населения, политического радикализма, люмпенства и т.д.

Особый интерес у политических психологов вызывает проблема больших национально-этнических групп:

- их разновидности и формирование;
- национальный характер и национальный темперамент;
- национальные эмоции и чувства;
- национальное сознание и национальное самосознание;
- национально-этнические проблемы в современном мире и политико-психологические способы их решения.

Одной из первых проблем, к которой обратилась политическая психология, стала проблема психологии масс в политике и массового политического поведения. Исследования этой проблемы обращают внимание политических психологов:

- на ведущую роль психологии масс в динамических политических процессах;
- на массовое сознание, основные качества массы как носителя массового сознания;
- на генезис, структуру, уровни и основные характеристики массового сознания;
- на индивида и массовое поведение, воздействие массы на индивида;
- на массовые политические настроения;
- на стихийные формы поведения;
- на психологию толпы, психологию массовой паники и агрессии и т.п.

Сюда же относятся проблемы массовых политических организаций и движений. Здесь же располагаются и массовые коммуникационные процессы.

1.6. Функции политической психологии

Не смог предотвратить – возглавить!

М. Жванецкий

Функции политической психологии выражают ее способность влиять на политические процессы, на состояния и свойства субъектов политики, на способы функционирования институтов политической власти.

Одна из важнейших функций политической психологии – *гносеологическая*, связанная с обеспечением мышления человека – субъекта политических отношений. В отличие от других форм политического сознания (науки, идеологии и др.), которые также способствуют познанию политической реальности, политические эмоции и чувства человека могут не только дополнить, обогатить и разнообразить политическую информацию, полученную рационально-логическим путем, но и заменить ее при выборе им своей политической позиции. Такая роль политической психологии особенно ярко проявляется в периоды кризисов, когда возникающий в обществе духовный

вакуум буквально заполняет чувственными оценками все индивидуальные позиции человека. Идя в ногу со временем, психология эмоционально «оформляет» соответствующую эволюцию политических воззрений и позиций человека. В то же время, эмоции, чувственные стереотипы могут оказывать и упорное сопротивление динамике человеческих воззрений, отвергая рациональные формы отражения действительности. В таком случае политические чувства способны провоцировать догматичность и ригидность мышления человека, его приверженность раз и навсегда усвоенным шаблонам и стандартам.

Функция *адаптации* предполагает обеспечение политической психологией приспособления человека к окружающей обстановке. Причем психология осуществляет эту цель как при пассивном приспособлении человека к среде, так и при ее активном взаимопреобразовании, когда активно видоизменяются свойства и человека, осваивающего, к примеру, новые политические роли, и сами внешние условия под ролевым воздействием.

Чтобы заставить человека адаптироваться к окружающей действительности, политическая психология должна подавить воздействие тех социальных и политических факторов, которые вызывают стрессовые ситуации, негативные политические реакции индивида. В связи с этим политическая психология должна действовать в двух направлениях. Во-первых, стимулировать позитивные поведенческие реакции человека, то есть вести дело к формированию у него позитивных стереотипов и привычек реагирования на подобные раздражители (иногда это сделать затруднительно, так как требует от человека значительного пересмотра своих взглядов, позиций), либо, во-вторых, формировать нейтрально-конформистское отношение, то есть привычку спокойно и относительно беспристрастно реагировать на подобные явления.

Психология способна обеспечить три типа приспособления человека к среде: конформность (принятие сложившихся порядка вещей, мнений, идеалов), инновационность (сохранение активности и самостоятельности позиции по отношению к окружающей действительности) и ритуализм (выражающий символическую и некритическую позицию человека по отношению к среде) [276]. Первый и третий типы адаптированности, означающие, по сути, сформировавшуюся привычку и стабильно прогнозируемое поведение индивида, наиболее привлекательны для властей. Наиболее часто встречающаяся

конформная адаптированность лишает человека каких-либо острых ответных реакций на политическую ситуацию, отчасти ритуализируя его связи и отношения с государством, но во всяком случае придавая им искомую властями стабильность. Конформистски адаптированный человек, как правило, не замечает ошибок власти и готов простить ей абсолютно все, даже преступления.

Одной из функций политической психологии является функция *мотивации деятельности*. Организуя и интегрируя индивидуальные свойства личности, политическая психология тем самым служит главным механизмом перенесения ее политических целей и намерений из сферы сознания в сферу поведения. То есть она не только обеспечивает постоянный контакт сознания и практики, но и выступает достаточно автономным фактором мотивации человеческой деятельности.

При этом политические эмоции и чувства действуют двояким образом. Первым способом осуществления политической психологией ее мотивационной функции является самостоятельное определение действий индивидуальных и групповых субъектов. При таком варианте удельный вес эмоциональных установок будет доминировать над всеми остальными соображениями. В целом, преобладание эмоционально-чувственного компонента проявляется прежде всего при реализации людьми их политических функций и ролей. Американский социолог Р. Мертон подчеркивал, что это может выражаться в следующем:

– в стремлении человека придавать функционально безличным политическим связям сугубо персональный характер (например, когда он пытается наделить глубоко личностным смыслом свои отношения с государством или драматизировать акт голосования, относясь к нему, как к решающему в своей жизни делу);

– в отождествлении человеческой личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над главными жизненными ценностями человека);

– в проявлении чрезмерной солидарности с политическими организациями;

– в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера [135].

Особенно ярко такая мотивационная способность политической психологии раскрывается в переломные для общества периоды жизни. Например, в условиях революционных преобразований

на политической арене появляется множество людей с повышенным эмоционально-чувственным фоном, а то и просто неуравновешенных и даже психически больных. Как писал итальянский социолог С. Сигеле, «... число сумасшедших всегда велико во время революций или возмущений не только потому, что сумасшедшие принимают в ней участие, но и потому, что общество делает сумасшедшими тех, кто только был предрасположен к сумасшествию» [207].

В истории есть немало примеров и того, как психически эволюционировали многие лидеры-революционеры. Например, Робеспьер и ряд других известных его соратников по мере нарастания революционных процессов превращались из радостных многоречивых романтиков в подозрительных, неприязненно относящихся к несогласным с ними людям, а затем и вовсе эволюционировали в личностей, не терпящих возражений, замыкающихся в себе, мнящих повсюду заговоры и предательства.

Еще одним способом осуществления политической психологией своей мотивационной функции является преломление и дополнение ею действия различных рассудочных и рациональных намерений человека. В этом отношении политические эмоции и чувства играют уже не ведущую, а подчиненную роль. Механизм подобного рода мотивации хорошо виден на примере ее взаимодействия с идеологией, которая рационализирует политическую психологию. Однако степень претворения в жизнь идеологических требований зависит от эмоциональной восприимчивости человека к ее элементам – идеалам, ценностям, нормам, принципам и т.д. Поэтому в конкретных случаях в мотивации людей могут доминировать либо общие идеологические ценности, либо конкретные нормы и требования к поведению отдельных субъектов, сформулированные теми или иными институтами политической власти.

Эмоционально-чувственное преломление идеалов и нормативных требований политической идеологии предопределяет соответствующие формы целенаправленного политического поведения граждан. Идеино сориентированные поступки последних, как правило, относятся к автономному типу политического поведения, отображающему относительно свободный выбор людьми политических целей и средств их достижения. Этот тип поведения противостоит мобилизованным формам активности, характеризующим вынужденность совершаемых человеком поступков под давлением внешних обстоятельств. (При-

чем в тоталитарных режимах источником такого давления на сознание личности чаще всего выступают постулаты официальной моноидеологии, подчиняющей себе все институты власти).

1.7. Проблема методологии и методы политико-психологического исследования

Политики, консультируйтесь с диетологами –
будете знать, что способен переварить избиратель.

Станислав Ежи Лец

Наука как система знаний и как результат человеческой деятельности характеризуется полнотой, достоверностью, систематичностью. Наука как человеческая деятельность характеризуется методами. Метод научного исследования рационален. Человек, претендующий на членство в научном сообществе, должен не только разделять ценности этой сферы человеческой деятельности, но и применять научный метод как единственно допустимый. Совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности – такое определение понятия «метод» можно чаще всего встретить в литературе. Следует лишь добавить, что эта система приемов и операций должна быть признана научным сообществом в качестве обязательной нормы, регулирующей проведение исследования.

Политическая психология – эмпирическая наука. Одновременно, что естественно, она представлена и теоретическими моделями. Исследовательские стратегии и методы политической психологии вписываются в две ведущие тенденции [251]. Первая из них основана на представлении о человеке как простом винтике политической машины. Отсюда и так называемый «инженерный» подход к налаживанию работы этой машины, сциентизм и технократизм как исследовательская философия этой группы политических психологов. Методологическим фундаментом этой группы концепций являются, как правило, позитивистские теории, пришедшие из психологии и политологии.

Вторая группа исследователей исходит из иной теоретической установки. Для них человек является не только объектом политического воздействия, но и целью развития политической системы и ее активным субъектом. В рамках этой тенденции работают иные методологические подходы. В частности, для теоретиков этого направления характерно

обращение к антипозитивистским моделям личности. Они выбирают такие теоретические парадигмы, для которых менее свойственны манипуляторские тенденции.

Сегодня в политической психологии пока еще отсутствуют общепризнанные жесткие теоретические схемы, которые могли бы диктовать строгую определенность методологических процедур. Налицо методологическая терпимость и плюрализм. Значит, у исследователя остается достаточное пространство для творчества. С другой стороны, сам сложный, междисциплинарный характер объектов, изучаемых политической психологией, вынуждает строить исследование по междисциплинарному принципу, соединяя подходы нескольких дисциплин таким образом, чтобы они наиболее отражали суть сложного и многоуровневого объекта – поведения и деятельности человека в политике. Таким образом, выбор методов диктуется конкретным объектом политико-психологического исследования.

Выше уже отмечалось, какие феномены выступают в качестве объектов исследования политической психологии. Остановимся на методах и методиках, адекватных тому или иному объекту изучения.

Политико-психологическое исследование личности предполагает применение целого ряда методов, заимствованных, прежде всего из общей психологии и психологии личности.

Важнейшее значение имеют основополагающие работы по социологии и психологии Т. Адорно, Н.А. Бердяева, А.А. Бодалева, М. Вебера, Г. Лассуэлла, Г. Лебона, А.Н. Леонтьева, Н.К. Михайловского, Р. Михельса, М. Острогорского, Г.В. Плеханова, С.Л. Рубинштейна, П.А. Сорокина, Г. Тарда, З. Фрейда, Э. Фромма и др., раскрывающие индивидуально-психологические и социально-психологические характеристики лидерства, вождизма, политической активности и др.

Если исходить из общепризнанного факта зарождения политической психологии как особой научно-прикладной дисциплины в США, то следует отметить значение фундаментальных и прикладных исследований американских ученых последних лет: Г. Алмонда, Дж. Барбера, К. Дойча, В. Одайника, Р. аккера, С. Хаймона, Э. Харгроува, Л. Эдингера и др., а также отечественных исследователей: К.А. Абульхановой-Славской, С.А. Анисимова, Д.А. Волкогонова, П.П. Гайдено, П.С. Гуревича, Ю.Н. Давыдова, А.А. Деркача, А.Г. Дилигенского, В.Г. Зазыкина, В.С. Комаровского, Л.М. Млечина, А.П. Назаретяна, Э.Н. Ожиганова, Д.В. Ольшанского,

А.Ю. Панасюка, Б.Д. Парыгина, Н.М. Ракитянского, В.П. Шейнова, Е.Б. Шестопал и др.

А началось все еще в 30-х годах прошлого века, когда в рамках психоаналитической традиции проявился интерес исследователей к методикам, позволявшим проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. Одна из первых работ этого направления – «Психопатология и политика» Г. Лассуэлла [275], где материалом для изучения политиков были их медицинские карты в одном из санаториев, где их лечили от неврозов, алкоголизма и других заболеваний. Если же говорить в целом о методиках прикладного психоанализа, то они способны, с одной стороны, производить ретроспективный анализ политических феноменов, а с другой – давать некоторый прогноз развития событий, в которые включены политические лидеры и массы. Данный подход сохраняет свою актуальность, поскольку позволяет понять те глубинные психологические процессы, которые лежат в основе политических, в том числе «революционных» технологий.

Сегодня, как и прежде, психологам редко выпадает возможность непосредственного знакомства с объектом своего научного интереса. Это, конечно, случается в ходе политико-психологического консультирования политиков. Но чем выше позиция, занимаемая политиком, тем более он насторожен в отношении консультантов и тем реже привлекает специалистов. Что касается первых лиц государства, то примеры привлечения политических психологов-консультантов (для решения конкретных политических задач) бывают, но все же, что касается России, это следует рассматривать как исключение из правил.

В случае возможности доступа к политику политический психолог может использовать весь арсенал средств, имеющихся в арсенале общей психологии, психологии личности. В качестве ограничителя выступает дефицит времени у политика, что делает невозможным применение ряда методик, требующих определенного времени для их использования. Кроме того, применение экспресс-методик позволяет не только сэкономить время, но и убедить клиента в эффективности работы консультанта, что нередко является весьма насущной и довольно непростой задачей при работе с политиками.

В большинстве случаев политические психологи для исследования лидеров используют многочисленные **методы дистантного анализа**, позволяющие наблюдать за политиками на расстоянии.

Одним из таких методов является **создание психологического портрета, или профиля политических деятелей**. В отличие от популярных политических биографий, написанных журналистами, психологический портрет создается профессиональным психологом с определенной целью: выявить наиболее существенные индивидуально-психологические свойства, объясняющие логику принятия политиком ключевых решений, что позволяет прогнозировать его поведение и в ситуации консультирования оказывать ему помощь в принятии решения.

Пожалуй, первая попытка составления психологического портрета исторической личности, политика была предпринята в 1905–1907 годах. Тогда известный русский психиатр В.Ф. Чиж опубликовал три работы, в которых на примерах, взятых из русской истории, рассматривал проблемы общего характера: психологию властелина (император Павел I), психологию злодея (временщик А.А. Аракчеев), психологию фанатика (монах Фотий Спасский) [245]. В.Ф. Чиж считал, что изучение истории психиатром имеет нравственное значение, ибо помогает понять взаимосвязь между физическим и душевным состоянием исторического лица и принимаемыми этим лицом политическими решениями и вынести справедливый приговор, отделив болезнь от издержек власти. Сам В.Ф. Чиж предназначал свои работы не столько для врачей, сколько для тех, кто изучает историю и политику или просто интересуется историей и политикой.

Создание психологического портрета, или профиля политических деятелей будет полезным для психологического обеспечения эффективности деятельности политика в ситуации стресса, в ходе подготовки к публичному выступлению, в проведении тренинга или работы по созданию (преобразованию) имиджа политика.

В то же время, бывают случаи, когда знание индивидуально-психологических особенностей политика используется его оппонентами. Наиболее известным из них стал Уотергейтский скандал, когда в ходе предвыборной борьбы сторонниками действующего в то время президента США была предпринята попытка выкрасть из кабинета психоаналитика папки с психологическими данными о сотрудниках оппозиционного кандидата, чтобы впоследствии оказать на них психологическое давление. Поэтому политический психолог обязан соблюдать нормы профессиональной этики, которые призваны защитить интересы клиента, и при этом не навредить третьим лицам, если в про-

цессе работы ему приходится их исследовать. Нередко, публикуя те или иные материалы, касающиеся исследуемых политиков, психолог зашифровывает полученные данные. Однако это не касается данных, которые не были получены в ходе специально заказанного клиентом исследования и на которые клиент не имеет эксклюзивного права.

В политико-психологическом исследовании применяется также **психобиографический метод**, который «пришел» в политическую психологию из психоанализа. Он позволяет посредством анализа биографических вех в жизни политика выявить важнейшие факторы его социализации и объяснить многие неосознаваемые им самим мотивы и поступки в сфере политики. Психобиографический метод особенно важен для анализа столкновений естественных потребностей личности с условиями, долговременно устойчиво препятствующими их нормальному удовлетворению. Для этого следует знать и биологические потребности личности, и ее архетипы, сформировавшиеся в детском возрасте.

Особая роль биографии при психопрогностике поведения личности обусловлена вполне конкретными причинами. Во-первых, биография включает в себя социально-демографические характеристики личности, которые характеризуют ее глубинную сущность. Во-вторых, в биографии как бы кристаллизуются, оседают основные результаты деятельности личности. В то же время результаты деятельности, характер ее протекания является главным, определяющим критерием оценки личности. В-третьих, по биографии можно судить о факторах, условиях, в которых формировалась личность, выявить, насколько достигнутый уровень в развитии личности – результат условий, ее окружающих, а насколько – ее внутренних усилий, устремлений (при понимании известной условности такого деления) [115].

Но, тем не менее, психологический анализ биографии позволяет проанализировать интенсивность устремлений личности, направленность этих устремлений, ее способность преодолевать те или иные трудности и др. Не случайно С.Л. Рубинштейн уделял так много внимания анализу жизненного пути личности, ее биографии. Он отмечал, что сущность человеческой личности находит свое завершающее выражение в том, что она не только развивается как всякий организм, но и имеет свою историю, что человек лишь постольку является личностью, поскольку имеет свою историю, понимая под историей личности ее жизненный путь, биографию.

Психологическое исследование личности в политике предполагает применение **кинесико-проксемического анализа поведения политиков**. Данный метод предполагает анализ внешнего рисунка поведения политика, что позволяет через изучение невербальных сигналов выявить неосознаваемые особенности его личности и устранить коммуникативные барьеры в общении политика и граждан в ситуациях публичных выступлений. Для этого, в частности применяется анализ видеозаписей выступлений политических лидеров.

Политические психологи применяют также качественный и количественный **контент-анализ текстов речей**, интервью и видеозаписей, который позволяет воссоздать «лингвистическую личность» политика. При этом существует распространенная практика использования не только аутентичных текстов политика, например, ответов на вопросы журналистов на пресс-конференциях, где политик редко может пользоваться «домашними заготовками», но и текстов, написанных спичрайтерами. Считается, что, во-первых, первые лица государства сами подбирают спичрайтеров, которые разделяют их взгляды, а во-вторых, политик не может публично произнести текст, с которым он внутренне не согласен. Следовательно, этот текст отражает не только его взгляды, но и структуру личности политика [274].

Следует упомянуть и **метод анализа видеозаписей «кадр за кадром»**, позволяющий исследовать вербальные и невербальные паттерны поведения политика.

Нередко используется **метод экспертных оценок**, который позволяет оценить отдельные качества личности, дать прогноз ее поведения. Примером использования такого метода являются исследования П. Коуверта. В основе этой работы лежит метод Q-сортировки (*Q-sorting*), который основывается на Q-методологии, разработанной В. Стефенсоном. Этот метод позволяет компилировать экспертные оценки индивидуальности тех людей, которые непосредственным образом недоступны. Q-сортировка является строгим и объективным методом сравнения субъективных оценок индивидуальности.

Чрезвычайно эффективно используется в политической психологии **метод анализа конкретных ситуаций** (или метод ситуационного анализа), то, что у нас часто обозначают английским словосочетанием **«case study»**. Данный метод предполагает описание реальных социальных, политических или бизнес-ситуаций, что дает возможность проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблем, предло-

жить возможные решения и выбрать лучшее из них. Кейсы базируются на реальном фактическом материале, или же приближены к реальной ситуации.

Термин «случай» может иметь различные значения, каждое из которых по-своему важно для эмпирического исследования. Например, Орум и соавторы (1991) определили *case study* как глубокое, многомерное исследование многомерного социального явления, использующее качественные методы исследования. Лейпхарт видел *case study* как отдельный случай, который тесно связан со сравнительным методом, который он противопоставляет экспериментальным и статистическим методам. Различные понимания и определения случаев и *case study* создает определенные трудности для систематического анализа значимости и направленности этого метода [80].

Е.Б. Шестопал предлагает понимать «случай» как «явление, или источник данных и в этом смысле не различать ни то, как «случай» определяется в дальнейшем, ни то, как он был получен в исследовании. Случаями могут быть экспериментально полученные измерения, исследуемые характеристики или классификации исторических событий (типа «есть война / нет войны»»). *Case study* она определяет как «метод получения «случаев» через эмпирическую проверку реальных мировых событий в контексте их реального существования, без непосредственного управления как самим явлением, так и его контекстом. Сравнительное *case study* – систематическое сравнение двух или более источников данных («случаев»), полученное через использование метода *case study*.

Постоянное место в политико-психологических исследованиях занимает **эксперимент** (как правило, лабораторный, но применяется и естественный). Так, в результате экспериментального исследования нашли подтверждение важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Д. Канеман и А. Тверски доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска [287]. С. Милгрэм в 1963 г. провел знаменитый эксперимент, в результате которого было обнаружено, что в случае, когда есть некий «научный» авторитет в лице экспериментатора, испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за результаты своих поступков [278].

В исследовании личности политика применяются и **проективные методики**. Например, метод «Незаконченные предложения»

(J.M. Sakss. Sidney, адаптация Г.Г. Румянцева), цветовой тест предпочтений М. Люшера, методика чернильных пятен Г. Роршаха, тематический апперцептивный тест (ТАТ) и т.д.

Широко используются **личностные опросники** типа ММРІ, многофакторный тест Р. Кеттелла и др. При изучении профессиональных политиков, и особенно политических лидеров, многое зависит от терпимости самого политика к исследованию, от его мотивации, от его согласия на психодиагностические процедуры, требующие достаточного количества времени и внимания. При наличии адекватного отношения политиков к исследованию, важную роль играют интервью и беседы с ними.

При изучении общественного мнения, позволяющем выявить, например, формирование образа власти в процессе ее восприятия гражданами страны (региона) весьма эффективными могут быть, так называемые «глубинные интервью». Наряду с анкетным опросом они позволяют более глубоко изучить связь наличных психологических представлений и взглядов опрошенных на власть с тем опытом социализации, который они приобрели в детстве [251].

В политико-психологическом исследовании личности политика новые возможности представляет **информация, опубликованная в сети Интернет**. Сюда можно отнести, материалы, выложенные политиком в своем блоге, онлайн-дневники, аккаунт в инстаграме, в социальных сетях и пр. В Инстаграме, например, по выложенным фотографиям можно сделать психологический анализ взглядов и предпочтений, ценностных ориентаций, вкусов того или иного политика. Не меньший интерес для политического психолога составляют отзывы, комментарии пользователей, подписчиков (фолловеров) на ту или иную информацию, выложенную в сеть политиком. Широкий резонанс получил случай, когда глава Чеченкой Республики Р. Кадыров опубликовал в Инстаграме фотографию Б. Ибрагимова, осужденного за убийство болельщика футбольного клуба «Спартак» Юрия Волкова. Это вызывало бурю негодования читателей, которые отзывались комментариями далеко не лестными для Р. Кадырова. В ответ последний обиделся, заявил, что комментарии подписчиков «одна пустая болтовня» и добавил, что ему следует удалить свой аккаунт и работать, не интересуясь мнениями читателей по тому или иному вопросу. Ответная реакция читателей – возмущение, вызванное нежеланием политика учитывать мнение своих сограждан.

При исследовании политической психологии малых групп большую роль играют различные варианты **социометрического метода Дж. Морено**. Основанный на косвенном опросе предпочтений членов группы по отношению друг к другу, этот метод позволяет выявить неформальную структуру группы, определить ее лидеров, ведомых и аутсайдеров (отверженных). Особенно эффективны социометрические опросы для выявления структуры партийных групп политических партий. Многолетние социометрические исследования позволили выявить несколько базовых законов, особенно отличающих функционирование политических групп [154].

Во-первых, это так называемый социогенетический закон: высшие формы организации групп вытекают из простейших. Хотите понять политическую психологию всей партии – изучайте ее первичную организацию, хотите понять политическую психологию общества – исследуйте особенности образующих его малых групп.

Во-вторых, социодинамический закон: в любой группе привязанности распределены неравномерно. То есть всегда есть лидеры и ведомые, а также, по выражению самого Дж. Морено, «социометрический пролетариат» – «отверженные» или «партии».

В-третьих, закон социальной гравитации: сплоченность индивидов в группе прямо пропорциональна их влечению, притяжению или отталкиванию по отношению друг к другу, и обратно пропорциональна пространственной дистанции между ними (при условии, что возможности для общения константны).

Одно время социометрия была настолько популярна в социальной психологии, что ее автор Дж. Морено предложил «простой способ» решения всех социально-политических проблем. Для этого, по его мнению, необходимо всего лишь переформировать малые группы в пределах страны или даже всего человечества так, чтобы во вновь сформированные группы входили только те люди, которых тянет друг к другу. «Социометрическая революция Дж. Морено придет на смену пролетарской революции Маркса!», резюмировал автор этой утопической идеи. Однако при всем утопизме таких глобальных проектов, социометрия продолжает играть полезную роль в конкретных исследованиях.

Другим методом, позволяющим исследовать психологию малых групп, обладающих актуализированными политическими ценностями, является **метод построения их семантического пространства**.

В.Ф. Петренко проанализировал политические штампы и клише в лексике российских партий постсоветского периода. Полученные данные позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов. Не менее интересно применение того же метода и при исследовании этнических стереотипов. Методика, используемая В.Ф. Петренко, восходит к методам семантического дифференциала Ч. Осгуда и теории личностных конструктов Дж. Келли, но творчески переработана автором. Одна из типовых процедур использования инструментария психосемантики – оценка респондентами анализируемых объектов по градуальным шкалам с последующим уменьшением размерности исходного пространства описания с помощью факторного анализа, а затем представление выделенных структур в форме геометрического пространства. При этом количество выделенных факторов отражает когнитивную сложность респондентов в осознании данного смыслового поля; содержание и сложность выделяемых факторов отражают присущие респонденту формы категоризации и их субъективную значимость [166; 167; 168].

При исследовании политической психологии больших социальных групп, широко используются наблюдение и различные варианты социологического опроса.

Наблюдение может быть кратко-, средне- и долговременным. Последнее, как правило, ведется большими исследовательскими группами и требует значительных усилий по сбору данных и созданию единой системы индикаторов, подлежащих фиксации в ходе наблюдения. В США, например, таким образом было изучено целое поколение людей на всех фазах его существования, от рождения и социализации до пенсионного возраста. Исследователь, ведущий наблюдение, изучает интересующую его ситуацию и может непосредственно участвовать в ней.

Метод включенного наблюдения позволяет внутри исследовать процесс зарождения и развития политического конфликта, эволюцию массового движения, деятельность политической партии и др. Например, для исследования ценностных ориентаций советских рабочих 1960-х годов отечественный социолог В.Б. Ольшанский работал некоторое время слесарем на одном из московских заводов. Его коллега И.Т. Левыткин, проживая в деревне, методом включенного наблюдения изучал психологию советского колхозного крестьянства того же периода. Американский психолог Т. Лири, войдя в доверие к членам банды уличных хулиганов – тинэйджеров, в 1970-х годах

изучал психологические ориентации популярного тогда молодежного движения хиппи.

Социологические опросы и анкетирование, проводимые на репрезентативной выборке, в различных масштабах, дают полезную информацию, которая поддается политико-психологической интерпретации при условии правильного составления опросников, анкет. Исследования такого рода особенно полезны в ходе избирательных кампаний различных уровней. Они дают возможность оценить ход кампании и эффективность усилий кандидатов, а также прогнозировать возможные результаты.

Широкое распространение социологические опросы и анкетирование получили в 1930-х годах. Тогда Дж. Гэллап провел первый предвыборный зондаж политической ситуации. Сегодня широко используются обе главные группы опросных методов: интервью (предполагающее прямой контакт исследователя с респондентом) и массовые анкетные опросы (не обязательно предполагающие такой контакт – типа почтовых опросов, опросов через Интернет, Online-опросы, публикации анкет в средствах массовой информации и т.п.). Как уже отмечалось, это имеет значение, как для практики, так и для теории. Анализ факторов, влияющих на решение избирателя, изучение зависимости между социологическими характеристиками избирателя (возраст, образование, пол, профессия, уровень дохода и т.п.) и его декларируемым поведением на выборах дает очень важную политико-психологическую информацию.

Широко распространены среди политических психологов так называемые **фокусированные интервью**, образующие метод фокус-групп. Вместо того чтобы проводить массовые опросы, вовлекая в них тысячи респондентов, собирается несколько небольших групп численностью, как правило, от 7 до 10 человек – типичных представителей различных слоев общества, с которыми в течение нескольких часов фокусировано обсуждаются интересующие исследователя вопросы. Это дает в дополнение к количественным социологическим данным и необходимый качественный материал.

Новые возможности для политической психологии открыл **метод анализа статистической информации**. Располагая соответствующими техникой и методами анализа, из статистических данных можно извлечь немало полезных данных, выявить закономерности и тенденции, подтвердить те или иные политико-психологические гипотезы. Достоинство данного метода в том, что он позволяет абстрагироваться от ограничений пространства и времени.

Еще одним методом политической психологии является **изучение документов**. Он включает анализ официальных материалов, стенограмм заседаний парламента, правительства, программ партий, отчетов об официальных переговорах, а также личных документов, дневников, мемуаров, писем. Сюда же можно отнести материалы, опубликованные в блоге того или иного политика, онлайн-дневники и т.п.

Следует упомянуть о методах политико-психологического исследования, указанных в Этическом кодексе политического психолога. Как видно, многие из них дублируют методы, указанные выше. О каких методах идет речь?

1. Психолого-социологическое индивидуальное и массовое интервьюирование людей, осуществлявших политическую деятельность или являющихся ее субъектами и объектами.

2. Исследование влияния психологических особенностей людей а) проектирующих властные действия, б) их осуществляющих и в) повинующихся структурам власти – на эффективность и адекватность политики.

3. Психологическое изучение продуктов политической деятельности человека, регистрируемых в форме его выступлений в средствах массовой информации, экономических, военных, административных действий.

4. Включенное наблюдение, осуществляемое в процессе сотрудничества с людьми участвующими в политической деятельности.

5. Психологическое моделирование типичных ситуаций политической деятельности в процессе подготовки участников, политических событий к их планированию и осуществлению.

6. Психологическое экспериментирование в области исследования, проектирования, осуществления перспективной политики и ее психолого-политических последствий.

Все перечисленные методы требуют для своего применения не только профессионализма в исполнении и соответствующей профессиональной этики, но и навыков в интерпретации полученных результатов, которые складываются не только из собственно психологических методик, но и из умения соединять их с анализом политического контекста, в котором действует политик и который придает соответствующий смысл его поступкам. К сожалению, есть немало примеров того, как профессиональные психологи, не имевшие опыта работы с политиками, терпели неудачу в установлении контакта с клиентом в конкретной политической ситуации, которую они плохо понимали.

Отсюда можно сделать вывод, что для эффективной работы политическому психологу недостаточно только владеть собственно психологическими методами. Ему необходимо грамотно анализировать политический контекст, знать расклад политических сил как в ситуации в целом, так и в ближайшем окружении политика.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. В чем отличие понимания политики с точки зрения политологии и политической психологии? Насколько обосновано утверждение о том, что политическая психология это наука, а не отрасль психологии или раздел социальной психологии?

2. В чем заключается специфическая особенность психологических взглядов на природу и происхождение политики в отличие от взглядов социологических, политологических, антропологических, теологических?

3. В чем заключается проблема объекта и предмета политической психологии?

4. Какие направления (или направление) мировой психологической науки оказали, на Ваш взгляд, наиболее существенное влияние на становление и развитие политической психологии?

5. Каковы объекты политической психологии в сфере внутренней и внешней политики?

6. Насколько, по-вашему, обосновано понимание политики как деятельности?

7. Каковы базовые подходы к изучению политики как деятельности?

8. В чем заключаются функции политической психологии?

9. Почему, как вы полагаете, к проблемам политической психологии больше обращаются философы, социологи, а не психологи? Не препятствует ли такая тенденция развитию политической психологии как самостоятельной отрасли психологического знания?

10. Каковы этические принципы профессиональной деятельности политического психолога?

11. В чем вы видите методологические проблемы политической психологии?

12. Можно ли утверждать, что политическая психология обладает собственными эмпирическими методами исследования политико-психологических процессов и явлений?

Глава 2.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Первые формы научного политико-психологического
знания: от Античности – до Нового времени.*

Развитие политико-психологических подходов в XIX – XX веках.

Истоки политической психологии в России.

Современное состояние политической психологии.

Никак не могу отыскать в музеях
череп гома политикуса.
Говорят, сохранились только осколки.

Станислав Ежи Лец

2.1. Первые формы научного политико-психологического знания

Политико-психологические идеи получили широкое распространение задолго до оформления политической психологии в самостоятельную науку. Более того, в ранней истории человечества проблемы субъективного фактора были даже более значимы, чем теперь – просто в силу меньшей развитости фактора объективного.

Великие ораторы Древней Греции первыми открыли механизмы воздействия на разные типы народов. Демосфен (ок. 384 – 322 гг. до н.э.), например, различал два типа масс. Во-первых, массы, «податливые эмоциям». С ними, считал Демосфен, необходимо использовать механизмы заражения с тем, чтобы вызвать у этих людей эффект подражания выступающему перед ними политику. Такие массы, как правило, некритически воспринимают то, что говорит оратор. Во-вторых, массы «податливые разуму». С ними политик должен строить общение принципиально иначе. В частности, политик обязан использовать в общении с массами механизмы логической аргументации, чтобы пробудить присущую людям способность к самостоятельному размышле-

---

нию и направить его в нужное оратору (политику) русло. Демосфен утверждал, что «афиняне привыкли думать и судить самостоятельно, и потому с ними обращения к чувствам бесперспективны» [65].

Стремление убедить рождало страстный пафос речей Демосфена. По преданию, даже Филипп II, против которого Демосфен произнес восемь речей, признавался, что если бы слушал речи Демосфена, то обязательно голосовал бы за войну против себя. Признание красноречия Демосфена было столь высоким, что современники и последующие поколения древних греков называли его просто Оратором [66].

Платон (428–347 г. до н.э.), придерживавшийся «аристократической» (элитарной) политической традиции, открыто подчеркивал превосходство определенных типов людей, и их роли в политическом процессе. Он считал, например, что идеальный тип властителя – это «философ» на троне. По его взглядам, лишь некоторые люди могут быть подлинными правителями. Другие (но тоже далеко не все) могут быть, скажем, «воинами». Большинство же населения вообще не способно к политической жизни [118].

Аристотель (384–322 г. до н.э.) был одним из первых мыслителей, кто попытался подойти к анализу проблемы власти и подчинения на примере понимания природы массовых беспорядков, направленных на свержение власти. Он связывал психологическое состояние масс с «политическими смутами и междоусобными войнами». Анализируя массовые выступления против властей, он писал: «Во-первых, нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, во-вторых, цель, к которой они при этом стремятся, и, в-третьих, чем собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри» [11].

Как видно, уже тогда возникла необходимость в анализе изменений в массовой психологии, в частности, динамики перехода от послушного состояния – к бунтарскому.

Несмотря на то, что в Древней Греции практика была важнее науки, тем не менее, она дала много примеров уже почти теоретической политической психологии. И пусть уровень этого анализа далек от современных взглядов, важно то, что уже в Античный период политико-психологические проблемы активно волновали мыслителей.

В Древнем Риме появились более развернутые исследования в области политической психологии. В жизнеописаниях Плутарха (ок. 45 – ок. 127) и сочинениях Светония (ок. 70 – ок. 140) рассматриваются феномен лидерства и психология лидера. По сути это было

началом того, что при дальнейшем развитии политической психологии уже в XX веке стало называться методом психобиографии. Например, в жизнеописании Гая Юлия Цезаря Плутарх пишет: «Цезарь же, едва возвратившись из провинции, стал готовиться к соисканию консульской должности. Он видел, что Красс и Помпей снова не ладят друг с другом и не хотел просьбами, обращенными к одному, сделать себя врагом другого, а вместе с тем не надеялся на успех без поддержки обоих. Тогда он занялся их примирением, постоянно внушая им, что вредя друг другу, они лишь усиливают Цицеронов, Катуллов и Катонов, влияние которых обратится в ничто, если они, Красс и Помпей, соединившись в дружеский союз, будут править совместными силами и по единому плану. Убедив и примирив их Цезарь составил и слил из всех троих непреоборимую силу, лишившую власти и сенат, и народ, причем повел дело так, что те двое не стали сильнее один через другого, но сам он через них приобрел силу и вскоре при поддержке того и другого блистательно прошел в консулы».

Плутарх, таким образом, дает нам абсолютно конкретную психологическую модель поведения Цезаря как политика-манипулятора. Он раскрывает его мотивацию и демонстрирует его политико-психологическую стратегию на пути к достижению власти [175].

Древнеримский политик и философ, блестящий оратор Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) опубликовал множество речей и трактатов по риторике, политике и философии, по которым учились многие поколения юристов и политиков. Обращаясь к «политическим ораторам» и всем тем, кто стремился овладеть ораторским искусством, Цицерон настаивал на необходимости отношения к речи, как средству привлечения внимания, возбуждения страсти, внушения судьям (если речь идет об их убеждении в правоте выступающего в суде оратора) ненависти или любви, неприязни или сочувствия, надежды или отвращения, печали или радости, жалости или мести и иных, подобным им чувств. «Когда я берусь в сомнительном и тяжелом деле прощупывать настроение судей, то все свои силы ума и мысли я обращаю на то, чтобы как можно тоньше разнюхать, что ни чувствуют, что думают, чего ждут, чего хотят и к чему их легче всего будет склонить», – говорил Цицерон. И далее: «...надо вызвать речью в душе у судей или каких бы то ни было наших слушателей такие чувства, как любовь, ненависть, гнев, озлобление, сострадание, надежда, радость, страх, досада». Эти наставления и сегодня остаются ценны-

ми для политиков, стремящихся посредством своих речей воздействовать на мысли, чувства и настроения своих слушателей [243].

Политики Древнего Рима (Цицерон, Красс, Гай Сцевола, Гальба Сульпиций и др.) значительно продвинули прикладную политическую психологию в части ораторского искусства. Именно они начали разрабатывать теоретические и методологические основы политико-психологической науки.

В эпоху Возрождения появляется выдающееся произведение «Государь» – труд Н. Макиавелли (1469–1527), первого в истории полноправного политолога и политического психолога [154], первого политолога-эмпирика в современном смысле этого слова [63]. Эта книга – образец политико-психологического анализа проблем политического лидерства и, одновременно, эффективное руководство по политическому искусству управления людьми.

Н. Макиавелли исполнял должность второго канцлера в правительстве Флорентийской республики, был послом при дворах разных европейских правителей. Обосновывая роль государства, он утверждал, что правитель не может обеспечить власть и порядок, если он будет честно вести политическую игру. Чтобы удержать власть государь обязан подавить человеческий эгоизм во имя всеобщего блага и порядка. Такое подавление требует от политика не только применения грубой силы, но и изворотливости ума, хитрости и даже вероломства в борьбе за власть и ее упрочение. Автор «Государя» излагает собственные поучения, которые, как он считал, позволяют политику добиться успеха. Порой эти наставления глубоко циничны. Широко известны слова Н. Макиавелли о том, что мудрый правитель государства обязан «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла».

Относительно природы людей Н. Макиавелли был не особенно высокого мнения. «О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива». Люди по своей природе иррациональны и эгоистичны, и поэтому, как утверждал Н. Макиавелли, для достижения целей их, то есть общественного благополучия, не может быть и речи о выборе средств: цель оправдывает любые средства. Н. Макиавелли был сыном своего времени и достойным учеником отцов-иезуитов. «Цель оправдывает средства» – этот известный девиз основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы стал общепризнанным

для политиков той эпохи. Н. Макиавелли так развивал этот принцип: «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Иначе говоря, правитель должен сочетать в своей личности и в своих действиях качества льва, способного расправиться с любым из врагов, и лисицы, способной провести самого изощренного мудреца». Такое политическое вероломство давно получило название *макиавеллизма*. А образы «льва» и «лисы» не просто стали нарицательными в практической и теоретической политической психологии, они не потеряли своей актуальности и сегодня, находя применение в практической политике и в политической имиджологии.

Однако при всем иезуитском цинизме своих наставлений, Н. Макиавелли не забывал все же и простых людей – подданных государя, причем не только «зажиточных граждан». Он учитывал и интересы народных масс. Более того, он пришел к выводу, что «народ» часто оказывается мудрее и надежнее главы государства. Поэтому-то Н. Макиавелли и пишет: «Государь должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспее, то свое дело он сделал, и прочие пороки не представляют для него никакой опасности» [126].

Пафос книги Н. Макиавелли, по мнению П.С. Гуревича, в том, чтобы научить политика быть искусным. Ему надлежит проявлять гибкость, постоянно соотноситься с переменами в жизни. Да, государю следует прибегать к жестокости. Но она бывает разной. Прав только тот государь, который использует эту жестокость в интересах государства, да и то один раз, когда она соответствует государственным интересам. Насилие, по Н. Макиавелли, призвано исправлять, а не разрушать. Рецепты, предлагавшиеся Н. Макиавелли, и его поведение часто считали безнравственными. В действительности он пытался предельно ясно изложить те принципы и правила государственного правления, которыми пользовались всегда, когда вставал вопрос о захвате или удержании власти. Цель Н. Макиавелли состояла в том, чтобы воспитать сильную, волевою политическую личность, обязанную понимать ту опасность, в которую она погружает свою душу.

Свой вклад в развитие политической психологии внесла и эпоха Просвещения, которая вообще отличается расцветом научной мысли. В центре внимания мыслителей того времени оказалась пси-

хология не только отдельных индивидов, пусть даже лидеров, но и определенных социально-политических общностей – прежде всего национально-этнических.

Основатель философии истории и психологии народов, итальянский философ Джамбаттиста Вико (1668–1744) отмечал: «Нации проходят ... через три вида природы, из которых вытекают три вида нравов три вида естественного права народов, а соответственно этим трем видам права устанавливаются три вида гражданского состояния, то есть государств». Иначе говоря, государство соответствует природе управляемых граждан, и нельзя изучать политику в отрыве от их психологии. Относительно же самой человеческой природы Д. Вико писал, что она «разумная, умеренная, благосклонная и рассудочная... и признает в качестве законов совесть, разум и долг» [40].

Совершенно иной точки зрения придерживался английский философ Томас Гоббс (1588–1679). Он не отличался гуманным мнением о человеке и считал, например, что человек – это животное с живыми страстями и страхами. «Основная страсть человека, – пишет Т. Гоббс, – стремление к власти ради достижения основных удовольствий». Главный конфликт человеческой природы, по Т. Гоббсу, это конфликт между естественным для человека стремлением к славе и его же естественным страхом [53].

Основатель эмпирической психологии Джон Локк (1632–1704) считал, что человек по природе своей существо свободное, независимое и разумное. Именно по этой причине любой человек, в принципе, «равен великим и неподвластен никому», так как подчиняется только законам природы и в состоянии построить справедливое общество». Справедливое общество, согласно Дж. Локку, можно построить на основе некоего особого «общественного договора», заключаемого между представителями разных человеческих общностей. «Общественный договор», по Дж. Локку, и есть своего рода отражение разумного ответа человечества на необходимость [117].

Теория «общественного договора» была весьма популярной, однако не нашла отражения в реальной жизни. По мнению Д.В. Ольшанского, только в XX веке она в некотором роде нашла реальное практическое политическое отражение. В частности, в «Пакте Монклоа», заключенном в Испании между представителями разных политических сил после смерти Франко. Этот пакт, действующий до сих пор, определил нормы социально-политической жизни и перспективы

развития общества в кризисной ситуации смены политического режима. Данный пример вполне может служить неплохой иллюстрацией прогностической роли политической психологии.

Не менее оптимистический взгляд на природу человеку был присущ Жан-Жаку Руссо (1712–1778) – одному из крупнейших мыслителей эпохи Просвещения. Выдающийся философ и писатель считал, что практически все люди в большей или меньшей степени «обладают внутренним принципом справедливости и добродетели». А такое психологическое качество, как «совесть является основным божественным инстинктом человека». Как отмечал Ж.-Ж. Руссо, «люди рождаются свободными, но везде в цепях». Имелось в виду, что люди рождаются в цепях коррумпированного общества, но по самой своей природе стремятся к свободе. «Как только человек становится социальным и (следовательно) рабом, он превращается в слабое, робкое и раболепное существо», хотя в потенциале естественного человека имелись общественные добродетели» [205].

Другой французский писатель и философ эпохи Просвещения Шарль Монтескье (1689–1755), анализируя развитие политических институтов и процессов в «смутное» время, пришел к пониманию важнейшей роли массовой психологии и ее влияния на политические процессы в обществе. В отличие от многих своих предшественников, он попытался уже не только дать описание различных явлений массовой политико-психологической природы, но и указывал на наличие у них тех или иных конкретных психологических причин. С исторической точки зрения, например, представляет интерес следующее описание человека в толпе.

«Я вижу, что в трудные времена всегда возникает брожение, которым никто не предводительствует, и что когда насильственная верховная власть бывает сметена, ни у кого уже не оказывается достаточно авторитета, чтобы восстановить ее; что само сознание безнаказанности толпы укрепляет и увеличивает беспорядок; что в таких государствах никогда не бывает мелких бунтов, а ропот недовольства сразу переходит в восстание; что великие события во все не подготовляются там великими причинами, а, напротив, малейший случай вызывает великий переворот. ... Когда был свергнут с престола турецкий император Осман, никто из участников этого мятежа и не думал свергать его: государя только молили исправить какую-то несправедливость, но чей-то навсегда оставшийся неиз-

вестным голос раздался из толпы, имя Мустафы было произнесено и Мустафа вдруг стал императором». Обращает на себя внимание то, насколько точно и заблаговременно Ш.Л. Монтескье сумел предвидеть те особенности и конкретные политико-психологические характеристики массового поведения (в частности поведения толпы), которые стали явственными гораздо позднее – практически, уже совсем в иную историческую эпоху [143].

Эпоха Просвещения, таким образом, значительно продвинула понимание не только общих, но также конкретных психологических факторов в политических процессах. По сути, в то время зародился жанр книжного описания наблюдений и размышлений такого рода. Именно эпоха Просвещения заложила философско-методологические основы тех уже вполне конкретных направлений политической психологии, которые в дальнейшем получили свое дальнейшее развитие.

2.2. Развитие политико-психологических подходов

В XIX веке историки, философы обратили внимание на совершенно новые для социально-политической жизни явления. Наряду с монархами, президентами, другими представителями политической элиты все более заметную роль стали играть массы. С другой стороны, предметом не меньшего интереса исследователей стала психология политических режимов. Однако потребовалось время, чтобы осмыслить с научных позиций те исторические потрясения, которыми изобилвала политическая жизнь Европы после Великой Французской революции. Эту задачу решали такие мыслители как Г. Тард, С. Сигеле, Г. Лебон, и др.

Французский социолог и криминалист Габриэль Тард (1843-1904) изучал толпу как «нечто неодушевленное (звериное)», приписывая ей такие черты, как «чрезмерная нетерпимость, ...ощущение своего всемогущества и взаимообусловленность людей, находящихся в толпе». В книге «Законы подражания» (1893), исходя из логического анализа различных форм социального взаимодействия, Г. Тард доказывал, что их основу составляет ассимиляция индивидом установок, верований, чувств других людей. Внушенные извне мысли и эмоции определяют характер душевной деятельности как в состоянии сна, так и при бодрствовании. Это позволяет отличать социальное от физиологического, указывал Г. Тард в другой книге «Социальная логика» (1895). Все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере

(ходить, есть, кричать), относится к разряду физиологического, а обладать какой-либо походкой, петь арии, предпочитать определенные блюда – все это социально. В обществе подражательность имеет такое же значение, как наследственность в биологии и молекулярное движение в физике. Как результат сложной комбинации причин возникают «изобретения», которые распространяются в людских массах под действием закона подражания.

Г. Тард различал два основных типа толпы, встречающихся в политике: толпа «внимательная и ожидающая» и толпа «действующая и выражающая определенные требования». Несколько преувеличивая, в соответствии с распространенными в то время психологическими взглядами, роль «массовых инстинктов», Г. Тард как бы «демонизировал» толпу и, прежде всего, через эти «зверино-демонические» свойства, определяющие массовое поведение, пытался понять роль психологического знания в политике вообще. Говоря современным языком, по сути это была редуccionистская позиция сведения сложного к слишком простому, даже примитивному. Именно поэтому имя Г. Тарда, хотя и упоминается среди основателей политической психологии, тем не менее, многие его взгляды утрачивают свою теоретическую и практическую значимость [223; 224].

Имя Сципиона Сигеле (1868–1913) известно практически всем социальным и политическим психологам, несмотря на то, что конкретные его работы, отличающиеся весьма любопытными взглядами, фактически неизвестны никому. Так, например С. Сигеле считал что «интеллектуальная вульгарность и нравственная посредственность массы могут трансформироваться в мысли и чувства». Он утверждал, что в толпе все политико-психологические процессы подчинены в первую очередь «влиянию количества людей, которое будоражит страсти и заставляет индивида подражать своему соседу». Он знал и совершенно конкретные вещи – что, например, если «оратор попытается успокоить толпу результат будет противоположным – те, кто удалены, не услышат слов, они увидят только жесты, а крик, жест, действие не могут быть интерпретированы правильно». Следовательно, рационально и целенаправленно контролировать поведение толпы невозможно, делал вывод С. Сигеле. В политике, заключал он, «с ней приходится просто мириться» [207].

Совершенно особое место в истории политической психологии заслужил французский психолог, историк, социолог Гюстав Лебон

(1841–1931). Его вполне можно считать основоположником совершенно особенного и самостоятельного жанра: политико-психологического анализа политических режимов и течений политической мысли, жанра, который с течением времени, к сожалению, оказался забытым [154].

С его точки зрения, главной чертой наступающей эпохи (имелся в виду XX век), станет замена сознательной деятельности индивидов бессознательной властью толпы. Причину подобного торжества «массы» над личностью Г. Лебон видел в господстве в обществе определенных идей, а именно идеи социализма. Продолжая линию психологизма в анализе проблемы личности и общества, он считал причиной социальной динамики постоянную смену идей: будучи исходно интеллектуальным и духовным достоянием одного человека, определенная идея «путем заражения» проникает в «душу массы», находя все больше и больше приверженцев. Поэтому на судьбу народов влияют не революции и войны, а перемены в основных идеях», сама идея при этом неминуемо упрощается, почти теряя свое исходное интеллектуальное своеобразие, превращаясь в догмат, то есть в абсолютную истину на эмоциональной основе. Такая иррациональная заразительность социалистических идей, представляющих собой скорее «умственное настроение», чем ясную и логическую теорию, может увлечь массы на восстание против прежнего строя, однако не способна удержать их своей конструктивно-созидательной силой [108].

Такие порывы, которые приводят к восстаниям толпы, иссякают по мере осуществления деструктивных действий, и тогда верх начинает брать консервативно-охранительная сущность массовой психологии. Любой разрушительный, ниспровергающий порыв рано или поздно оборачивается тягой к реставрации хотя бы части того, что было недавно разрушено. Л.Д. Троцкий подтвердил правоту этой мысли Г. Лебона, когда писал: «Было бы неправильным игнорировать тот факт, что пролетариат сейчас гораздо менее восприимчив к революционным перспективам и широким обобщениям, чем во время октябрьского переворота, и в первые годы после него. Революционная партия не может пассивно равняться ко всякой смене массовых настроений. Но она не может также и игнорировать перемену, поскольку эта последняя вызвана причинами глубокого исторического порядка» [228].

Объясняя эмоциональную заразительность социалистических идей, Г. Лебон подчеркивал, что социализм представляет собой

особую разновидность вероучения. Любое вероучение имеет своих «апостолов» – соответственно, Г. Лебон рисует и обобщенные политико-психологические портреты вождей социализма. Из таких «вождей» в случае прихода социалистов к власти, образуются новые правящие касты, прикрывающиеся понятием «демократия». Г. Лебон жестко анализирует природу и следствия демократии. «На самом же деле демократический режим создает социальные неравенства в большей степени, чем какой либо другой... Демократические учреждения особенно выгодны для избранников всякого рода, и вот почему эти последние должны защищать свои учреждения, предпочитая их всякому другому режиму. ...демократия создает касты точно также, как и аристократия. Единственная разница состоит в том, что в демократии эти касты не представляются замкнутыми. Каждый может туда войти или думать, что он может войти. Демократические учреждения благоприятны лишь для групп избранников, которым остается лишь поздравить себя с тем, что эти учреждения с такою легкостью все забирают в свои руки» [по:154].

Г. Лебон представил, по сути, первый и практически единственный опыт политико-психологического анализа таких феноменов, как политический режим, способ организации политической жизни, избирательное право и др. [109].

В XX веке значительное влияние на развитие политической психологии оказало психоаналитическое учение Зигмунда Фрейда (1856–1939) и его последователей.

Под влиянием взглядов Г. Лебона, а также других его современников на психологию массы, З. Фрейд подошел к проблеме политического поведения личности и группы с точки зрения психоанализа. Как известно, в его учении центральное значение имеют глубинные, неосознаваемые проявления человеческой психики. Первостепенная роль отводилась внутриспсихологическому конфликту между базовыми компонентами структуры личности человека – ИД, ЭГО и СУПЕР-ЭГО. По мнению З. Фрейда, большинство действий людей является результатом борьбы бессознательных инстинктивных побуждений.

Во всех сферах жизни, в том числе и политической, феномен массы З. Фрейд рассматривал как «состояние регресса к примитивной душевной деятельности, когда в человеке внезапно просыпаются определенные психологические характеристики, свойственные когда-то древним людям... Человек в толпе оказывается как бы в состоянии гипноза,

а именно в гипнозе из глубин его психики вылезает тот самый первобытный ИД, уже не сдерживаемый сознательным контролем СУПЕР-ЭГО и не удерживаемый хрупким, балансирующим между ними ЭГО. В этих случаях происходит исчезновение сознательной обособленной личности, развивается переориентация мыслей и чувств в чужое, но одинаковое с другими людьми направление, возникает преобладание аффективности и других проявлений бессознательной душевной сферы, что в итоге формирует сильнейшую склонность к немедленному выполнению внезапных намерений» [235].

Обращаясь к массовой психологии, З. Фрейд, подчеркивает, что во всех типах масс в качестве связующего звена выступает «коллективное либидо», имеющее в качестве своей опоры либидо индивидуальное, в основе которого лежит не что иное, как сексуальная энергия человека. В качестве примера З. Фрейд рассматривал две искусственные высокоорганизованные массы – церковь и армию. В каждой из этих структур отчетливо проявляется «фактор либидо»: любовь к Христу в первом случае, и любовь к военачальнику – во втором. «В искусственных массах, – пишет З. Фрейд, – человек либидозно связан, с одной стороны, с вождем..., а с другой стороны – с другими массовыми индивидами», которые «сделали своим идеальным Я один и тот же субъект и вследствие этого, в своем Я между собой идентифицировавшихся». И далее: «Если порывается связь с вождем, порываются и взаимные связи между массовыми индивидами, масса рассыпается». В результате общая идеализация лидера приводит к одинаковой самоидентификации членов массы и аналогичной идентификации себя с другими индивидами. «Вождь массы – ее праотец, к которому все преисполнены страхом». Масса хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета. ...Вождь – гипнотизер: применяя свои методы, он будит у субъекта часть его архаического наследия, которое проявлялось и по отношению к родителям – отношение человека первобытной орды – к праотцу» [235].

В работе «Недовольство культурой» З. Фрейд указывал, что цели индивида и общества в принципе никогда не совпадают. Целью Эроса (одного из базовых понятий начал в человеке, благодаря которому, по З. Фрейду, и развивается цивилизация) является «соединение единичных человеческих индивидов, а потом семьи, расы, народы, нации соединяются в одно великое единство человечества, в котором либидиальные отношения соединяют, объединяют людей».

Однако в человеке, как полагал З. Фрейд, есть и другое начало – Танатос (инстинкт смерти). Это означает, что природная деструктивность, агрессивность и враждебность индивидов противостоят возникновению цивилизации и культурному развитию общества, влекут за собой дезинтеграцию, поскольку «инстинктивные страсти сильнее рациональных интересов». «Человеческие агрессивные инстинкты – производные основного смертельного инстинкта». С Танатосом в меру своих сил, борется Эрос. Для прогресса цивилизации требуется, чтобы общество контролировало, а если необходимо, то и репрессировало инстинктивные инстинкты человека, интернализуя их в форме СУПЕР-ЭГО и направляя их на ЭГО [270]. Разумеется, это не проходит для человека бесследно, вызывая деструктивные проявления его психики.

З. Фрейд был убежден, что деструктивность человека по отношению к себе и другим людям проявляется через садизм и мазохизм, так как и то и другое, в конечном счете, – лишь альтернативные проявления одной и той же деструктивной мотивации. Интернализация внешних запретов ведет к возникновению неврозов (подавленные сексуальные инстинкты) и чувства вины (подавленные агрессивные инстинкты). Это – плата человечества за цивилизацию. И эта плата проявляется, прежде всего, в политике. Поэтому отец психоанализа в свое время отказал А. Эйнштейну в просьбе подписать с другими известными учеными письмо к Гитлеру не развязывать войну, мотивируя это тем, что агрессивность – природное инстинктивное проявление человека. Какой смысл призывать к тому, что противоречит природе?

Нельзя не упомянуть еще два момента во вкладе З. Фрейда в политическую психологию. Во-первых, основание им нового жанра – психобиографии (на примере детального психоаналитического исследования жизни президента США В. Вильсона, о чем говорилось выше). И второе – психоанализ заложил основы для жанра психоистории, – направления, стремящегося с той поры использовать психоаналитические модели для описания динамики исторических процессов. Психоисторические исследования в основном фокусируются на отдельных индивидах и принимают форму психобиографий, однако иногда это нечто более широкое – типа «биографий эпохи» [154]. С одной стороны психоанализ оказался вполне совместимым с реальной историей, так как их общей основой является поиск уникального в каждом явлении. С другой стороны, как это ни странно, они ока-

зались несовместимыми, так как психоанализ сам по себе содержит слишком сильный «прескриптивный компонент», который может частично исказить доводы историка, в то время как целью истории является лишь описание минувших событий.

Однако, несмотря на попытки учесть роль «человеческого фактора», психоаналитическая трактовка истории нередко приводит к искажению прошедшей реальности, к ее схематизации, упрощению. В таких случаях происходит либо сведение мотивов политического поведения индивида к одной единственной причине и модели (типа Эдипова комплекса) – тогда это будет явный редуccionизм внутри психоисторической модели. Либо это будет превращение всей истории в психоисторию.

Дальнейшее развитие психоанализа связано с именами ближайших учеников и последователей З. Фрейда, среди которых особое место принадлежит Альфреду Адлеру (1870–1937). Он считал, что в политику идут люди для «гиперкомпенсации каких-то своих комплексов». Вначале это был «комплекс неполноценности», который и обеспечивал политику энергетику, необходимую для воздействия на других людей, затем – «комплекс различий» с другими людьми, ощущение которых как бы само выдвигало человека на политические роли.

Однако подобная психоаналитическая психология А. Адлера практически никак не помогла его личной политической карьере. Он активно участвовал в политической деятельности социал-демократической партии Австрии, был одним из лидеров «левой оппозиции». Во время Австрийской революции 1918 г. отстаивал политику участия социал-демократов в буржуазном правительстве, а в социал-демократическом правительстве Австрии около года был даже министром иностранных дел. Однако, как видим, его политическая деятельность была совсем недолгой [254].

Значительное влияние на развитие политической психологии оказали труды К. Юнга, Э. Фромма, К. Хорни и других неопрейдистов.

Как известно, наиболее выдающимся представителем неопрейдизма является немецко-американский психолог Эрих Фромм (1900–1980). В своей первой крупной работе «Бегство от свободы» он рассмотрел феномен тоталитаризма в рамках проблемы свободы. Э. Фромм различает «свободу от» (негативную) и «свободу для» (позитивную). Обратной стороной «свободы от» является отчуждение и одиночество. Такая свобода – бремя для человека. Э. Фромм описал

три типичных невротических механизма «бегства» (психологической защиты) от негативной свободы. Это авторитарная, конформистская и деструктивная разновидности невротического характера. Первый выражается в мазохистской страсти к подчинению себя другим или садистской страсти к подчинению себе других. Второй состоит в отказе от своей индивидуальности и стремлении быть «как все». Третий – в неуправляемой тяге к насилию, жестокости, разрушению.

Э. Фромм ставит очень важный для политической психологии вопрос о том, является ли свобода психологической проблемой. Рассматривая фашистские режимы и отмечая тот факт, что «в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким боролись за нее», Э. Фромм делает вывод: «Если на свободу нападают во имя антифашизма, угроза не становится меньше, чем при нападении самого фашизма». Для результативной борьбы с фашизмом необходимо понимать его сущность. Борьба же без понимания – неадекватна и бесполезна. Развивая мысль, Э. Фромм констатирует факт, что к моменту прихода фашизма к власти люди не были к этому готовы – ни практически, ни теоретически.

Далее Э. Фромм ставит вопрос о том, что заставляет людей приспособляться почти к любым условиям жизни и о границах этой приспособляемости. Отвечая на него, он выделяет приобретенные и физиологические потребности. Для удовлетворения потребностей человек должен трудиться, условия же его работы определяются обществом, в котором он родился. Оба фактора – потребность жить и социально-политическая система – не могут быть изменены отдельным индивидом и именно они определяют развитие тех его черт, которые имеют большую пластичность. Кроме физиологических потребностей существует и потребность в постоянной связи с окружающим миром, не связанная с физическим контактом, неудовлетворение которой (моральная изоляция) приводит к возникновению психических расстройств [238].

По Э. Фромму, существует еще одна причина, обуславливающая необходимость принадлежности к обществу: объективное самопознание. Способность мыслить позволяет человеку осознать себя как индивидуальное существо. Если человек не имеет возможности отнести себя к какой-либо системе, которая направляла бы его жизнь и придавала ей смысл, его переполняют сомнения, которые в итоге парализуют его способности действовать, то есть жить.

При нарушении связей, обеспечивающих уверенность, у индивида имеется два пути. Первый – спонтанно связать себя с окружающим миром через любовь и труд, через проявление всех своих способностей, обретая таким образом единство с людьми, миром, самим собой, не отказываясь от независимости своего «я» – в терминологии Э. Фромма это путь, ведущий к позитивной свободе. Второй путь – отказ от свободы в попытке преодоления возникшего одиночества. Этот путь, путь к негативной свободе, не в силах обеспечить индивиду былое единение и спокойствие, так как отдаленность от прошлого неизбежна; путь этот связан с отказом от своей индивидуальности, он смягчает тревогу и делает жизнь терпимой, но проблемы не решает. При избрании последнего пути жизнь превращается в автоматическую деятельность, не имеющую цели и неспособную дать результат.

Один из механизмов бегства от свободы – отказ от своей личности и связь ее с какой-либо внешней силой для получения силы, недостающей индивиду. Эти механизмы выражаются в мазохистских и садистских тенденциях, которые могут проявиться как у невротиков, так и у нормальных людей, но выражены в разной степени.

Наиболее часто проявление мазохистских тенденций – чувства собственной неполноценности, беспомощности. У этих людей имеется видимое стремление избавиться от этих чувств, но неосознаваемая связь с желанием подчиниться у них очень сильна. Они постоянно проявляют зависимость от внешних сил, стремление подчиниться. Жизнь ими воспринимается как огромная неуправляемая машина, с которой они не в силах совладать.

Изощренные формы мазохизма встречаются тогда, когда какое-либо стремление усердно маскируется индивидом или, например, оправдывается абсолютной неизбежностью в данных обстоятельствах. В характерах подобного типа могут наблюдаться и садистские тенденции. Условно их можно разделить на три типа: стремление к получению власти над людьми; стремление к поглощению материальных и моральных богатств людей; стремление причинять другим страдания.

Садисты обладают такой же сильной привязанностью к своим жертвам, как и мазохисты к своим реальным или виртуальным мученикам. Наблюдения за мазохистами помогли Э. Фромму установить, что все они переполнены страхом одиночества; страх этот может быть неосознанным или замаскированным, но он есть, и обусловлен он негативной свободой. Мазохизм же есть один из путей избавления

от этого страха за счет снятия с себя бремени свободы, иными словами – отказа от собственной личности. В определенных условиях реализация мазохистских устремлений принесит облегчение (в качестве примера Э. Фромм приводит подчинение вождю в фашистском режиме, когда индивид обретает некоторую уверенность за счет единения со многими миллионами себе подобных). Гитлер многократно демонстрирует садистское стремление к власти. Он прямо говорит, что цель его и его партии – господство над миром. Свою жажду власти он рационализирует тем, что господство над другими народами якобы преследует их собственные интересы; что стремление к власти коренится в вечных законах природы, а он лишь следует им; что его стремление к господству – лишь защита от стремления других к господству над ним и над немецким народом. Любовь к сильным и ненависть к слабым проявляется в его нападках на индийских революционеров и целом ряде политических актов. Самоотречение влечет за собой, согласно Гитлеру, «отказ от всякого права на личное мнение, личные интересы, личное счастье». «В народном государстве», – пишет Гитлер, – «народное мировоззрение должно в конечном счете привести к той благородной вере, когда люди будут видеть свою задачу не в улучшении породы собак, лошадей и кошек, а в возвышении самого человечества; эру, когда один будет сознательно и молчаливо отрекаться, а другой – радостно отдавать и жертвовать». Цитируя Гитлера, Э. Фромм подмечает, что роль второй части людей, «радостно отдавать и жертвовать», звучит как-то очень похоже на роль первых и высказывает мысль, что Гитлер собирался сравнить массы с правителем, который должен править, но решил смягчить тон и нашел другие слова. Мазохистские тенденции обнаруживаются и у самого Гитлера: высшие силы, которым он поклоняется, – это Бог, Судьба, Необходимость, История и Природа. По существу, это символ подавляющей силы.

Таким образом, в писаниях Гитлера прослеживаются две тенденции: жажда власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе. Эта идеология выросла из его личности – чувство неполноценности, ненависть к жизни, аскетизм и зависть к тем, кто живет нормальной жизнью, были почвой его садомазохистских стремлений.

В заключение Э. Фромм ставит вопросы о том, не удовлетворяет ли нацизм при данных психологических условиях эмоциональные по-

требности населения и не является ли эта психологическая функция фактором, укрепляющим его устойчивость. Ответ на основе сказанного автором может быть только отрицательным. Процесс разрушения средневекового общества идет уже четыреста лет, и человеческая индивидуализация – разрыв первичных уз – необратима. Многие не выдерживают новой негативной свободы, пытаются бежать от нее в новую зависимость, которая должна заменить ему утраченные первичные узы. Но эта новая зависимость, – пишет Э. Фромм, – не обеспечивает подлинного единства с миром; человек платит за новую уверенность отказом от целостности своего «я».

Несмотря на некоторые спорные вопросы своих концепций, теории, сформировавшиеся в рамках глубинной психологии, продолжают оказывать свое влияние на развитие современной политико-психологической мысли.

Не остались в стороне от политико-психологических изысканий, как в теоретическом, так и в практическом плане, представители американской психологии бихевиоризма. Основу этого направления, как известно, составил функционализм «чикагской школы», одним из наиболее ярких представителей которой является Гарольд Лассуэлл (1902–1978). Его усилия были направлены на создание единой интегрированной политической науки, ориентированной, главным образом не на теоретические («библиотечные»), а на полевые исследования, преодолевающие внутреннюю институциональную разобщенность и сопряженной с потребностями политической практики. Г. Лассуэлл был убежден, что все науки являются политическими, поскольку они позволяют понять процесс осуществления политики или поставляют данные, необходимые для принятия рациональных политических решений. Политическую науку в широком смысле следует рассматривать как орган самопознания и самосовершенствования человечества в процессе общекосмической эволюции.

Г. Лассуэлл был одним из первых политологов, который настаивал на введении психологии в политический анализ. Еще в 1928 году он использовал свою стипендию Чикагского университета для разработки и исследования психиатрических интервью, изучая психоанализ З. Фрейда. Г. Лассуэлл по праву считается основателем «предметного поля» политической психологии, ключевые идеи которой (в том числе – психоанализ биографий политических лидеров) были изложены в его знаменитой книге «Психопатология и политика» (1930) [275].

В этой связи Г. Лассуэлл разрабатывает проблемы функционального подхода к политике; использует методы социальной психологии, психоанализа и психиатрии в изучении политического поведения и пропаганды; выявляет роль массовых коммуникаций в оформлении, распространении и воспроизводстве символики политической власти.

Как уже отмечалось, Г. Лассуэлл одним из первых исследует проблему количественного контент-анализа политической (в том числе массовой) коммуникации; предлагает ставшую классической в социологии массовой коммуникации формулировку, согласно которой «акт коммуникации» рассматривается по мере ответа на вопрос: «КТО – сообщает ЧТО – по какому КАНАЛУ – КОМУ – с каким ЭФФЕКТОМ?».

На современном этапе человеческой истории, когда под действием технологических революций резко возрастает взаимозависимость всех форм общественной жизни и в результате освоения космического пространства человечество соотносит себя с миром в целом, начиная на практике относиться к себе как к единому организму, первоочередное значение, по Г. Лассуэллу, приобретает создание международного правового порядка, способного служить утверждению человеческого достоинства.

Г. Лассуэлл подчеркивал ключевое значение понимания общения людей как «открытого форума для постоянного обсуждения вопросов взаимной терпимости и доступа к основным ценностям жизни». В этой связи новое звучание приобретают традиционные для Г. Лассуэлла исследования «элит» и «гарнизонного государства» (понятие введено в 1937 г.). Выявляя «властвующие (правлящие) элиты» (то есть политически наиболее влиятельные группы общества), Г. Лассуэлл указывает на опасность утверждения в современном мире господства идеи «гарнизонного государства», то есть общества, наиболее мощной группой которого являются специалисты по осуществлению насилия, использующие современные технические возможности осуществления власти.

Противоположностью «гарнизонного государства» является общество, в котором ведущая роль принадлежит деловым кругам; промежуточные формы – «государство, управляемое аппаратом партийной пропаганды»; «государство партийной бюрократии»; различные сочетания монополий партийной и рыночной власти.

Защита прав человека от посягательств «правлящих элит» требует, согласно Г. Лассуэллу, как международных действий, например, усиления роли ученых в выявлении общих интересов человечества, координации технологического развития, отказа от идеологической конфронтации при решении международных проблем, так и изменений внутри социальной системы.

Г. Лассуэлл стал автором многих интересных идей в истории политической психологии. Но все же главным стало то, что именно он постепенно стал (отметим это еще раз) основоположником всей современной политической психологии как самостоятельного направления исследований.

Отличие политико-психологических концепций психологов разных времен от современной политической психологии заключается главным образом в том, что первые обычно не были ориентированы на практику. Вот лишь некоторые вехи на пути ее становления, в том виде, как их выделил А.Л. Журавлев [218]:

начало 1940-х годов – первые социально-психологические исследования поведения избирателей (они начались в 1930-х годах, но носили чисто социологический характер);

1942-й год – первое практически ориентированное, проведенное по заказу правительства США исследование личности политического деятеля. Это был психологический анализ личности Гитлера, осуществленный психиатром У. Лангером;

1959-й год – публикация книги «Политическая социализация» Г. Хаймэна, ставшей теоретической основой одного из разделов политической психологии;

1966-й год – начало поисков психологических методов разрешения политических конфликтов;

1967-й год – исследование массовых антиправительственных выступлений студентов в США, проведенное в национальном масштабе;

1968-й год – создание первой кафедры политической психологии в Йельском университете. Этот год можно условно считать годом рождения политической психологии как самостоятельной научной дисциплины;

1973-й год – издание первого фундаментального труда «Руководство по политической психологии» под редакцией Дж.Н. Кнутсон;

1978-й год – учреждение в США международного общества политической психологии.

2.3. Истоки политической психологии в России

Россию по праву можно назвать первой страной, где уже в XIX веке были проведены серьезные социально-психологические и политико-психологические исследования. Не случайно Г. Спенсер и В. Вундт, признанные мировые авторитеты, высказывали сожаление по поводу незнания русского языка, полагая, что российские исследователи в некоторых вопросах опередили их. К политико-психологическим исследованиям можно отнести, например, изучение поведения солдат при разгоне толпы и демонстраций (Д.Д. Безсонов), работы по вопросам психологии толпы, массовых психических заражений и самоубийств (В.Х. Кандинский, Н.К. Михайловский, А.А. Токарский и др.). Попытки найти психологические основы правосознания (Л.И. Петражицкий, М.А. Рейснер) и многие другие.

Если внимательно посмотреть, можно обнаружить огромное количество политико-психологических проблем в русской художественной литературе, например, у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, даже у А.С. Пушкина в его «Борисе Годунове» или «Капитанской дочке». Разумеется, это представляет собой совершенно отдельный пласт проблем, заслуживающий совершенно особого рассмотрения. Пока же мы можем лишь бегло обратить внимание на то, что политико-психологические проблемы активно развивались, начиная с А.С. Пушкина, в русской литературе – причем не только в прозе, но и в поэзии. Причем не только в тенденциозных поэмах типа «Владимир Ильич Ленин» В.В. Маяковского, но и, допустим, в совершенно иной по складу поэме С.И. Есенина «Пугачев» [154]. Попытки дать описание психологических характеристик политических деятелей России предпринимались и самими известными политиками. Определенный интерес для политико-психологического анализа представляют, например, характеристики некоторых лиц, стоявших у власти в конце царствования Александра III, приведенные в воспоминаниях видного государственного деятеля России конца XIX – начала XX веков С.Ю. Витте [41].

Что касается научного анализа политико-психологических проблем, то на фоне художественно-литературного творчества, труды ученых XIX – начала XX веков выглядят менее убедительно. Можно назвать лишь несколько имен, достойных упоминания в связи с становлением политической психологии в России.

Начало политико-психологической проблематики в русской общественной мысли часто связывают с именем философа, социолога, общественного деятеля Н.К. Михайловского (1842–1904). Он был одним из участников движения «Народная воля», идеологом народничества. В своих работах он касался довольно широкого спектра социально-психологических и, в частности, политико-психологических проблем, но наиболее полно и систематично разрабатывал вопросы психологии толпы. Его взгляды на эту тематику нашли отражение в работах: «Герой и толпа» (1882), «Научные письма (к вопросу о героях и толпе)» (1884), «Еще о героях» (1881), «Еще о толпе» (1893) и др. Н.К. Михайловский в своей теории «героя» и «толпы» объяснял взаимоотношения лидера и масс своеобразными «рефлексами подражания» – в целом, следуя в этом вопросе за Г. Тардом, С. Сигеле и Г. Лебоном. Здесь он было мало оригинален. Вождь-гипнотизер, согласно Н.К. Михайловскому, как бы превращает толпу в «человеческие автоматы, готовые следовать за ним, куда бы то ни было [по: 139].

В 1905 г. вышла книга К.Ф. Головина «Вне партий. Опыт политической психологии», в которой с удивительной глубиной прослежено влияние национально-исторических и этнопсихологических особенностей народов Франции, Германии и США на развитие государственности и политической жизни в этих странах.

Политический и христианский философ Н.А. Бердяев (1874–1948) в опытах по психологии русского народа пытался объяснить события первой мировой войны и революции в России. Революционная деятельность Н.А. Бердяева привела его от марксизма к философии личности и свободе в духе религиозного экзистенциализма. Многие, пусть и небесспорные, его идеи оказались на рубеже XIX–XX веков полезными в становлении российской политической психологии личности, политической психологии российского общества. В политической (по словам Н.А. Бердяева, общественной) жизни все заключено «в силе, в энергии духа, в характере людей и обществ, в их воле, в их творческой мысли», а не в отвлеченных принципах, формулах и словах, которым грош цена. Самое ведь важное и существенное – люди, живые души, клетки общественной ткани, а не внешние формы, за которыми может быть скрыто какое угодно содержание...» [22].

В работе «Демократия и личность» Н.А. Бердяев провозглашает торжество духовной личности. Ей, а не «количественной массе» отводится главная роль в общественно-политических процессах.

«Количественная масса, – пишет философ, – не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности и судьбой нации. Воля народа должна быть воспитана в исключительном уважении к качествам индивидуальным...». Н.А. Бердяев отстаивает «значение духовного подбора личностей, личных качеств и призваний, личной годности», возложение на личность всей «ответственности за судьбу общественности». Возражая сторонникам «народного самоуправления», Н.А. Бердяев подчеркивает, что последнее «предполагает самодисциплину и самовоспитание личности и народа, закал воли. Истинное народное самоуправление должно возложить ответственность за судьбу общественности на человека и его силу, на народ». И далее: «Власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность, и которые возлагают на себя великие обязанности. Но эта власть лучших должна быть порождена из самых недр народной жизни, должна быть имманентна народу, его собственной потенцией, а не чем-то навязанным ему извне, поставленным над ним» [22].

Совершенно иные, противоположные суждения высказывал выдающийся врач-психиатр, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России В.М. Бехтерев (1857–1927). Исследователь функций головного мозга отмечал, что во времена смут и потрясений политическое поведение масс определяет вовсе не «герой». В такие периоды ими движут особые «коллективные рефлексы». Именно в толпе, считал В.М. Бехтерев, люди уподобляются животным и действуют рефлекторно [24]. Везде и всюду, в том числе и в толпе, по мнению ученого, на человека действуют «физические микробы», приводящие к «психической заразе». Где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся «действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными» [26].

Ценными для политической психологии оказались выводы В.М. Бехтерева о способах психического воздействия одних лиц на другие. В статье «Внушение в общественной жизни» к числу таких способов он относил убеждение, внушение, приказание и пример. В известной мере и приказание, и пример, по мнению ученого, действуют подобно внушению и поэтому их практически невозможно

отличить от внушения. «В остальном же приказание и пример действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению. Так, команда есть бесспорно приказание, а кто не знает, что команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или привития известной идеи. С другой стороны, и пример помимо своего влияния на разум путем убеждения в полезности того или другого может еще действовать наподобие психической заразы, иначе говоря, путем внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание. ...Необходимо иметь в виду, что вопреки словесному убеждению, ...действующему силой своей логики, внушение действует путем непосредственного привития психических состояний..., не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике. Одним словом, внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем увлекательной и взволнованной речи, путем уговора, жестов и мимики. Легко видеть отсюда, что пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, чем пути передачи мысли путем убеждения. Вот почему внушение... представляет... гораздо более распространенный и нередко более могущественный фактор, нежели убеждение» [26].

Таким же образом В.М. Бехтерев характеризует такое явление как паника. Она представляет собой «нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которого совершенно бессильно убеждение и которое получает объяснение только во внушении этой идеи, путем или неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление... неприятельских войск...) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу» [26].

В начале XX века широкой популярностью пользовалась книга другого психиатра П.И. Ковалевского (1850–1931) «Психиатрические этюды из истории», где была представлена целая серия портретов политических деятелей от царя Давида до Петра I, от А.В. Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны Д'Арк до Наполеона I. В 20-е годы прошлого века вышла книга поэта и писателя Г.И. Чулкова (1879–1939) о русских императорах, где даны блестящие психологические портреты русских правителей. Ряд психологических работ о политических деятелях продолжает уже упоминавшаяся нами книга В.Ф. Чижана «Психология злодея, властелина, фанатика» [245].

Нельзя не отметить и влияние марксистских идей на становление и развитие политической психологии в России. Конечно влияние марксизма на политические процессы в нашей стране еще предстоит осмыслить в полной мере, однако как бы мы к нему не относились, несомненно то, что влияние это на протяжении многих десятилетий было всеобъемлющим. На рубеже XIX–XX веков ряд политико-психологических проблем рассматривал в своих трудах видный теоретик и пропагандист марксизма Г.В. Плеханов (1856–1918). Особенно следует отметить его работу «К вопросу о роли личности в истории» [174].

В дальнейшем, значительный набор политико-психологических идей был не только высказан, но и реализован на практике В.И. Лениным (1870–1924) и его соратниками в ходе революции 1917 года, а также предшествовавшего ей и, главное, следовавшего после нее периода. Согласимся с Д.В. Ольшанским, что можно по-разному относиться к идеологическим взглядам В.И. Ленина, однако нельзя закрывать глаза на главное – В.И. Ленин и элита большевистской партии сумели в сложнейших условиях показать себя исключительными политологами-практиками [154]. Как теоретик и практик в политике В.И. Ленин рассматривал проблемы функционирования сознания в крайне широком диапазоне социальных явлений – от таких глобальных, как «психология и революция», и до конкретных прикладных вопросов психологии политической жизни – таких, как совершенствование стиля руководства или повышение эффективности пропагандистской деятельности. Им было выдвинуто требование изучать психологическое состояние сознания целых классов. При формулировании этого требования он исходил из убеждения в том, что ход и исход революции во многом будет зависеть от настроения пролетариата, от степени осознания рабочими своей собственной способности к борьбе и к руководству борьбой [по: 221]. Будучи политиком значительной силы, В.И. Ленин успевал еще и своевременно рефлексировать свои политические действия.

Однако уже к концу 1920-х годов все исследования по политической психологии в России были свернуты. Лишь в начале 1980-х годов наметилась тенденция их возрождения. Причина в том, что тоталитарный режим не нуждался ни в знании, ни в учете человеческой психологии – ее заменяла единообразная идеология.

Д.В. Ольшанский обращает внимание на ряд любопытных фактов. Все современники, описывая события 1917 года, используют

термины «восстание» и «переворот». Термин «революция» встречается в единичных, чисто пропагандистских случаях (публичные выступления самого В.И. Ленина). Он появляется в сравнительно широком употреблении новой элиты только с 1920-х годов. Во-вторых, официально до середины 1920-х годов отмечались две даты: годовщина февральской демократической революции и октябрьского вооруженного восстания. Затем отмечать годовщины февральских событий перестали, а слово «революция» в сочетании с прилагательным «социалистическая» стало относиться исключительно к октябрьским событиям. Наконец, в-третьих, в конце 1920-х годов появился эпитет «Великая». Так и возникла «великая октябрьская социалистическая революция» – уже не как реальное событие, а как феномен массового политического сознания. Это всего лишь один пример вполне эффективного практического использования политической психологии правящими кругами России того времени [154].

С конца 1920-х годов, как уже отмечалось, каких-либо серьезных изысканий в области политической, как и в целом социальной психологии в России (в Советском Союзе) практически не было. Даже социальная психология долгое время рассматривалась как «буржуазная» наука, для возникновения психологии политической не было никаких условий. Все ее возможные проблемы безапелляционно решались с позиций партийных догм. Лишь в 1980 году словосочетание «политическая психология» впервые появилось на страницах профессиональных психологических и политических изданий [201] и психология вышла на новый этап своего развития. С тех пор в Институте психологии РАН был проведен ряд исследований, посвященных проблемам политической социализации, отношению детей и молодежи к угрозе ядерной войны, политико-психологической типологии общества, поведению избирателей, политической пропаганде. По сути, это можно считать собственно началом истории политической психологии в нашей стране.

В 1980–1990-х годах и позже появляются исследования А.Г. Асмолова, П.С. Гуревича, А.И. Донцова, Т.В. Евгеньевой, М.М. Лебедевой, А.П. Назаретяна, Д.В. Ольшанского, В.Ф. Петренко, П.А. Федосова, Е.Б. Шестопал, А.И. Юрьева и других психологов, философов, политологов, историков, социологов, посвятивших свои труды изучению психологических аспектов политических процессов, проблемам массовых политических настроений и установок, психологии

политической элиты, политического лидерства, массового политического поведения, политического менталитета и другим политико-психологическим проблемам.

Рубеж 1980–1990-х годов был необычайно продуктивным в развитии политической психологии в нашей стране. Уточнен объект исследования – публичная политика, требующая психологического анализа и ярких лидеров, выдвинувшихся в тот период, а также граждан, мобилизованных на активное политическое участие. Появились не только первые теоретические и эмпирические исследования в данной области, но началась и ее институционализация. В 1989 году в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете была создана первая в нашей стране кафедра политической психологии, здесь же одновременно была сформирована лаборатория политической психологии. Важную роль сыграли монографии основателя и руководителя кафедры А.Ю. Юрьева «Введение в политическую психологию» (1992) и «Системное описание политической психологии» (1997). В 1995 году создается кафедра социальной и политической психологии в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова. В 2000 году на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова образована кафедра политической психологии, которая в 2008 году вошла в состав факультета политологии и была переименована в кафедру социологии и психологии политики. Вышел один из первых в нашей стране учебник «Политическая психология» основателя и руководителя этой кафедры Е.Б. Шестопал. Открылась ВАКовская специальность 19.00.12 «Политическая психология». В середине 1990-х годов как секция Российской ассоциации политических наук (РАПН) и Российского психологического общества (РПО) создается Российская ассоциация политических психологов, объединившая в своих рядах как психологов, так и политологов и ставшая коллективным членом Международного общества политической психологии (ISPP).

2.4. Современное состояние политической психологии

Фундаментальные и систематические разработки по психологии политики начались в 1960-е годы в США под влиянием «поведенческого движения». Именно тогда словосочетание «политическая психология» приобрело отдельный и вполне самостоятельный смысл. В тот период при Американской психиатрической ассоциации была

создана специальная группа для изучения психологических проблем международной и внутренней политики. В 1970 году эта группа переросла в Институт психиатрии и внешней политики. В 1968 году в американской ассоциации политических наук возникло вполне самостоятельное отделение политической психологии, а в 1979 году на его основе было организовано Международное общество политической психологии (ISPP). Данное общество объединяет около 1000 исследователей – психологов, политологов, социологов и других специалистов из различных стран [154; 251]. В 1979 году общество начинает выпускать свой специализированный печатный орган – журнал «Политическая психология» («Political Psychology»). Ежегодно общество проводит свои собрания, на которых рассматриваются и обсуждаются наиболее актуальные теоретические проблемы, такие, например, как «Национальное строительство и демократия в мультикультурных обществах», «Язык политики, язык гражданства, язык культуры» и др.

Очень скоро политическая психология, получив международное признание, стала развиваться на Американском континенте, в Европе, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Африке, Австралии и Новой Зеландии. Однако большая часть исследователей живет и работает в США и Канаде. В их числе такие крупные ученые как П. Глэд, Ф. Гринстайн, А. Джордж, Р. Кристи, С. МакФарланд, К. Монро, С. Реншон, Р. Сигел, М. Херманн и др.

В Европе наиболее серьезные исследования в области политической психологии проведены в Германии (А. Ашкенази, Х.-Д. Клингенман, Г. Ледерер, П. Шмидт и др.), во Франции (А. Дорна, С. Московичи, А. Першерон и др.), а также в Великобритании, Испании, Финляндии, Польше, Чехии и других странах.

Первый капитальный труд по политической психологии появился в 1973 году. Это была фундаментальная коллективная монография под редакцией Дж. Кнутсон, в которой подводились некоторые итоги развития политической психологии и определялись направления дальнейших исследований. Это дало толчок к новым исследованиям и многочисленным публикациям. В 1986 году была опубликована фундаментальная книга по политической психологии под редакцией М. Германн. В этой работе глубоко проанализирована ситуация западной политической психологии того периода времени.

Современная политическая психология предстает, таким образом, как широкая сфера исследований со своим объектом, предметом,

кругом профессионалов, объединенных общим пониманием задач и направлений дальнейших исследований. Наиболее актуальными проблемами являются психология внутренней и внешней политики, терроризм, экстремизм, кризис общественных отношений, различные формы протеста, доверие/недоверие граждан правительству, межэтнические конфликты, психология политического лидерства и другие.

В целом, по мнению Д.В. Ольшанского, актуальные проблемы политической психологии группируются вокруг нескольких крупных вопросов. Во-первых, формирование политических взглядов людей, роль в этом процессе механизмов политической социализации. Во-вторых, воздействие этих политических взглядов на политическое поведение, взаимосвязь политического сознания и политических действий. В-третьих, психология принятия политических решений, роль в этом процессе механизмов власти. В-четвертых, формирование личности политического лидера, механизмы политического лидерства. В-пятых, зависимость политических процессов от культурного контекста, связь конкретной политики с политической культурой общества. Хотя, конечно, этим круг проблем политико-психологической науки не исчерпывается [154].

На развитие теории политической психологии, ее методологии, на совершенствование форм и методов прикладных исследований, практического применения достижений в решение проблем современного общества по-прежнему оказывают значительное влияние политология, политическая философия, социология, другие науки и научные дисциплины, имеющие давнюю историю. В тоже время в последние десятилетия появляются и другие области научного знания и практической деятельности. Свой вклад в развитие политико-психологической мысли вносит, например, относительно новая для России область научного знания и прикладная дисциплина – имиджелогия, в частности, политическая имиджелогия. Наиболее значимыми для политической психологии стали исследования, а также практические разработки А.А. Бодалева, П.С. Гуревича, А.А. Деркача, Г.Г. Дилигенского, А.П. Назаретяна, Д.В. Ольшанского, А.Ю. Панасюка, Е.Б. Перельгиной, Г.Г. Почепцова, В.М. Шепеля, Е.Б. Шестопаля и др.

Тем не менее, у зарубежных и отечественных политических психологов есть понимание недостаточности существующих исследований, необходимости построения общей теории, в которой объектом политико-психологического исследования был бы политический

процесс в целом, а не отдельные его аспекты. Нет смысла оспаривать междисциплинарный характер исследований в области политической психологии. Однако, как показывает анализ зарубежных и российских исследований, монографий по фундаментальным проблемам науки, учебников и учебных пособий, справочной литературы, среди исследователей и авторов книг политологов, философов, социологов, историков, политиков-практиков все же значительно больше, чем профессиональных психологов. Хорошо это или плохо – время покажет. Несомненно то, что перед психологами широчайшее поле научно-теоретический и прикладной деятельности в сфере политической психологии.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. В чем, на Ваш взгляд, заключался вклад Античных мыслителей в зарождение политико-психологической мысли?

2. Как Вы оцениваете вклад Н. Макиавелли в развитие политической психологии?

3. Что нового привнесли в политическую психологию мыслители Нового времени (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.)?

4. Почему, как Вы считаете, в центре внимания западноевропейских ученых XIX века оказались проблемы психологии масс?

5. Что нового в развитие политико-психологического знания внес психоанализ З. Фрейда и его последователей?

6. Каковы особенности в оценке политико-психологических явлений неофрейдистами в отличие от классического психоанализа З. Фрейда?

7. Почему Г. Лассуэлла часто называют основоположником всей современной политической психологии как самостоятельного направления исследований?

8. Кто из российских ученых, на Ваш взгляд, внес наиболее весомый вклад в развитие политико-психологической мысли на рубеже XIX–XX веков?

9. Есть ли различия в развитии политико-психологического знания в России и Западной Европе? Если есть, то чем они вызваны?

10. Почему в России советского периода не признавалась политическая психология?

11. Что дало толчок развитию политической психологии в нашей стране в постсоветский период?

Глава 3.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

*Природа и сущность политической власти.
Психология восприятия власти. Понятие «легитимность власти»*

Цель власти – власть

Д. Оруэлл

3.1. Природа и сущность политической власти

Является ли вопрос о власти
только вопросом власти?

Станислав Ежи Лец

Достаточно объемного и широкого понимания термина «власть» нет не только в политических науках, но и в обыденной жизни. Поэтому определений понятия «власть» множество. По мнению Г. Гегеля, «власть – это присвоение чужой воли»; Б. Рассел считал, что «власть может быть обозначена как реализация определенных целей»; Э. Хемингуэй: «Жизнь – это игра, конечной целью которой является власть» и т.д. Подобные высказывания появляются потому, что власть есть везде, где существуют устоявшиеся объединения людей – в семье, в производственном коллективе, различных учреждениях и пр. Среди основных значений понятия власти фигурируют «способность что-либо делать или действовать», «способность воздействовать (влиять) на волю другого человека», «полномочия, связанные с исполнением определенной должности», «правительство страны» и т.д. Власть, таким образом, – один из наиболее расплывчатых терминов и один из самых спорных в общественных науках.

В русском языке термин «власть» употребляется, как правило, в трех значениях.

1. Право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле.

2. Политическое господство, государственное управление и органы его.

---

3. Лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [153].

«Новый энциклопедический словарь» (2008) трактует власть как способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета права, насилия; политическое господство, система государственных органов [151].

Власть появилась вместе с возникновением человека и человеческого общества, поддерживающих посредством совместной деятельности взаимодействие между собой и окружающей средой, способствуя удовлетворению объективной потребности в поддержании общественного порядка.

Как справедливо замечает А.П. Назаретян, феномен власти, как и любое явление реальной жизни, не является предметом монопольного анализа какой-либо одной науки, будь то политология, юриспруденция, история или психология. Предметом психологического анализа являются не властные отношения как таковые, а скорее их субъективные аспекты – восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т.д. [147].

Власть – это способность и возможность навязывать свою волю другим и управлять их действиями в своих интересах. Властью могут обладать субъекты политики: личности, политические организации и т.д. Борьба за власть является определяющим признаком политической сферы общественной жизни. Нет политики без власти и власти без политики. Тот, кто обладает властью, тот и играет решающую роль в политике. Отсюда основной закон политики – отношение субъектов политики (масс, классов, партий) к власти определяется их социально-экономическими и политическими интересами.

Субъективный аспект власти – это готовность и непосредственно активное участие субъектов властных органов и структур в их функционировании. Здесь самый важный вопрос – проблема психологических механизмов власти: почему люди готовы принимать одну власть и при этом решительно отвергать другую?

Психология политической власти, по мнению А.П. Назаретяна, – это закономерности, механизмы, условия и факторы образования, а также ее функционирования как института.

Для выявления психологических характеристик политической власти целесообразно опираться на потенциал конструктивных подходов ее познания. Прежде всего, на такие, как социогенетический подход, компенсаторная концепция власти и другие.

В период от Античности до Нового времени включительно ученые (сначала в философско-умозрительной форме, затем с опорой на эмпирические данные) пытались ответить на вопрос о природе власти. Высказывались различные, порой противоречивые суждения то о врожденном характере человеческого стремления к доминированию, то о влиянии окружения, общества на формирование властных устремлений индивидов. Аристотель считал, что есть народы и люди, которые по своей природе призваны властвовать, а другие – им подчиняться. Для Платона, Аристотеля, Эпикура участие в политике было высшей формой проявления человеческого достоинства.

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли акцентировал внимание на технологии удержания крепкой решительной власти.

В Новое время Т. Гоббс и Дж. Локк говорили о власти как природном могуществе человека, как гаранте мира и процветания членов общества. Для Т. Гоббса, например, власть – это средство достичь Блага в будущем, и сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся лишь со смертью.

Стремление к власти как результат вхождения человека в систему общественных отношений анализировали Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Т. Парсонс. Ф. Ницше движущей силой истории объявил «волю к власти» – творческий инстинкт лидеров, преодолевающих своими сверхчеловеческими качествами инстинкт толпы. «Там, где есть жизнь, – пишет Ф. Ницше, – там есть также и стремление, но не стремление к жизни, а ... стремление к власти!» [150]. Этот подход был близок к трактовкам властных устремлений личности в социально-психологических взглядах второй половины XIX в. Г. Лебон, Г. Тард, С. Сигеле, В. Вундт трактовали стремление к власти как иррациональный феномен, объединяющий лидеров и последователей.

Т. Рибо писал о полуболезненном развитии у человека гордости и властолюбия, о помешательстве власти: «Поставьте человека в такие условия, при которых ничто не задерживает его стремления к безграничной власти, и он дойдет до конца; это случай неограниченной власти. Без сомнения, этого условия, исключительного и так сказать сверхчеловеческого, недостаточно. *Помешательство власти* – резуль-

тат двух факторов: прежде всего характер, т.е. сила эгоистических желаний; всегда удовлетворяемые, они постоянно нарастают, а воля, как задерживающая сила, все ослабевает; затем – внешние обстоятельства, отсутствие всякой узды, отсутствие какой-либо власти, которая сдерживала бы, как угроза».

Много новых трактовок данной проблемы в рамках не только политологии, юриспруденции, социологии, истории, но и психологии дал XX век.

В начале XX столетия русский психиатр В.Ф. Чиж в своих записках «Психология властелина. Император Павел I. Психологический анализ», описывая психологические и личностные особенности императора, подчеркивает его безграничное властолюбие, объясняя последнее характером Павла I и теми условиями, среди которых он жил, политической обстановкой в России того времени. «Этот несчастный государь, – пишет В.Ф. Чиж, – вследствие крайне сильного влияния чувствований на его мышление, пришел к ложному заключению, что он имеет право запрещать употребление некоторых слов, приказывать носить то, а не другое платье» [245].

Создатель индивидуальной психологии А. Адлер, опираясь на патологический материал, пришел к выводу, что фактически все, что делают люди, имеет целью преодоление ощущения своей неполноценности, которая берет свое начало в детстве. У некоторых людей это ощущение по разным причинам может стать чрезмерным. В результате возникает комплекс неполноценности – преувеличенное чувство собственной слабости и несостоятельности. В ответ на это чувство у индивида может появиться гиперкомпенсация, развивающаяся в дальнейшем в комплекс превосходства, или комплекс власти. Гиперкомпенсация, по А. Адлеру, представляет собой преувеличение здорового стремления постоянно преодолевать чувство неполноценности, достигать превосходства над окружением [3]. Тот же император Павел I с детства ощущал и осознавал невзрачность своей внешности (худощавое, слабое телосложение, невысокий рост, большая голова и пр.), видел не самое благосклонное отношение к себе своей матери, Екатерины II, и особенно ее ближайшего окружения, и поэтому в первые годы своего правления чрезмерно беспокоился о прочности своего положения на троне. Отсюда – чрезмерное самомнение и чрезмерная гордость, чувство страха и неоправданная жестокость, эгоистичность, неспособность управлять своими страстями.

В рамках глубинной психологии, начиная с З. Фрейда, немало внимания уделено двум группам человеческих инстинктов – инстинктам и жизни и смерти, созидующим и разрушительным (агрессивным) тенденциям, свойственным каждому человеку от природы. В теории А. Адлера утверждается, что агрессия есть не что иное, как «воля к власти», имеющая фундаментальное значение в жизни человека.

Выше мы уже останавливались на взглядах Э. Фромма, влияние которых на становление и развитие политико-психологической мысли переоценить невозможно. К сказанному добавим, что автор гуманистического психоанализа поднимает важнейшие бытийственные проблемы человеческой истории, среди которых – свобода, власть и др. О чем бы Э. Фромм ни писал – о бытии, власти, государстве, деспотии, культуре, нации, – собственное рассуждение он начинает с человека. Стремясь к познанию, творчеству, человек парадоксальным образом отрекается от свободы, самостоятельности и ищет возможности подчинить себя власти – безропотно и окончательно. Говоря о соотношении в современном обществе добра и зла, о деструктивных тенденциях в человеке, а также характеризуя «моральное банкротство Запада» в период после второй мировой войны, Э. Фромм пишет: «Войны возникают по решению политических, военных и экономических вождей для захвата земель..., для защиты ...безопасности своей страны или для того, чтобы поднять свой личный престиж и стяжать себе славу. ...Эти люди не отличаются от среднего человека: они эгоистичны и едва ли готовы отказаться от собственных преимуществ в пользу других... Когда такие люди ...приходят к власти, повелевают миллионами и располагают самым страшным оружием разрушения, они могут нанести огромный вред. ...Главной опасностью для человечества является не изверг или садист, а *нормальный человек, наделенный необычайной властью*» [236].

К. Юнг особое внимание уделил антропологическому аспекту власти, рассматривая предпосылки последней как следствия особых механизмов человеческой психики. Так же как и другие сторонники психоанализа, генезис господства и подчинения К. Юнг усматривал в бессознательных пластах психики, и, прежде всего, в коллективном бессознательном человека. Автор аналитической психологии выделил комплекс власти как сумму всех тех энергий, усилий и идей, которые направлены на приобретение личной власти. Когда этот комплекс преобладает над личностью, все другие влияния подчиняются

Это, независимо от того, являются ли они влияниями, исходящими от других людей и внешних условий, или возникают из собственных импульсов человека, его мыслей и чувств.

Гештальтистское движение в психологии тоже не осталось в стороне от проблемы власти. К. Левин, например, пишет: «Власть **b** над **a** можно определить, ...как отношение максимальной силы воздействия **b** на **a**, ...как стремление к максимальному сопротивлению со стороны **a**».

Развитие политико-психологической мысли во второй половине XX века ознаменовалось, дальнейшей разработкой проблемы мотивации власти. Большинство работ посвящено не столько мотивации собственно политической власти, сколько власти в трудовой, профессиональной деятельности, в менеджменте и других сферах общественной жизни и практики. Причем среди авторов мы чаще встречаем не столько психологов, сколько политологов, философов, социологов, экономистов и т.п. Тем не менее, влияние этих работ на понимание мотивационных процессов в сфере политики, политической власти нельзя недооценивать. В них рассматриваются проблемы осуществления власти субъектом, исследуются вопросы об источниках власти и возможностях их использования, оценивается мотивационная основа объекта власти.

Следует также отметить, что проблема мотивации власти в политической психологии рассматривается в неразрывной связи с проблемой мотивации политического лидерства. Дело в том, что обычно важнейшим мотивационным источником лидерства признается потребность во власти. Как уже отмечалось, немалое число ученых полагают, что стремление к власти заложено в биологической природе человека, в его генах. Однако если бы всем членам общества была присуща генетическая потребность быть лидером, то это приводило бы к бесконечной борьбе за лидерство и делало бы положение лидера, а вместе с ним и руководимого им сообщества, крайне неустойчивым. Неслучайно поэтому политическая психология вышла за рамки «генетического» подхода.

С 30-х годов прошлого века на исследование мотивации власти и, соответственно, мотивации лидерства значительное влияние оказывают идеи З. Фрейда. Они побуждают искать предпосылки лидерства в условиях первичной социализации личности, в отношениях ребенка с непосредственной социальной средой. Так сформировался психоаналитический подход к анализу мотивации лидерства вообще и политического лидерства в частности.

Г. Лассуэлл, например, утверждает, что психологической основой политической деятельности является бессознательное вытеснение «частных конфликтов», пережитых личностью, в сферу общественной жизни и последующая их рационализация в интересах общества. По его мнению, «проявляющаяся во все более сильной форме потребность во власти имеет компенсаторное происхождение: обладание властью психологически компенсирует ущербность, фрустрацию, испытываемые личностью» (по [249]). Иллюстрацией может служить жизнь президента США В. Вильсона. Стремление к власти и характерные черты его политического стиля (жесткость позиции, неумение идти на компромисс) биографы Вильсона выводят из отношений будущего президента с суровым и требовательным отцом. Эти отношения, сочетавшие идентификацию с отцом и подавляемую враждебность к нему, породили в психике Вильсона фрустрацию, которую компенсировало жесткое осуществление политической власти. Подобное психоаналитическое анатомирование своих национальных лидеров в американской литературе приобрело довольно широкое распространение.

Более поздние подходы к мотивации политического лидерства, хотя и сохраняют некоторые черты психоаналитических идей, однако все более отличаются иным, небихологизаторским подходом к оценке рассматриваемого феномена. Во второй половине XX века, как в зарубежной, так и в отечественной политической психологии появились теории, вытекающие из современных исследований мотивов и мотивации.

Анализ этих исследований показывает, что в контексте политической власти мотивация может рассматриваться с двух точек зрения. Во-первых, если опираться на точку зрения В.А. Иванникова, мотивация – это процесс построения побуждения к политическому действию, направленному на достижение, а в дальнейшем и на удержание, на укрепление политической власти. Это одновременно и процесс, направленный на достижение политического лидерства. В этом случае перед нами многозвенная структура мотивации, включающая в себя:

- постановку и принятие цели политического действия;
- процесс придания цели временного смысла предмета потребности;
- выбор средств действия по достижению политического лидерства и, соответственной политической власти;
- оценка степени владения политиком средствами политического действия, направленного на достижение и упрочение власти;

- оценка своих функциональных властных возможностей, своих лидерских качеств;
- оценка времени, необходимого для достижения цели;
- определение времени начала действия, связанного с достижением власти;
- нравственная оценка предвидимых последствий действия для себя и для ведомых [72].

Во-вторых, в контексте политической власти мотивация может рассматриваться как совокупность политических потребностей, мотивов, интересов, склонностей, ценностей и ценностных ориентаций, как побуждающих факторов, определяющих активность лидера в политике вообще и в достижении политической власти в частности. Х. Хекхаузен, например, считает, что процессы мотивации охватывают побудительные аспекты ситуации, раскрывающиеся через восприятие возможностей достижения определенных целей, привлекательность предвосхищаемых последствий действия, которая раскрывает актуализируемые этой ситуацией мотивы.

По убеждению Х. Хекхаузена, для успешного воздействия на мотивационную основу другого человека применяющий власть должен иметь в своем распоряжении определенные ресурсы, то есть средства подкрепления, с помощью которых он сможет обеспечить удовлетворение соответствующих мотивов другого. Такие ресурсы, особые для каждого мотива, Х. Хекхаузен называет источниками власти, к числу которых он относит [240]:

1. Власть вознаграждения. Ее сила определяется ожиданием **B** того, в какой мере **A** в состоянии удовлетворить один из его (**B**) мотивов, и насколько **A** поставит это удовлетворение в зависимость от желательного для него поведения.

2. Власть принуждения, или наказания. Ее сила определяется ожиданием **B**, во-первых, в той мере, в какой **A** способен наказать его за нежелательные для **A** действия фрустрацией того или иного мотива, и, во-вторых, того, насколько **A** сделает неудовлетворение мотива зависящим от нежелательного поведения **B**.

3. Нормативная власть. Речь идет об интериоризованных **B** нормах, согласно которым **A** имеет право контролировать соблюдение определенных правил поведения и в случае необходимости настаивать на них.

4. Власть эталона. Основана на идентификации **B** с **A** и желании **B** быть похожим на **A**.

5. Власть знатока. Ее сила зависит от величины приписываемых **A** со стороны **B** особых знаний, интуиции или навыков, относящихся к сфере того поведения, о котором идет речь.

6. Информационная власть. Имеет место в тех случаях, когда **A** владеет информацией, способной заставить **B** увидеть последствия своего поведения в новом свете.

Подвергнув критическому анализу различные понимания мотивации власти, Х. Хекхаузен, предлагает свое определение, которое, однако, по мнению самого автора, грешит длиннотами из-за желания учесть по возможности все измерения вероятных индивидуальных различий. Вот это определение.

«Мотив власти направлен на приобретение и сохранение ее источников либо ради связанного с ним престижа и ощущения власти, либо ради влияния (оно может быть как основной, так и дополнительной целью мотивации власти) на поведение и переживание других людей, которые будучи представлены самим себе, не поступили бы желательным для субъекта образом. Влияние это должно так изменить их поведение, чтобы оно способствовало удовлетворению потребности субъекта. Для достижения этого субъект должен с помощью имеющихся источников власти и средств воздействия перестроить привлекательность наиболее сильных мотивов другого, причем сделать это возможно более простым и экономичным способом. Сама эта деятельность может соответствовать весьма разнообразным мотивам. Она может совершаться ради своего собственного или чужого блага или же ради какой-либо высшей цели; она может принести другому помощь или оказать ему вред. Индивидуальный мотив власти ограничен как в отношении приобретения власти, так и в отношении ее применения определенными содержательными областями, связанными с конкретными источниками власти и группами людей, подвергающимися воздействию. На нем также может лежать печать страха перед достижением власти, ее потерей, использованием, перед ответственным применением власти или перед безуспешностью своего воздействия» [240].

Ни у кого не вызывает сомнение то, что достижение власти, как и достижение любой цели детерминировано мотивацией, которая, в свою очередь, зависит от осознаваемых человеком возможностей. Поэтому естественно, что слишком сильная мотивация, не учитывающая функциональных возможностей, наличия у субъекта средств

и иных возможностей для достижения поставленной цели может не только не привести к достижению этой цели, но и наоборот – привести к противоположному результату. Например, слишком сильно мотивированный кандидат на выборный пост, имеющий мало шансов на успех, может быть слепо уверен в своей победе. Однако чаще всего индивид выставляет свою кандидатуру лишь тогда, когда четко осознает наличие высокой степени вероятности победить.

Дж. Штерн предложил теорию, согласно которой мотивация есть функция личного мотива индивида, его ожиданий и вознаграждения за успех. В формуле этот отражено следующим образом:

МОТИВАЦИЯ = f (МОТИВ×ОЖИДАНИЕ×СТИМУЛ).

В контексте политической психологии речь идет о том, что амбиции кандидата представляют собой функцию его личных мотивов (власть, успех, признание), его ожиданий относительно занятия должности и «ценности приза». Ожидания индивида определяются его отношением к политической системе, будущим своим возможностям как политика, оценкой собственных способностей и вероятной поддержкой. Иначе говоря, будущие престиж, власть и зарплата определяют амбиции политика.

Сторонники теории мотивации достижения успеха (Д. Макклелланд, Д. Аткинсон и Х. Хекхаузен) утверждают, что у человека есть два разных мотива, функционально связанных с деятельностью, направленной на достижение успеха. Это – мотив достижения успеха и мотив избегания неудач. Люди, мотивированные на успех, обычно ставят перед собой в деятельности некоторую положительную цель, достижение которой может быть однозначно расценено как успех. Они отчетливо проявляют стремление, во что бы то ни стало, добиться только успехов в своей деятельности, ищут такой деятельности, активно в нее включаются, выбирают средства и предпочитают действия, направленные на достижение поставленной цели. Иначе ведут себя индивиды, мотивированные на избегание неудачи. Их явно выраженная цель в деятельности заключается не в том, чтобы добиться успеха, а в том, чтобы избежать неудачи, все их мысли и действия в первую очередь подчинены именно этой цели. Очевидно, что индивид, делающий карьеру в политике, скорее будет мотивирован на успех. Для этого он будет выбирать реальные политические цели, ставить вполне выполнимые задачи, выбирать средства, адекватные цели и задачам.

Д. Макклелланд наряду с мотивом достижения выделял мотивы аффилиации (социальное присоединение) и власти. Мотив аффилиации обычно проявляется, как стремление человека наладить добрые, эмоционально положительные взаимоотношения с людьми [127].

Мотив власти кратко можно охарактеризовать как устойчивое и отчетливо выраженное стремление человека иметь власть над другими людьми. По словам Г. Мюррея, мотив власти – это склонность управлять социальным окружением, воздействовать на поведение других людей разнообразными способами, включая убеждение, принуждение, внушение, сдерживание, запрещение и т.п. Д. Верофф психологически уточнил определение данного явления следующим образом: под мотивацией власти понимается стремление и способность получать удовлетворение от контроля над другими людьми.

Рассмотренные выше подходы вовсе не исключают друг друга, скорее, они в той или иной мере взаимосвязаны и взаимодействуют друг друга. В свете этого вызывает интерес полипотребностная мотивация власти, предложенная С.Б. Кавериным. С его точки зрения, потребность власти – синдром пяти базовых потребностей:

– потребность в свободе (власть используется для достижения безопасности);

гедонистическая потребность (власть – средство удовлетворения материальных потребностей);

– потребность в самоутверждении (через власть достигаются престиж, уважение, признание);

– потребность в самовыражении (власть как достижение значимых результатов, игра, соревнование);

– потребность быть личностью (через обладание властью реализуется стремление сделать что-либо для других, а не только для себя).

Сама по себе потребность во власти как интегративное личностное образование не является ни плохой, ни хорошей. Ее проявление в поведении определяется как внешними условиями, так и соотношением указанных потребностей. «Суммарность» и одновременность действия базовых потребностей побуждает считать, что каждый человек, осуществляющий власть, движим одновременно мотивацией и независимости, и выгоды, и служения людям» [81].

Исходя из этого, С.Б. Кавериным разработана оригинальная типология людей, основанная на преобладании той или иной потребности в структуре мотивации власти (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1

Типология личности, основанная
на доминировании той или иной потребности

Доминирующая потребность	Тип личности
Потребность в свободе	Нонконформист
Гедонистическая потребность	Конформист
Потребность в самоутверждении	Диктатор
Потребность в самовыражении	Авантюрист
Потребность быть личностью	Демократ

Такая позиция перекликается с точкой зрения ряда зарубежных ученых, также полагающих, что стремление к доминированию не следует рассматривать исключительно как признак психического нездоровья. Так, К. Хорни принципиально отделяла невротическую мотивацию власти, коренящуюся, по ее выражению, в слабости личности, от нормального желания власти, вытекающего из силы человека, его объективного превосходства и детерминированного особенностями социализации, культуры общества [241]. Подобной точки зрения придерживался и Э. Фромм, отмечавший, что «в психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости... Власть – это господство над кем-либо; сила – это способность к свершению, потенция» [237].

Однако важно иметь в виду, что политика – далеко не единственная и даже не самая благоприятная сфера для удовлетворения потребности во власти. В демократическом обществе власть промышленного и финансового магната или менеджера крупной компании не уступает, а по показателю устойчивости превосходит власть политического лидера. Люди, посвятившие себя политике, прекрасно знают, что мало кто из них достигнет верхних этажей политического здания, где индивид (президент, премьер-министр, партийный лидер, губернатор) является носителем реальной власти. Даже члены высших законодательных органов обладают лишь властью коллективной, вряд ли способной удовлетворить властолюбие отдельной личности. Интересно, что эмпирические исследования, проводимые западными законодателями, не обнаруживают у них такой мотивации, как потребность во власти [249].

Подытоживая сказанное, отметим, что в политической психологии существуют различные трактовки термина «политическая власть». Вот некоторые из них:

– способность реализовать ресурсы общества для реализации целей, предполагающих принятие общественных обязательств (Т. Парсонс);

– возможность действующей личности реализовать свою волю независимо от основы, на которую опирается эта возможность, и вопреки сопротивлению других участников политического действия (М. Вебер);

– категория межперсональных отношений (Г. Лассуэлл);

– способность вызывать такие изменения в своем окружении, чтобы получить желаемый эффект (Н. Минтон);

– такие отношения между социальными единицами, когда поведение одной или более единиц (ответственные единицы) зависит при некоторых обстоятельствах от поведения других единиц (контролируемые единицы) (Р. Даль);

– потенциальная способность, которой располагает группа или индивид, чтобы с ее помощью влиять на другого (Дж. Френч, Б. Рейвен);

– способность или реальная возможность правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами (П.С. Гуревич);

– отношения «человек-политика-власть» (А.И. Юрьев);

– способность субъекта осуществлять властную волю с помощью соответствующих правовых и политических норм (законов и иных нормативных документов), опираясь на принуждение и специальный аппарат принуждения (Н.Ф. Головатый);

Политическую власть можно определить как способность и возможность одного человека или группы лиц, исходя из своих политических интересов и целей, оказывать определяющее воздействие на деятельность и политическое поведение людей.

Из данного определения, как и из некоторых других, приведенных выше, следует, что политическая психология не должна ограничиваться политико-психологическим анализом власти одного индивида, но уделять не меньше внимания власти больших и малых групп в политике. Однако следует признать, что сегодня этот аспект политической психологии изучен крайне ограниченно. В основном это некоторые частные проблемы, относящиеся к психологии «группового давления», «власти большинства», «конформизма» и т.п. Сказывается недостаток

фундаментальных и прикладных исследований, посвященных психологии политических партий, движений, других больших и малых, национально-этнических и иных групп. Особенно это актуально в отношении психологических исследований политических процессов, имевших и имеющих место в современном российском обществе.

3.2. Психология восприятия власти

Не доверяйте всем тем, кто много говорит о своей справедливости.

Не забывайте, что для фарисея не достаёт только власти.

Ф. Ницше

Исходя из тех подходов к пониманию политической власти, которые приведены выше, можно сделать вывод, что политическая власть представляет собой взаимодействие нескольких агентов и включает:

– объект политики – то, что воспринимается (человек или орган власти, воздействующий на других и отдающий соответствующие распоряжения). Объектом здесь, следовательно, может выступать субъект или группа субъектов;

– субъекта политики – того, кто воспринимает (индивид, или группа индивидов, на которых оказывается воздействие и от которых требуется повиновение);

– процесс взаимодействия субъекта и объекта в политике.

В процессе политического взаимодействия складываются субъект-объектные отношения – между носителем (носителями) власти, властвующим субъектом и тем, на кого оказывается воздействие.

Власть вообще, и не только политическая – это разновидность психологического воздействия, средства которого варьируются от мягкого увещевания до открытого насилия. Но, помимо воздействия одного человека на другого, между ними происходит взаимодействие, обе стороны которого способны влиять на партнера, хотя эти влияния и не равнозначны. Эти процессы осуществимы только при условии, что властвующие имеют с управляемыми общий язык, на котором можно договариваться, приходиться к соглашениям [28].

В политической психологии, говоря о восприятии власти, мы имеем дело с социальной перцепцией. В отличие от обычной, перцепция

социальная – это восприятие, оценка и понимание социальными субъектами (отдельными личностями, группами разного типа) социальных объектов (самих себя, других личностей, групп разного типа, социальных явлений и т.д.) [94].

Процесс восприятия политической власти имеет принципиальную специфику, заключающуюся, во-первых, в том, что в нем происходит восприятие именно социальных объектов (объектов политики, наделенных властными полномочиями) социальными субъектами (гражданами государства). Во-вторых, эта специфика заключается в том, что значимыми оказываются не только параметры воспринимаемого объекта, но и характеристики самого субъекта восприятия, а также обстоятельства самой ситуации восприятия (значимость для субъекта политической проблемы, в рамках решения которой осуществляется процесс восприятия политической власти).

Известно, что специфическим продуктом восприятия является целостный образ воспринимаемого объекта. В политике такой образ, складывающийся в массовом политическом сознании, становится одним из важнейших ресурсов политической власти.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей акцентируют проблему образов отдельных политиков, мы же, изучая это проблему, пришли к выводу, что наряду и помимо образов отдельных политических деятелей в массовом сознании отдельно существует и образ власти в целом, который не получил пока должного внимания со стороны политических психологов.

То, какими видят власть и ее представителей рядовые граждане, влияет на их электоральный выбор, на поддержку власти между выборами и на тот диапазон возможностей, которые открываются перед политическими лидерами в ходе исполнения ими своих властных функций. Образы власти отличает, с одной стороны, существенная *изменчивость*, связанная и с индивидуальными действиями политиков, и с колебаниями общественного мнения. С другой стороны, более глубинные пласты образов отличает известная *устойчивость*, так как эти пласты, как правило, неосознаваемые людьми, питаются из резервуара коллективных представлений, уходящих своими корнями в глубокие традиции национальной политической культуры [251].

Е.Б. Шестопал и ее сотрудниками был проведен комплекс исследований, направленных на изучение восприятия власти гражданами России в 1990-е годы и в начале 2000-х годов. В тот период основны-

ми факторами, влияющими на формирование образа власти, по мнению Е.Б. Шестопал, стали, во-первых, произошедшие институциональные изменения политической системы, политического режима, во-вторых, традиция нашей национальной политической культуры.

Исследователи отмечают, что образы власти в сознании граждан динамичны – меняется как содержание образов, так и сама «оптика», определяющая характер восприятия. Так, в общественном сознании в начале 1990-х годов произошла смена вех, когда в один день мы все оказались гражданами новой страны. Еще один серьезный сдвиг пришелся на 1993 год после того, как действующий президент Ельцин решил применить танки против своих политических противников. Менее значительные повороты в общественном мнении фиксировались в 1996 году – в год президентских выборов. Осенью 1999 года, что совпало с назначением В.В. Путина председателем правительства, массовое сознание преодолело еще один серьезный рубеж, который если и не сопоставим с «извержением» 1991 года, то также сильно поменял видение гражданами политики, лидеров, отношение к государству, законам и другим важнейшим политическим явлениям [251].

Сам образ власти и политиков рассматривался исследователями как сложный психологический феномен, как особая психологическая реальность, имеющая свою структуру, в которой были выделены два компонента – содержательный и собственно психологический.

Что касается содержательного аспекта, отмечена его специфичность в отличие от содержания образов в рекламе, идеологии, морали и т.д. Подчеркнуто, что «хотя власть и является весьма абстрактной категорией в сознании граждан, но она раскрывается через образы конкретных ее носителей: личности и институты, обладающие определенным политическим влиянием».

Собственно психологические измерения осуществлялись и оценивались по трем традиционным критериям – эмоциональному, когнитивному и поведенческому.

Эмоциональная составляющая образов власти, по мнению Е.Б. Шестопал, включает, прежде всего, знаки отношения к власти в массовом и индивидуальном сознании (отношения к идеальной власти и власти реальной, к власти нынешней и к власти недавнего прошлого, отношения со знаком *плюс* или со знаком *минус*). Однако гипотеза о том, что эмоциональный знак в отношении власти времен молодости респондентов будет более позитивным, чем в настоящем

(в связи с тем, что люди обычно идеализируют свое прошлое), подтвердилась лишь частично. Реальность оказалась намного сложнее. Эмоциональные составляющие особенно ярко проявились в образах власти в глубинных интервью, которые были проведены исследователями в середине 1990-х годов.

Когнитивный срез образов власти оценивался по таким индикаторам как интерес к теме власти, самостоятельность или стереотипность суждений о власти, уровень их когнитивной сложности/простоты, степень ясности/размытости образов и субъектность власти. Однако оценки по большинству этих индикаторов носят в основном интуитивный, гипотетический характер. Лишь в отношении субъектности образов власти приведена (хотя и обобщенная) оценка полученных данных. В частности, как пишет Е.Б. Шестопап, были получены данные, показывающие, что «нередко власть воспринимается гражданами как безличная сила, не имеющая «лица». За этим стоит определенный комплекс отчужденности власти от граждан, когда власть не просто «далека от народа», но вообще не понятно, где она. Власть выступает как некий неодушевленный объект, вызывающий тревогу, страх, другие негативные эмоции. Однако власть может ассоциироваться с партиями и институтами, с государством или конкретными персонами». Для Е.Б. Шестопап было важным выяснить, кто или что подразумевается гражданами, когда они говорят о власти. Предварительные наблюдения показали, что российские граждане в понятие власти включают не только представителей исполнительной или законодательной власти. Они не различают власть и оппозицию. Для них власть – это все, кто там «наверху».

И, наконец, поведенческий аспект образов власти проявляется не просто в оценках режима той или иной системы, но и в готовности делом поддерживать эту власть, участвовать в управлении государством, принимать участие в различных формах политической деятельности.

Общий вывод проведенного исследования заключается в следующем. «Представления российских респондентов о власти основываются в основном на эмоциях, которые испытывают граждане по отношению к представителям власти и тем действиям, которые они совершают. Рациональные оценки встречаются довольно-таки редко. Власть представляется в образах респондентов когнитивно сложной, богатой, насыщенной деталями. Это, безусловно, делает ее более зримой и понятной, более психологически близкой и менее отчужден-

ной. Однако образ власти в сознании российских респондентов нельзя назвать сформированным и устойчивым» [251].

Исследование восприятия политической власти, формирование адекватного образа власти в сознании (и подсознании) граждан – важнейшее направление практической деятельности политических психологов. Ведь, как известно, политическая система функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью.

3.3. «Легитимность власти» как психологическое понятие

Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву... и его состоянию, в противном случае оно может ...быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности

Г. Гегель

Одним из основных специфических свойств политической власти, необходимым условием ее стабильности и эффективности является ее легитимность. Чаще всего ее представляют как особую форму поддержки, оправдания правомерности применения власти и осуществления (конкретной формы) правления либо государством в целом, либо его отдельными структурами и институтами.

Этимологически слово «легитимность» ведет свое начало от латинского *legalis* – законность. Однако легитимность и законность не являются синонимами. Поскольку политическая власть не всегда основывается на праве и законах, но всегда пользуется той или иной поддержкой хотя бы части населения, легитимность, характеризующая опору и поддержку власти реальными субъектами политики, отличается от легальности, свидетельствующей о юридическом, законодательно обоснованном типе правления, то есть о признании его правомочности всем населением в целом. В одних политических системах власть может быть легальной и нелегитимной, как, например, при правлении метрополий в колониальных государствах, в других – легитимной, но нелегальной, как, скажем, после свершения революционного переворота, поддержанного большинством населения,

в-третьих – и легальной, и легитимной, как, например, после победы определенных сил на выборах.

Легитимность политической власти – это степень согласия между управляющими и управляемыми социальными субъектами, то есть согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как нормативно определено. Политическая власть легитимна, если управляемые признают за управляющими право управлять политическими процессами. Это признание осознается как управляемыми, так и управляющими. Первым кажутся если не справедливыми и желательными, то, по крайней мере, естественными и сама власть, и связанные с ней институты. Вторые ждут от управляемых подчинения, а так же одобрения их действий по подавлению и осуждению диссидентов, не желающих подчиняться и оказывающих вербальное или действенное сопротивление.

Легитимность, таким образом, предстает как понятие не только, и не столько как правовое, но и как психологическое. Никакие ссылки на документы, целесообразность или традиции не сделают власть легитимной до тех пор, пока эти аргументы не станут убедительными для большинства или, хотя бы, значительного числа управляемых. Таким образом, легитимность власти – это факт сознания людей [147].

Индивид или институт обладают легитимной политической властью в том случае, если те, к кому они обращаются с определенным распоряжением, признают их право отдавать приказы. Если же носитель власти теряет легитимность, то рано или поздно он лишается и самой власти. Так происходило с режимами Чаушеску, президента Филиппин Маркоса, последнего шаха Ирана, правителями Туниса, Ливии, Египта и других арабских государств. Их падению предшествовала потеря согласия граждан подчиняться существующей власти. Система рушилась под ударами восстаний и массовых протестов, хотя к моменту гибели в ее распоряжении еще были вполне эффективные средства подавления и идеологического воздействия.

Характерно, что сначала легитимность теряется для управляемых – они перестают признавать право носителей власти на управление. Сами же властные фигуры, не осознавая (или не желая осознавать), что ситуация изменилась, продолжают ожидать подчинения и готовности к подчинению. При этом они опираются на традиции собственной легитимности, подкрепленной соответствующими политическими институтами, национальными и религиозными обы-

чаями и ритуалами. Кроме того, существующие системы обратных связей ориентируются, в основном, на регистрацию объективных показателей, таких, например, как уровень преступности, размах забастовочного движения, активность антиправительственных сил. Значительно меньше поддается фиксации динамика массового сознания – усталость граждан от тех или иных лидеров, вождей, разочарование в прежних лидерах, энтузиазм по поводу новых пророков или идей. И, наконец, осознание потери легитимности болезненно для носителей власти, и они стараются интерпретировать неизбежно амбивалентные результаты анализа положения дел в стране в более благоприятном для себя ключе.

Важным эмпирическим показателем степени легитимности власти, по мнению А.П. Назаретяна, является представленность в повседневной жизни средств принуждения. Например, если говорить о легитимности политической власти, то большое число хорошо вооруженных полицейских заставляет предположить, что граждане не считают свою власть легитимной, то есть не готовы подчиняться ей добровольно. Или, другая возможность, сами носители власти осознают собственную нелегитимность, и поэтому ожидают сопротивления.

М. Вебер выделял три вида легитимности: легитимность, основанную на традиции, легитимность, основанную на праве и легитимность, основанную на харизме.

В первом случае в основе власти лежит обычай, властные отношения регулируются традиционно сложившимися установлениями.

При легитимности, основанной на господстве закона, люди следуют определенным кодифицированным правилам, признавая именно такое поведение оптимальным для согласования интересов, для разрешения конфликтов и вообще для обеспечения социального взаимодействия [34].

Легитимность, основанная на харизме, базируется на признании исключительного права именно этого человека или именно этой группы на управление людьми. Характерно, что поскольку легитимность харизматического типа предполагает приписывание носителю власти, индивидуальному или, реже, коллективному, выдающихся свойств, то власть в этом случае крайне редко передается по наследству. Пожалуй, единственным примером успешной передачи власти от лидера харизматического типа его прямому наследнику является Северная Корея, где после смерти Ким Ир Сена все его посты

занял его сын Ким Чен Ир. Аналогичные попытки в других странах неизменно заканчивались неудачей. Харизма не передается по наследству даже и в тех случаях, когда наследуется сама власть. Например, воцарение сына покойного монарха легитимизируется и законами, и обычаями (то есть присутствует легитимность и первого, и второго типов), но харизма отца, если таковая существовала, не передается автоматически его сыну. Он должен еще доказать, что является не только законным, но и достойным преемником своего великого предшественника.

Анализируя психологические основы легитимности власти, А.П. Назаретян [147] отмечает, что общественные законы суть законы сотрудничества и взаимовлияния чувств, желаний и представлений людей, вступающих в общественное взаимодействие. Однако любое сотрудничество – это действие людей, имеющих определенную направленность и предполагающих некоторую силу, а именно власть. Власть рождается с самим общественным процессом, являясь одним из необходимых условий его функционирования. Власть есть сила направляющая, но в то же время сама порождается общественными силами, то есть в известном смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать. Власть неизбежна. Ее присутствие и последствия – принуждения – видны во всех отношениях между людьми.

Но власть вовсе не обязательно является результатом принуждения, насилия, подавления одной личности другой. Человеку свойственно искание власти над собой, власти, которой он готов подчиниться. Таким образом человек пытается удовлетворить потребность воздействия на другого. Это искание власти над собой, свободная потребность в подчинении не есть выражение слабости индивида. Подобно тому, как стремление к независимости может порождаться не только могучей силой, но также грубой необузданностью природы, тщеславием, так и стремление к подчинению не всегда является результатом слабости.

Таким образом, власть, в том числе и политическая, имеет психологическую природу. Но как только проявление власти приобретает общественный характер, главной ее целью становится создание и поддержание порядка, важнейшим средством чего и выступает власть. И тогда оказывается, людям вовсе не нужно создавать власть (бороться за нее, завоевывать, удерживать), им достаточно ее принять и подчиниться ей, устанавливая тем самым нужный порядок.

С одной стороны, власть требует подчинения. С другой – подчиняясь власти, индивиды не жертвуют своей свободой, вместо подчинения стихийным силам, они подчиняются сами себе, то есть тому, что сами осознали для себя необходимым. Люди лишь выходят из слепого подчинения внешним обстоятельствам и приобретают независимость как первое условие свободы.

В этом контексте ключевое значение приобретает понятие «легитимность». В содержательном плане она означает признание гражданами правомочности власти, обоснованности ее претензий на господство над ними, внутреннее согласие подчиняться. В определенной степени можно сказать, что люди, которые подчиняются самим себе, интериоризируют и принимают, как свое, веление власти.

Люди могут повиноваться власти по разным причинам: ради какой-либо выгоды; считая, что «другие еще хуже»; полагая, что выступать против власти «слишком дорого», и т.п. Но такая внешняя поддержка таит в себе возможность серьезного кризиса. Ведь возможности для принуждения и вознаграждения всегда ограничены в возможностях длительного применения. Ш. Талейран метко заметил, что единственный недостаток штыков состоит в том, что на них невозможно сидеть [116]. То же самое можно сказать и о тенденции к «покупке» лояльности граждан. Речь идет не столько о собственно материальных ресурсах, сколько о психологических. С течением времени происходит своеобразное привыкание к репрессиям или поощрениям. Они начинают восприниматься как фоновое явление, а их субъективная значимость постепенно падает.

С этой точки зрения легитимность «выгодна», поскольку власть может позволить себе не растрачивать средства на то, чтобы добиться выполнения своих указаний. Более того, в определенных ситуациях факт легитимности может стать для нее своеобразным единственным ресурсом, когда другие уже исчерпаны (например, для проведения непопулярных мер в условиях экономического кризиса).

На каких же психологических основах базируется легитимность? Наибольшую известность получила классификация, основывающаяся на типах господства, выделенных М. Вебером. Чаще всего выделяют легальную, традиционную и харизматическую легитимность.

Легальная (рациональная) легитимность политической власти предполагает, что последняя следует указаниям людей и институтов, избранных в соответствии с рациональными правилами, установленными

нормами. Данный вид легитимности тесно связан с нерациональным типом социального действия (*М. Вебер*), следовательно, учитывает и то, как власть влияет на достижение человеком его целей. В данном аспекте весьма важно учитывать неоднозначное отношение между такими характеристиками власти, как *легитимность и эффективность*. Трудно отрицать (при прочих равных условиях), что демонстрация властью успешности в осуществлении своих полномочий и обещаний способствует росту ее авторитета. Высокая эффективность может даже стать предпосылкой повышения легитимности власти, а низкая – подрывать ее. Действительно, оценка того, насколько государство способствует удовлетворению их целей, – важнейшая предпосылка легитимности. Как заметил Гегель, «если гражданам нехорошо, если их субъективная цель не удовлетворена, если они не находят, что опосредованием этого интереса является государство как таковое, то прочность государства сомнительна» [49].

Однако эффективность не отменяет необходимости собственно легитимности. Эффективность власти – желательное, но не основное условие легитимности. Так, к 1973 году в Чили правительство С. Альенде не смогло решить важнейшие социально-экономические проблемы и в значительной мере утратило доверие к способности эффективно управлять страной. Это ослабило его легитимность и облегчило военный переворот. Вместе с тем, пришедший к власти режим А. Пиночета, казалось бы, добившись крупных экономических успехов, не смог обеспечить подлинной правомочности своего господства. В условиях экономического роста претензии на власть были до определенной степени оправданы. Однако последовавший спад стал важным фактором падения хунты, поскольку необходимой легитимности она не имела в силу способа прихода к власти и методов управления.

Дилемма эффективности и легитимности имеет психологическое основание. Представляется, что эффективность может быть в определенной степени сопоставлена с инструментальными ценностями, а подлинная легитимность – с терминальными. Можно предположить, что при удовлетворении базовых потребностей за счет успешного экономического роста актуализируются более высокие устремления личности (в том числе стремление к осознанию себя как субъекта общественного развития). Эффективность не следует сводить только к экономике. Выше мы отмечали, что основа власти – взаимодействие мотивов. Помимо материальных, более важным чаще

всего оказывается удовлетворение таких потребностей граждан, как безопасность, эмоциональная поддержка, уважение и т.п. [250].

В основе *традиционной легитимности* лежит привычка, стремление к постоянству, консерватизм, отчасти конформизм. Человек подчиняется власти, потому что «так было всегда», не рефлексируя отношения к ней. Так для многих жителей России Октябрьская революция 1917 года означала только «смену царя». В то же время для людей, сформировавшихся в годы советской власти, вопрос о ее легитимности также не вставал во многом потому, что для них она была естественной данностью. При традиционной легитимизации новое приобретает значимость только через ссылку на авторитет прошлого. Примером такой власти является монархическая система правления. Однако и сегодня легитимизация через традицию используется достаточно широко. Вспомним апелляцию к отечественным традициям (образы Петра I, В.И. Ленина, И.В. Сталина). В настоящее время очень ярко проявляется стремление к установлению связи современной государственности с дооктябрьской Россией, недооценивая 70-тилетний опыт новейшей истории СССР как великого государства современности. Психологически традиция может быть связана с патернализмом, восприятием отношений гражданин-власть как семейных – старшего и младшего.

Харизматическая легитимность является по своей основе личностным типом правомочности. Такой власти подчиняются в силу того, что приписывают ее носителям внеобыденные качества: великого учителя, героя, пророка и т.п. Сам термин «харизма» был взят из религии, где обозначал своеобразную божественную избранность, «дар свыше». «Харизма» – это тот стяг, знамя, хоругвь, которую несет в руках человек, возглавляющие массовое шествие людей. Подчинение лидеру основывается на личном доверии и определяется рамками представления индивида о харизме. Подчиняясь, люди идут не столько за человеком, сколько за харизмой, которая осеняет его своим влиянием и авторитетом. Харизматичному лидеру верят не потому, что он сказал нечто правильное, а потому, что это сказал именно он. Власть харизматического лидера – это власть символа и, одновременно, того момента, когда этот символ поднят над толпой. Это власть человека яркого, как то же самое знамя, но такая яркость идет не столько от человека, сколько от идущих за ним масс, наделяющих своей любовью и его, и несомое им знамя. Такая власть фанатична,

но ситуативна: изменится ситуация, наступит иной момент, и такой лидер может быстро поблекнуть, утратить свое влияние. Возможно, в силу этого при анализе системы харизматической власти часто можно обнаружить психологические параллели со структурой религиозного культа: наличие «мессии», знающего, «как надо», его последователей – «апостолов», «мучеников», противников-еретиков, идеологию – «писание» и т.п.

Неизбежным следствием, своеобразной оборотной стороной харизматического способа легитимизации является сочетание вождизма с массовым энтузиазмом, слепой верой в лидера. И еще: с одной стороны, харизматичный лидер способен сплотить своих последователей перед лицом опасности, однако, с другой стороны, он как правило, мало пригоден для решения текущих дел. История также не раз демонстрировала, что харизматичные лидеры могут легко превращаться в диктаторов.

Обычно принято выделять две составляющие харизмы [283]. Во-первых, это удаленность от подчиненных (влияние возрастает пропорционально дистанции). Во-вторых, наличие чего-то необычного, что порождает эмоциональное возбуждение последователей. Что характерно, к такому лидеру нет равнодушных: его или любят или ненавидят.

Со времен М. Вебера, разделяются три варианта харизмы: харизма, как символическое решение внутренних проблем; харизма как защита от чужой власти через агрессию; харизма как приписывание лидеру атрибутов, способствующих удовлетворению своих интересов [по: 154].

По своей сути харизматическая легитимность противоположна легитимности традиционной, поскольку ориентирована прежде всего на изменение существующего положения вещей. Однако по форме она может переплетаться с ней, особенно если несколько последовательных представителей власти рассматриваются как лидеры харизматического плана. Данный процесс особенно ярко проявляется тогда, когда харизма еще недостаточно выражена. Однако даже революционная харизма по истечении определенного времени становится историей, и происходит ее рутинизация. Так, Сталин на этапе восхождения к власти представлял себя продолжателем традиций, идущих от Ленина и Октябрьской революции, а в конце своего почти 30-летнего правления он уже сам был «традицией» для других.

Таким образом, легитимность политической власти исследуется не только с юридической, политологической, но и с психологической точки зрения.

Легитимность политической власти – это степень согласия между управляющими и управляемыми социальными субъектами, то есть согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как это устраивает управляемых, как нормативно определено. При этом управляемые признают за управляющими право управлять политическими процессами. Это признание в равной мере осознается обеими сторонами социально-политического взаимодействия.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Каковы особенности понимания власти в Античный период?
2. Кто из ученых рассматривал стремление к власти, как результат вхождения человека в систему общественных отношений?
3. Чем отличается подход к проблеме власти, сложившийся в глубинной психологии?
4. Как бы Вы охарактеризовали понятия «потребность во власти» и «мотив власти»?
5. Какие ресурсы (средства подкрепления) – особые для каждого мотива – Х. Хекхаузен называет источниками власти?
6. Какую роль играют амбиции человека в его стремлении к власти?
7. Как Вы считаете, способен ли человек, у которого доминируют мотивы аффилиации, добиться власти?
8. В чем заключается сущность типологии людей, основанной на преобладании той или иной потребности в структуре мотивации власти (по С.Б. Каверину)?
9. Какое (или чье) определение политической власти, по Вашему мнению, в наибольшей мере отражает сущность этого понятия с психологической точки зрения?
10. В чем заключается проблема эмпирического исследования восприятия политической власти?
11. Чем, прежде всего, отличается психологический подход к пониманию политической власти от политологического и социологического?
12. В чем, на Ваш взгляд, заключаются особенности восприятия политической власти в России?
13. Каковы особенности эмоциональной и когнитивной составляющей восприятия политической власти?

14. Что такое «легитимность политической власти» с психологической точки зрения?

15. Что может служить эмпирическим показателем степени легитимности политической власти?

16. Как соотносятся между собой в контексте понимания политической власти «легитимность» и «эффективность»?

17. В чем заключаются существенные характеристики харизматической легитимности?

18. В чем, на Ваш взгляд, заключаются достоинства и недостатки харизматичной личности, способствующие или препятствующие ей в стремлении и удержании политической власти?

19. Как Вы считаете, сохраняет ли сегодня свою актуальность классификация видов легитимности власти, предложенная М. Вебером?

20. Что означает термин «помешательство власти»?

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХИКА

*Понятие и структура политической психики.
Политическое восприятие. Политическое мышление.
Политическое воображение. Политические эмоции и чувства.
Политическая воля. Политические установки и стереотипы.
Инертность политической психики. Политическое сознание
и политическое самосознание. Коллективное бессознательное
в политике. Политический менталитет*

Из чего ты возник, определяет генетика,
а чем ты станешь — политика.

Станислав Ежи Лец

Политическая психика представляет собой особую форму активного отражения субъектом общественно-политических процессов и явлений, возникающую в социально-политическом взаимодействии этого субъекта с внешним миром и осуществляющую в его поведении (деятельности) регулятивную функцию. Политическая психика открывает субъекту не политическую ситуацию (политические процессы и явления) какой она есть, а поле его действия, то есть те объекты политики и те их свойства, которые важны для жизни субъекта.

В политико-психологическом анализе политическая психика включает в себя три основных блока:

- 1) когнитивный блок (политическое восприятие, политическая память, политическое мышление, политическое воображение);
- 2) эмоционально-волевой блок (политические эмоции и чувства, политическая воля);
- 3) поведенческий блок (уже выходящий собственно за пределы психики) – блок политического поведения – конкретных действий, основанных на воспринятой, запечатленной в памяти, осмысленной и оцененной информации.

Особая роль в функционировании политической психики принадлежит политическим установкам и стереотипам, а также инертности в политическом восприятии и мышлении.

4.1. Политическое восприятие

Палача упрекали, что он исполнял свою работу при разных режимах, казня тех, по чьему приказу прежде казнил других. Он изрек:
«Взгляды меня не интересуют,
я вижу только человека».

Станислав Ежи Лец

Социально-перцептивный блок (блок политического восприятия) включает восприятие политики как таковой, восприятие политических лидеров, политических групп, политической власти, политической информации и других объектов, имеющих непосредственное отношение к политике.

Еще в 1920–1930-х годах, в многочисленных экспериментальных исследованиях американской психологической школы «New look» было доказано, что наше восприятие зависит от установок и стереотипов нашего сознания, а в политическом плане – от политического сознания, политического самосознания и политической культуры. Причем проявляется это влияние на неосознанном уровне. Если наложить друг на друга контурные изображения автомобиля и лошади, а потом показать этот внешне бессмысленный набор линий американцам и мексиканцам, то большинство американцев уверенно увидят на этом «рисунке» автомобиль, а большинство мексиканцев – мустанга. То же самое можно сделать, наложив друг на друга изображения скрипки и автомата Калашникова. Большинство палестинцев, афганцев, представителей любой иной длительно воюющей общности увидят только автомат Калашникова (он и сегодня изображен на государственном флаге и государственном гербе Мозамбика), напротив большинство европейцев увидят лишь скрипку [по: 154].

Известно, что восприятие обладает свойствами избирательности, осмысленности. Точно также избирательно и политическое восприятие. Такая избирательность формируется в процессе политической социализации – «врастания» подрастающих поколений во взрослый, политический мир. Сформировавшись, эти особенности восприятия оказываются связанными с политической культурой, политическим сознанием, политическим самосознанием, а также с другими функциями человеческой психики. Осмысленность и избирательность характе-

ризируют восприятие политической информации, политической власти, политических лидеров. Особенно, когда речь идет об имидже политического деятеля, имидже государства, когда оба эти явления выступают в качества субъекта-прообраза имиджа (подробнее об этом в главе 11).

4.2. Политическая память

Ничем так не восхищаются в политике,
как короткой памятью

Джон Гэлбрейт

В политике память, как психологический феномен, имеет весьма существенное значение. По мнению Е.Б. Шестопал, это заключается, во-первых, в том, что хорошая память является необходимым свойством личности политического лидера, которому приходится пропускать через свое сознание огромное количество информации, имеющей прямое или косвенное отношение к тем или иным событиям, явлениям политической жизни общества. Причем речь здесь идет не просто о запечатлении, запоминании, а способности отбирать и хранить определенные блоки этой информации, имеющей непосредственное отношение к характеру деятельности. Для политика особое значение имеют память на людей, на их политические пристрастия, их отношение к политическим событиям, оценкам этих событий – все то, что позволяет политику вырабатывать отношение к политическим явлениям, к коллегам и политическим оппонентам.

Во-вторых, для политической психологии представляет интерес память отдельных групп людей и в целом историческая память народа. Если в советский период нашей истории, особенно в первые его десятилетия некоторым людям приходилось скрывать свое дворянское или иное (не рабоче-крестьянское) происхождение, то в постсоветский период сплошь и везде появились потомки дворянских родов, что вызывает серьезные подозрения в искренности заверений многих из них в своем «благородном» происхождении [251].

Историческая память нередко выбрасывает на поверхность современности один за другим политические сюжеты. Социологические исследования дают нам возможность сравнить, как воспринимали наши сограждане исторически значимые события с совсем небольшим историческим интервалом (см. табл. 4.1).

Самые значительные события XX века (% из числа опрошенных) [110]

События	1989	1994	1999	2003
Первая мировая война	8	19	18	14
Октябрь 1917 г.	65	49	49	40
Коллективизация	10	8	6	6
Репрессии 1930-х годов	31	18	11	17
Победа в Великой отечественной войне (1945)	75	73	85	78
Создание социалистического лагеря в Европе	–	4	5	3
Смерть Сталина (1953)	–	–	14	13
XX съезд КПСС (1956)	–	5	4	4
Полет Ю. Гагарина (1961)	33	32	54	51
Война в Афганистане (1978-1989)	11	24	21	23
Перестройка	24	16	16	21
Авария на Чернобыльской АЭС	36	34	32	35
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря	–	6	5	3
«Путч» (август 1991 г.)	–	7	6	7
Распад СССР	–	40	47	42
Реформы Е. Гайдара	–	6	2	4
События октября 1993 г.	–	7	3	4
Первые многопартийные выборы (1993)				
Война в Чечне	–	–	24	31
Дефолт (1998)	–	–	18	8
Избрание В.В. Путина президентом (2000)	–	–	–	11

Как видим, одни события со временем меркнут в памяти людей (смерть Сталина, падение Берлинской стены, дефолт 1998 г.), другие сохраняются в памяти, не теряя своей политической актуальности (Победа в Великой отечественной войне, чернобыльская катастрофа, распад СССР), а ценность некоторых со временем даже растет (полет Ю. Гагарина). Причем важно, что дело здесь не в абсолютной временной дистанции, а в политической актуальности того или иного события в тот или иной момент времени для исторической памяти народа.

4.3. Политическое мышление

Мышление требует усилий и подготовки.

Политики слишком заняты составлением речей, чтобы мыслить

Б. Рассел

Ключевой и определяющей составляющей структуры политической психики является политическое мышление. Это социально обусловленный, неразрывно связанный с речью процесс опосредованного и обобщенного отражения политической реальности в ходе ее политико-психологического анализа и синтеза. Политическое мышление включает в себя не только когнитивные, но и эмоционально-оценочные механизмы, имеющие собственный онтологический статус.

Принципиально важной особенностью именно политического мышления является его крайняя нелогичность, а часто просто откровенная алогичность [154].

Л. Кэрролл в XIX веке писал: «Общество было бы в гораздо меньшей степени подвержено панике и другим пагубным заблуждениям, а политическая жизнь выглядела бы совсем иначе, если бы аргументы (пусть даже не все, а хотя бы большинство), широко распространенные во всем мире, были правильными... На одну здравую пару посылок (под здравой я понимаю пару посылок, из которых, рассуждая логически, можно вывести заключение), встретившуюся вам при чтении газеты или журнала, приходится по крайней мере пять пар, из которых вообще нельзя вывести никаких заключений. Кроме того, даже исходя из здравых посылок, автор приходит к правильному заключению лишь в одном случае, в десяти же он выводит из правильных посылок неверное заключение» [105].

О решающей роли иррациональных механизмов, эмоциональных оценок в действиях масс на рубеже XIX–XX веков писал Г. Лебон. Выше уже отмечалась его точка зрения о том, что причиной социальной динамики он считал постоянную смену идей: будучи исходно интеллектуальным и духовным достоянием одного человека, определенная идея «путем заражения» проникает в «душу массы», находя все больше и больше приверженцев. Сама идея при этом неминуемо упрощается, почти теряя свое исходное интеллектуальное своеобразие, превращаясь в догмат, т.е. в абсолютную истину на эмоциональной

основе. Собственно говоря, только в этом своем превращенном, практически иррациональном виде идея и может оказывать социально-регулирующее влияние на массу [108].

М. Вебер, рассматривая политическое мышление, отмечал «повсеместное использование терминов, которым даже трудно придать определенный смысл», и даже таких, «которые вообще не допускают анализа» [34]. Анализируя общественно-политические дискуссии в послереволюционной России, логик С.И. Поварнин делал однозначный вывод о слабой логике политического мышления на всех стадиях – начиная от операций с понятиями, кончая связями суждений с умозаключениями [176].

Содержание политического мышления определяется не столько логическими механизмами, сколько установками, целями и ценностями, определяемыми политическим сознанием и политической культурой. С другой стороны, политическое мышление оперирует не столько знаковыми моделями, сколько перцептивными категориями (образами, мифами, верованиями и т.п.), что в свою очередь влияет на политическую культуру и политическое сознание в целом [154].

Очевидно, однако, что способностью мыслить политически обладают не только политики, но и любой человек, любой субъект общественных отношений, пусть даже и не занимающийся целенаправленно политической деятельностью. Реализация этой способности тем или иным человеком зависит от проявления им интереса к политическим процессам и явлениям, от степени политического участия в жизни общества, от уровня его политической культуры, от того, как человек воспринимает политическую реальность, как к ней относится, как ее оценивает и т.п. Из данной точки зрения следует, что политическое мышление свойственно любому человеку – любому члену общества.

В этой связи имеет смысл остановиться на иной точке зрения. Украинский ученый Н.Ф. Головатый определяет политическое мышление как опосредованное и обобщенное отражение человеком (политиком) политических явлений и процессов объективной действительности в ее исторических, временных связях и отношениях [56], из чего следует, что речь идет о человеке как политике, то есть политическое мышление свойственно не всякому субъекту, а лишь политике.

Развивая свою мысль, Н.Ф. Головатый подчеркивает, что политическое мышление делает возможным научное познание всего, что обуславливает политику, ее существование, познание сути и особен-

ностей политических явлений и процессов. Оно дает возможность не только познавать, но и предвидеть, прогнозировать развитие политических событий, способствует формированию личности, ее навыков, способностей, политической культуры.

В психологии вообще, и в политической психологии в частности, активно дискутируется вопрос о типах политического мышления как определенных способах использования индивидом информации для получения соответствующего результата. Некоторые ученые придерживаются точки зрения американского автора Ш. Розенберга, который настаивает на существовании трех типов политического мышления: последовательно-ситуационного, линейного и систематизированного.

Последовательно-ситуационное мышление акцентирует внимание на том, что политическая реальность – это как бы некая последовательность и согласованность событий, явлений, ситуаций. Людям (политикам) с таким типом мышления тяжело абстрагироваться, обобщать, отыскивать определенные аналогии.

Линейное политическое мышление свойственно тем, кто связывает определенное политическое действие с какой-то основой, а остальные считает исходными от первой. Такое мышление является довольно аналитическим.

Систематическое политическое мышление присуще тем, кто считает, что политика строится на системе определенных отношений, явлений, процессов, событий.

Политическому мышлению свойственны практически такие же умственные действия и операции, как и любому другому, в частности анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, классификация, систематизация. То же самое касается и форм мышления, поскольку результаты мыслительного процесса (мысли), как известно, существуют в форме суждений, рассуждений, умозаключений и понятий.

Особо следует отметить индивидуальные особенности политического мышления: самостоятельность мышления, его критичность, глубину, гибкость, широту, скорость, творческую [56].

Самостоятельность политического мышления присуща людям (в том числе и занимающимся политикой), способным самостоятельно ставить перед собой и решать определенные цели и задачи без помощи извне, со стороны других людей. Такие индивиды довольно активно и эффективно учитывают и используют кроме собственного опыт

других людей, творчески его перерабатывают, критически подходят к анализу теории и практики общественной жизни.

Индивиды с *критичным политическим мышлением* не просто критически оценивают все, что знают, видят, умеют и делают сами и другие люди, они не поддаются слепо влиянию взглядов, побуждений других людей. Как правило, такие люди (политики) хорошо владеют искусством выявления отличий между «за» и «против», принятия взвешенных решений. Обе эти особенности мышления, как правило, формируются с приобретением человеком не только знаний, но и соответствующего жизненного опыта.

Глубина политического мышления свойственна людям (политикам), которые умеют глубоко проникать в сущностные особенности определенных сентенций, явлений, событий; отделять главное от второстепенного, постороннего, выявлять причинно-следственные связи и особенности развития общественных явлений и т.д.

Что касается *гибкости политического мышления*, то оно встречается редко, и свойственно, прежде всего, тем, кто умеет быстро изменять свои мысли, освобождаясь от того, что уже закрепилось в них самих, в их сознании в результате жизненного опыта, или что является несовершенным, устаревшим, неточным. Политики, обладающие гибкостью политического мышления, довольно быстро осваивают разнообразные, особенно прогрессивные политические технологии и в совершенстве овладевают ими. Умение выбирать часто нетрадиционные, нестандартные приемы и способы решения конкретных политических проблем помогает таким политикам хорошо адаптироваться к конкретной политической ситуации, действовать рационально и эффективно.

Широта политического мышления. Если человек (политик) способен охватывать широкий круг вопросов, связывать их, разделять главное и второстепенное и после этого принимать альтернативные оптимальные решения, это значит, что он мыслит широко. Такое качество чаще всего характерно для людей высокообразованных, эрудированных, с широким кругозором.

Скорость политического мышления присуща индивидам (политикам), которые умеют быстро разбираться в сложных ситуациях, принимая наиболее обдуманное, правильное, наиболее оптимальное решение. В определенной мере скорость мышления зависит и от психологического состояния индивида, подвижности его нервных процес-

сов, однако, как правило, люди приобретают такое качество в результате основательного обучения, тренировки умственной деятельности.

Творчество политического мышления особенно необходима человеку, занимающемуся духовной, творческой, политической деятельностью. Оно связано, прежде всего, с умением мыслить нестандартно, оригинально, в совершенстве владеть знаниями и опытом деятельности других людей, принимать нестандартные решения.

Указанные индивидуальные особенности политического мышления развиваются и совершенствуются лишь в процессе постоянной умственной и практической деятельности человека. Какое-либо политическое действие является результатом чувственного восприятия, соответствующего осмысления конкретных ситуаций, явлений, поступков самых различных субъектов политики.

Анализируя политические события, явления, процессы, политик постоянно обязан рассматривать их не только в сущностном состоянии, но и относительно психологии отдельных субъектов. Синтезируя политические явления, политик ставит цель определить логику их развития, спрогнозировать ход событий, осознать, кому и в какой мере эти действия необходимы и выгодны. В политическом мышлении своеобразно проявляются абстрагирование и конкретизация, поскольку какие-либо действия должны быть переведены на язык политики с учетом политических идей, взглядов, позиций, интересов.

Политический анализ предусматривает, во-первых, изучение взаимодействия действующих в политике структур, и, во-вторых, установление связей и особенностей, развитие и использование которых могут обеспечить наибольший эффект в политике.

Своеобразной функцией процесса политического мышления является политическая идеализация. Для идеальных построений, прогнозов в политике нужны рациональные, взвешенные основания, фундамент для таких прогнозов. При иных обстоятельствах политическая идеализация становится элементарным фантазированием, прожектерством.

Крайне осторожно в процессе политического мышления политик может использовать разнообразные аналогии, поскольку такой путь поиска истины, принятия политического решения видится довольно упрощенным. Аналогия не может быть достаточным аргументом при принятии политического решения, поскольку абсолютно похожих политических процессов практически не существует [239].

4.4. Политическое воображение

Воображение беспрестанно обманывает нас,
показывая нам всё лучшим или худшим,
чем оно есть на самом деле.

Пьер Буаст

Политическое воображение рассматривается, как правило, в контексте политических представлений, которые в «чистом» виде встречаются довольно редко. Большинство людей используют различные способы выработки своих политических представлений, а сами эти представления могут резко различаться в зависимости от конкретного объекта или сферы действительности. Несмотря на невежество многих рядовых граждан в конкретных вопросах внутренней и внешней политики, это не означает, что эти люди не имеют рациональных представлений или идеологических стереотипов по затрагивающим их проблемам общественно-политической жизни [67].

Одной из форм политических представлений является коллективное творческое воображение. Политическое воображение можно рассматривать как процесс создания новых целостных образов политической действительности на основе переработки и творческого преобразования политических представлений. Можно выделить различные способы трансформации этих представлений в образы воображения: аналогия, акцентирование, преувеличение.

Политическое воображение рассматривается иногда как внезапное «озарение», ведущее к созданию нового политического образа, открытие которого подготавливается в процессе поиска решения.

Политическое воображение бывает произвольным (бесплодное фантазирование, уводящее человека от действительности) и произвольным (сознательное формирование политических образов в соответствии с целями и задачами деятельности). Последнее делится на воссоздающее (построение политических образов на основе опосредствованной знаковой информации) и творческое (создание принципиально новых политических образов) [257].

Наиболее распространенными формами политического воображения являются политические мифы и политические утопии.

Политический миф – это некритически воспринимаемое иллюзорное воображение, замещающее и вытесняющее представление

о политической реальности. Политический миф как форма иллюзорного постижения политического мира включает в себя либо прозрение, либо заблуждение. В политическом мифе могут воплощаться интимные человеческие вожеления и притязания, его галлюцинаторный политический опыт и особенности как индивидуального, так и коллективного бессознательного. Политический миф появляется тогда, когда люди сталкиваются с невыполнимой задачей, решение которой превосходит их естественные возможности [88]. Политический миф обладает определенной имплицитной логикой, с помощью которой можно обобщить все многообразие иррационального опыта [256].

Символичность политического мифа определяет его важнейшие черты – слабую артикулированность, недостаточную внутреннюю расчлененность мышления. В этом – особенность мифологического воображения – неявное разделение, а иногда и слитность политического субъекта и политического объекта, предмета и знака, слова и дела, существа и его имени. Мифологическое мышление оперирует, как правило, ситуативно-конкретным и индивидуально-персональным, внешними свойствами политического объекта.

В политическом мифе обычно происходит замена причинно-следственных связей ассоциативно-случайными, так как политическое воображение в мифе регулируется не нормативами, выработанными в рационально-логическом освоении политической действительности, а нормативами чувственно-образного освоения политического мира и соответствующего этому уровню духовного освоения мифа политической практики. В мифологическом воображении уже есть «рациональное» – это именно воображение, а не «чисто» чувственная деятельность. Но в мифологическом воображении рациональное подчинено чувственно-образному, а нормы политического мифа – это не нормы разума, сколь бы много сегодня ни говорилось о рациональности политического мифа.

Политические мифы, хотя и представляют собой иллюзорные представления о политической реальности, но всегда объединены особой идеей, получающей своеобразное концептуальное оформление. Функциональное предназначение политического мифа заключается в том, что на его основе возможна политическая консолидация и политическая интеграция граждан в любой общественной системе.

В своей работе «Техника современных политических мифов» немецкий философ Э. Кассирер говорит о целенаправленном создании

мифов как средстве манипуляции массовым политическим сознанием. Он пишет: «Миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно также и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменит всю нашу социальную жизнь... Понять миф – означает не только понять его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. ...Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением... Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его» [88].

С. Кара-Мурза, рассматривая проблему манипуляции сознанием, описывает две основных разновидности политических мифов – «черные мифы» и «светлые мифы»

«Черные мифы» – это большие исторические мифы, которые создаются авторитетными интеллектуалами, историками и художниками и поддерживаются усилиями правящих кругов с целью сохранения культурной гегемонии этих правящих кругов. Эти мифы оправдывают тот разрыв с прошлым, который и привел к установлению существующего порядка. Например, черный миф об Иване Грозном, из которого выводится якобы «генетически» присущий России тип кровавой и жестокой деспотии.

«Светлые» мифы Запада – это мифы, которые в совокупности сложились в большую мета-идеологию современного западного общества, которую принято называть «евроцентризмом». Понятие Европы здесь понимается не географическое, а цивилизационное. Это как раз те мифы, которые «притягивают» к Западной Европе некоторые республики бывшего СССР, стремящиеся (а некоторые уже добившиеся этого) к вступлению, например в ЕС, в НАТО и т.д. [86].

Другой формой воображения, наряду с политическими мифами, является политическая утопия. При исследовании политической утопии необходимо выделить две познавательные традиции, одна из которых опирается на аксиологический, а другая – на содержательный аспекты ее анализа. С позиции первого подхода политическая утопия рассматривается как определенное пожелание, которое не может быть осуществлено ни при каких условиях и поэтому выступает в качестве недостижимого политического идеала. В русле второго подхода политическая утопия интерпретируется через понятие трансцендентного знания, критического по отношению к настоящему и «опережающего» будущее [по: 120].

Часто политическая утопия связана с определенными временными смещениями. Самая фантастическая утопия – воображаемый образ, например, идеального общества, где устраняются все «минусы» или усиливаются все «плюсы» существующего общества, который относится или к прошлому, или к будущему. Политическая утопия как бы удваивает политическую реальность, надстраивая над реальным политическим миром идеальный мир политической мечты. Поэтому мечту, как указатель политических ориентиров, можно рассматривать в качестве особого вида политического воображения.

В политических утопиях происходит «разрыв» политического времени, поэтому важно выделить некоторые причины, стимулирующие развитие утопического воображения. Прежде всего, это обострение социальных противоречий в обществе, нарастание конфликтных ситуаций, рост у части населения неудовлетворенности существующим положением. Именно в такие периоды в сознании людей происходит «воображаемое» устранение препятствий к удовлетворению потребностей, «оживает» утопическое воображение.

Психологической основой утопий, также как и мифов, выступает склонность людей к иллюзиям. Политические иллюзии – это искаженные восприятия политической действительности; политические мечты и надежды. Одним из источников политических иллюзий является субъективизм, ведущий к деформации временной перспективы, когда реализация политического идеала переносится на иные временные периоды. Не исключены иллюзии и другого рода, типичные для переломных моментов. Здесь возможны политические иллюзии, связанные с «забеганием» вперед, конструированием политических целей, достижение которых нереально. Утопизм здесь проявляется

в подмене реального нереальным. Подмена временных эпох нередко приводит к иллюзорным представлениям, к смещению форм временного бытия объекта. Носителями политических иллюзий являются не столько отдельные личности, сколько определенные группы людей. Одни из них стремятся устранить сформировавшиеся нормы политической жизнедеятельности, другие же – любым способом сохранить их [99].

4.5. Политические эмоции и чувства

У народа нет политических знаний,
у него есть смутное политическое чувство.

Альфонс де Ламартин

В политике роль эмоций переоценить невозможно. Страх и радость, удивление и ненависть, зависть и корысть, солидарность и соперничество – все эти и другие эмоции и чувства не просто сопровождают политику, но непосредственно становятся ее движущими силами. Будучи проявлением потребностей человека, эмоции оказываются одним из важнейших механизмов мотивации политической деятельности и действий.

Политические эмоции – это форма чувственного, обычно неосознанного, но достаточно продуктивного отражения человеком процессов и явлений окружающей политической реальности в виде аффективных оценок и реакций [154].

Как известно, в психологии обычно выделяют три основных аспекта эмоций: физиологические механизмы эмоций, эмоциональная экспрессия и эмоция как результат оценки ситуации (например, степень достижения цели, величины, характера расхождения между желаемым и достигнутым). Соответственно в каждой теории эмоций делается акцент на одном из этих аспектов [74].

В плане политической психологии особая роль принадлежит эмоции как результату оценки ситуации. Здесь нужно иметь в виду не просто анализ внешних условий, а скорее оценивание индивидом возможностей удовлетворения своих потребностей, которые зависят как от внутренних условий, так и от политической ситуации. С точки зрения такого – когнитивно-оценочного – подхода, эмоциональное переживание вырастает из непрерывного, оцениваемого взаимодействия человека со средой, и в частности – с реальной политической ситуа-

цией. Р. Лазарус подчеркивает, что такая оценка зачастую происходит неосознанно. Когда у вас уже есть опыт, увязывающий эмоции с той или иной конкретной политической ситуацией, – вам уже не нужно особо обследовать эту ситуацию, чтобы ее понять.

К. Левин в 1954 г. на основе многочисленных фактов констатировал, что подверженность познавательного материала влиянию эмоций определяется его структурированностью: чем более «расплывчатым» является поле восприятия, тем больше его подверженность влиянию эмоций. По мнению Я. Рейковского, «отношения между политическими событиями, причинные связи между факторами идеологической, социальной, экономической природы настолько сложны, что постижение их в целом превышает возможности дилетанта... Такое положение способствует доминирующему эмоциональному отношению к тем или иным событиям» [197].

Современный российский политический процесс изобилует примерами воздействия эмоций на политику. Достаточно вспомнить такие эпизоды, как схватки союзного и российского руководства в 1990 году, поведение членов ГКЧП перед телекамерами в августе 1991 года, заседание парламента, амнистировавшего участников августовского путча и переговоры премьер-министра В.С. Черномырдина с чеченскими террористами, захватившими в 1995 году в г. Буденновске больницу и более полутора тысяч заложников. Были и примеры «странных эмоций». Трудно было объяснить странное поведение толпы перед зданием Белого дома в Москве в тот момент, когда по нему был открыт огонь из танков: люди не расходились, как будто не понимали серьезности происходящего и присутствовали на спектакле. Такая утрата чувства риска свидетельствует об эмоциональной патологии, ставшей результатом воздействия сильных политических стимулов [251].

В эмоциональной сфере человека особое место принадлежит настроениям и чувствам.

Политическое настроение – это более или менее устойчивое, продолжительное, без определенной интенции эмоциональное состояние человека, окрашивающее в течение некоторого времени его переживания, связанные с восприятием политической ситуации, общественно-политических процессов и явлений. По сути, это тот эмоционально-оценочный показатель вовлеченности населения в политику, который демонстрирует уровень его адаптированности к существующему режиму и господствующим ценностям.

Выражая определенное эмоционально-психологическое состояние людей, настроения могут порождать самые разнообразные, в том числе противоположные по направленности политические движения, усиливать спонтанность и импульсивность действий субъектов, изменять психологическую сплоченность групп и населения в целом. Еще Аристотель, отмечая условия успешного правления, писал, что правителям «... нужно знать настроения лиц, поднимающих восстания, ... чем собственно начинаются политические смуты и распри». Н. Макиавелли также указывал на негативный аспект их существования, подчеркивая при этом, что различия настроений выступают основной причиной «всех неурядиц, происходящих в государстве».

Однако чувства массового протеста, отрицательная для государства экзальтация или паника только частично характеризуют роль настроений в политике. Помимо негативных последствий настроения могут обладать и нейтральным (например, состояние апатии, свидетельствующей о снижении притязаний к власти) и положительным значением (люди могут испытывать энтузиазм в результате призывов властей, предвкушения своей близкой победы на выборах, героизировать свои чувства, сопротивляясь врагу, и т.д.).

С содержательной точки зрения настроения представляют собой определенное состояние нервно-психического напряжения, сигнальную реакцию, выражающую ту или иную степень несовпадения человеческих потребностей и притязаний с конкретными возможностями людей и условиями их жизни и деятельности. Короче говоря, такое состояние выражает психологическую удовлетворенность или неудовлетворенность социально-политическими условиями, способствующими или препятствующими достижению целей.

Благодаря своему характеру настроения целиком и полностью зависят как от внешних условий (когда, например, человеческие притязания резко спадают в результате изменения ситуации, не полностью удовлетворившей их или заставившей людей понять всю беспочвенность притязаний), так и от состояния самого субъекта. В последнем случае люди могут не снижать интенсивность своих надежд даже в результате множественных неудач. Они могут отрицать даже явные причины неуспеха, продолжая верить и добиваться своих целей. Политические настроения в таком случае становятся мощным источником политической воли, которая стремится достичь определенных целей даже вопреки реальному положению

вещей. Причем интенсивность настроений значительно увеличивается, если люди преследуют цели, соответствующие их внутренним убеждениям и характеризующие позиции, которыми они никогда не поступятся [192].

Различают настроения, выражающие идеальные требования людей к власти (например, демонстрирующие, как должен вести себя лидер или режим в целом) и настроения как реально складывающиеся психологические состояния, характеризующие то или иное отношение людей к различным аспектам политики. При этом и те и другие могут создавать некий фон в политической системе, а могут и определять те или иные действия разнообразных субъектов.

Обычно настроения формируются в рамках определенного цикла, включающего стадии:

- зарождения (фиксирующего существующее брожение, смутное недовольство людей, ощущение ими дискомфорта от тех или иных явлений);
- поворота (когда чувства кристаллизуются и рационализируются в определенных политических образах и требованиях);
- подъема (характеризующего достижение той степени усиления чувств, которая требует немедленного разрешения);
- отлива (выражающего эмоциональный спад, возникающий в результате разрешения настроений) [по: 192].

Повторяясь, этот цикл придает динамике настроений вид синусоиды: за подъемом ожиданий следует разочарование, затем упадок снова сменяется подъемом и т.д.

Понимая важность настроений, политические режимы пытаются не только прогнозировать их динамику, но и управлять ими. Иницирование нужных властям настроений чаще всего осуществляется при помощи сложных манипуляций, специфического информирования и дезинформации населения. Например, власти нередко создают «климат завышенных ожиданий», демонстрируя искренность взаимоотношений с населением, или поощряют распространение мифов, создающих у общественности нужные им политические образы. Особенно ярко стремление использовать настроения в своих политических целях наблюдается во время выборов, когда обещания партий и лидеров нередко переходят все рамки реально возможного. Еще более разнообразны и противоречивы настроения в переходных условиях. Здесь в них объединяются не только надежды на лучшее

будущее, но и негативизм, ностальгия по прошлому и другие разноречивые чувства и эмоции.

Политические чувства – устойчивые эмоциональные отношения человека к политическим процессам и явлениям, высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях. К числу наиболее характерных чувств с точки зрения политико-психологического анализа, относится чувство патриотизма. Патриотизм – это морально-политическое чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы; это особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.

Русский философ И. Ильин подчеркивает, что патриотизм есть чувство любви к Родине и, как и всякое чувство, оно своими корнями уходит в сферу бессознательного. «Патриотизм, как состояние радостной любви и вдохновенного творчества, есть состояние духовное: и потому он может возникнуть только в порядке автономии (свободы), – в личности, на подлинном и предметном духовном опыте. Всякое извне идущее предписание может помешать этому опыту или привести к злосчастной ситуации. Любовь возникает «сама», в легкой и естественной предметной радости, побеждающей и умиляющей душу. Эта свободная предметная радость или осеняет человека, – и тогда он становится живым органом любимого предмета и не тяготится этим, а радуется своему счастью, или она минует его душу, – и тогда помочь ему может только такое жизненное потрясение, которое раскроет в нем источники духовного опыта и любви [76].

В то же время чувство патриотизма, как и любое нравственное чувство, воспитывается и приобретает вполне осознанные черты, позволяющие человеку ставить цели, соответствующие ценностям любви к Отечеству. Это чувство приобретает во взаимосвязи с национальными чувствами и национальным самосознанием.

Особо следует подчеркнуть, что именно чувства (наряду с мышлением) являются важнейшим объектом манипуляции. Чувства более подвижны и податливы, и если их, как выразился С. Кара-Мурза, удастся «растрепать», то и мышление оказывается более уязвимым для манипуляции. Дело в том, что чувственная ступень отражения к внешнему миру стоит ближе, чем мышление, следовательно, и реагирует она быстрее, непосредственнее. Как считают сторонники социодинамики культуры, «толпу убеждают не доводами, а эмоция-

ми» [142]. Кроме того, в области чувств легче создать «цепную реакцию» – заражение, эпидемию чувств.

По мнению С. Кара-Мурзы, общей принципиальной установкой в манипуляции сознанием является предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы». Главным средством для этого служит создание или использование кризиса аномальной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства. Это может террористический акт, религиозный или национальный конфликт, резкое обеднение больших групп населения, крупный политический скандал и т.п.

Особенно легко возбудить те чувства, которые в обыденной морали считаются предосудительными: страх, зависть, ненависть, самодовольство. Вырвавшись из-под власти сознания, они хуже всего поддаются самоконтролю и проявляются особенно бурно. Менее бурно, но зато более устойчиво проявляются чувства благородные, которые опираются на традиционные положительные оценки.

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является страх. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх – фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления [86].

Различают страх реальный и иллюзорный. Реальный страх может быть чрезмерным, и тогда он вреден в той мере, в какой искажает опасность. Иллюзорный же страх, невротический, не сигнализирует о реальной опасности, а создается в воображении.

В советский период среди населения нашей страны активно эксплуатировался так называемый «западный страх», или «страх западной культуры». В странах запада не менее интенсивно эксплуатировались страхи холодной войны (страх перед угрозой развязывания войны Советским Союзом против США и других стран Запада, ядерный страх и т.п.), которые были направлены на создание образа врага. Для современной России актуальным стал разработанный на Западе страх терроризма как эффективное средство манипуляции сознанием. В последнее время, в связи событиями на Украине, возвращением Крыма в состав Российской Федерации, западные политики и политтехнологи попытались навязать страх на Россию, вводя против нее всевозможные санкции. Правда, ожидаемого эффекта это не вызвало.

4.6. Политическая воля

В политике приходится делать много такого, чего не следует делать.

Теодор Рузвельт

Политическая воля является одним из наиболее важных и ярких проявлений воли социальной. Под ее организующим и направляющим воздействием развиваются в последние тысячелетия различные культуры – цивилизации. От развитости и потенциала политической воли зависит перспектива, а то и выживание цивилизации. Особую актуальность эта проблема имеет в нашем отечестве, где периоды концентрации политической воли сменяются временами политического безволия, а то и анархии [101].

Политическая воля – это способность человека (группы людей) действовать в направлении сознательно поставленной политической цели, преодолевая при этом внутренние и внешние препятствия.

Политическая воля может проявляться как в деятельности, направленной на общественное благо, преследовать позитивные цели, так и наоборот. В самом общем виде, пишет Ю.М. Павлов, политические цели можно определить как все то, что направлено, по меньшей мере, на сохранение существующего положения, а в конечном итоге, на улучшение положения, повышение своего статуса в иерархической организации общества, материального благосостояния и ухудшения положения противостоящих индивидов или групп. Аналогично действует политическая воля и во внешней политике государства, где существует стремление повысить, улучшить свое положение в международной иерархии [161].

Сильная политическая воля – залог успеха в политике достижения своих целей. Она дает возможность либо сохранить устаревшие институты, учреждения, либо организовывать наступления на устоявшуюся уже систему взглядов, идей, представлений, эмоций с целью их разрушения и установления собственных.

Волевой акт в контексте политико-психологического анализа включает в себя борьбу разнонаправленных политических мотивов. Результатом этой борьбы становится принятие политического решения и его осуществление.

Без политической воли невозможно выйти за пределы устаревших политических стереотипов и преодолеть инерцию мышления.

Несомненно, что одной из причин развала КПСС, а затем и СССР стало отсутствие политической воли к реформам у бывшего руководства страны. Они поразительно легко, практически без сопротивления сошли с политической сцены, как, впрочем, и их предшественники в царской России в 1917 году. Никакие объективные причины не в состоянии объяснить такое странное поведение элиты, кроме того, что им овладел некий паралич воли.

Человек как субъект воли характеризуется такими качествами, как сила воли, целеустремленность, инициативность, самостоятельность и независимость, решительность, энергичность и настойчивость, выдержка и самообладание, смелость и храбрость, стойкость и мужество, самоконтроль и самооценка. Субъектами политической воли выступают как отдельные личности (политики), так и социальные группы, общество (определенные общности людей). В политической психологии все еще требуют своего внимания и исследования такие феномены как «воля народа», «воля государства», «воля партии» и т.п.

4.7. Политические установки и стереотипы

Человека без стереотипов не бывает...
Но в то же время стереотипы сковывают
наши мысли и поступки. Они ограничивают
нашу свободу, рушат шкалу приоритетов,
а порой и деформируют логику.

Х. Мураками

Принципиально важную роль в формировании и функционировании политической психики вообще и, особенно, политического мышления играют *политические установки и стереотипы*, а также *инерция* политического восприятия и политического мышления.

Опираясь на теорию установки Д.Н. Узнадзе, установку с психологической точки зрения можно определить как готовность, предрасположенность субъекта к восприятию будущих политических событий и действиям в определенной политической ситуации. Установка в таком плане служит основой целесообразной избирательной активности субъекта в той или иной политической ситуации. Особенно важную роль установка может сыграть в процессах политического восприятия и политического мышления. В политической психологии

еще предстоит изучить влияние установки на отношения личности как члена общества к объектам политики, на механизмы саморегуляции, устойчивости и согласованности поведения субъекта в той или иной политической ситуации, на процесс политической социализации личности.

Описаны различные типы политических установок в зависимости от степени их «укорененности» и глубины в сознании. Так, Е.Б. Шестопап рассматривает такие виды установок, как мнение, диспозиции, убеждения. Мнение представляет собой поверхностный вербальный слой сознания, не обязательно соответствующий более глубоким личностным образованиям, поэтому мнения как вид установок отличаются значительной неустойчивостью. Другим видом установок является диспозиция, или общее отношение к политической реальности. Более глубокие корни имеет такой вид установок, как убеждения, которые составляют своего рода стержень политического сознания [54].

По мнению Р.А. Лубского, политические установки можно также разделить на смысловые, целевые и операциональные в зависимости от того, на какой фактор политической деятельности направлена установка (мотив, цель, условие деятельности).

Смысловая установка выражает проявляющееся в деятельности личности отношение ее к тем политическим объектам, которые имеют личностный смысл. Смысловые установки содержат:

- информационный компонент (взгляды человека на политическую реальность и образ того, к чему человек стремится);
- эмоционально-оценочный компонент (антипатии и симпатии по отношению к значимым политическим объектам);
- поведенческий компонент (готовность действовать по отношению к политическому объекту).

С помощью смысловых политических установок индивид приобщается к системе политических норм и ценностей определенной социальной среды (инструментальная функция), они помогают сохранить статус-кво личности в напряженных политических ситуациях (функция самозащиты), способствуют политическому самоутверждению личности (ценностно-экспрессивная функция), выражаются в стремлении личности привести в систему содержащиеся в них личностные смыслы политических знаний, норм, ценностей (познавательная функция).

Целевые политические установки проявляются в виде тенденций к завершению прерванного политического действия.

Операциональные политические установки возникают в ходе решения задач с учетом условий конкретных ситуаций и вероятностного прогнозирования этих условий, опирающегося на прошлый опыт поведения.

Отсюда понимание политической установки как неосознанной и осознанной предрасположенности и готовности социальных субъектов, обусловленной политическими потребностями и интересами к определенным действиям в конкретной политической ситуации. Политические установки и аттитюды обусловлены потребностями людей, возникшими как в их обыденной жизни, так и непосредственно в сфере социально-политических отношений, а также процессами социализации и коммуникации и, следовательно, могут усваиваться людьми в готовом виде из социального опыта и политической культуры.

Функционально политические установки и аттитюды выступают, во-первых, мотивом политической деятельности, во-вторых, регулируют политический процесс, в-третьих, выступают средством политической идентификации.

Стереотипы – это обобщения, касающиеся некоторой группы людей, всем членам которой приписываются одинаковые характеристики. Термин «стереотип», больше характеризующийся с социологической точки зрения, ввел в 1922 году американский социолог У. Липпман. В его понимании социальный стереотип – устойчивое, категоричное и крайне упрощенное представление (мнение, суждение) о каком-либо явлении, группе, исторической личности, распространенное в данной социальной среде (синоним «социальный штамп»); усваивается индивидом в процессе социализации [по: 29].

С политико-психологической точки зрения стереотип – это стандартизированный, схематизированный, упрощенный, обычно эмоционально-окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты.

Стереотипы имеют важное значение в процессе восприятия и оценки человеком других людей, социально-политических явлений и процессов. Пожалуй, у любого есть немало стереотипов, но при этом, как считает Д.В. Ольшанский, они играют двойственную роль, как позитивную, так и негативную.

С одной стороны, стереотипы «экономичны» для сознания и поведения, они содействуют известному «сокращению» процесса

познания и понимания происходящего в мире и вокруг человека, а также принятию необходимых решений. Не способствуя точности и аналитичности познания, они ускоряют возможности поведенческой реакции на основе, прежде всего, эмоционального принятия или непринятия информации, ее «попадания» или «непопадания» в жестко определенные рамки стереотипа. В повседневной жизни человек, как правило, лишен возможности подвергать критическому сомнению «устой жизни» – традиции, нормы, ценности, правила социально-политического поведения и т.п. Он не располагает также полной информацией о событиях, по которым ему приходится высказывать собственное мнение. Поэтому в обыденной действительности люди часто и поступают шаблонно, в соответствии со сложившимися стереотипами. Последние помогают ориентироваться в тех обстоятельствах, которые могут обойтись без специальной аналитико-синтетической работы и не требуют особо ответственного индивидуального решения.

С другой стороны, упрощая процесс социально-политического познания, стереотипы ведут к построению достаточно примитивного и плоскостного политического сознания, как правило, на основе многочисленных предубеждений, что подчас редуцирует социально-политическое поведение до набора простейших, часто неадекватных эмоциональных реакций. Безотчетные стандарты поведения играют негативную роль в ситуациях, где нужны полная и объективная информация, ее аналитическая оценка и принятие самостоятельного решения. За счет этого в массовом политическом сознании обычно и складываются стереотипы, способствующие возникновению и закреплению предубеждений, неприязни к политическим нововведениям, к самостоятельному мышлению и т.п.

В частности, это является большой проблемой для межнациональных отношений, в сфере которых широко распространены этнические стереотипы, строящиеся на основе ограниченной информации об отдельных представителях той или иной этнической группы и ведущие к предвзятым выводам и заключениям относительно всей группы, к неадекватному поведению в отношении нее. Именно поэтому у части людей складываются различные и часто вполне определенные представления о христианах, мусульманах, евреях, об азиатах и латиноамериканцах, о представителях кавказских, среднеазиатских, прибалтийских национальностей и т.д.

Механизм действия стереотипа заключается в том, что «узнавая» по внешним признакам тот или иной объект или явление, люди автоматически домысливают, добавляя в своем восприятии в отношении них те характеристики, которые им навязывает устоявшийся стереотип. Затем следует вывод, определяющий социально-политическое поведение человека. Например, в ходе избирательных кампаний кандидату в депутаты достаточно произнести своего рода «пароль», предъявить некий «опознавательный знак» в виде, например, слова «правозащитник», как почти автоматически избиратель принимает решение голосовать за данного кандидата (или, наоборот, не голосовать за него).

Стереотипы – мощное средство манипулирования сознанием отдельных индивидов, групп и масс в политике. С этой точки зрения, содержательно стереотипы можно определить как постоянно декларирующиеся и навязывающиеся людям стандартные единообразные способы осмысления и подходы к социально-политическим явлениям, объектам и проблемам, как общественно-политические каноны и «истины» – нормы, ценности и эталонные образцы политического поведения, постоянно повторяемые и используемые политической элитой, поддерживаемые и распространяемые массовыми информационно-пропагандистскими средствами, подкрепляемые карательными органами в целях удержания основной массы членов общества в единообразном нормативно-послушном состоянии.

По оценке С. Кара-Мурзы, события в нашем обществе показали, что зная стереотипы активных социальных групп можно заставить их действовать в нужном направлении через очень краткосрочное воздействие сигналами.

Красноречивый, почти модельный пример – программирование событий 3 октября 1993 года. Задача режима состояла в том, чтобы спровоцировать сторонников Верховного Совета РСФСР на активные действия с элементами насилия или хотя бы «беспорядков» для того, чтобы ликвидировать парламент вооруженным путем, но при поддержке или хотя бы нейтралитете армии. «Как мишень для манипуляции были использованы не политические или идеологические установки, а чувства. Прежде всего, чувство оскорбленного достоинства. Для их мобилизации режим в течение недели предпринимал ряд странных, необъяснимо подлых действий (отключал свет и воду в здании Дома Советов, то разрешал, то запрещал проход к зданию,

ставил громкоговорители и оглашал окрестности похабными песенками). Затем в течение недели в разных точках Москвы шли немотивированные, вызывающие всеобщее возмущение избиения людей... По завершении этих подготовительных действий было делом техники вывести 3 октября огромную демонстрацию и провести ее к Дому Советов, а затем послать на захват пустой мэрии, а потом и здания телецентра в Останкине, где и был подготовлен первый акт побоища [86].

4.8. Инертность политической психики

Лили на землю воду –
Нету колосьев – чудо!
Мне вчера дали свободу –
Что я с ней делать буду?!

Владимир Высоцкий

Одной из важнейших особенностей политической психики в целом является ее глубокая инерционность. В этой связи Д.В. Ольшанский предлагает рассмотреть силу и влияние ее действия на примере инерции мышления (хотя сказанное ниже вполне можно отнести и к политическому восприятию, и к политическим эмоциям, и к политическому поведению).

В политике инерция психики означает свойство сохранять состояние неподвижности, бездеятельности. Конкретнее, это свойство психики, во-первых, сохранять свое состояние покоя или прямолинейного равномерного движения до тех пор, пока какая-либо внешняя причина не выведет ее из этого состояния. Во-вторых, это способность приобретать под действием какой-либо конечной внешней причины определенное конечное ускорение и продолжать реагировать на эту внешнюю причину даже тогда, когда ее реального влияния уже нет.

Инерция политического восприятия и политического мышления проявляется в жесткости, ригидности и стереотипизированности внутри- или внешнеполитического курса, в нежелании и невозможности сменить систему взглядов и оценок происходящих политических событий, изменить направленность и характер политических действий, отказаться от уже принятого однозначного решения и самого привычного механизма принятия политических решений. В политическом выражении инерция мышления является одним

из имманентных свойств тоталитаризма как в его социально-политическом (монополизм принятия политических решений), так и социально-психологическом (свойство мышления и особенность сознания особого типа личности, порождаемой тоталитарным и авторитарным обществами – так называемой «авторитарной личности») выражениях.

Инерция мышления в политической психологии рассматривается как одна из основных детерминант так называемого «старого» политического мышления. В отличие от него, любое «новое» политическое мышление уже по определению направлено на преодоление всякой инерции мышления и опирается на гибкость, инициативность и творчество, как на свои центральные политико-психологические характеристики, проявляющиеся в принципиально иных способах принятия политических решений и их практической реализации.

Во второй половине 80-х годов прошлого века, в период так называемой «перестройки» общества, руководство КПСС настойчиво декларировало необходимость «нового мышления», нового осмысления сложившейся в СССР ситуации – социальной, экономической, политической и т.д. Однако инерция «старого» мышления, укоренившегося в сознании людей на всех уровнях социальных отношений оказалась настолько сильной, что преодолеть ее в условиях того времени оказалось невозможным. Только коренные преобразования в обществе, затянувшиеся, правда, на целое десятилетие (1990-е годы) постепенно способствовали смене взглядов, убеждений, оценок тех процессов и явлений, которые пришли на смену существовавшим в советский период.

Феномен инерции политической психики включает подчас как объективные, так и чаще всего исключительно субъективные составляющие.

К основным субъективным детерминантам и закономерностям инерции мышления (а также восприятия, оценок и, в итоге, действий) относятся:

– *во-первых*, доминирующая тенденция как-то компенсировать потери (в том числе и явно безвозвратные), понесенные в результате ошибочно принятого решения. Это стремление «отыграться» особенно ярко проявляется, когда речь идет о материальных потерях, например, феномен германского реваншизма за поражение и территориальный ущерб в итоге Первой мировой войны, что, как известно, в конечном счете привело к новому поражению и новому всплеску

реваншизма. Это и стремление компенсировать политический и моральный ущерб (например, в этом долгие годы проявлялась одна из детерминант политики Китая, сводящаяся к стремлению любой ценой «сохранить лицо»);

– *во-вторых*, это стремление уйти от необходимости признания ошибок, заставляющее политиков, принявших изначально ошибочное решение, вкладывать новые усилия и средства в продолжение начатого курса вместо радикального его изменения;

– *в-третьих*, инерция связана с тем, что чем более общественно известно (распропагандировано) и значимо принятое решение, каким бы ошибочным оно ни было, тем сильнее тенденция продолжать его реализацию;

– *в-четвертых*, такая инерция усугубляется проблемой вероятной конкретной ответственности определенных лиц: чем выше возможная ответственность и жестче санкции за совершенную ошибку, тем упорнее их стремление продолжать ошибочную линию, надеясь на избавление от ответственности. Например, этому соответствовало поведение Гитлера на последнем этапе Второй мировой войны, когда ошибочность курса стала очевидной, однако прекратить его осуществление было невозможно;

– *в-пятых*, инерция связана с искаженным восприятием информации: стремление любой ценой оправдать ошибочный курс создает своего рода фильтр для восприятия адекватной информации, пропускающий все более или менее позитивное для принятого курса, «подтверждающее» этот курс, и отсеивающий то, что заставляет усомниться в нем. Примером такого рода является прямая фильтрация информации о намерениях Германии в 1940–1941 годах, которая осуществлялась в соответствии с избранным Сталиным и его окружением курсом в отношениях с гитлеровским режимом;

– *в-шестых*, инерция поддерживается и усугубляется временем: чем дольше продолжается ошибочная линия, тем труднее оказывается ее радикально изменить, ибо для ее реализации уже созданы как объективные, организационные, так и субъективные, психологические условия – изменен способ социально-политической организации, сформировано новое сознание людей и т.д.

Инерция психики в политике может проявляться на разных уровнях. На индивидуальном она выступает как особенность взглядов и оценок отдельного политического деятеля и оказывает серьез-

ное влияние лишь в случае наделения этого деятеля значительной полнотой личной власти и минимизации контроля за принятием политических решений.

На групповом уровне такая инерция проявляется в виде известного в мировой литературе «групп-мышления» («groupthink») сравнительно небольших группировок, причастных к принятию политических решений. В его основе лежат явления группового конформизма, особенно ярко проявляющиеся при наличии в группе сильного лидера; стремление поддерживать принятое большинством решение, даже если отдельные члены группы с ним не согласны; тенденция игнорировать информацию и мнения, не разделяемые группой; склонность отвергать или исключать членов группы, несогласных с общим мнением и т.д. Классическими примерами «групп-мышления» считаются исторически важные, но, в итоге, ошибочные решения, начиная, скажем, от мюнхенских соглашений до решений администрации США об атомной бомбардировке японских городов, о вторжении на Кубу, во Вьетнам, в Афганистан, Ирак, Сирию и т.д.

На еще более обобщенном уровне речь идет об инерции психики социальных классов и слоев, этнических групп или общества в целом. Здесь инерция выступает как одно из главных проявлений тоталитаризма и авторитаризма.

4.9. Политическое сознание и политическое самосознание

Если не можешь изменить ситуацию —
измени свое отношение к ней.

Станислав Ежи Лец

Термин «политическое сознание» широко применяется не только в политической психологии, но и в философии, политологии, социологии, культурологи и в других науках и научных дисциплинах и поэтому рассматривается зачастую во взаимосвязи с такими феноменами как политическая культура, политическая идеология и пропаганда и т.д. Е.Б. Шестопал как синонимы рассматривает понятия «политическое сознание» и «политический менталитет», хотя ряд авторов, как правило, дифференцируют эти понятия.

В политической психологии политическое сознание – одна из центральных категорий, обозначающая результаты восприятия субъектом той части окружающей его действительности, которая связана с политикой и в которую включен он сам, а также его действия и состояния, связанные с политикой.

В содержательном отношении большинство исследователей рассматривает политическое сознание как многомерное, неоднородное, «пульсирующее», внутренне противоречивое, многоуровневое образование, в обобщенной форме отражающее степень знакомства субъекта с политикой и рационального к ней отношения (в противовес, скажем, коллективному бессознательному в политике).

В гносеологическом плане политическое сознание тесно связано с другими основополагающими политико-психологическими понятиями и категориями. В частности, как уже было сказано, оно тесно связано с политической культурой – генетически политическое сознание является ее производным, высшим уровнем и, одновременно, в развитых формах политической культуры, ее стержневым компонентом. Политическое сознание тесно связано с политическим поведением, выступая в качестве его рациональной основы. Оно связано с политической системой, представляя ее субъективный фундамент, так сказать, «человеческую основу».

В традиционном отечественном понимании политическое сознание трактовалось как вариант общественного сознания, возникающий как отражение, прежде всего, социально-экономических условий человеческого бытия. В общепринятой мировой традиции политическое сознание рассматривается в более широком контексте, как вся совокупность психического отражения политики, как ее субъективный компонент, проявляющий себя на разных уровнях, в различных ситуациях.

Понятие политического сознания особенно активно началось разрабатываться в рамках поведенческого направления в политологии, приобретя особую популярность к середине XX века. Однако вскоре, когда обнаружилась ограниченность ортодоксального бихевиористского течения, выяснилось, что понимание политического поведения требует внимания к таким «независимым переменным», как политическое сознание и, шире, вся психическая сфера субъекта поведения. Категория политического сознания оказалась удобной за счет широты вкладываемого в нее содержания, значительной объяснительной силы, а также благодаря тому, что стала своеобразным узловым по-

нятием, аккумулировавшим разрозненные до того взгляды и данные разных научных дисциплин. Такое синтетическое свойство и позволило понятию политического сознания стать одним из основополагающих в новой, во многом синтетической по своему происхождению политико-психологической науке.

В отечественной психологии А.Н. Леонтьев рассматривал сознание как высший уровень развития психики человека, как результат общественного способа бытия человека, его длительной, совместной с другими деятельности. Такая трактовка дает основание для определения понятия «политическое сознание».

Политическое сознание – это опосредованное отражение политической жизни общества, сущностью и содержанием которого является проблема власти, формирование, развитие и удовлетворение интересов и потребностей политических субъектов, совокупность взглядов, оценок, установок, которые, отражая политико-властные отношения, обретают относительную самостоятельность.

Политическое сознание даже в рамках политической психологии относится к числу междисциплинарных, комплексных категорий, с различных точек зрения исследуемых разными течениями внутри различных направлений политической науки в целом. Так, в частности, как один из важнейших компонентов общественного сознания, политическое сознание рассматривается политической философией, в марксистском варианте соотносящей политическое сознание с материальными процессами бытия и трактующей его как теоретическое отражение политических отношений и политических реальностей, преломленных сквозь призму субъективной, прежде всего конкретно-исторической, «классовой» системы оценок, и обусловленных в конечном счете экономическим положением того или иного класса в классовом обществе. При такой трактовке внутри политического сознания выделяются два основных уровня: собственно «теоретический» и «государственно-бюрократический», то есть, уровень принятия политических решений [154].

Политическая социология выделяет в политическом сознании несколько иные, прежде всего, идеологический и массовый уровни, и сосредоточивает внимание на раскрытии содержательных характеристик консервативного, либерального, реформистского, революционного, тоталитарного, авторитарного, демократического и других конкретных типов политического сознания, трактуя его, прежде

всего, как совокупность, с одной стороны, установок и стереотипов, сформировавшихся вне сферы политического сознания, и, с другой стороны, выводов, полученных в результате самостоятельного анализа индивидом или группой социально-политической действительности, выделяя в качестве особых факторов идеологические компоненты политического сознания, оказывающие на него значительное искажающее влияние.

Исследование политического сознания средствами политической психологии характеризуются стремлением соединить анализ его социально-политического содержания и индивидуальных механизмов его функционирования, используя общепсихологические и социально-психологические понятия (потребности, интересы, ориентации, установки и т.п.), оценивая политическое сознание на основе данных, касающихся информированности людей в отношении политики, характера их мировоззрения, системы ценностей и т.п.

Целостное, собственно политико-психологическое изучение политического сознания в первую очередь включает исследование его субъектов-«носителей», динамики развития политического сознания и основных его функциональных форм. С точки зрения субъекта политического сознания, в политической психологии подразделяются массовое, групповое и индивидуальное политическое сознание.

Массовое политическое сознание характеризуется отношением общества к вопросам, имеющим актуальное политическое содержание и чреватым определенными политическими последствиями. Массовое политическое сознание – особый, политизированный сегмент массового сознания. Структурно политическое сознание включает статичные (типа ценностей и «общих ориентаций») и динамичные (например, массовые настроения) компоненты.

В конкретном выражении это, во-первых, уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации имеющихся ожиданий. Во-вторых, это социально-политические ценности, лежащие в основе идеологического выбора (например, справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок и т.д.). В-третьих, это быстро меняющиеся мнения и настроения, связанные с оценками текущего положения, правительства, лидеров, конкретных политических акций и т.д.

Политическое сознание определяет тип и уровень политической культуры общества и обуславливает наиболее типичные, массовые

варианты политического поведения. Наиболее распространенный способ выявления такого политического сознания – опросы общественного мнения по политическим вопросам.

Групповое политическое сознание – это обобщенное сознание тех или иных более определенных и организованных, конкретных больших (социальные классы, национально-этнические образования, группы и слои населения) и малых (например, политическая элита, политбюро правящей партии, разнообразные лоббистские образования типа «групп давления» и т.п.) групп, связанное с политикой. Исходя из объективного места группы в социально-политической системе и особенностей группового самосознания, такое политическое сознание трактуется как совокупность представлений, определяющих содержание, направленность и интенсивность политической активности группы. В структурном отношении особое внимание уделяется политическим позициям и идеологическим предпочтениям, доминирующим в групповом политическом сознании. Наиболее распространенный способ выявления такого политического сознания – анализ документов политического характера, исходящих от интересующих групп.

Индивидуальное политическое сознание – это свойство и качество личности, «политического человека», способного так или иначе воспринимать политику, более или менее точно ее оценивать и относительно целеустремленно действовать в политическом плане. Здесь наибольший интерес представляют индивидуально-психологические особенности, типовые характеристики и структурные компоненты сознания и поведения человека в политике как особой сфере человеческой деятельности. Важно также изучение процессов политической социализации личности, способов, используемых индивидом для овладения массовым и разными групповыми вариантами политического сознания, а также для выработки собственного политического сознания на индивидуальном уровне. Анализ механизмов, управляющих функционированием политического сознания на этом уровне, позволяет выделить в нем два блока компонентов. Это, во-первых, мотивационный компонент (политические потребности, ценности, установки, чувства и эмоции) и познавательный компонент (знания, информированность, интерес к политике, убеждения). Наиболее распространенный способ выявления такого политического сознания – индивидуально-психологическое

исследование, а также выделение социально-политических типов личности в отношении политического сознания.

Помимо такого ракурса, центрирующегося прежде всего на субъекте политического сознания, Д.В. Ольшанский выделяет направления, связанные с исследованием динамических аспектов политического сознания. Эти направления, по мнению автора, развиваются в двух сферах. С одной стороны, это изучение последовательных этапов и трансформаций политического сознания в рамках одного общества (например, лонгитюдные исследования процессов перехода от тоталитаризма к авторитарному и, затем, к демократическому политическому сознанию в ряде развивающихся стран в рамках сравнительно-исторического политико-психологического направления). С другой стороны, это чисто сравнительные политико-психологические исследования, осуществляемые с помощью «метода срезов». Сюда относится анализ типов и видов политического сознания, существующих в разных обществах (например, кросс-культурные исследования).

Динамика и характеристики разных этапов развития политического сознания обычно исследуются на всех доступных уровнях – массовом, групповом и индивидуальном, – что позволяет строить достаточно надежные прогнозы и оценивать вероятность конкретных вариантов модификации политических систем в исследуемых обществах. В целом, одним из ключевых в данном контексте является вопрос о связи политического сознания с функционированием политической системы.

Важным функциональным направлением изучения политического сознания является исследование его обыденных и теоретико-идеологизированных форм.

Обыденное политическое сознание отличается целым рядом специфических свойств: содержательной диффузностью, размытостью, спутанностью и противоречивостью, отрывочностью, несистематизированностью, повышенной эмоциональностью, во многом случайностью образующих его компонентов, стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений о политике в рамках так называемого «житейского здравого смысла». Одновременно, оно характеризуется устойчивостью и особого рода инерционностью влияния на политическое поведение. Даже вступая в противоречие с параметрами теоретического, идеологизированного

политического сознания, обыденное политическое сознание может продолжать определять такое поведение.

Теоретико-идеологизированное политическое сознание исходит из строгих и стройных представлений, представляющих собой целостную рациональную систему взглядов и суждений, определенное мировоззрение, объясняющее окружающую человека политическую действительность на основе той или иной идеологической концепции и сводящееся к расширенной экспликации идеологии на подлежащие осознанию сферы жизни.

Диалектика перехода тех или иных компонентов политического сознания из одной формы в другую представляет собой существенный показатель социально-политического развития.

подавляющее большинство конкретных исследований политического сознания носит прикладной, практически ориентированный характер и, в основном, направлено на обслуживание целей и интересов организованных в политическом отношении групп и сил. В первую очередь, они нацелены на изучение внутренних, психологических причин и механизмов поведения электората. С другой стороны, они направлены на изучение и возможности увеличения политической поддержки и повышения уровня политического участия граждан. Ориентированы они и на анализ различных аспектов общественного мнения (важный эмпирический показатель политического сознания) по тем или иным актуальным вопросам в контексте взаимоотношений правящих сил и оппозиции, массового, а также групповых вариантов политического сознания – и организацией власти и управления в политической системе. Не менее важными являются исследования политического сознания в контексте его идеологической обработки с выходами на возможности управляющего воздействия на политическое сознание.

Наряду с сознанием, не менее важной категорией политической психологии является **политическое самосознание**. В психологии оно определяется как осознание человеком себя как индивидуальности, и направлено соответственно на самого субъекта [29].

Самосознание политическое понимается как процесс и результат выработки относительно устойчивой осознанной системы представлений субъекта политических отношений о самом себе в социально-политическом плане, на основе которой субъект целенаправленно строит свои взаимоотношения с другими субъектами и объектами политики как внутри социально-политической системы, так и за ее

пределами, и относится к самому себе. Это осознание себя в политике как самостоятельного деятеля, целостная оценка своей роли, целей, интересов, идеалов и мотивов политического поведения.

Субъектом политического самосознания может выступать отдельная личность. В этом случае говорят об индивидуальном политическом самосознании, об осознании себя в качестве воспринимающей, мыслящей, чувствующей и сознательно действующей в политике личности.

Субъектом политического самосознания может выступать и социальная группа. В данном случае речь идет о групповом политическом самосознании, подразумевающим наличие в большей или меньшей степени идеологизированных концепций, касающихся коллективного осознания группой особенностей свойственного ей политического восприятия, мышления, характера и направления деятельности в соответствии со своими интересами, потребностями и мотивами. Причем размер группы не имеет практического значения. В реальности встречаются проявления политического самосознания как в отношении малой группы (например, политическое самосознание родового клана, небольшой парламентской фракции, или претендующей на власть политической клики), так и в отношении большой социальной группы, нации или народности, социального слоя или класса.

Политическое самосознание независимо от специфических особенностей субъекта включает три основных аспекта: когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой.

Когнитивный аспект (политическое самосознание в самом узком, буквальном смысле, как набор осознанных объективных знаний о своем месте в политике) подразумевает наличие определенного информационного уровня, позволяющего сопоставить имеющуюся информацию об устройстве окружающей социально-политической среды с представлениями субъекта о собственной роли и возможностях в этой среде. Так, в ходе политической социализации формируется политическое самосознание отдельной личности: усваивая социально-политические знания нормативного характера, индивид сопоставляет их с собственными возможностями влиять на политическую жизнь и уясняет, в частности, что эти возможности связаны с обретением права голоса и рядом иных атрибутов «политического гражданина». Соответственно, для него когнитивный аспект политического самосознания включает знания относительно как минимум

двух больших этапов собственного развития: до и после обретения соответствующего статуса.

Эмоциональный аспект политического самосознания выражается в определенном эмоционально окрашенном субъективном отношении к знанию своего объективного политического статуса. Последний может устраивать или не устраивать, восприниматься как высокий или низкий, благоприятный или неблагоприятный и т.п. С эмоциональным аспектом политического самосознания связаны такие явления, как политическое самоуважение (свойственное, например, представителям сил, господствующих в политической системе) или, напротив, политическое самоуничужение (отличающее обычно представителей смирившихся со своим угнетением групп и слоев), политическое себялюбие (особенно проявляющееся на уровне индивидуальных амбиций политических деятелей, стремящихся к личной власти), и т.п.

Оценочно-волевой аспект политического самосознания тесно связан с эмоциональным и проявляется, прежде всего, в стремлении повысить политическую самооценку, завоевать политическое уважение, обрести или укрепить политическое влияние, авторитет, а в конечном счете – политическую власть. Это может проявляться в разных формах. На уровне индивидуального субъекта политического самосознания – как борьба, например, за массовую поддержку того или иного кандидата на выборный пост. На групповом уровне – как те или иные лоббистские тенденции, связанные с продвижением к власти своих представителей. На социальном макроуровне это может выражаться в массовом стремлении, например, угнетенного социального слоя к социальной революции, радикальным преобразованиям в социально-политической системе общества.

В своей совокупности, три названных аспекта политического самосознания образуют целостный политический образ самого себя, хотя и существующий на разных уровнях развития практически у всех реальных или виртуальных, созданных идеологической пропагандой, субъектов социально-политической жизни. Такой образ представляет собой интегрированное сочетание нескольких компонентов, включая реальное политическое представление о себе в настоящее время; идеальное представление о том, каким субъект, по его мнению, должен был бы стать и о том, какую роль он должен был бы играть в обществе в соответствии со своими способностями и возможностями; динамическое представление о том, каким субъект намерен стать

в относительно ближайшее время и др. Названные компоненты отражают степень развитости и детализированности политического самосознания, его развернутости в социально-политическом времени (включая исторические проекции в прошлое и будущее, представления об «исторической миссии» и т.п.) и пространстве (например, представления о масштабах возможной и желательной социально-политической экспансии влияния данного субъекта).

Политическое самосознание выступает одновременно и как предпосылка и как результат социально-политического взаимодействия. Это деятельностное, а не умозрительное политико-психологическое образование.

В политической практике политическое самосознание проявляется, во-первых, как осознанное политическое самоопределение или как выраженное стремление к нему, и, во-вторых, как стремление к реальной социально-политической независимости и автономности для реализации определившего себя политического самосознания – в виде стремления к политической суверенизации субъекта политического самосознания. Примером такого рода стал известный «парад суверенитетов», деклараций о политической независимости бывших республик Союза ССР. Политико-психологической основой данного феномена стало бурное развитие политического самосознания и преодоление доминировавшего прежде политического отчуждения. Последнее всегда оказывается наиболее сильным препятствием на пути развития политического самосознания. Именно это обычно используется в практике тоталитарных систем, когда монопольным правом в решении политических вопросов обладают лишь высшие эшелоны власти, а иногда и отдельный лидер (монарх, диктатор, вождь и т.п.), персонифицирующий все политическое самосознание данного общества.

4.10. Коллективное бессознательное в политике

Никому не рассказывай своих снов.
Вдруг к власти придут фрейдисты.

Станислав Ежи Лец

Наряду с политическим сознанием не менее важную роль в политико-психологическом анализе играет коллективное бессознательное. Этот термин был введен К. Юнгом, который высказал мысль

о существовании более глубокого слоя в структуре личности, который он и определил как коллективное бессознательное [261]. В нем содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума. В широком смысле слова коллективное бессознательное можно рассматривать как совокупность психических процессов, состояний и свойств личности, не представленных в сознании индивидуального субъекта политического поведения и деятельности, но оказывающих активное влияние на поведение значительных неструктурированных конгломератов людей (например, толпы).

В политической психологии трактовка коллективного бессознательного дополняется введенным Э. Дюркгеймом в конце XIX века понятием «коллективные представления», обозначающим неосознаваемую в силу привычности совокупность знаний, мнений, норм поведения, сложившихся в социальном опыте групп и общностей [269]. Подобные представления, подавляя индивидуальное сознание людей, могут вызывать стереотипные реакции, которые В.М. Бехтерев считал предметом «коллективной рефлексологии», специальной отрасли психологии, связанной с феноменами, например, поведения толпы на митинге, массовыми истериями, паникой и т.п. [24].

Коллективное бессознательное структурно включает в себя такие компоненты, как коллективные эмоции, настроения, чувства, коллективные мнения, знания, оценки, суждения и пр. Доминирующую роль играет эмоциональный компонент. Рациональные компоненты хотя и присутствуют в коллективном бессознательном, но в виде лишь устоявшихся стереотипов, традиционных взглядов, верований, играющих подчиненную, во многом обслуживающую роль по отношению к моментам иррациональным.

По мнению Д.В. Ольшанского, коллективное бессознательное проявляется в массовом поведении двух видов. Первый из них сводится к однородным, единообразным оценкам и действиям, соединяющим индивидов в достаточно целостную монолитную массу на основе общего для всех ее членов коллективного бессознательного. Обычно это происходит в результате заражения значительного числа людей сходными эмоциональными состояниями и массовыми настроениями. Например, толпа фанатиков, охваченная единым порывом экстаза при виде своего лидера, скандирующая приветствия в его адрес.

Второй вид массового поведения, в котором важную роль играет коллективное бессознательное, напротив, связан с такими обстоятельствами, при которых эмоциональные потрясения не соединяют, а разобщают людей. Тогда в действие вступают не общие, а различные, но одинаковые для значительного числа людей поведенческие механизмы, и возникает поведение, главным содержанием которого являются спонтанные однородные реакции больших множеств людей на критические («пограничные») ситуации, возникающие объективно и внезапно. К таким ситуациям относятся наравне со стихийными бедствиями войны, революции и иные социальные потрясения. Основными характеристиками подобных обстоятельств являются их непредсказуемость, непривычность и новизна. В силу данных особенностей, индивидуальный опыт человека отказывается адекватно оценить и отреагировать на ситуации такого типа, и тогда индивидам приходится опираться только на подсказываемые коллективным бессознательным, апробированные массовым биологическим или социальным опытом способы индивидуального поведения. Примером такого рода реакций является паника.

Поступки людей, вовлеченных во власть коллективного бессознательного, неизбежно становятся иррациональными. Будучи рациональным, сознание под влиянием коллективного бессознательного как бы отключается, падает интеллект, снижается критичность по отношению к своим действиям. Практически исчезает всякая индивидуальная ответственность за свои поступки. Парализуется механизм принятия личных решений. Коллективное бессознательное усредняет, нивелирует личность и одновременно пробуждает самые примитивные инстинкты людей.

Коллективное бессознательное может быть опорой в том случае, когда оно стимулирует политическое единство больших масс людей, воодушевленных, например, истерической верой в харизматического лидера или сплоченных необъяснимой враждебностью в отношении предполагаемых виновников тех или иных отрицательных событий. В этих случаях коллективное бессознательное может выступать в качестве основы организованного политического поведения. Этот фактор находит применение в практике манипулирования значительными массами людей.

Однако коллективное бессознательное опасно в тех случаях, когда разрушает социально-организованные формы поведения и проти-

вопоставляется политике. «В отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом наступает момент, когда каждый акт власти доводит массы до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу [199]. В таких случаях доминирует хаотичное псевдополитическое поведение, ведущее к социально-политической деструкции, к разрушительным последствиям.

Если на прежних этапах развития общества коллективное бессознательное играло значительную роль, то в современных условиях его значение снижается, проявляясь лишь в кризисных социально-политических ситуациях.

4.11. Политический менталитет

В опасные времена не уходи в себя.
Там найдут легче всего.

Станислав Ежи Лец

Имеющиеся в литературе немногочисленные определения понятия «политический менталитет», даются, как правило, в соответствии с общими представлениями о том, что такое менталитет.

В связи с тем, что в западной литературе термин менталитет обозначает самые разнородные явления, то, как считают некоторые отечественные исследователи, опираться исключительно на иностранные источники по этому вопросу нецелесообразно.

Менталитет [от лат. *mens, mentis* – ум и *alis* – другие] – система своеобразия психической жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре, качественная совокупность особенностей восприятия и оценки ими окружающего мира, имеющие надситуативный характер, обусловленные экономическими, политическими, историческими обстоятельствами развития данной конкретной общности и проявляющиеся в своеобразной поведенческой активности [94].

Г.М. Андреева под менталитетом понимает интегральную характеристику некоторой культуры, в которой отражено своеобразие видения и понимания мира ее представителями, их типичных «ответов» на картину мира. Представители определенной культуры усваивают сходные способы восприятия мира, формируют сходный образ мыслей, что и выражается в специфических образцах поведения.

С полным правом такое понимание менталитета может быть отнесено и к характеристикам большой социальной группы (о чем подробнее сказано в соответствующей главе). Не случайно в обыденной речи упоминают «менталитет интеллигенции», «менталитет предпринимателя» и т.п. [9].

Менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития посредством социализации больших человеческих сообществ, объединенных общностью социального положения, национального единства, фактом территориальной концентрации. И.Г. Дубов и А.В. Петровский подчеркивают: «Отражая специфику психологической жизни людей, менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, нормы и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы, социальные установки и т.п., отличающие указанную общность от других.

Отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценкой этих явлений достаточно полно зафиксированы в языке, который является в силу этого одним из объектов анализа при изучении менталитета. Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь, прежде всего, в стереотипах поведения, к которым тесно примыкают стереотипы принятия решений, означающие на деле выбор одной из поведенческих альтернатив. Здесь следует выделить те стандартные формы социального поведения, которые заимствованы из прошлого и называются традициями и обычаями и также как устойчивые особенности поведения индивида называются чертами его личности. Типовое поведение, характерное для представителей конкретной общности, позволяет описать черты национального или общественного характера, складывающиеся в национальный или социальный тип, который в упрощенном и схематизированном виде предстает как классовый или этнический стереотип» [по: 94].

Некоторые исследователи разделяют понятия «менталитет» и «ментальность». В.В. Козловский, например, полагает, что «в самом общем виде менталитет – это способ, тип мышления, склад ума, про-

являющийся в познавательном, эмоциональном, волевом процессах и характере поведения, дополняемый системой ценностных установок, присущих большинству представителей конкретной социальной общности». Ментальность есть «способ повседневного воспроизводства, сохранения привычного уклада жизни и деятельности». Совокупность ментальных черт «выражает присущие отдельным социальным группам и субкультурам традиционные (архаические) структуры социальных представлений, вплетенных в повседневность». Ментальность являет собой не психическое состояние, а социокультурный феномен, поскольку все его элементы даны либо в качестве символов, кодов культуры, предметных вещественных форм (как результат опредмечивания) и наработанных способов деятельности, т.е. типичных форм практического поведения в социокультурном поле. Менталитет выражает «упорядоченность ментальности и определяет стереотипное отношение к окружающему миру, обеспечивает возможность адаптации к внешним условиям и корректирует выбор альтернатив социального поведения» [90].

Таким образом, В.В. Козловский под ментальностью понимает архаические ценности, духовные коды деятельности, предрасположенности, а под менталитетом – способ когнитивной и поведенческой ориентации. Поэтому, по его мнению, менталитет не содержит в себе ценностей, но вбирает их в совокупность схем собственного восприятия, оценивания и освоения реальности.

В политической психологии, как и в политологии, социологии, философии и других науках существуют различные, хотя и совсем немногочисленные подходы к пониманию политического менталитета. Одни считают, что это «совокупность устойчивых, общераспространенных в той или иной группе представлений, выражающих особое видение принадлежащими к ней людьми политической и социальной реальности» [160].

Другие рассматривают политический менталитет в контексте обыденного массового сознания и определяют его как «совокупность символов, необходимо формулирующихся в рамках определенного семантически-временного пространства и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, то есть путем повторения. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе онтологическим (ответ на вопрос: что это?) и функциональным (ответ на вопрос: как и зачем это?) объяснением,

способом выражения знаний о политическом мире и человеке в нем. Идентичность политического менталитета среди его носителей обуславливается в конечном счете общностью социально-политических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же политические явления объективного и субъективного политического мира, т.е. тождественным образом их интерпретировать и выражать в одних и тех же символах [по: 120].

Нередко понятия «менталитет» и «политический менталитет» рассматриваются в контексте сознания и, более того, отождествляются с понятиями «общественное сознание», «массовое сознание» или просто «сознание» [251]. Однако такое отождествление неоправданно упрощает и сужает понимание менталитета, поскольку последний обуславливает лишь особенность данной разновидности сознания, а осознанные элементы менталитета неразрывно связаны с областью бессознательного, которое может рассматриваться исключительно как коллективное.

В содержательном плане политический менталитет – совокупность осознаваемых и неосознаваемых политических представлений, ценностей, установок, стереотипов определенных социальных общностей в сфере политической действительности.

Политический менталитет – не просто мировидение. Такая трактовка содержит элементы созерцательности и пассивности. Р.А. Лубский интерпретирует менталитет как активный процесс мировосприятия, что предполагает и активность восприятия, и активность действия. В соответствии с этим предложена многомерная модель политического менталитета, структурно включающая в себя:

1) осознанные и неосознанные представления о политической реальности, выполняющие функцию когнитивного мотива политического поведения;

2) ценностные политические ориентации, носящие как осознанный, так и неосознанный характер и выполняющие функцию ценностного мотива политического поведения;

3) политические аттитюды и установки – осознанные готовности и неосознанные предрасположенности реагировать определенным образом на ситуацию [120].

Относительно формирования политического менталитета, его динамики, к сказанному выше следует добавить еще два аспекта.

Во-первых, во многом порождаемый и подкрепляемый традициями, обрядами, направленными воспитательными воздействиями ближайшего референтного окружения, средствами массовой информации, менталитет, кристаллизуясь уже на достаточно ранних этапах восхождения личности к социальной зрелости, является и показателем, и средством, и результатом процесса передачи социального политического опыта от поколения к поколению, по сути дела, доказывая факт их преемственности.

Во-вторых, в условиях кардинальных социальных изменений менталитет, не будучи поддержан устоявшимися правилами, обычаями и традициями, может качественно меняться и человеческие представления о жизни общества, подходы к оценке самих себя, других людей, социальных явлений могут претерпевать неожиданные и при этом качественные деформации, существенно перемещаясь в континууме «иррациональный подход – рациональный подход».

Подобные качественные сдвиги нередко носят болезненный, порой личностно разрушающий характер. Так, например, после октября 1917 года и в течение более семидесяти лет сформировались особенности менталитета советского человека, которые, по А.В. Петровскому, выразились в целом комплексе специфических характеристик: «“блокадное сознание” (ожидание, а иногда и уверенность в неизбежной агрессии со стороны “внешнего врага”), “ханжеская десексуализация” (исключение из обсуждения, а также литературного или иного творчества всего, что связано с физиологическими аспектами сексуальности человека), “социальная ксенофобия” (враждебное отношение к классовому врагу, к которому в разное время относили “белое офицерство”, “дворянство”, “кулачество”, “меньшевиков”, “эсеров”, и т.д.)». Понятно, что после 1991 года начался и достаточно бурно проходил процесс разрушения подобной личностной ментальности. В то же время, целый ряд социально-психологических и личностных феноменов из только что перечисленных не изжит до конца и сегодня, выступая своего рода дополнительным доказательством того факта, что процесс изменения менталитета – процесс достаточно длительный и болезненный и что определенная степень преемственности менталитета одного поколения от другого практически гарантирована даже в условиях принципиального и при этом стремительного изменения обстоятельств жизни общества.

Эмпирические исследования выявили и подтвердили характерную особенность российского менталитета – склонность к пассивности и тотальной зависимости, прежде всего, по отношению к государству и власти: «Основная конфигурация черт русских в представлении о самих себе – это соединение партикуляристского набора характеристик с пассивным авторитарным комплексом зависимости и подчиненности. Эти определения составляют образ русских «для себя» – пассивных, терпеливых, простых (не претендующих на высокий уровень запросов, автономность и самодостаточность, сложность ценностного набора), открытых для внешнего социального контроля, замкнутых в аффективных неформальных группах и структурах взаимоотношений, которые обеспечивают необходимые требования адаптации и выживания при репрессивном режиме, ограничивают агрессию или давление извне».

По мнению М.Ю. Кондратьева, именно эта особенность национального менталитета является родовой по отношению к выделенным А.В. Петровским деструктивным комплексам, свойственным «советскому сознанию». Именно ее следует рассматривать как глубинную психологическую причину постоянного «соскальзывания» общества к авторитаризму, изоляционизму, ксенофобии, поскольку «...подобные структуры представлений являются механизмами систематического разрушения позитивной гражданской солидарности, единства в зависимости, страхе, сопротивлении любым побуждениям и стимулам к большей продуктивности или интенсивности достижения, открытости, доброжелательности, повышению качества и ценности действия. Это солидарность зависимых и слабых людей в халтуре, пассивности и тревогах, которые порождаются без достаточного реального основания, но благодаря которым поддерживается коллективная идентичность низости. «Когда нечем гордиться, можно жить, понося и принижая других». Загаженные подъезды и лифты, привычно обшарпанные дома, нелюбовь к себе и близким непосредственно коррелируют с централизованным бюрократическим государством и великой державой, вечно угрожающей кому-то [94].

Вместе с тем, было установлено, что в современной России налично тенденция к позитивному психосоциальному развитию на индивидуальном уровне у значительной части молодежи, а также наличие определенного числа индивидов с качественной идентичностью среди взрослого населения. Причем в ряде высокозначимых сфер обще-

ственной жизни и профессиональной деятельности, таких как наука, образование, бизнес, они играют достаточно заметную роль.

Таким образом, политическая психика – сложное социокультурное образование, представляющее собой особую форму активного отражения субъектом общественно-политических процессов и явлений, возникающую в социально-политическом взаимодействии этого субъекта с внешним миром и осуществляющую в его поведении (деятельности) регулятивную функцию. Анализ политической психики предполагает рассмотрение ее структуры, включающей в себя социально-перцептивный, интеллектуальный и эмоционально-волевой блоки, раскрытие роли политического сознания и неосознаваемых процессов и состояний. Особое место в системе политической психики принадлежит политическому менталитету.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Отчего, как Вы считаете, какие-то события в истории общества со временем меркнут в политической памяти людей, а какие-то сохраняются, не теряя своей актуальности?

2. Чем можно объяснить нелогичность, а иногда и алогичность политического мышления?

3. По-Вашему мнению, политическое мышление присуще только политикам или любому индивиду?

4. Каковы индивидуальные особенности политического мышления?

5. В чем проявляется инерция политического восприятия и политического мышления?

6. Каковы основные детерминанты и закономерности инерции политического мышления?

7. Что такое политическое воображение и каковы его основные формы?

8. Что, на Ваш взгляд, общего и в чем отличия политического восприятия и политического воображения?

9. Какую роль играют политические мифы в формировании политического сознания индивида и группы?

10. Охарактеризуйте понятия «политический миф» и «политическая утопия», что у них общего и каковы различия?

11. Приведите примеры влияния политических настроений на политическую ситуацию в обществе, в стране.

12. В чем, на Ваш взгляд, заключаются функции политических эмоций и какова их роль в психологическом анализе политических процессов и явлений?

13. Каким образом можно манипулировать политическими эмоциями и чувствами индивида и группы? Как можно противостоять этой манипуляции?

14. Какие качества характеризуют политическую волю человека?

15. Как смысловые установки влияют на политическое поведение индивида?

16. Существует ли связь политических установок с мотивами политического поведения, политической деятельности?

17. Что общего и в чем отличия индивидуального политического сознания и группового?

18. Каким образом соотносятся политическое сознание и политическое самосознание?

19. В каких видах массового поведения политическое бессознательное проявляется прежде всего?

20. Насколько, по-Вашему, оправдано отождествление понятий «политическое сознание» и «политический менталитет»?

Глава 5.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

*Личность и личностный фактор в политике.
Понятие и политико-психологическая структура личности.
Политическая социализация личности.
Психология политической активности и политического
участия. Политическая культура личности*

«Культ нуля» хуже «культы личности»

Станислав Ежи Лец

5.1. Личность и личностный фактор в политике

Всё решает человеческая личность,
а не коллектив, элита страны, а не ее демос,
и в значительной мере её возрождение
зависит от неизвестных нам законов
появления больших личностей.

В.И. Вернадский

Политическая действительность дана нам через деятельность субъектов политики, общая характеристика которых состоит в том, что все они, как правило, принимают участие в политической жизни общества. К субъектам политики относятся классы, политические организации, движения, этнические и демографические общности и объединения и т.п. Но первичным субъектом политики выступает личность. Именно она – главный творец политики. Однако и сама политика в свою очередь творит личность. Личность, таким образом, является одновременно и субъектом и объектом политики.

Еще Аристотель высказывал мысль о необходимости человеческого измерения политики, об органическом единстве человека и государства. Государство потому и играет ведущую роль по отношению к личности, что обуславливает саму природу человека, причем в такой степени, что без государства не может быть и самого человека уже по определению, ибо человек – это «государственное животное»,

«политическое животное». Человек по своей сути есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек [11].

В процессе развития цивилизации личность все больше приобретает черты, вытекающие из специфики условий жизнедеятельности особых социальных общностей, членами которых являются индивиды: социально-профессиональных, национально-этнических, социально-территориальных, половозрастных и др. Освоение черт, присущих этим многообразным общностям, а также социально-политических ролей, выполняемых индивидами в групповой и коллективной деятельности, с одной стороны, выражается в социально-типических проявлениях сознания и поведения, а с другой – придает личности неповторимую индивидуальность, так как эти социально-обусловленные качества структурируются в устойчивую целостность на основе психофизиологических свойств субъекта. Все это неустанно привлекало к себе внимание мыслителей, ученых различных эпох, не исключая и современных исследователей.

В последние годы ситуация сложилась таким образом, что большинство ученых, исследующих проблему личности в политике, придерживаются позитивистских взглядов и стремятся построить объективную науку, практически не обращаясь к анализу субъектного объекта – отдельного индивидуума. Следствием этого стал несколько односторонний подход, в соответствии с которым исследованиям подвергнуты массы и массовые явления в политике при очевидном игнорировании личности отдельного человека, его роли в политических процессах и явлениях.

В политико-психологической мысли существуют различные трактовки проблемы личности. Среди них, по мнению Е.Б. Шестопаля, чаще всего встречаются два подхода, каждый из которых по-разному оценивает роль личности в общественно-политических и исторических процессах.

Сторонники одного подхода отводят личности в политике, истории решающую роль и практически сводят политику к личности лидеров, вождей и т.п. Эту точку зрения еще на рубеже XIX–XX веков высказывали Г.В. Плеханов, Л.Д. Троцкий, В. Джемс, Т. Карлейль и др. Г.В. Плеханов, например, считал, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является «фактором» такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения»

[174]. Новый подъем интереса к проблеме личности в истории и политике ознаменовала книга С. Хука «Герой в истории», в которой автор обосновал ряд важных положений, позволивших в существенной мере уйти от крайностей противоречивой позиции Г.В. Плеханова.

Сторонники рассматриваемого подхода обосновывают роль личности в истории и политике личностными достоинствами лидеров: политическим талантом, способностями, знаниями, навыками, личным авторитетом. Личностным качествам вождей придается большее значение, чем их политическим позициям и убеждениям.

В русле политической психологии внимание акцентируется на мотивации личности в политической деятельности. Так, американский исследователь Дж. Барбер, вслед за А. Адлером предлагает компенсаторную концепцию власти, полагая, что именно комплекс неполноценности, вызванный детскими травмами, пережитыми политиком на ранних стадиях становления его личности, мобилизует его на достижения, несравнимые с достижениями его более удачливых сверстников.

Сторонники второго подхода склонны принижать роль личности в политике. Часть из них – приверженцы позитивизма, в частности бихевиоральной ориентации – хотя и признают значение в политике отдельных индивидуально-психологических качеств личности, тем не менее, не видят смысла в исследованиях целостной личности как фактора, влияющего на политические процессы. Так, американский ученый А. Инкелес, выражая весьма распространенную среди политических социологов точку зрения, считает, что индивидуальные особенности «гасят» друг друга в масштабных политических процессах. Поэтому есть смысл изучать не индивидуальные, а массовые закономерности, например распределение политических ролей [77]. В статье «Личность и социальная структура» отмечается возрастающее значение в западной социологии психологических методов и выдвигается общий тезис о том, что «система личности становится одной из основных промежуточных переменных при любой оценке влияния одного аспекта социальной структуры на другой» [77].

Иная часть сторонников данного подхода считает личностный фактор в принципе незначимым по сравнению с факторами социального воздействия на политику. Теоретики, принадлежащие к марксистской традиции, выделяют, прежде всего, экономические факторы. Политологи, сохраняющие идеи функционализма концентрируются на исследованиях деятельности политических партий,

движений, общественных организаций. Общее между ними то, что они выводят личность за рамки факторов, среди которых следует искать причинное объяснение макрополитических процессов.

Политическая практика авторитарных и тоталитарных режимов дает дополнительные аргументы тем исследователям, которые стремятся ограничить значение личностных детерминант в политике. По их мнению, если авторитарная политика рассматривает человека как материал для своих политических экспериментов, то развитая демократическая система должна быть безличным механизмом, который обеспечивал бы человеку его права и свободы независимо от того, какой лидер стоит во главе государства. Крайним выражением такой позиции являются леворадикальные, анархистские концепции, которые отрицают не только авторитет вождей, но и вообще необходимость и целесообразность любой организованной политической деятельности, сводя тем самым на нет значение разумной личности в политике. На место воли и сознания личности, планирующей и организующей политический процесс, приходят массовидные инстинкты.

Однако приведенные выше точки зрения, хотя и различающиеся между собой, касались политико-психологических проблем не рядовой личности, а личности политического лидера. Личность обычного рядового гражданина обозначалась всего лишь как часть массы, так сказать, в множественном числе. Это не случайно, поскольку, к сожалению, эта проблема пока еще не оказалась в центре внимания психологов. Представители же иных научных направлений – политологи, социологи, историки, культурологи – предпочитают (за редким исключением) избегать собственно психологического анализа личности, сводя круг своих интересов только к массовым, социальным (на разных уровнях), историческим, а также «околопсихологическим» аспектам понимания личности.

Как, например, трактуется понятие личности в политологии? Вот несколько показательных, типичных точек зрения.

«Личностью в политике обозначается человек как субъект отношений и сознательной деятельности, как устойчивая система социально-значимых черт, характеризующая человека как члена общества или общности. Личность является первичным субъектом политики. Как политический субъект она характеризуется возможностью и степенью влияния на политические процессы в обществе и, главным образом, на политическую власть» [10]. Или: «Личность – это субъект осознанной, целесообразной деятельности, выражающий и реализу-

ющий интересы политических сил в единстве с собственными интересами, интегрирующий их в единое целое (государственное, партийное, общественно-политическое, международное и др.)» [95].

В политической науке личность рассматривается как основной субъект политики, поскольку все политические силы, субъекты суть человеческие образования. Субъектность личности в политике проистекает из ее способности, возможности и потребности участвовать в политической жизни общества и государства в соответствии со своими интересами. Но в отличие от других сфер общественной жизни, в которых личность может реализовать свои интересы абсолютно, в политике она осуществляет свои интересы как элемент каких-то общих, то есть политических интересов. Даже не понимая данного положения, например, голосуя на выборах, личность, опуская бюллетень в урну, совершает индивидуальный акт коллективно-политической значимости [95]. Трудно что-либо возразить против такой позиции, но ее недостаточно для психолого-политического анализа понимания личности.

В самой психологической науке, имеющей, тем более своим разделом «Психологию личности» существует множество самых различных трактовок личности. Однако наибольший интерес для адекватного понимания личности с точки зрения политической психологии представляют теория деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского и весьма близкий к ней системный историко-эволюционный деятельностный подход А.Г. Асмолова.

Суть научной парадигмы А.В. Петровского заключается в следующем: «Главное в личности – ее «социальность» и главное в «социальности» – личность» [по: 170]. Следуя этой формуле, можно сказать, что главное в политике, в «политичности» – личность человека, как субъекта политических отношений. При этом, разумеется, «социальность» и «политичность» не отождествляются. В рамках системного историко-эволюционного деятельностного подхода личность рассматривается как совокупность психических свойств, как результат включения индивида в пространство социальных отношений [13]. У обоих авторов совершенно отчетливо просматривается развитие идей А.Н. Леонтьева о личности как особом системном, общественном по своей природе качестве индивида.

Если взять за основу взгляды названных выше авторов, принадлежащих собственно к одной научной психологической школе,

можно вывести следующее определение личности с политико-психологической точки зрения.

В политической психологии **личность – это системное социально-политическое качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении, в политических по своему характеру социальных отношениях и характеризующее меру представленности этих отношений в индивиде.** Это качество, однако, не является чем-то раз и навсегда данным, статичным, неизменным. Оно динамично, находится в постоянном развитии, изменении, преобразовании.

Если мы вслед за А.Н. Леонтьевым и А.В. Петровским признаём, что личность – это качество индивида, то тем самым мы признаём единство, но не тождество понятий «личность» и «индивид». В связи с этим мы говорим, что системное социальное, и, следовательно, конкретнее, социально-политическое качество – это то, что выходит за пределы «сверхчувственного» («системное и поэтому “сверхчувственное”», по А.Н. Леонтьеву), формируется, приобретается индивидом как субъектом предметной деятельности и общения. Социально-политическое качество с одной стороны приобретается в социально-политических отношениях, с другой стороны оно характеризует меру представленности в индивиде, воплощения в нем как субъекте системы этих социально-политических отношений.

Личность, таким образом, в политической психологии может быть понята только в системе социально-политических отношений, где в качестве субъектов таких отношений выступают другие индивидуумы, а также социальные группы, начиная с малых групп в политике и заканчивая государством, как особым социальным институтом, как особой организацией политической власти общества.

5.2. Политико-психологическая структура личности

Самое важное и существенное – люди, живые души, клетки общественной ткани, а не внешние формы, за которыми может быть скрыто любое содержание...

Н.А. Бердяев

Проблемой особого свойства является вопрос о **политико-психологической структуре личности.** Это сложное системное образование, включающее в себя биологический (природный), психологиче-

ский и социально-психологический уровни, которые в единстве и во взаимосвязи образуют индивидуальность.

Биологический уровень

К биологическим свойствам относятся пол, возраст, темперамент.

Пол играет немаловажную роль в исполнении политических функций, в политическом участии личности. Кому предпочтительнее быть политиком – мужчине или женщине? Есть ли в политике место женщине? Если есть, то каково это место? Эти и им подобные вопросы уже давно занимают политических психологов.

Свою лепту в решение вопроса о роли мужчины или женщины в политике внес еще З. Фрейд. «Политик всегда мужчина. Два образа – образ отца и «отцеубийцы». Я. Дубейковская называет психоаналитическую модель: зятая Эдиповым комплексом психологическая пружина увлекает в политику, в которой есть возможность ежедневно доказывать свое влияние и побеждать врагов – символических отцов – или, наоборот, бороться за признание отца (президента, губернатора) с другими братьями. Именно из этой эдипальной ситуации появляются два доминирующих типа кандидатов на выборах: образ отца, олицетворяющего силу, стабильность, ответственность и заботу, и образ отца-убийцы, несущий в себе критику власти, потрясение основ, запугивание избирателей [68].

Если говорить о женщинах, то они всегда имели в политике определенное значение, но, как правило, не на официальных постах разного уровня, а «за кулисами» [251]. Такое ограничение нередко приводило к прямой или скрытой дискриминации, вызывая волну феминистского движения.

Одним из важных показателей участия женщин в политике является представительство «слабого» пола в высших органах государственной власти.

Вот о чем говорят данные NEWSru.com от марта 2013 года «В процессе ротаций, осуществленных в последнее время в Совете Федерации, усугубился гендерный перекос, в результате чего представительство женщин в СФ сократилось практически до 5%. Этот перекос не может компенсировать даже факт наличия женщины (Валентины Матвиенко) на посту спикера. Судя по исследованию Всемирного экономического форума (ВЭФ), который ежегодно рассчитывает так называемый индекс гендерного неравенства

(Global Gender Gap Index) для стран мира, Россия в 2012 году заняла в нем лишь 59-е место, опустившись на 16 позиций по сравнению с данными 2011 года (43-е место). В 2009 году РФ была на 51-й позиции, а в 2010-м – на 45-м месте.

Участие женщин в политическом процессе, их представительство в руководящих органах страны, как раз является одной из критических областей гендерного неравенства. И такое участие женщин в политике оценивается по трем показателям: соотношение полов в парламенте, на министерских должностях и число женщин на посту руководителя государства за последние 50 лет. Если по последнему пункту России вообще нечего предьявить, то по наличию «слабого» пола в кабинете министров и в парламенте есть некоторые подвижки. К примеру, в Государственной думе этот перекося пытаются исправить: из общих 450 мандатов женщинам принадлежит 68, то есть 15%. Но в Совете Федерации, как уже отмечалось, может остаться около 5%. Этот показатель очень незначителен не только на фоне парламентов развитых демократических стран, но и показателей советского времени, когда число женщин – депутатов Верховного Совета СССР достигало 33%. Отметим, что в России женщины занимают 49% всех рабочих мест в стране. И это один из лучших показателей в мире. Однако число женщин в России на крупных руководящих должностях, а тем более в политике, крайне мало (NEWSru.com, 25.03.3013).

Что касается участия женщин в политике на региональном уровне, то исследование заместителя губернатора Архангельской области Е.В. Кудряшовой показывает, что во всех законодательных собраниях в целом по стране женщины составляют только 9%. В самой Архангельской губернии оказалось, что в ее самых депрессивных районах (например, на Соловецких островах) в органах местного самоуправления до 82% женщин. На уровне региональной власти их оказалось вдвое меньше. Это исследование подтвердило, что так называемая «гендерная пирамида» с советских времен никуда не делась: «Где больше власти, там меньше женщин» [по: 78].

В то же время 56% опрошенных наших сограждан считают, что женщина должна идти в большую политику. «Это очень обнадеживающий показатель, – утверждает политолог С.Г. Айвазова, – особенно если учитывать, что между декларируемыми ценностями и реальным поведением людей всегда существует разрыв. А значит, женщины действительно смогут, рано или поздно, занять лидирующие позиции»

[78]. Однако по опросу Левада-Центра (АиФ, № 24, 2009), видеть женщину на посту главы государства пока готов лишь 41 % сограждан, 44 % предпочли бы оставить высшую власть в мужских руках.

Многие эксперты полагают, что проблема здесь не только в мужчинах, которые держатся за свои министерские портфели, но и в самих женщинах, в их отношении к власти. «Женщины сами должны выйти из политического оцепенения, начать выдвигать и избирать своих лучших представительниц во властные структуры, – считает председатель общественной организации «Лига избирательниц Санкт-Петербурга» Т.С. Дорутина.

Известный (теперь уже в прошлом) политик Ирина Хакамада на своем официальном сервере пишет, что проблема участия женщин в политике – проблема ментальная. «Женщины изначально прощают любую глупость мужчинам, но не прощают малейших просчетов женщинам. Женщины гораздо хуже голосуют за женщин-политиков, и уж тем более не могут им простить, если женщины-политики начинают жить на более высоком уровне. Проблема усугубляется еще и тем, что подрастающее поколение еще более консервативно, чем даже ныне существующее». Объективно ситуация такова, что в политике женщина, по мнению И. Хакамады, «сильнее, умнее, кропотливее, толерантнее, выносливее. Именно поэтому мужики так и держатся за власть. Но еще буквально 15–20 лет, и женщина станет Президентом» [78]. Конечно, это мнение субъективное, но весьма характерное. Политический опыт И. Хакамады и других российских женщин-политиков выявил парадокс: «она – женщина в политике, но в политике она – не женщина». На традиционно мужском поле женщина играет по мужским правилам, не кокетничает, не флиртует. Чтобы добиться успехов на политическом поприще, женщина должна быть целеустремленной, прагматичной и рациональной, продумывать все действия на несколько шагов вперед.

Тем не менее, женщины, оставаясь в политике все-таки женщинами, проявляют в процессе межличностного взаимодействия такие отличные от мужчин особенности, как более точная дифференциация эмоционального состояния, межличностных отношений, достоинств и недостатков личности, более эмоционально предрасположены к проникновению во внутренний мир человека, у них выше показатели социально-психологической наблюдательности. Хотя мужчины точнее определяют уровень интеллекта собеседника.

Еще одна проблема – отсутствие на данный момент в «большой федеральной среде» ярких лидеров. Многие эксперты по гендерным вопросам справедливо замечают, что харизматичных лидеров женского пола на современной политической арене слишком мало. И что среди женщин-политиков необходима смена декораций и смена лиц, подчас уже сильно надоевших своей неоправданной амбициозностью.

Существенное значение для личности политика, особенно для его выдвижения имеет **возраст**. Известно, что в переломные эпохи, в периоды кризисов на руководящие посты нередко выдвигаются более молодые, а иногда и просто юные лидеры. Это связано с необходимостью полной или значительной смены всей прежней политической элиты и выдвижения поколения, не связанного с прежним правящим слоем в силу своего возраста.

Революционные события и гражданская война в России 1918–1921 годов выдвинули на крупные руководящие посты большевистской партии и молодого Советского государства относительно молодых политиков и военачальников, средний возраст которых составлял не многим более 40 лет. Среди известных и самых молодых военачальников Красной Армии того времени – В.И. Чапаев (в 32 года командир дивизии), Н.А. Щорс (в 24 года командир дивизии), А.П. Гайдар (в 17 лет командир полка) и др.

В постсоветский период в числе руководителей страной и регионами – С.В. Кириенко (в 32 года председатель Правительства РФ), позднее – А. Островский (в 36 лет губернатор Смоленской области), А. Турчак (в 33 года губернатор Псковской области), Н. Никифоров (в 29 лет министр связи и массовых коммуникаций в Правительстве РФ).

В периоды более или менее стабильного развития страны на верхние этажи политической власти поднимаются политики более позднего возраста – те, кто занимает свои позиции достаточно длительное время. В тех политических культурах, где почтенный возраст играет особую роль, символизируя житейскую мудрость, политическими лидерами становятся представители как раз такого возраста. В числе престарелых лидеров – Мао Цзэдун и Дэн Сяопин в Китае, Ким Ир Сэн в КНДР, Фидель Кастро на Кубе.

В то же время в российской политике возраст и связанная с этим болезненность были важным фактором, влияющим на негативное восприятие президента Б.Н. Ельцина в последние годы его пребывания на посту, как это было с Л.И. Брежневым, К.У. Черненко и дру-

гими лидерами СССР. Избрание в 2000 году 48-летнего В.В. Путина определялось во многом именно его молодостью и здоровьем на фоне его предшественника.

Возраст, как уже говорилось, характеристика биологическая, не имеющая какого-либо политического значения. Однако под влиянием особенностей той или иной культуры, этнических и других традиций, общественных потребностей и сложившейся социально-политической ситуации, возрастные данные приобретают политическое значение. При этом биологические характеристики играют роль «ограничителя» в процессе рекрутирования на ту или иную политическую роль, а возраст имеет чисто психологические следствия, такие как ригидность мышления, приверженность привычкам, стереотипам и пр.

Что касается психологического развития в средней и поздней взрослости (возрасте наиболее характерном для занятий активной политической деятельностью), то исследования [173] обнаруживают существенные позитивные изменения личности людей, продвигающихся с возрастом к более высоким уровням компетентности. В условиях стресса люди зрелого возраста не теряют бодрого расположения духа, оказывают помощь другим, думают о будущем и не спешат реагировать на текущие неизбежные конфликты.

Для взрослого возраста характерно и социальное развитие. Несмотря на то, что у людей, достигших возраста средней взрослости, отмечается относительное снижение характеристик психофизических функций, это никак не отражается на функционировании когнитивной сферы человека, не снижает его работоспособность, позволяя ему сохранять трудовую и творческую активность. Поэтому, вопреки ожиданиям снижения интеллектуального развития после того, как оно достигает своего пика в период юности, развитие отдельных способностей человека продолжается в течение всего среднего возраста. Особенно это относится к тем, кто связан с трудовой деятельностью человека и его повседневной жизнью.

К биологическим свойствам, как уже было сказано, относятся и свойства **темперамента**, которые играют немаловажную роль в политическом участии личности.

Пожалуй, в наибольшей мере это относится к эмоциональной сфере, характеризующейся, по Б.М. Теплову, эмоциональной возбудимостью, силой эмоций, тревожностью, пластичностью-ригидностью, резистентностью, субъективацией и другими характеристиками

[225]. Эмоции не просто присутствуют, но нередко становятся движущими силами в политике. Необычайно важна роль эмоциональной сферы человека в его стремлении сделать политическую карьеру, в принятии и реализации руководителем политических решений.

Темперамент придает форму поступкам политических деятелей, сказывается на их способности зажечь своих последователей эмоциональным восприятием политических событий, передать им свое видение этих событий.

Политические процессы в истории нашей страны изобилуют примерами влияния эмоций в принятии политических решений и реагировании на сложные, порой драматические ситуации в стране, в обществе. Достаточно вспомнить сильнейший эмоциональный накал в «схватке» В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого при обсуждении вопроса о подписании Брестского мира. Или эмоциональная подавленность И.В. Сталина в первые дни Великой Отечественной войны, его неспособность лично обратиться с воззванием к советскому народу по радио. Или эмоциональная несдержанность Н.С. Хрущева в малоприятном эпизоде в ООН, когда руководитель СССР стучал по трибуне ботинком, осуждая политических оппонентов и требуя внимания аудитории.

Можно привести аналогичные примеры проявления эмоций в политических процессах в России постсоветского периода. Это схватки союзного и российского руководства в 1990 году; поведение членов ГКЧП перед телекамерами в августе 1991 года; заседание парламента, амнистировавшего участников августовского путча; переговоры премьер-министра В.С. Черномырдина с чеченскими террористами, захватившими Буденновск и др.

Эмоции становятся особенно мощной движущей силой в политике, когда они принимают массовый характер (подробнее об этом в следующих главах).

Были моменты и странных эмоций. Многие психологи и политологи не могли объяснить странное поведение толпы перед зданием Белого дома в Москве в тот момент, когда по нему начали стрелять танки: люди не расхотелись, как будто не понимали серьезности и опасности происходящего и присутствовали на спектакле. Такая утрата чувства риска свидетельствует об эмоциональной патологии, ставшей результатом воздействия сильных политических стимулов [251].

Психологический уровень

Психологический уровень структуры личности определяется характером, мотивационной, ценностно-смысловой сферой.

Характер личности в контексте политико-психологического анализа – это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающихся и проявляющихся в социально-политических отношениях, обуславливая типичные для индивида способы политического поведения. Содержанием характера является практическое отношение человека к другим субъектам политики и через них к самому себе, к своему политическому поведению, к результатам своей политической деятельности, к политическим событиям, ситуациям. В этих отношениях характер человека проявляется и в них же он формируется.

Во взаимоотношениях человека с другими субъектами политики складываются и проявляются такие черты характера как благожелательность, гибкость (недогматичность), гуманность, здравомыслие, интуиция, лаконичность, находчивость, общительность, остроумие, пронизательность, рассудительность, социальный интеллект, справедливость, тактичность, толерантность, уважительность, честность и другие и противоположные им черты.

В отношении человека к своей политической деятельности и ее результатам складываются и проявляются такие черты характера как гибкость и открытость изменениям, деловитость, дипломатичность, добросовестность, инициативность, компетентность, новаторство, обязательность, организованность, поведенческая мобильность, предусмотрительность, пунктуальность, и другие и противоположные им черты.

Отношение человека как субъекта политики к самому себе определяется такими чертами характера как гордость, готовность к самопожертвованию во имя высокой цели, обидчивость, самолюбие, сомнение, самообладание, самоорганизованность, самоотвеженность, самооценка (завышенная или заниженная), чувство собственного достоинства, тщеславие, уверенность в себе или мнительность и т.д.

Характер человека как субъекта политики проявляется и в отношении к политическим событиям, политическим ситуациям. Здесь важными чертами характера являются гуманность, дипломатичность, отзывчивость, совестливость, сострадательность, толерантность, пронизательность и др.

Характер связан со всеми сторонами политической психики, но особенно тесна его связь с политической волей, которая является как бы хребтом характера. Особенности волевой сферы (о которой говорилось выше), переходя в свойства личности, образуют существеннейшие черты характера.

Характер личности как субъекта политики проявляется в многообразных связях и отношениях, в которые оказывается включенным индивид, реализуя цели и задачи своей политической деятельности. Это публичные выступления, политические дискуссии, переговоры и т.п. Во всем этом проявляется и такое важное качество как политическая культура, точнее ее уровень.

Особую проблему составляет нравственная сторона характера личности, участвующей в политике. Часто можно встретить утверждение, что политика – дело грязное: она находится по ту сторону добра и зла и с моралью несовместима. Тот, кто вступает на стезю политической деятельности, должен к этому служению подготовиться не только интеллектуально, но и нравственно, поскольку политика – одна из самых тонких, сложных и ответственных видов деятельности. Стоит привести слова И. Канта о том, что «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали,... так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре». Правда бывает лучшей политикой! Не может пользоваться уважением и доверием народа политик, равнодушный к моральным соображениям [83].

Мотивационная сфера личности в политико-психологическом анализе определяется динамическими тенденциями личности – потребностями и мотивами политического участия, политическими интересами, идеалами, политическими ценностями и ценностно-смысловыми ориентациями.

Мотив в данном случае понимается как побуждение и как причина выбранного человеком политического поведения, политического участия, то есть как то, ради чего человек осуществляет это поведение, что послужило, в том числе, и осознанным основанием для выбора политического действия, обусловленного волей. Политическое поведение может начинаться при соблюдении двух условий: во-первых, должна быть психологическая готовность субъекта к постановке и достижению политических целей и решения политических задач и, во-вторых, должна сложиться политическая ситуация, дающая субъекту возмож-

ность успешного осуществления желаемого политического поведения (наличие предмета потребности и возможность получить его).

Политический интерес позволяет определить направленность индивида на политическое участие, на завоевание подходящих позиций в системе политической власти. Роль политических интересов заключается, во-первых, в том, что в них происходит осознание и выражение политических потребностей общества; во-вторых, именно политические интересы определяют конкретную направленность политической активности индивида; в-третьих, осознание политических интересов вызывает к жизни многочисленные политические ценности, идеологии, теории, обыденные взгляды, настроения, ожидания.

В зависимости от основания политические интересы подразделяются на различные типы. Так, если выделить субъектов, носителей интересов, то различают личностные, групповые, корпоративные, классовые и национальные политические интересы. Если иметь в виду степень их проявленности, то выделяются стихийные и осознанные интересы. В зависимости от сферы действия выделяются внутривнутриполитические, внешнеполитические и глобальные, или геополитические, интересы. Мир политических интересов многообразен. По сути своей политика – это и есть способ согласования интересов различных социальных групп и индивидов разными средствами.

Политические ценности – выраженные в мнениях, суждениях позитивные ориентации индивида на различные объекты и состояния политического бытия; представления о наиболее важном и значимом в политике. В ценностях могут быть выражены предпочтения той или иной форме государственного устройства, тому или иному типу отношений между государством и индивидом, отражены желаемые представления о степени свободы личности, о справедливости и порядке.

Появлению ценностных суждений в политической культуре общества предшествует позитивный опыт отдельных индивидов. Например, в рамках конкретной исторической ситуации власть начинает рассматриваться как ценность при условии, если она обеспечила решение каких-либо значимых для группы или для социума в целом задач. Со временем связь представлений с конкретной ситуацией утрачивается, но в массовом сознании сохраняется суждение о необходимости и целесообразности именно таким образом организованных властных отношений. Происходит это благодаря трансляции конкретного опыта в виде сказаний, суждений, которые становятся

не просто пересказом исторического факта, а своеобразным толкованием складывающихся ценностных представлений.

Политические ценности укоренены в культуре общества наряду с нравственными, эстетическими, экономическими, социальными. В политических ценностях человек выражает свое стремление к более справедливому обществу, к эффективно организованному государству, прогрессу. В современном обществе представлено множество политических ценностей, нередко противоположных и взаимоисключающих друг друга, но они существуют, находят себе сторонников, развиваются и совершенствуются [179].

К *политическим ценностям* можно отнести: достижение общественного блага, идеологические и социально-политические перспективы, личная политическая активность, независимость, ориентация на достижение гармонии в межличностных отношениях, самореализация, свобода, честность и др. [57].

Социально-психологический уровень

Описанные выше свойства, качества человека необходимы, но не достаточны для правильного понимания личности с политико-психологической точки зрения. Поэтому возникает необходимость выделить социально-психологический уровень структуры личности. Необходим анализ ее статуса в обществе, в том числе политического статуса, и социально-политической позиции, которую она занимает. Действительно, если признать, что личность формируется в деятельности, то деятельность эта осуществляется в конкретной социальной ситуации. Действуя в конкретной социально-политической ситуации, любой человек обладает определенным статусом, который задается сложившейся системой общественно-политических отношений. Политический статус личности объективен и может осознаваться личностью адекватно или неадекватно, активно или пассивно. Главное состоит в том, что он определяет место личности в политической системе общества, в малой или большой группе, включен в систему политических отношений.

В этой системе наряду со статусом личности каждый человек занимает и определенную политическую позицию. Эта позиция характеризует субъективную, деятельную сторону положения личности в той или иной группе или в целом в системе политических отношений. Уровень и содержание позиции обусловлены содержанием политического участия личности.

Все перечисленные психологические качества личности характеризуют нам ее, какой она представляется для окружающих ее людей. Однако человек живет не только для других. Он живет и для себя, он осознает себя, он пытается ответить на вопросы: кто Я, какой Я? Он отдает себе отчет, что он субъект, носитель многочисленных психологических свойств и качеств. Свойство человека осознавать самого себя как субъекта со свойственными ему психологическими и социально-психологическими характеристиками называют самосознанием [6]. Свойство человека осознавать самого себя как субъекта политических отношений, политической деятельности и поведения называется политическим самосознанием.

5.3. Политическая социализация личности

Конституция государства
не должна вредить конституции его граждан

Станислав Ежи Лец

Судьба любого общества в значительной мере зависит от того, какие социально-политические ценности, нормы и правила определяют прежде всего поведение и деятельность живущих в этом обществе людей. Разумеется, человек не рождается с какими бы то ни было политическими знаниями, как не рождается он личностью и уж тем более он не рождается гражданином и политиком. И гражданином и личностью его признают государство, общество, сформировав в нем необходимые качества. Для гражданина это законопослушность и лояльность к государству, его политической системе, для личности это соответствие требованиям-ожиданиям, предъявляемым человеку группой или всем социальным окружением, включая цели и ценности группы, умение верно исполнять социальные роли, быть адекватным принятым нормам и не нарываться на санкции за их отклонение. Процесс приобщения индивида к существующим в обществе социально-политическим нормам и ценностям осуществляется в ходе политической социализации.

С социально-психологической точки зрения, социализация – это процесс освоения и принятия индивидом сложившихся в обществе норм, правил, ценностей. А.В. Петровский определяет социализацию как приобретение и последующее активное воспроизводство индивидом

социального опыта [172]. Этот процесс, с одной стороны, решает проблемы индивида, помогая ему стать полноправным членом своей группы, с другой – обеспечивает жизнедеятельность общества и преемственность самой культурной традиции.

Политическая социализация – это процесс включения индивида в политическую систему посредством оснащения его опытом данной системы, позволяющим индивиду стать полноправным участником политической жизни общества, ориентироваться в сложных общественно-политических процессах, делать сознательный выбор в политике.

В процессе взаимодействия индивида с политической системой происходят два ряда процессов. С одной стороны, система воспроизводит себя, рекрутируя и обучая, приспособлявая к себе все новых членов. Политическая система в этом процессе играет роль механизма сохранения политических ценностей и целей системы, дает возможность сохранить преемственность поколений в политике. С другой стороны, требования политической системы переводятся в структуры индивидуальной психики, становятся политическими свойствами личности или, иными словами, свойствами личности как политической ипостаси индивида. В результате, политическая социализация формирует политическое сознание личности и ее политическое поведение, а в целом, в процессе политической социализации происходит становление личности гражданина – члена данной политической системы [по: 154].

Важную роль в осуществлении политической социализации играют ее механизмы, действующие на нескольких уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и индивидуальном.

На общесоциальном уровне общества в целом и образующих его больших групп, на человека действует огромное число макросоциальных и макрополитических факторов, подлежащих человеческой оценке и на основе этой оценки вырабатывается соответствующее отношение к конкретному обществу и его политической системе.

На социально-психологическом уровне политические цели и ценности транслируются системой, как через большие, так и через малые группы, членом которых является индивид. На основе непосредственного общения и взаимодействия человек приобщается к элементам политической системы на житейском уровне, вырабатывая к ним свое отношение.

На индивидуальном уровне в качестве механизмов политической социализации выступают индивидуально-психологические структу-

ры, на основе которых постепенно и формируются те потребности, мотивы, установки и стереотипы, которые затем управляют сознанием и поведением человека в политике.

Политическая социализация, как и процесс социализации вообще, имеет стадийный характер. Стадии или этапы политической социализации обусловлены возрастными изменениями в ходе созревания человека, в процессе персонотенеза.

Уже в первые годы жизни происходят основные изменения, закладываются основы политической социализации и формирования личности гражданина. Ребенок знакомится с конфигурацией властных отношений в семье, что впоследствии сказывается на восприятии им политической власти в государстве. В 3–4 года через семью, через средства массовой информации, ближайшее социальное окружение ребенок приобретает в достаточно доступных для него формах первые сведения о политике. Такая вполне доступная информация дает свои результаты, действуя на детское подсознание.

Позже, когда он идет в детский сад, происходит его знакомство с официальными политическими ценностями, транслируемыми через детскую литературу, песни, праздники. Происходит знакомство с государственными символами России, практически в любом детском саду можно увидеть стенды с Государственным гербом, Государственным флагом и текстом Государственного гимна России, портреты Президента и Премьер-министра страны. Различная информация, получаемая ребенком через СМИ, от воспитателей детского сада, от других источников дает свои результаты, действуя на подсознание.

В специальных экспериментах американским детям этого возраста предлагался набор «разноцветных картинок» – флагов государств-членов ООН. Экспериментатор просил выбрать из всего большого набора только две «картинки» – «самую приятную» и «самую противную». Подавляющее большинство американских детсадовцев в качестве «самой приятной» такой картинке совершенно неосознанно выбирало свой, американский флаг. Соответственно, наоборот: в качестве наиболее «противной» картинке фигурировал красный флаг теперь уже бывшего СССР.

Можно долго обсуждать специфические особенности детского зрительного восприятия, однако, дело совсем не в нем. Дело в той системе политической пропаганды, которая активно использует политическую символику для обозначения позитивных, с ее точки

зрения, и негативных ценностей. Причем, символика эта используется настолько автоматически, что действует практически бессознательно. В действительности рядовые американцы не создают (как некоторые считают) особых церемоний вокруг поднятия и спуска национального флага перед своими домами – это просто вошло в привычку, стало обязательным элементом, атрибутом образа жизни. Вот дети и видят эту «картинку» над головой, ползая по лужайке, и запоминают ее, ассоциируя с чистым небом и ясным солнцем. Они еще не знают слова «флаг», но уже убеждены, что свой флаг – самый лучший [154].

Поступление в школу знаменует собой новый этап политической социализации. Будучи влиятельнейшим социальным институтом, школа оказывает мощное политическое воздействие на будущих граждан. Утверждения о том, что после распада СССР, деполитизации и деидеологизации системы образования школа якобы теперь вне политики и не оказывает какого-либо политического воздействия на учащихся – от лукавого. Именно в школьном возрасте начинает формироваться сознательное отношение к политике. Через учителей и учебники, детские и юношеские политические и общественные организации, через неформальные объединения учащиеся приобщаются как к официальным, так и к оппозиционным политическим взглядам.

В период юности включаются новые агенты политической социализации. На этом этапе усиливается влияние неформальной молодежной субкультуры со своими специфическими атрибутами, ценностями и ценностными ориентациями, нередко противоречащими ценностям и смыслом иных социальных групп, в том числе тех, которые поддерживают официальный политический курс.

Проведенное под нашим руководством исследование выявило ряд интересных феноменов, характеризующих процесс социализации личности в ранней юности. Мы поставили цель выявить тенденции политической социализации личности в старшем школьном возрасте в отношении формирования политической активности, готовности к политическому участию. Гипотеза эмпирического исследования заключалась в том, что процесс политической социализации в старшем школьном возрасте характеризуется тенденцией к формированию политической активности.

Политическое участие мы рассматривали как разнообразные формы непрофессиональной политической деятельности, показывающие степень реального влияния граждан на институты власти и процес-

сы принятия политических решений [61]. Политическая активность представляет собой деятельность индивида или политических групп, связанную со стремлением изменить политический или социально-экономический порядок и соответствующие институты, как проявление интереса к политической жизни общества, либо как участие в ней в тех или иных формах (подробнее об этом будет сказано ниже). Политическая пассивность – безразличие к политике и нежелание граждан принимать участие в политической жизни [61]. Политическое отчуждение – это чувство неудовлетворенности, разочарования, безразличия, отстранения, безнадежности в отношениях к вопросам политической жизни общества, к политической власти [70].

В качестве испытуемых были выбраны старшеклассники, поскольку, как мы полагаем, этот возраст является наиболее важным для восприятия политически окрашенной информации, формирования установок, осознания своей роли в политическом процессе. В этом возрастном периоде происходит самоопределение, вырабатывается жизненная позиция и складывается своя картина мира. Выборку испытуемых составили 150 учащихся 9–11-х классов одной из гимназий г. Челябинска. В исследовании применялась модифицированная нами методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, а также разработанная нами специальная анкета, направленная на выявление у испытуемых уровня политических знаний, предрасположенности к политическому участию, вовлеченности в политический процесс и интереса к политике.

При анализе результатов анкетирования мы уделили особое внимание вопросам, наиболее значимым для понимания вовлеченности старшеклассников в политическую жизнь общества. Подавляющее большинство испытуемых проявляют в той или иной мере интерес к политике. Всего лишь 9,3% опрошенных никогда политикой не интересовались и не интересуются. Практически все испытуемые в той или иной мере интересуются новостями в области внутренней и внешней политики. 17,3% смотрят передачи такого рода ежедневно, одна треть – два-три раза в неделю и немногим более половины – от случая к случаю.

Более 40% опрошенных старшеклассников считают, что гражданин страны должен знать о политических событиях, но в то же время половина испытуемых не считают важным в них разбираться, полагая, что это дело профессиональных политиков (рис. 5.1). Что же касается конкретных знаний испытуемых в области политической и общественной жизни общества, то результаты анкетирования пока-

зали, например, в целом правильное знание ветвей власти в России. В основном старшие школьники ориентируются в ведущих политических партиях.

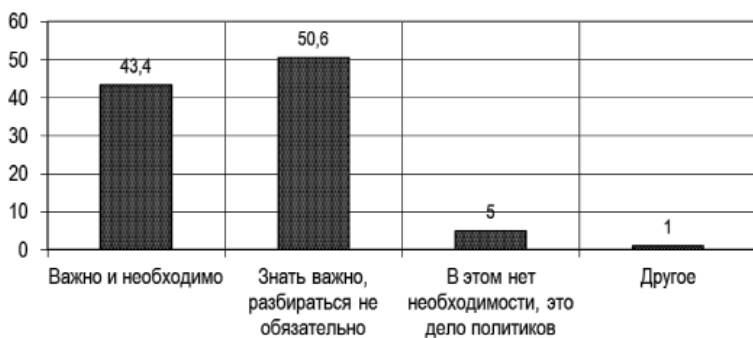

Рис. 5.1. Мнение испытуемых о необходимости для гражданина страны знать о политических событиях и разбираться в них (в %)

В ходе опроса мы попытались выявить приоритеты испытуемых в понимании того, что значит для них быть гражданином своей страны, и что вызывает у них гордость за свою страну. Для большинства респондентов (56%) быть гражданином своей страны означает любить и защищать свою Родину. Для каждого третьего – это участие в политической жизни страны. Для 39% испытуемых – исполнение своих обязанностей согласно Конституции страны (рис. 5.2).

Рис. 5.2. Приоритеты испытуемых в понимании того, что значит быть гражданином своей страны (в %)

Особый интерес, на наш взгляд, вызывают ответы старших школьников на вопрос: «Был ли в Вашей жизни случай (Вы узнали о каком-то политическом или ином событии), когда Вы испытали гордость за свою страну? Что это был за случай?». Результаты ответов представлены на рис. 5.3.

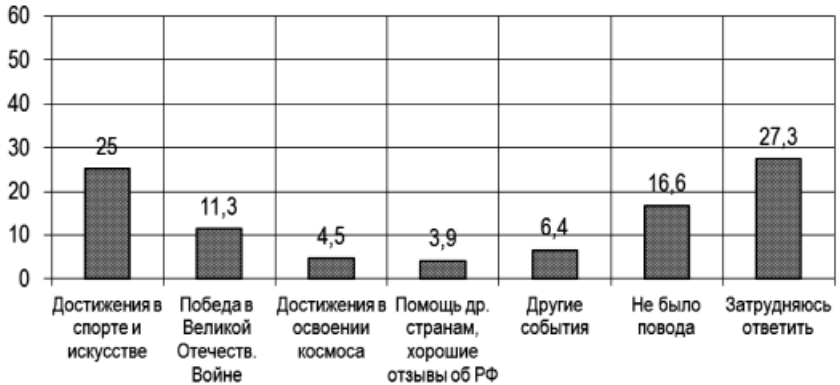

Рис. 5.3. Распределение ответов на вопрос «Был ли в Вашей жизни случай (Вы узнали о каком-то политическом или ином событии), когда Вы испытали гордость за свою страну? Что это был за случай или событие?» (в %)

Оказалось, что у каждого четвертого чувство гордости за свою страну вызывают достижения России в спорте и искусстве (опрос проводился до зимних Олимпийских игр в Сочи). Настораживает то, что всего лишь 11% связывают это чувство с победой в Великой Отечественной войне. Еще более тревожный показатель заключается в том, что у 44% старшеклассников такое чувство вообще не возникало; часть из них (16,6%) заявили, что для этого у них не было повода, а часть (27,3%) вообще затруднились ответить на данный вопрос.

В соответствии с целью нашего исследования, мы попытались выяснить готовность испытуемых к политическому участию. Им было предложено ответить на вопросы: «Будете ли Вы голосовать на выборах после того, как приобретете право голоса», «Если Вам предложат вступить в какую-либо молодежную общественно-политическую организацию, как Вы поступите?» и др. Ответы испытуемых, представленные на рис. 5.4, показали, что подавляющее большинство из них

(около 86%) будут или скорее всего будут участвовать в выборах, 8% скорее будут голосовать, чем нет, 5,3% заявили, что голосовать не собираются и около 1% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Рис. 5.4. Предположение испытуемых о том, будут ли они голосовать после приобретения права голоса (в %)

Относительно возможности вступления в общественно-политическую молодежную организацию, мы видим несколько иную картину. Всего лишь 4% вступают в такую организацию обязательно, и в то же время более половины (60%) заявили, что подумают, прежде чем принять такое решение.

Чтобы выяснить некоторые факторы, обусловившие ответы наших испытуемых при анкетировании, мы решили выяснить ценностные предпочтения старшеклассников. Данные, полученные с помощью модифицированной нами методики М. Рокича, демонстрируют, что респонденты отдают далеко невысокое предпочтение политическим ценностям. В полученном ранжировании терминальные ценности (в методике их 15, так же как и инструментальных), связанные с политической и общественной активностью занимают нижнее положение (выделены жирным шрифтом в табл. 5.1), а инструментальные – в основном среднее и нижнее положение (выделены жирным шрифтом в табл. 5.2).

Полученные данные позволяют отметить, что испытуемые старшеклассники проявляют интерес к политике, к отдельным политическим событиям, демонстрируют потребность в политическом знании. Больше половины опрошенных, по сути, являются потенциальными участниками общественных организаций и в будущем возможно активными избирателями. Старшеклассники готовы участвовать в политической жизни страны, если интерес, который сейчас имеется, будет поддерживаться и в дальнейшем.

Таблица 5.1
Результаты ранжирования испытуемыми терминальных ценностей

Ранг	Терминальные ценности
1	Наличие хороших и верных друзей
2	Интересная работа
3	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)
4	Познание (возможность расширения своего образования, интеллектуальное развитие)
5	Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, одноклассников)
6	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)
7	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)
8	Свобода (как независимость в поступках и действиях)
9	Равенство (равные возможности для всех)
10	Права человека (конституционные права и свободы)
11	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)
12	Спокойная, благоприятная обстановка в стране, в обществе
13	Справедливое общественное устройство
14	Счастье других (других людей, всего народа, общества, человечества в целом)
15	Власть (возможность и способность навязать свою волю, воздействовать на поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению)

Вместе с тем, следует отметить не всегда высокую политическую грамотность, что выражается в имеющихся представлениях о функциях органов власти, руководителей определенных властных политических структур, низкой осведомленности о существующих в стране политических партиях, движениях и др.

Таблица 5.2

Результаты ранжирования испытуемыми инструментальных ценностей

Ранг	Инструментальные ценности
1	Воспитанность (тактичность, хорошие манеры)
2	Честность (правдивость, искренность)
3	Образованность (широта знаний, высокая общая культура)
4	Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов (в том числе, политических)
5	Независимость (способность действовать самостоятельно и решительно)
6	Ответственность (чувство долга, умение держать слово)
7	Толерантность (терпимость, понимание и уважение других обычаев, вероисповеданий, национальности)
8	Демократичный характер (готовность общаться с любым человеком независимо от уровня его образования, политических убеждений, статуса)
9	Исполнительность (дисциплинированность)
10	Твердость убеждений (в том числе политических)
11	Активное участие в общественной жизни (школы, района, города и т.д.)
12	Любовь к Родине (любовь к своей стране, готовность отстаивать ее интересы и защищать)
13	Широта взглядов (в том числе, политических)
14	Высокие общественные запросы (высокие требования к жизни в обществе)
15	Политическая грамотность (знание и понимание политических событий)

Есть у испытуемых потребности в политическом знании, политическом участии, однако нет стремления эти потребности реализовать. Мы видим здесь две причины. Во-первых, мы связываем это с недостаточной

политической информированностью, политической грамотностью в целом, что вызывает у старшеклассников если не сомнения, то стремление обдумать какое-либо решение, прежде чем его осуществить. Во-вторых, невысокое ценностное отношение к вопросам, связанным в какой-либо мере с политикой, с политическими процессами в обществе. Политические ценности, отражающие права и свободы гражданина, справедливость общественного устройства, широту политических взглядов, твердость политических убеждений, чувство патриотизма и др., как уже отмечалось, находятся на нижних ступенях иерархии ценностей у испытуемых.

Обращают на себя внимание политические эмоции и чувства старшеклассников. У них есть чувство патриотизма и гордости за свою Родину, но, как мы видели, немало к сожалению и тех, кто не видит поводов гордиться своей страной, участвовать в политической жизни общества и т.д.

Как уже отмечалось, в начале нашего исследования мы предположили, что процесс политической социализации в старшем школьном возрасте характеризуется тенденцией к формированию политической активности. С этой целью мы сгруппировали вопросы анкеты таким образом, чтобы можно было показать, какие из вопросов непосредственно отражают показатели политической социализации, и ответы на которые позволяют охарактеризовать этот процесс у испытуемых. К таким показателям мы отнесли:

- ориентацию на политические ценности;
- тенденцию к политическому участию;
- политические эмоции и чувства;
- политическую грамотность;
- интерес к политике;
- потребность в политическом знании и политическом участии.

Показатели политической социализации были соотнесены с конкретной тенденцией политического поведения – политической активностью, политической пассивностью и политическим отчуждением.

Обнаружено, что ориентация на политические ценности отражает политическую пассивность испытуемых. Тенденция к политическому участию характеризуется в большей мере политической активностью. Политические эмоции и чувства, а также политическая грамотность испытуемых находятся на уровне политической пассивности. Интерес к политике и потребность в политическом знании и политическом участии характеризуют испытуемых скорее как политически активных.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась частично. Обнаружено, что половина показателей жизнедеятельности испытуемых (тенденция к политическому участию, интерес к политике и потребность в политическом знании и политическом участии) отражают тенденцию к формированию у них политической активности. В то же время, ориентация на политические ценности, политические эмоции и чувства, а также политическая грамотность характеризуют политическую пассивность.

С завершением юности, получением паспорта политическая социализация не заканчивается. Дальнейшее политическое развитие обуславливается не только возрастными, психологическими, личностными преобразованиями, но и освоением новых политических ролей, приобретением опыта политического участия. Меняются базовые представления человека о политике, может меняться и корректироваться политическая картина мира, притом, что основные ее параметры фиксируются в структуре личности.

Становление личности как гражданина происходит под влиянием политической среды, куда входит весь набор институтов, факторов, агентов [251]. При этом на личность воздействуют не только собственно политические факторы, имеющие первостепенное значение, но и неполитические условия, в которых происходит персоногенез и социогенез человека.

К неполитическим факторам, оказывающим, тем не менее, влияние на политическую социализацию, на приобретение индивидом политических идей, ценностей относятся семья, группы сверстников, школа, производственные, творческие и иные коллективы, церковь, искусство, культура, средства массовой информации, интернет. Их значение определяется тем, что базовые личностные ценности и ценностные ориентации они в непрямой форме канализируют на политическую власть, конфликт и порядок, насилие и терпимость, которые в политике оформляются в ее специфическом контексте.

В последние десятилетия особенно возросло влияние интернета на политическое сознание, политическое поведение, и в целом на процесс политической социализации личности. Множество новостных порталов, Интернет-ресурсов с новостными лентами становятся все более доступными населению страны. По данным фонда «Общественное мнение», месячная аудитория интернета в России составляет более 61 миллиона человек старше 18 лет – это более 52% всего совершеннолетнего населения страны. Три четверти выходящих

в сеть (почти 47 млн. человек) делают это ежедневно. По данным TNS, в городах с населением более ста тысяч жителей практически у всех пользователей (94%) есть выход в интернет дома [78]. Если учесть, что интернет представляет около 20 новостных каналов и других источников актуальной политической информации о событиях в России и за рубежом [78], то становится все более очевидным колоссальное влияние интернета на политическую информированность населения. Как правило, большинство новостных порталов не просто рассказывают о тех или иных политических событиях, но и комментируют их, трактуя с позиции своих политических пристрастий. События последних лет в самых различных регионах мира (Северная Африка, Ближний Восток, Западная Европа и др.), да и в России продемонстрировали серьезную роль интернета в организации массовых политических акций. Не случайно, анализируя и прогнозируя развитие политических событий, правительства некоторых стран принимают превентивные меры, ограничивающие или вообще не делающие возможным доступ своих граждан к интернету.

В отличие от неполитических, политические факторы социализации организованы в систему, включающую характер и тип государственного устройства, политический режим, политические партии, другие общественно-политические организации, движения. Посредством специальных механизмов эти факторы корректируют и контролируют политическое поведение индивидов. Нередко политическое значение для индивида могут приобрести явления далекие от политики, или вообще не имеющие, казалось бы, с ней ничего общего: работа, творчество, хобби (коллекционирование марок, монет, антиквариата, политической символики и пр.), характер отношений с природой, отношения в семье, неравенство полов и т.п.

Процесс политической социализации личности приводит к двудеальному результату.

Во-первых, обеспечивается и поддерживается непрерывное, бесперебойное функционирование политической системы общества при смене поколений в политике. При этом, по словам Е.Б. Шестопа, взаимодействие политики и человека имеет конкретно-исторический характер. Каждая политическая система вырабатывает свои специфические механизмы вовлечения личности в политику. В Античные времена к политическому участию не допускались не только рабы, но и многие свободные граждане. В период Средневековья и эпоху

Возрождения целые сословия не входили в число принимающих политические решения. Тогда были установлены жесткие правила, с одной стороны ограничивавшие политические права и свободы низших слоев общества, с другой – закреплявшие разные политические функции за представителями определенных классов и слоев. Позже – в Новое, а затем и в Новейшее время увеличивается число участников политического процесса, происходит расширение гражданских прав и свобод.

Исторический характер политической социализации сказывается в том, что, во-первых, каждая политическая система имеет свои культурные особенности, свой набор идеалов и ценностей, которыми снабжаются политические «новобранцы». Во-вторых, не только политическая система, но и режим, осуществляющий государственно-правовое управление и регулирование социальными, экономическими и иными отношениями, определяет восприятие гражданами существующей политической власти, создает определенный политико-психологический климат в обществе. В-третьих, каждой политической системе общества соответствует определенный тип (идеал) «политического человека», соответствующее политическое сознание, и, как следствие, степень политической активности граждан.

Во-вторых, результатом политической социализации становится политически зрелая личность, способная самостоятельно принимать решения по вопросам политики. Центр такой личности образуют выработанные в процессе политической социализации базовые политические убеждения, принципы, идеалы и ценности, позволяющие грамотно оценивать политические события, принимать адекватные решения и осуществлять соответствующую политическую деятельность, политическое поведение.

5.4. Психология политической активности и политического участия

Политика есть искусство удерживать людей
от участия в делах, которые их прямо касаются

П. Устинов

Любая личность объективно включена в политическую деятельность. Степень же понимания ее механизма, желания и умения в нее включиться предопределяет место гражданина в сфере политики.

Иногда это приобретает, порой достается по наследству в прямом или переносном смысле, даже в силу обычаев или традиции.

Под **политической активностью** понимается деятельность индивида или политических групп, связанная со стремлением изменить политический или социально-экономический порядок и соответствующие институты. В наиболее широком смысле политическая активность проявляется в революционных преобразованиях общества или его реформировании. На индивидуальном уровне – это совокупность проявлений тех форм жизнедеятельности индивида, в которых выражается его стремление активно участвовать в политике, отстаивая свои интересы и права. Этот вариант, по выражению Д.В. Ольшанского, – цель и идеал так называемой «активистской» политической культуры, распространенной в западных демократиях [154].

В отличие от политической активности, политическая пассивность – это безразличие к политике и нежелание принимать участие в политической жизни. Помимо внутренних чисто психологических проявлений, на поведенческом уровне политическая пассивность выражается в отказе от выполнения индивидом своего гражданского долга, например в отказе от участия в выборах, в голосовании. Обычно политическая пассивность – это начальная форма (или стадия) протеста против политики властей. «Хроническая» политическая пассивность свидетельствует о низком уровне развития политической культуры общества.

Активное участие личности в политической жизни общества имеет многоплановое значение.

Во-первых, через такое участие создаются условия для более полного раскрытия всех потенциальных возможностей человека, для его творческого самовыражения, что в свою очередь составляет необходимую предпосылку наиболее эффективного решения общественных, политических задач. Так, качественное преобразование всех сторон жизни предполагает всемерную интенсификацию человеческого фактора, активное и сознательное участие в этом процессе широких народных масс.

Во-вторых, развитие личности как субъекта политики является непременным условием тесной связи политических институтов с гражданским обществом, контроля за деятельностью политико-управленческих структур со стороны народа, средством противодействия бюрократическим извращениям в деятельности аппарата управления, отделения функций управления от общества.

Известно, например, что авторитарный стиль руководства отчуждает людей от власти, порождает замкнутость, неискренность, отдаляет аппарат управления от народа. В то же время, в условиях демократического стиля управления складывается уважительное отношение к мнению и политической позиции человека.

В-третьих, через развитие демократии общество удовлетворяет потребность своих членов участвовать в политической жизни общества. Такое участие становится способом самоутверждения человека, формирования его политической культуры. Предоставление личности возможностей для осознанного, активного участия в общественно-политической жизни – это способ возвышения человеческого в человеке.

Каждая личность – хочет того или нет – является гражданином государства (это наиболее непосредственная, общая для всех личностей политическая роль и отправная социально-политическая установка); каждая личность является членом какой-либо социальной группы, представителем нации или народа и т.д. Уже сама объективная групповая принадлежность детерминирует в какой-то степени условия индивидуального существования личности. Следовательно, даже человек, считающий себя абсолютно свободным от политики, он все равно является «вплетенным» в нее, по крайней мере, таким образом, что является предметом политических воздействий.

Отсюда проистекает наличие, по крайней мере, трех резервов расширения и активизации в политике человеческого фактора.

Во-первых, за счет количественного увеличения числа людей (новых политических рекрутов), принимающих непосредственное или осознанное участие в политике. Например, расширение электората при решении особо важных или принципиальных вопросов развития общества.

Во-вторых, в силу развития, совершенствования и накопления политического опыта постоянными участниками и творцами политической деятельности.

В-третьих, развитием системы политической социализации.

Политическую активность можно понимать либо как проявление интереса к политической жизни общества, либо как участие в ней в тех или иных формах. Первым условием проявления активности и в том и в другом случае должно быть наличие соответствующей потребности индивида. Теория мотивации личности А. Маслоу послужила основой для некоторых психологических концепций политической активности. Как известно согласно этой теории, потребности

высшего уровня (в самоактуализации) могут возникнуть лишь при условии удовлетворения низших потребностей, связанных с жизнеобеспечением человека. Согласно А. Маслоу, только самоактуализирующиеся личности способны проявлять интерес к проблемам общества и участвовать в их решении [132].

На основе этого положения возникли две исходных концепции, претендующих на раскрытие психологических оснований политической активности личности. Канадский психолог К. Бэй сделал акцент на том, что в демократическом обществе недостаточно обеспечивать лишь материальные потребности граждан, необходимо также создавать условия для вовлечения их в политическую жизнь.

Дж. Кнутсон, исследуя вопрос о политической активности рабочей молодежи, подошла к этой проблеме с другой стороны. В концепции политической депривации она утверждала, что рабочая молодежь просто неспособна интересоваться политикой, поскольку, находясь в начале жизненного пути, она полностью занята удовлетворением потребностей лишь низшего уровня. Обе концепции, как и многое другое, отражают давнее стремление психологов найти простое решение сложных проблем через построение упрощенных теорий с одним «суверенным» фактором. Сам А. Маслоу, не говоря уже о его критиках, испытывал большие сомнения относительно применимости его теории к проблемам общества и политики.

Проблема оказывается еще более сложной, когда речь идет о практических действиях граждан в контексте политической жизни общества. При анализе этой проблемы возникают следующие вопросы:

– степень осознанности индивидом политических реалий и целей собственных политических действий;

– личные мотивы индивида в его политической деятельности, в частности, просто ли это символическое проявление лояльности к системе (ярчайший пример – проявление «единодушия» и «единогласия» с решениями властей в тоталитарном государстве) или надежда на то, что действия личности могут оказать какое-то влияние на положение в обществе (установка, которая нужна для демократического общества);

– содержание личных мотив, стремление, например, получить какие-то выгоды для себя или озабоченность интересами общества;

– степень активности, которая может варьироваться просто от участия в выборах до интенсивной деятельности в поддержке той

или иной политической программы, партии или кандидата в выборные органы власти;

– формы участия в политической деятельности по критерию их соответствия конституции государства, то есть от строгого соблюдения норм закона до уголовно наказуемых мятежных и даже террористических действий [по: 218].

Особое место занимает изучение поведения избирателей, которое ведется методами как социологии, так и психологии. Принципиальная разница между социологическими и психологическими исследованиями заключается в следующем: первые можно сравнивать с «ментальной фотографией», которая фиксирует состояние мнений и настроений общества или какой-то его части на данный момент. Эта «фотография» дает ответ на вопрос: что есть? Психологические же исследования нацелены, прежде всего, на вопрос: почему есть то, что есть? Ясно, что здесь нет места для сравнений типа что лучше, что хуже. Следует говорить лишь об интеграции социологических и психологических исследований, которая должна способствовать точности, как теоретических обобщений, так и прогнозов.

При психологическом изучении поведения избирателей основная проблема сводится к выявлению мотивов, которыми руководствуется избиратель, делая свой выбор. Долгое время господствовала упрощенная точка зрения, согласно которой избиратель «голосует кошельком», то есть исходит из оценки своего материального состояния ко дню выборов. Затем получило распространение мнение, что избиратель руководствуется прежде всего оценкой собственных перспектив на ближайшее будущее. Исследования, проведенные в Институте психологии РАН в середине 1990-х годов, показали, что оценки ближайшего прошлого и будущего, причем не только для себя, но и для страны в целом, одинаково важны и обычно коррелируют. На их основе можно построить шкалу оптимизма-пессимизма, позволяющую судить о настроениях избирателей и их вероятном выборе [по: 213].

В США, начиная с 1960-х годов в предвыборной борьбе стали превалировать методы так называемой «новой политики». Суть ее в том, что на избирателя стали воздействовать не столько содержанием социально-экономических программ тех или иных партий, сколько путем создания «образов» политических деятелей, привлекательных для избирателя. При этом характеристика образа и реальные черты личности политического деятеля чаще всего не совпадают. Это – при-

мер манипулирования сознанием избирателя, который с 1990-х годов стали бездумно и примитивно копировать в России.

Как видим, политическая активность и политическое участие неразрывно связаны и взаимообуславливают друг друга.

Если политическая активность – это деятельность индивида, связанная со стремлением изменить существующий политический порядок, то **политическое участие** – неотъемлемое свойство политической деятельности людей, служащее одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются во властные политические отношения, в процесс принятия решений, носящих политический характер.

Свободное, добровольное участие граждан в политике является одним из важнейших индикаторов качественных особенностей политических систем, степени их демократизма. В демократическом обществе, теоретически, такое участие – всеобщее, равноправное, инициативное и действенное, особенно в решении вопросов, затрагивающих существенные интересы граждан. Оно выступает для них средством достижения своих целей и интересов, реализации потребностей в самовыражении и самоутверждении, чувства гражданственности. Такое участие обеспечивается соответствующими государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, в совокупности составляющими основы правового государства, демократического политического режима. Другим необходимым условием демократического участия является относительно равномерное распределение среди различных членов общества таких ресурсов реального политического участия, как деньги, образование, знание механизмов принятия решений и лиц, принимающих эти решения, свободное время, реальный доступ к средствам массовой информации и т.п.

В зависимости от характера политического режима, традиций, размеров территории и численности населения, развитости коммуникаций и ряда других факторов, возможно разное сочетание прямого (непосредственного) и опосредованного (представительного) политического участия граждан. Важнейшими агентами и, одновременно, посредниками политического участия в современном обществе выступают политические партии, общественно-политические организации и движения. Основная форма политического участия – выборы и, шире, избирательные кампании. Если целью демократического

общества является максимизация политического участия граждан, то другие типы политических режимов имеют свои особенности.

В авторитарном обществе часть населения полностью или частично отстраняется от участия в политике. Там торжествует «власть немногих», которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы делиться этой властью. Тоталитарное же общество парадоксальным образом стремится к мобилизационному вовлечению населения в своеобразные формы квазиучастия. Прежде всего, это массовые ритуальные действия поддержки правящего режима. Именно поэтому при реально минимальной или просто номинальной возможности политического участия, при тоталитаризме создается иллюзия всеобщей политизации общества. В этом случае, политическое участие играет преимущественную роль инструмента индоктринации и контроля над политическим сознанием и поведением населения со стороны тоталитарного режима. В демократическом обществе политическое участие выполняет функции политической социализации и воспитания. Если в тоталитарном обществе запрещены все формы политического протеста, несогласия, и даже несанкционированного согласия с политикой властей, то демократическое общество допускает определенные формы протеста. Они служат инструментами политического обучения граждан. Политическое участие, – с одной стороны, индикатор развития демократических процессов, с другой – показатель развитости уровня политической самоорганизации личности.

Так же как и в отношении политической активности, анализ политического участия невозможен без учета его мотивов. Само по себе проявление политического участия граждан еще не говорит о том, что побудителем к такому участию является наличие внутренних мотивов, о том, что это участие целиком и полностью добровольное.

Анализ многочисленных исследований мотивационной сферы рядовых участников политического процесса позволил Д.В. Ольшанскому выделить следующие наиболее распространенные виды мотивов политического участия.

1. Мотив интереса и привлекательности политики как сферы деятельности. Для определенного типа людей политика просто интересна как сфера занятий, Соответственно, они и избирают ее в качестве сферы приложения сил.

2. Познавательные мотивы. Политическая система дает человеку устойчивую картину мира. Это удобная объяснительная схема,

к тому же доступная далеко не всем. Соответственно, она и привлекает любознательные умы, особенно в детском и подростковом возрасте. Политические знания дают им преимущество над сверстниками, хуже ориентированными в политике.

3. Мотив власти над людьми. Один из наиболее древних, глубоких, и потому, не требующих подробных комментариев.

4. Идеологические мотивы. Это устойчивые мотивы, основанные на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями политической системы.

5. Мотивы преобразования мира. Это очень сильные мотивы, связанные с пониманием несовершенства существующего мира и настойчивым стремлением улучшить, преобразовать его. Как правило, мотивы этого рода свойственны людям, настраивающимся на профессиональные занятия политикой. Для них политика и есть инструмент преобразования мира.

6. Традиционные мотивы. Очень часто люди участвуют в политике потому, что так просто принято в их местности, среди родственников, друзей и знакомых.

7. Меркантильные мотивы. Политика, как и иная сфера деятельности, представляет собой, на определенном уровне, оплачиваемый труд. Соответственно, для определенных людей занятия политикой – просто способ заработать, начиная от расклейки предвыборных листовок, кончая постом партийного функционера [154].

Разные мотивы побуждают к разным вариантам политического участия. Обычно принято выделять «мобильные» (активные) и «иммобильные» (пассивные) формы политического участия.

Среди активных форм выделяется, как минимум, шесть основных вариантов. *Во-первых*, это простейшие реакции (позитивные или негативные) на импульсы, исходящие от политической системы, ее институтов и их представителей, не связанные с необходимостью высокой личной активности человека. Грубо говоря, это реакция зрителя в театре или перед телевизором, воспринимающим некоторые новости.

Во-вторых, участие в действиях, связанных с делегированием собственных полномочий. Наиболее яркий пример – электоральное поведение.

В-третьих, личное участие в деятельности политических организаций, посещение собраний и других мероприятий.

В-четвертых, выполнение не разовых поручений, а уже постоянных конкретных политических функций в рамках институтов политической системы или оппозиционных ей.

В-пятых, прямое действие – выход с товарищами на митинг, помощь в строительстве баррикады, участие в политических столкновениях и т.п.

В-шестых, активная, в том числе руководящая деятельность во внеинституциональных политических движениях, направленных против существующей политической системы, добывающихся ее смены или конечной перестройки. Часто это участие (лидерство) в толпе, идущей на слом политической системы.

Среди «иммобильных» (пассивных) форм политического участия выделяются четыре основные формы.

Во-первых, это полная выключенность из политических отношений, обусловленная низким уровнем общественного развития.

Во-вторых, политическая выключенность как результат излишней бюрократизированности самой господствующей политической системы, низкой эффективности обратной связи между этой политической системой и гражданским обществом в целом, разочарование людей в политических институтах.

В-третьих, политическая апатия как форма неприятия политической системы, навязанной людям извне, например, в результате проигрыша войны и завоевания страны неприятелем.

В-четвертых, политический бойкот как выражение активной враждебности к политической системе и ее институтам (по [193]).

Участвуя в политической жизни общества, в наибольшей мере личность проявляет себя как сторонник той или иной политической организации – партии, движения и др. Эмпирические исследования [57] позволили выделить собирательный психологический портрет активного сторонника политической организации.

1. Политическое участие представляет собой психологический механизм, в структуру которого входят: политические мотивы, жизненные ценности политического участия, цели участия в политике, характерологические особенности субъектов политической деятельности.

2. В оценке значимости мотивов и ценностей политического выбора у активных представителей политических организаций присутствуют два доминирующих вектора политического выбора: ориентация на личные мотивы и ценности и ориентация на социальные мотивы и ценности.

3. Общими для всех представителей политических партий мотивами участия в политической деятельности стали: возможность идентифицироваться со значимой личностью, общественно полезная деятельность, достижение личной значимости и возможность доминировать.

4. У представителей партий центристской и либеральной политической ориентации, в первую очередь доминируют личные политические ценности и мотивы. У активных сторонников партий демократической, анархистской, коммунистической и националистической ориентации доминируют социальные ценности и мотивы, а у представителей партии религиозной и патриотической направленности доминируют духовные ценности и мотивы.

Мотив самореализации, как ведущий ориентир в политической деятельности, характерен для политически активных сторонников партий патриотической, анархистской, коммунистической, демократической и националистической политической ориентации.

5. Общественно-значимые и нравственные ценности, такие как достижение общественного блага, честность, независимость и свобода в меньшей степени определяет политическую активность участников политических движений. Независимость как основную ценность для достижения политических и личностных перспектив не выделили ни в одной политической организации, кроме партии религиозной направленности. Ценность свободы является более приоритетной только для представителей либеральной партии.

6. Исследование субъективного целеполагания в политике у активных сторонников политических партий позволило выделить базовые ценностно-смысловые основания политического участия: личная политическая активность, ориентация на достижение гармонии в межличностных отношениях, идеологические и социально-политические перспективы.

7. Выраженная личная политическая активность в большей степени характерна для представителей центристской, либеральной, и частично националистической ориентации.

8. Ориентация на достижение гармонии в межличностных отношениях представляет собой личную политическую активность, связанную с общегрупповыми нормами взаимодействия, принятыми в общественной организации; данный вид субъективного целеполагания в большей степени характерен для представителей партий религиозной и патриотической ориентации.

9. Идеологические социально-политические перспективы представляют собой ориентацию на достижение политической власти и политическую активность, которая характерна для представителей демократической, коммунистической и частично националистической ориентации.

10. Представители сходных личностных типов предпочитают определенные политические организации: активные сторонники всех исследуемых политических партий имеют сходный личностный профиль, специфичный для каждой политической организации.

Таким образом, политическое участие становится реальным поведенческим следствием, отражающим степень политической активности личности и результатом ее политической социализации. Если в процессе политической социализации происходит в основном когнитивное и, отчасти, эмоциональное взаимодействие личности с политической системой, то процессы политического участия показывают эффективность политической социализации – удалось ли политической системе «овладеть» индивидом и удалось ли индивиду освоить опыт данной системы, стать полноправным участником политической жизни общества.

5.5. Политическая культура личности

Слепоглухонемой гражданин –
благо для государства

Станислав Ежи Лец

Проблема личности как субъекта политической деятельности состоит в определении возможности и меры ее воздействия на политическую власть, на развитие общественной жизни. Чтобы политическая субъектность личности была действительной и прочной, должны быть выполнены определенные условия. В главном их можно свести к политическому знанию, соответствующим мотивам политического поведения и деятельности, а также к создаваемым и определяемым государством и обществом возможностям и условиям действия личности в политической сфере.

Личность должна осознавать – по крайней мере в общем – основные закономерности развития политической жизни, принятые в обществе правила и нормы участия в политике, а также свои (личност-

ные, групповые и т.д.) политические потребности. В этой связи речь идет о политической культуре – о способности личности уяснить для себя сущность политических проблем (общих и конкретных, актуальных для данного периода); умение личности исполнять основные формы активности и участия в политической жизни с целью оказания влияния на решение социально-политических проблем.

Термин «политическая культура» ввели в политическую науку в 50–60-е годы прошлого века американские политологи Г. Алмонд и С. Верба. Определений политической культуры чрезвычайно много, но при всем их разнообразии в них одновременно много общего, особенно, когда речь идет о конструктах этого явления.

Классическим принято считать определение, данное Г. Алмондом и Г. Пауэллом, которые полагают, что «политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» [263]. Впоследствии в данном определении рядом исследователей был выявлен ряд уязвимых мест: во-первых, здесь не выявляется функциональный план самих политических институтов, во-вторых, не рассматривается чрезвычайно важный поведенческий аспект этой стороны политики, и, в-третьих, не выделяется в качестве специфического качество политической культуры как ценностно-нормативной системы.

Обобщив многочисленные интерпретации данного явления, Э.Я. Баталов предложил свой вариант, согласно которому, «**политическая культура** – система исторически сложившихся ориентаций сознаний, моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса» [20].

В жизни общества политическая культура выполняет ряд функций: познавательную, идентификации, ориентационную, воспитательную, регулятивную, коммуникативную, интеграции, социализации, адаптации [по: 56; 134].

Познавательная функция. Политическая культура вооружает людей, знаниями, необходимыми для деятельности в политической сфере. Это дает индивиду (личности, гражданину) возможность самосовершенствоваться, саморазвиваться, формировать активную жизненную позицию. Фактически эта функция – основополагающая, она обуславливает реализацию остальных функций политической культуры.

Функция идентификации. Она раскрывает постоянную потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной общности;

Ориентационная функция, характеризующая стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе.

Воспитательная функция. Содействуя интеллектуальному развитию человека, политическая культура формирует стойкий интерес и заинтересованность в общественно-полезной, социально-политической деятельности. Такой интерес является наиболее действенным побудителем повышения политической активности человека.

Регулятивная функция. Она обнаруживается в непосредственном или опосредованном влиянии на поведение индивида, деятельность организации, оценивании субъектов политики, политического процесса и принятия определенных решений.

Коммуникативная функция обеспечивает взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

Функция интеграции обеспечивает различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом.

Функция социализации характеризует приобретение человеком определенных навыков и свойств, политические функции и интересы.

Функция адаптации выражает потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий.

Следует обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве определений политической культуры и выделении ее функций, речь идет о политической культуре социальных групп, общества. Однако для политико-психологического анализа важно различать политическую культуру общества, социальной группы и отдельной личности.

Если политическая культура общества – это преимущественно политическая культура доминирующих социальных групп, отражающая главным образом интересы, общественное положение и особен-

ности исторического развития соответствующей социальной общности, то политическая культура личности – это несколько иное.

Политическая культура личности – это система исторически сложившихся взглядов, убеждений ценностных ориентаций, присущих человеку как участнику политической системы, политического процесса; субъективная сфера, лежащая в основе политических действий и придающая им соответствующее значение.

Политическая культура личности формируется под воздействием политической культуры социального класса и общества в целом. Личность воспринимает стереотипы политического мышления, ориентации и поведения, свойственные социальной среде, в которой данная личность находится. Вместе с тем политическая культура каждого человека характеризуется и индивидуальными чертами, в которых отражены личностный опыт, уровень знаний, психологические особенности. Политическая культура личности проявляется в уровне политических знаний, приверженности определенным ценностям, степени гражданской активности, в стиле поведения.

Политико-психологический анализ предполагает включение в структуру политической культуры личности следующих компонентов: когнитивного, мотивационного, эмоционально-психологического, ценностно-ориентационного, поведенческого.

Когнитивный компонент характеризуется знанием и пониманием личностью политических проблем общества; структуры, функций и деятельности социально-политических институтов; механизмов политической власти, принятия политических решений и их реализации; собственного места в политической системе общества. В целом когнитивный компонент отражает уровень политической компетентности личности, ее политический интеллект.

Мотивационный компонент политической культуры личности включает политические потребности и интересы, потребность в политическом участии, факторы, побуждающие к актам политического поведения, политической деятельности.

Эмоционально-психологический компонент политической культуры составляют эмоции и чувства, возникающие в связи с участием личности в политических процессах. Это – жажда социальной справедливости, нетерпимость к социальному и национальному угнетению, чувство патриотизма (любовь к Родине, ненависть ее врагам), эмоциональный подъем по поводу политических побед или, напро-

тив, мучительные переживания в связи с постигшим поражением. Эмоции и чувства – важнейшая составляющая политического сознания, политического самосознания и поведения. Сопровождая практически любые проявления социальной активности субъекта и направляя ее на достижение жизненно значимых целей, эмоции и чувства выступают одним из главных элементов механизма регуляции политических отношений.

Ценностно-ориентационный компонент. Политические ориентиры и ценности могут структурировать политическую культуру с учетом их различного значения и роли для формирования политической деятельности человека. В этом смысле могут выделяться мировоззренческие, гражданские и собственно политические ценности. Так, ценностная ориентация человека на мировоззренческом уровне встраивает представления о политике в его индивидуальную картину мира, индивидуальное восприятие жизни. Это заставляет его соотносить свои нравственно-этические представления (о добре, смысле жизни и др.) с особенностями политической сферы, формировать представления о роли политики в достижении им своих главных жизненных целей. В рамках гражданских ориентиров человек осознает свои возможности как участника публичных отношений, в которых действуют особые органы и институты (органы государственного управления, суд и др.), чья деятельность влияет на наличие и реализацию его прав и свобод. С точки зрения собственно политических представлений человек вырабатывает свое отношение к практическим формам деятельности конкретного правительства, партий, официальных лиц и т.д. [134].

Особенность *поведенческого* компонента заключается в том, что политическая культура проявляется (и формируется) в конкретных поступках личности, связанных с политическими отношениями. Политическая культура не может ограничиваться только лишь «знаниевым» (когнитивным), мотивационным и ценностным компонентами. Наличие знаний в области политических отношений, процессов еще не означает, что человек будет вести себя в соответствии с этим знанием. Что касается мотивационной сферы, то «знаниевые» (внутренние) мотивы становятся истинными, реально-действующими только тогда, когда человек воплощает в своих действиях, поступках свои помыслы. Конкретные действия субъекта свидетельствуют о наличии (или отсутствии) у него, или об определенном уровне развития политической культуры.

Все компоненты политической культуры относительно самостоятельны и вместе с тем взаимосвязаны, тесно переплетаются, образуя специфическую целостность. Характер политических знаний и представлений, ценностей и убеждений, мотивов, потребностей и интересов, эмоций и чувств, преобладающих образцов поведения определяют содержание политической культуры, присущей данному социальному субъекту.

Наряду со структурой политической культуры личности не менее важную роль для политико-психологического анализа представляет вопрос о типах политической культуры.

Существуют различные способы классификации политических культур. На Западе широкую известность получила типология политической культуры, которую предложили С. Верба и Г. Алмонд. Она основывается на результатах сравнительного анализа политических культур, существующих в различных странах, в зависимости от степени ориентации людей на участие в политической жизни, в обеспечении функционирования политической системы. Исходным пунктом их подхода является конструирование трех «чистых» типов политической культуры и выведение из них смешанных типов. Чистыми типами, по их определению, являются патриархальная, подданническая и активистская (гражданская) политические культуры. Достоинством этой типологии является то, что в каждом типе отражается как политическая культура той или иной социальной общности, так и политическая культура, относящихся к этим общностям граждан.

Патриархальная (или приходская) политическая культура присуща социальным общностям, политические интересы которых не выходят за рамки своей общины, деревни или района. Ее отличительной чертой является полное отсутствие у членов сообщества интереса к политическим институтам, к центральным властям. Как местные вожди, так и подданные не испытывают никакого чувства к центральному правительству, их отношение к нему не определяется никакими нормами. В современной действительности самыми близкими эквивалентами такой политической культуры могут быть отношения, существующие в африканских племенах.

Подданническая политическая культура отличается сильной ориентацией социальных субъектов на политическую систему и результаты деятельности властей, но слабым участием в обеспечении функционирования этой системы. Носители такой политической

культуры осознают существование специализированных политических институтов, имеют к ним негативное или позитивное отношение, но не склонны принимать участия в политической деятельности. От центральной власти подданные в этом случае ожидают либо приказов, либо благ.

Активистская (или гражданская) политическая культура характеризуется сильной ориентацией на существующую политическую систему и на активное участие в политической жизни общества. Носители такой культуры заинтересованы не только в том, что им дает политическая система, но также и в том, чтобы играть активную роль в обеспечении функционирования ее институтов. К власти они относятся не только в плане необходимости подчинения ее предписаниям и решениям, но в плане необходимости своего участия в процессах выработки, принятия и выполнения этих решений. В силу указанных черт данного типа политической культуры его принято называть также культурой участия.

Из смещения элементов этих трех «чистых» типов возникают еще три вида политической культуры: патриархально-подданническая, подданническо-активистская и патриархально-активистская. Именно эти смешанные типы политической культуры, по мнению Алмонда и Вербы, преобладают в истории различных обществ [5].

В России существовавшая в дооктябрьский период авторитарно-монархическая разновидность подданнической политической культуры сменилась в советское время авторитарно-вождистской ее разновидностью. Важнейшим признаком последней являются примат государства над человеком, тотальное подчинение индивида так называемым высшим государственным интересам, превращение его в «винтик» огромного социального механизма, направляемого волей вождя. Носитель авторитарно-вождистской политической культуры в своем поведении ориентируется не на нормы закона, не на принципы функционирования различных политических институтов, а на волю вождя, начальника.

Политическую культуру современного российского общества можно охарактеризовать как *внутренне расколотую, горизонтально и вертикально поляризованную*, где ее ведущие сегменты противостоят друг другу по своим базовым и второстепенным ориентирам. Основные слои населения тяготеют в большей степени к культурной программатике либо рациональной, либо традиционалистской суб-

культур, опирающихся на основные ценности западного и восточного типов. Во многом эти неравноценные по своим масштабам и влиянию субкультуры пронизаны и различными идеологическими положениями и подходами.

В основании доминирующей традиционалистской субкультуры российского общества лежат ценности коммунитаризма (восходящие к общинному коллективизму и обуславливающие не только приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, но и в конечном счете – ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни), а также персонализированного восприятия власти, постоянно провоцирующего поиск «спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса. Ведущей политической идеей является и «социальная справедливость», обуславливающая по преимуществу морализаторские оценки межгрупповой политической конкуренции. Для таких культур характерно недопонимание роли представительных органов власти, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью, незаинтересованность в систематическом контроле властей, отрицание значения кодифицированной законности и предпочтение ей своей, «калужской» и «рязанской законности» (В.И. Ленин). Этот тип политической культуры отличает еще и склонность к несанкционированным формам политического протеста, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, невысокая заинтересованность граждан в использовании консенсусных технологий властвования [134].

Как видим, анализ политической психологии личности предполагает учет общепсихологических, социально-психологических и индивидуально-психологических подходов. С другой стороны, он требует обращения к более специфическим характеристикам, имеющим отношение к политологическим и, еще уже, к политико-психологическим аспектам. Такой целостный подход позволяет прийти к пониманию личности и ее политико-психологической структуры, к анализу политической социализации личности на различных этапах ее развития, к оценке психологических факторов в проявлении политической активности и политического участия, к выявлению психологических особенностей политической культуры личности и общества.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Назовите и охарактеризуйте основные трактовки личности в политической психологии.
2. Какую роль, по-Вашему, играют личностные детерминанты в политике?
3. Насколько уместно, как Вы считаете, учитывать биологическую (индивидуальную) составляющую структуры личности для характеристики личности политика?
4. Каковы проблемы участия женщин в политической жизни современной России?
5. Какими чертами характера, по Вашему мнению, должны обладать политики в современной России?
6. Какие черты характера свойственны человеку как субъекту политики, проявляющиеся в его отношении к политическим событиям, политическим ситуациям?
7. Что включает в себя мотивационная сфера личности с точки зрения политической психологии?
8. Что такое политический интерес и политические ценности?
9. Каковы основные проблемы политической социализации личности в детском и юношеском возрасте?
10. Какие неполитические факторы оказывают влияние на процесс политической социализации личности?
11. В чем заключаются проблемы политического участия граждан в жизни современного российского общества?
12. Каковы наиболее распространенные виды мотивов политического участия?
13. Каковы резервы расширения и активизации в политике человеческого фактора?
14. Как выглядит собирательный психологический портрет активного сторонника политической организации?
15. В чем заключаются функции политической культуры общества?
16. Чем характеризуются мотивационный и поведенческий компоненты политической культуры личности?
17. Чем отличаются патриархальная, подданническая и активистская политическая культура?
18. Как бы Вы охарактеризовали уровень политической культуры граждан современной России?

Глава 6.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Психологическая природа политического лидерства. Теории политического лидерства. Политико-психологические типологии лидерства. Типологии лидеров. Психология вождей и вождизма. Психология политической элиты. Политическая элита в России

Тот, кто взобрался на верх общественной
лестницы, часто уже не помнит,
зачем он лез, и кто его послал.

Станислав Ежи Лец

6.1. Психологическая природа политического лидерства

Повелевать труднее, чем повиноваться. ...
повелевающий несет тяжесть всех
повинующихся, и ... тяжесть эта
может легко раздавить его

Ф. Ницше

По своей сущности и по форме политическое лидерство есть проявление власти и властных отношений. Властные функции и полномочия осуществляются конкретными лицами – политическими лидерами. Механизм реализации политической власти не может действовать без главного действующего лица – политического лидера, который занимает центральное место во властных отношениях. Политическое лидерство в развернутой форме раскрывает сущность реального механизма осуществления политики в обществе.

Политический лидер

Понятие «лидер» происходит от английского «leader», что означает ведущий, управляющий другими людьми. Смысл данного слова достаточно точно отражает предназначение человека-лидера, его место и роль в обществе, процессы, к которым он причастен, его

функции. Если же говорить о данном понятии более конкретно, то следует отметить, что для лидера характерна способность воздействовать на других людей в направлении организации их совместной деятельности для достижения определенных целей. Лидеры возглавляют, ведут за собой различные человеческие общности – от небольших групп людей до сообществ государственного уровня.

По мнению А.В. Петровского, «лидер – это наиболее референтное для группы лицо в отношении совместной деятельности, некий общий для группы средний член межличностных отношений, оказывающий влияние на ее эффективность». Но вместе с тем лидер как личность «не оказывается предпочтительным и по критериям референтности», так как «референтна здесь не личность, а положение, статус, роль лидера, наделенного полномочиями безотносительно к личности, оказавшейся носителем данной роли». Сравнивая роли лидера и «социометрической звезды», А.В. Петровский, указывает, что лидер не всегда является «звездой» группы, поскольку не все лидеры способны быть «эмоционально-притягательными» так же как и «звезды» далеко не всегда готовы занять доминирующее положение в группе [171].

С понятием «лидер» тесно связано другое понятие – «лидерство», представляющее собой широкое комплексное понятие. С одной стороны, оно предполагает генерирование лидером новых идей, активное и действенное влияние на людей, управление ими; с другой стороны, – оно основывается, на вере в лидера, подчинении ему, на готовности людей следовать за ним, участвовать в выполнении поставленных им задач.

Политический лидер – это не просто человек, который руководит политическими процессами, осуществляет функции по управлению обществом, политической организацией или движением. Политический лидер – это тот, кто способен изменять ход событий и направленность политических процессов. Поэтому очевидно, что не каждый премьер-министр, монарх, руководитель политической партии, а тем более парламентарий становится политическим лидером. Политические лидеры активизируют политические процессы в обществе. Они выдвигают программы, определяющие ход исторического развития общества. Реальная политика никогда не вершилась без участия политических лидеров, выступающих главными действующими лицами в политических процессах, их основными стимуляторами.

Как показывает история, яркие политические лидеры крупного масштаба появляются в кризисные, переломные периоды общественного развития. Они становятся инициаторами и организаторами политических и экономических программ, которые помогают обществу преодолеть огромные трудности.

Политическим лидером такого масштаба, лидером «американской перестройки» был американский президент Ф. Рузвельт. Один из ведущих западных политологов Р. Такер характеризует его как политического лидера, обладавшего феноменальной пронизательностью и умением прислушиваться к мнению других людей. Ф. Рузвельт организовал «команду» выдающихся специалистов, своеобразный «мозговой трест». Вместе с ними он создал и претворил в жизнь программу выхода страны из самого глубокого в истории капитализма экономического кризиса. Ф. Рузвельт относится к числу политических лидеров мирового уровня. В свое время он выступил с концепцией создания международной организации и много сделал для создания ООН.

Когда речь идет о политических лидерах, то имеются в виду деятели, которые трансформируют общественную жизнь, перестраивают политические условия. Таков главный критерий отличия политического лидера от просто должностных лиц, менеджеров, руководителей различного уровня. Канцлер ФРГ Г. Коль вошел в историю как политический лидер, усилия которого в немалой степени способствовали историческому событию – восстановлению национального единства немецкого народа, имеющего единую культуру, традиции, историю на протяжении многих веков.

Политический лидер – личность, основывающая свое влияние на общественные процессы на осознании исторической необходимости определенных изменений. Например, трудно представить Великобританию 1980-х годов без М. Тэтчер. Ее имя дало название политической доктрине и политическому стилю (тэтчеризм), которые изменили лицо национальной политики этой страны. Выступив с критикой государственного вмешательства в экономическую жизнь громоздких систем социального обеспечения, ограничения индивидуальных возможностей, М. Тэтчер выдвинула программу всемерного содействия развитию среднего класса, утверждения индивидуализма, и опоры на собственные силы, приоритета конкуренции, свободы рынка. Ее программа предполагала сведение роли государства к обеспечению условий для свободной игры рыночных сил.

Таким образом, политический лидер – это ведущее лицо политического процесса, осуществляющее функции объединения и сплочения социальных сил, задающее направление деятельности большим социальным группам, государственным и общественным институтам, политическим движениям, во многом определяющее особенности курса на политические преобразования в обществе. Политический лидер – это, прежде всего, крупная личность, имеющая твердые принципы, убеждения, концепцию развития страны, способная отстаивать свои идеи в открытой полемике и борьбе, готовая в случае неудачи уйти в отставку, сохранив при этом свое «лицо» и общенациональную известность.

Политические лидеры общегосударственного, общенационального масштаба – это государственные деятели, руководители крупных партий, депутаты, лидеры общественно-политических движений, инициаторы различного рода общественных объединений. Их характеризует возможность реально влиять на политику: определять стратегию развития общества, формировать правительства, контролировать кабинеты министров.

Нередко можно встретить попытки отождествления понятий лидера и руководителя. Однако если руководитель является представителем государства и выполняет директивные функции, заданные им нормативно, то лидер влияет на людей независимо от своего официального статуса, а за счет завоеванного авторитета.

Авторитет – это форма отношений власти, которая необходима любому руководителю для того, чтобы он мог руководить другими людьми. Авторитет также можно определить как индивидуально-типические особенности устойчивой системы воздействия руководителя на подчиненных, на коллектив. Отсутствие авторитета равносильно утрате руководства и лидерства, исчезновению управления. У авторитета, как и у власти вообще выделяются две стороны: во-первых, влияние руководителя на подчиненных людей и, во-вторых, подчинение людей этому влиянию. Не случайно Ф. Энгельс подчеркивал, что «всякая сложная деятельность нуждается в организации. Последняя же невозможна без авторитета, то есть

- 1) без навязывания чужой воли;
- 2) без подчинения этой воле» [130].

По мнению Д.В. Ольшанского, следует различать истинный и ложный авторитет. Последний всегда основан на несовпадении интересов того, кто руководит людьми и самих этих людей. Преследуя

свои личные цели, такой руководитель идет на обман, используя названные выше психологические приемы для насильственного (в буквальном или переносном, психологическом смысле) навязывания своей воли людям. Причем воли, противоречащей их подлинным интересам. Основными видами ложного авторитета являются:

- авторитет подавления подчиненных;
- авторитет специально создаваемого «расстояния», дистанции с подчиненными;
- авторитет высокомерия лидера;
- авторитет постоянных поучений и резонерства;
- авторитет подкупа;
- авторитет «своего парня» и панибратства;
- авторитет псевдодоброты и либерализма в отношениях с подчиненными.

Истинный авторитет – это такое влияние на людей, такая власть над ними, которые соответствуют подлинным интересам этих людей, и которые именно поэтому добровольно принимаются этими людьми. Истинный авторитет – это соединение влияния руководителя с собственными интересами людей. Влияние руководителя, обладающего таким авторитетом, обычно состоит из двух моментов:

- 1) формальное (официальное) влияние, связанное с авторитетом организации и поста, занимаемого руководителем в организации;
- 2) неформальное (неофициальное), человеческое влияние, связанное с личными качествами руководителя.

Только оптимальное соединение этих двух моментов является основой истинного авторитета. Упор лишь на один из этих двух взаимосвязанных моментов опасен, так как игнорирует другой аспект.

В связи с этим возникает вопрос о том, возможно ли одинаково успешно сочетать и то и другое? Насколько реально, чтобы один и тот же руководитель обладал одновременно достаточно высокими деловыми и человеческими качествами? Человек, желающий быть эффективным лидером, должен к этому стремиться. Если этого нет, то обычно возникают компромиссные варианты – например, так называемое «коллективное руководство», которое включает людей и с теми, и с другими качествами.

Что же для лидера является главным: первая или вторая группа качеств? Все зависит от конкретной сферы его деятельности. Естественно, что, например, в производственной сфере – первая.

В политике же – вторая, ведь это работа с людьми. Авторитет политика складывается в процессе общения и связан с формированием доверия людей к его носителю, признанием превосходства его психологических качеств, правильности и справедливости его действий. Это и обуславливает добровольное подчинение ему людей.

Для политической психологии важнейшее значение имеют черты политического лидера как личности. К таковым следует отнести нравственные и волевые черты характера, а также профессиональные качества.

О необходимости нравственных качеств для правителей говорили еще Платон, Аристотель и Конфуций. Они называли среди этих качеств благородство, честность, верность общественному долгу, заботу о людях, об общественном благе и справедливости.

К сожалению, не всегда политическим лидерам присущи высокие нравственные качества. Говоря о моральных качествах политического лидера, нельзя не упомянуть то обстоятельство, что XX век познакомил человечество с явлением *отрицательного лидерства*. Пример – А. Гитлер. Он появился на исторической арене в кризисное для Германии время. Лозунгами и программой выхода страны из кризисного состояния Гитлер склонил на свою сторону большую часть нации. Однако, победив на выборах, он установил в стране фашистскую диктатуру, развязал мировую войну, которая унесла миллионы человеческих жизней.

В современном мире значение морального фактора неизмеримо возросло. Это связано с появлением оружия массового уничтожения, опасностью возникновения даже локальных военных конфликтов, а также терроризма. Процессы демократизации современного общества, повышение общей политической культуры человечества сделали нетерпимыми бесчеловечные и жестокие методы и средства политического правления, неприемлемыми какие-либо нарушения прав и свобод граждан. Гуманизм и человеколюбие, высокое чувство ответственности за принимаемые политические решения, честность и неподкупность, забота о людях – вот те главные нравственные черты, которые должны быть присущи современному политическому лидеру.

Успешность, эффективность деятельности любого политика зависит и от его волевых качеств, составляющих основу сильного, целеустремленного характера. Это хорошо видно на примерах наиболее известных, наиболее значимых политических фигур, личностей, от

воли (или безволия) которых зависело принятие судьбоносных для нашей страны решений. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие это положение.

В.И. Ленин отличался мощным волевым интеллектом, напористостью, огромной исторической решительностью, беспредельной заряженностью на достижение цели, энергичностью, Это был лидер государства, который видел не только свою цель, но и способы ее достижения.

И.В. Сталин – человек, который шел к своей цели терпеливо, с маниакальной последовательностью и целеустремленностью, с волей, перераставшей в фанатическое упрямство. Он подминал под себя людей и ломал их волю. Теоретически не развитый, но пронизательный ум Сталина усиливался его волей, терпением и хитростью, сочетавшейся с вероломством.

Н.С. Хрущев принимал крупные решения по вопросам внутренней и внешней политики, ни с кем не советуясь, проявлял активность везде, где мог надеяться на упрочение позиций СССР и ослабление влияния тех, кого он обещал «закопать». Взяв на вооружение сталинские методы, действовал бесцеремонно, решительно, непреклонно, напористо, больше всего полагаясь на свою политическую волю (особенно наглядно это проявилось при принятии решения о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР).

Л.И. Брежнев, наоборот, по натуре был человеком мягким, нерешительным. Будучи первым человеком в государстве, вовсе не был инициатором имперских амбиций и милитаристских акций (ввод советских войск в Чехословакию, в Афганистан). Он с готовностью выполнял волю наиболее воинственной части руководства партии и силовых структур (армии и КГБ).

Пришедший ему на смену, хотя и на очень непродолжительное время, Ю.В. Андропов обладал большой выдержкой. О нем пишут как о человеке недюжинной воли, самообладания, сильного волевого интеллекта [44].

М.С. Горбачев мог проявить волю, быть твердым, когда хорошо знал, что его решительность получит всенародную поддержку. Вместе с тем, в других ситуациях, как например, после событий в Тбилиси в 1989 году, в Вильнюсе в 1991 году роль Горбачева оказалась для истории «невнятной», какой-то «закамуфлированной», двусмысленной. Да, он делал миротворческие заявления, обратившись к руководству Литовской ССР с требованием незамедлительно восстановить

в республике в полном объеме действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР [44], но дальше призывов дело не пошло, не хватило настойчивости, решительности, политической воли. Да и время было уже упущено.

Вот как описывает М.С. Горбачева его друг со студенческих лет А.И. Лукьянов. «Феномен авторитета» Горбачева, считает Лукьянов, понятен. Политика уступок и компромиссов, приведшая к «разрушению содружества Варшавского Договора», очень устраивала Запад. Что касается личностных черт, то его бывший друг отметил: «Пагубное стремление решить все, даже принципиальные вопросы путем компромисса, импровизации, шараханья под воздействием обстановки и собственных советников стало каким-то проклятием, висевшим над этим человеком... Беспечная вера, что все «как-нибудь образуется», и постоянное отставание от событий» [44].

У Б.Н. Ельцина политической воли хватило бы на десятерых. Правда, не всегда сила воли этого политика оказывалась оправданной. Осенью 1993 года, когда произошли события, ставшие поворотными в истории современной России, Ельцин сделал то, что приветствовали одни и проклинали другие. Он решил тяжелый политический кризис силовыми средствами, нарушил Конституцию страны и устроил пальбу из танков в центре Москвы. То же самое относится к его волевому решению о проведении бездарной военной операции в 1996 году в Чечне. Принятие волевых, но не всегда взвешенных политических решений было характерным для первого президента России.

Когда президентом России стал В.В. Путин, в нем увидели молодого и уверенного в себе человека, который не только еще ни чем не опорочен, но и не боится взять на себя ответственность. Он продемонстрировал те качества, которые люди хотели видеть в руководителе страны, – решительность и твердость. Вторая война в Чечне была воспринята как свидетельство восстановления былой мощи государства и единения общества хотя бы на почве противостояния общему врагу. Это привело к неожиданному эффекту: социологи зафиксировали ожидание позитивных перемен в стране. Хотя реальные сдвиги в экономике не происходили, люди стали более оптимистично смотреть на происходящее. Путин предстал как сильная фигура, которую надо поддержать.

Волевые качества Д.А. Медведева в бытность его президентом, оцениваются неоднозначно. Политологи, журналисты иногда харак-

теризуют его как человека настойчивого в достижении поставленной цели. Если я решение принимаю, – заметил однажды Медведев, – я его моментально выполняю и практически никогда не мучаюсь по поводу того, что сделал. Всеми была отмечена решительность Медведева в августовской войне 2008 года и в принятии решения о признании государственной независимости Южной Осетии и Абхазии. В тоже время, Медведева нередко упрекают в робости, недостатке лидерских качеств.

Профессиональные качества политических лидеров очень разнообразны: аналитические способности, умение быстро и точно ориентироваться в обстановке, аргументированно противостоять чужому мнению, политическая мудрость, компетентность, профессионализм в принятии политических решений. Сюда же следует отнести талант привлекать к себе людей, ораторское искусство, чувство юмора, способность убеждать, вызывать энтузиазм, умение повести людей за собой. В совокупности данные качества дают ярко выраженную способность к общественной и государственной деятельности. Крупный политический лидер – это всегда смелая, яркая личность. Это человек, умеющий завоевывать популярность благодаря не только коммуникабельным и ораторским способностям, но и умению выражать запросы и интересы людей. Ведь без широкой поддержки и постоянного контакта с народом политический лидер мало чего добьется.

Среди профессиональных качеств политического лидера очень важными являются готовность к компромиссам, такт, дипломатичность. Поскольку политический лидер в решении тех или иных проблем всегда испытывает определенное давление различных политических сил, заинтересованных сторон, он должен проявлять большую гибкость, умение маневрировать между полярными силами, быть готовым к восприятию различных точек зрения, предложений и требований.

Следует отметить, что совсем необязательно, чтобы каждый лидер был носителем всего набора перечисленных качеств. Модель нравственных, волевых и профессиональных характеристик может рассматриваться как идеал. Ясно, что в практической политической деятельности невозможно встретить политического лидера, обладающего всем идеальным набором необходимых качеств. Вообще невозможно назвать двух политических лидеров, абсолютно похожих друг на друга.

Отметим и точку зрения Д.В. Ольшанского, по мнению которого стержнем политической психологии лидера является политический

«образ» («схема», «модель») мира, который присутствует, в принципе, у любого человека, начиная с определенного возраста, однако выражен по-разному. Для политического лидера характерно наличие необычно яркого и детализированного образа мира наряду с сильным стремлением осуществить, утвердить этот образ в реальности. Такое стремление оказывается необычайно сильным мотивом участия человека с лидерскими качествами в политике. Включаясь в нее, он неизбежно стремится к властным рычагам, как раз дающим возможность в наибольшей степени осуществить свой образ-схему мира, реализовать его.

Центральное место в структуре этого образа-схемы занимает образ своего «Я» (вообще и в политике в частности). Поскольку данное психологическое образование изучено пока еще очень мало, можно лишь допустить, что этот образ самого себя центрирован на собственном имени человека. Определенным подтверждением этому может служить то подчас навязчивое стремление к увековечиванию своего имени, которое свойственно большинству политиков во всем мире, а также то внимание к имени-псевдониму, «кличке», которое отличает особый, наиболее экзальтированный и потому демонстративный тип политических лидеров-революционеров.

Особое место в психологии политического лидера занимают индивидуальные нормы и ценности, которые, как правило, не до конца соответствуют общепринятым и потому выделяют лидера. Лидер обязан внутренне быть инноватором, в определенном смысле – «преступником», то есть человеком, преступившим старые, привычные нормы, ценности, традиции. Хотя внешне лидер обычно должен быть традиционалистом. Это явление представляет собой одну из разновидностей так называемого «парадокса лидера», состоящего в том, что настоящий лидер обязан совмещать несовместимое. С одной стороны он должен быть охранителем традиций, устоявшихся норм, правил, не ломать того привычного, что стало ценным для значительного числа граждан, к эмоциональному одобрению которых он стремится. В этом смысле лидер должен быть консерватором, приверженцем сложившихся социально-политических норм и ценностей. С другой стороны, для развития того же общества, для достижения нового уровня жизни он обязан быть инноватором, должен уметь ставить и достигать необычные, новые цели. А это значит, неизбежно разрушать что-то привычное. Чтобы стать лидером, надо быть идеальным детищем политической социализации. Но чтобы

оставаться им, надо уметь вступить в своеобразный конфликт «отцов и детей» и победить в нем [154].

Сходную точку зрения высказывает Е. Холландер, который анализируя поведение лидера, описывает феномен «идиосинкразического кредита» [273]. Данный феномен рассматривается в контексте соотношения уровня нормативного поведения (в более узком смысле – конформности) и величины статуса индивида в группе (то есть фактически – лидерства). Предполагается, что, высокостатусный субъект (лидер) привносит в жизнь группы некоторые новшества, хотя бы и ценою отхода от ряда прежних норм, способствуя тем самым более эффективному достижению групповой цели и переводя группу на иной, более высокий уровень функционирования. Таким образом, феномен «идиосинкразического кредита», как он описывается Е. Холландером, выступает в качестве одного из условий внедрения в жизнь группы элементов инновационности.

Парадокс еще и в том, что право на конформизм вырастает из всего предыдущего конформистского поведения лидера. Согласно Дж. Картрайту, члены группы приобретают статус конформностью, а статус позволяет быть неконформистом [по: 100].

Проблема в том, что это трудно совместить. Поэтому и не бывает «вечных» лидеров: рано или поздно любой из них нарушает баланс между эмоциональной привязанностью людей к старому и рациональным пониманием неизбежности нового, склоняется в какую-то одну сторону и, в результате, неизбежно умножает число своих недоброжелателей. Наиболее типичные примеры – политическая деятельность Н.С. Хрущева, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина.

Психологическое лидерство всегда существует в системе тех или иных субъект-субъектных отношений (взаимодействий). В качестве субъектов таких отношений могут выступать как отдельные индивиды, так и группы или даже все общество, а взаимодействия могут разворачиваться как между индивидами, группами, обществами, так и между индивидами и группами, индивидами и обществами, группами и обществами. Таким образом, получается, что лидерство – это процесс неравного взаимодействия между субъектами (индивидами, группами, обществами, индивидами и группами, индивидами и обществами, группами и обществами), характеризующийся отношениями доминирования и подчинения.

Д.В. Олышанский, определяя понятие «лидер» с политико-психологической точки зрения, исходит из двух посылок. Во-первых, лидер – субъект процесса лидерства (неравного взаимодействия). Во-вторых, лидер в силу своего положения выполняет определенные функции. Лидерская функция регуляции взаимодействия через различные формы доминирования-подчинения является наиболее существенной характеристикой лидера. Отсюда, по психологическому определению, лидер – это «субъект процесса взаимодействия, выполняющий функцию регуляции взаимоотношений через различные формы доминирования-подчинения, ради достижения тех или иных целей личности, группы или общества».

Так же, как, по выражению В.А. Иванникова, личность не бывает в одиночку, так же и лидер может быть только там, где есть реальное взаимодействие, по крайней мере, двух индивидов, где есть субъект-субъектные отношения. Что касается элемента этой диады, субъекта, относящегося не к лидеру, то здесь, как правило, встречаются такие определения: лидер и остальные члены группы, лидер и последователи, лидер и ведомые. Ведомый, являясь участником субъект-субъектного взаимодействия, от лидера отличается тем, что это тот, кого ведут или «такой, которого ведут под чьей-нибудь командой» [153]. Иначе говоря, ведомый делегирует лидеру права и обязанности регуляции их взаимоотношений. Таким образом, ведомый – это индивид, включенный в процесс субъект-субъектного взаимодействия, делегирующий при этом лидеру права и обязанности регуляции взаимоотношений.

Данные взаимоотношения, как уже отмечалось, реализуются посредством различных форм доминирования-подчинения. Доминирование – это главенствующее (господствующее, преобладающее) положение одного субъекта в сравнении с другими субъектами; это отношения неравенства, навязываемые лидером. Доминирование может проявляться в различных вариантах:

- психологическое доминирование (авторитет, влияние, давление);
- силовое доминирование (различные формы насилия);
- экономическое доминирование (подкуп, финансовая власть);
- политическое доминирование (политическая власть).

Подчинение – действие (или бездействие) в угоду лидеру, в соответствии с его требованиями, установками, приказами, нахождение под руководством и контролем лидера.

В отношениях доминирования-подчинения проявляются определенные усилия лидера, направленные на достижение целей личности, группы, общества и реализующиеся в воздействии на субъекта или группу субъектов. Совокупность особых способов воздействия составляет суть психологических механизмов лидерства. Эти способы воздействия реализуются в формах заражения, внушения, убеждения и подражания [154].

Заражение – процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта – помимо собственно смыслового воздействия или дополнительно к нему. Заражение может быть различной степени произвольности. При наличии обратной связи заражение способно нарастать в силу взаимной индукции, приобретая вид циркулярной реакции (например, толпа, массовая паника). Такая реакция сопутствует эффективным массовым акциям, массовому восприятию ораторских выступлений и служит дополнительным спланивающим фактором.

Внушение – вид целенаправленного коммуникативного влияния на поведение и сознание человека (или группы людей), в результате которого человек (группа людей) вопреки имеющейся фактической информации... признает существование того, что в действительности не существует, либо что-то делает вопреки своим намерениям... [29]. В то же время, В.М. Бехтерев считал, что внушение – это такой способ влияния одних лиц на другие, которое «может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица и которое может осуществляться иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном его сознании». Исходя из этого определения, внушение, по словам В.М. Бехтерева, отличается от убеждения, «производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с участием личного сознания» [25].

Убеждение – сознательное аргументированное воздействие одного или нескольких человек на критическое мышление другого или группы людей с целью принятия собеседником наших взглядов, нашей точки зрения. Это процесс побуждения человека принять определенный набор ценностей, верований или отношений. И здесь вновь следует привести точку зрения В.М. Бехтерева, по мнению которого у убеждения гораздо меньше возможностей, чем у внушения. У последнего такие возможности более многочисленны и более

разнообразны. Внушение поэтому «гораздо более распространенный и нередко более могущественный фактор, нежели убеждение» [25].

Подражание – воздействие, осуществляемое через демонстрацию конкретных, наглядных образцов поведения и подразумевающее их принятие и воспроизведение.

Очевидно, что в политике от лидера требуются умения и навыки применения в зависимости от ситуации самых различных форм психологического воздействия на ведомых, психологического влияния на иных представителей публики, с целью вовлечения их в процесс достижения определенных политических целей.

Следует отметить и точку зрения Н.Ф. Головатого, называющего наиболее типичные черты политического лидера, которые собственно и делают его лидером [56].

Аккумулятивность. Эта черта – решающая, особенно для лидеров высокого общенационального и общегосударственного уровня. Она состоит в способности аккумулировать и адекватно выражать в своей деятельности интересы определенных, достаточно больших масс. Такая черта была присуща политикам, которые хорошо понимали интересы определенных классов и больших социальных групп и хорошо использовали это в своих властных целях. Отсюда вытекает, что политическим лидером можно стать случайно – стоит угадать интересы широких масс и попытаться их удовлетворить.

Компетентность. Это всесторонняя подготовленность политического лидера к деятельности в сфере политики, общественных отношений. Это качество приобретает в результате постоянного и основательного обучения, самообразования, самоусовершенствования. В значительной мере компетентность обуславливается продолжительностью и опытом политической деятельности лидера.

Наличие четкой политической программы. У действительно авторитетных, популярных политических лидеров программы в большей мере отвечают интересам их электората, интересам больших социальных групп или классов.

Инновационность. Это способность постоянно генерировать, продуцировать новые идеи, по-новаторски осмысливать старые, известные сентенции, уметь их корректировать и совершенствовать. Еще лучше, если политический лидер умеет не только конструировать новые идеи, но и предлагает механизм их практической реализации. Такая способность всегда импонирует его последователям, электорату.

Популярность. Она достигается благодаря соединению имиджа, умения завоевывать симпатии людей, эффективности политической деятельности и обычного популизма.

Политическая гибкость, динамизм. Лидер высокого уровня, как правило, успешно выбирает альтернативные решения, завоевывает симпатии и приверженность электората в результате неординарных действий и поступков.

Политическая воля, умение и способность брать на себя ответственность. Эта важная черта присуща смелым, решительным политикам, которые быстро находят выход из критической социальной ситуации и берут на себя ответственность за принятые решения.

Острый ум, политическая интуиция. В определенной мере это качества врожденные и со временем развивающиеся. Речь идет об умении мыслить аналитически, неординарно, предвидеть возможное развитие событий. Такие качества присущи немногим политическим лидерам.

Организаторские способности. Они необходимы политическому лидеру любого масштаба, но особенно важны для лидеров, являющихся национальной элитой. Прежде всего президентов, руководителей парламентов, правительств, министров, лидеров наиболее влиятельных политических партий, объединений, сил.

Язык. Речь идет о языке, на котором общается политический лидер, политической терминологии, понятиях, характерных для лидера с высоким уровнем общей и политической культуры.

Владение политическими технологиями. Настоящий политический лидер должен профессионально владеть комплексом (системой) специальных, целенаправленных, последовательных и эффективных действий и приемов, которые обеспечивают ожидаемые им политические результаты деятельности. К тому же политик обязан досконально владеть политическим маркетингом – системой пропаганды, подчеркивания и демонстрации лучших качеств, присущих собственно ему или тем, кого он поддерживает в политике.

Привлекательность (имидж). Политик должен уметь нравиться, или иметь «шарм». В свое время такими политиками были Р. Кеннеди, М. Тэтчер, М. Горбачев, Б. Ельцин и др. Кроме соответствующих качеств и умения решать сугубо политические вопросы они умело завоевывали симпатии граждан.

Популизм. Это качество выделяется в его позитивном понимании, поскольку «работа на публику» присуща практически всем

политическим лидерам. Удачно использованный популизм – постоянное появление перед людьми, непредусмотренное общение с ними, умение стать «своим парнем» – только на пользу политику. Нужно только, чтобы такой популизм подкреплялся конкретикой, соответствующей общественно полезной деятельностью.

Как видим, существует огромное разнообразие подходов к описанию черт, присущих политическому лидеру. Представленные выше попытки не исчерпывают всех точек зрения на данную проблему. В какой-то мере они дополняются в теориях политического лидерства, рассматриваемых ниже.

Политическое лидерство

Как уже было сказано, с понятием «политический лидер» связано понятие «политическое лидерство» – сложный механизм взаимодействия лидеров и ведомых. Политическое лидерство представляет собой высший уровень лидерства, поскольку оно отражает политические процессы и отношения в высших структурах власти, фиксирует властные отношения между субъектом и объектом политики на вершине политической пирамиды. Для политического лидерства характерно личностное влияние лидера на умы, волю, энергию, политическую активность граждан.

Главными компонентами политического лидерства являются:

– во-первых, способность лидера точно оценивать ситуацию, найти правильное решение стоящих задач, воздействовать на умы и энергию людей в целях мобилизации их на выполнение какого-либо решения;

– во-вторых, лидерство, как особый механизм взаимодействия лидера и членов той или иной общности, предполагает, что последние принимают и активно поддерживают его решения и действия, сознательно и добровольно подчиняются ему.

Понятие политического лидерства имеет два аспекта: формально-должностной статус, связанный с обладанием властью, и субъективную деятельность по выполнению возложенной социальной роли. Причем первый аспект имеет ключевое значение для оценки личности как политического лидера. Второй аспект, являющийся собой личностные качества и реальное поведение на занимаемом посту, определяет главным образом лишь получение и сохранение властной должности, а также служит для оценки лидера как результативного или нерезультативного, «хорошего» или «плохого» руководителя.

Политическое лидерство существует на трех социальных уровнях: малой группы; политических движений; государства [145].

Если говорить о лидерстве на уровне малой политической группы, то здесь происходит интеграция групповой деятельности, в которой лидер направляет и организует действия группы, предъявляющей к личности лидера ряд требований: способность принимать решения, брать на себя ответственность, находить оптимальный способ удовлетворения группового интереса.

Лидерство на уровне политических движений, связанных общностью политических интересов, основанной на одинаковом социальном статусе, а не на узко групповых интересах, как в первом случае. В этом отношении лидерство представляет собой способ адекватного выражения интересов части общества, поддерживающего данного политика. Фигура лидера служит символом социальной позиции, с ней связывают свои интересы носители обыденного политического сознания.

Лидерство на государственном уровне, которое можно определить как способ организации и осуществления власти в условиях демократического развития общества, дифференциации социальных слоев на основе экономического положения и соответствующего политического сознания. Политическое лидерство на этом уровне предполагает взаимное удовлетворение интересов как лидера, так и общества, поэтому ориентация на социальное партнерство входит в систему политических ценностей общества.

В экстремальных условиях функционирования общества возникает необходимость в появлении политического лидера национального масштаба, обладающего качествами, которые помогут ему возглавить национальное движение. Такими качествами могут быть:

- умение формулировать цели, программы, идеологию в условиях, когда утрачены старые ориентиры, общество расколото, в нем царят апатия и анархия;
- способность персонифицировать фундаментальные национальные ценности для конкретного исторического периода;
- готовность выходить за рамки бюрократических процедур при принятии решений в экстремальной ситуации;
- способность связать базисные национальные интересы с историей страны, традициями современного и предшествующего поколений;
- искусство создавать принципиально новую модель поведения и мышления, которая будет распространяться от элиты на все общество.

Для политической психологии лидерство – это особая деятельность, требующая наличия определенных, психологических свойств, характеризующих человека как лидера. Потенциал лидерства, с психологической точки зрения, представляет собой совокупность качеств, которые указывают на способность личности (или, реже группы) побуждать других людей действовать, воодушевляя и уверяя людей в том, что избранный курс действительно является правильным.

Политическое лидерство, таким образом, – это процесс взаимодействия между людьми, в ходе которого одни люди выражают и знают потребности, интересы своих последователей и в силу этого обладают престижем и влиянием, а другие – отдают им добровольно часть своих политических, властных полномочий и прав для осуществления их целенаправленного представительства и реализации.

В результате слияния в политическом лидерстве этих двух взаимонаправленных потоков наступает состояние взаимной мобилизации всех участников политического процесса: и лидеров, так как они знают, что их действия опираются на поддержку и одобрение массы и уверены в своих силах, и рядовых участников политического процесса или движения, ибо они чувствуют, что их интересы понятны, а цели сформулированы. В силу этого наступает значительная интенсификация политической жизни, основанная на доверии. Утрата доверия ведет к возникновению явления, противоположного лидерству – противодействия или политического вызова. Оно выражается в различных проявлениях скрытой или явной враждебности по отношению как к самому лидеру, так и к тем ценностям, которые он представляет.

В зависимости от преобладающего типа культуры общества, политического режима, зрелости гражданского общества, выделяют следующие функции политического лидерства:

- интегративную – согласование и объединение интересов различных слоев населения на основе общей идеи, общих ценностей и идеалов;
- ориентационную – достижение целостности и гармонии социальных интересов через выработку политического курса, учитывающего тенденции мирового развития и потребности различных социальных групп;
- инструменталистскую – лидер не только провозглашает программу, но и предлагает механизм ее реализации посредством принятия политических решений и обеспечения их ресурсами;
- мобилизационную – обеспечение лидером поддержки своего курса широкими слоями населения и их привлечение к осуществлению этого курса;

– функцию социального арбитража и патронажа – лидер призван выступать гарантом справедливости, законности и порядка, защиты гражданских свобод и т.д.;

– функция легитимизации политического режима характерна для тоталитарных и авторитарных политических систем, в которых обоснование правомерности политического режима связано с личностью лидера. В этих случаях режим пытается найти свое оправдание в особых качествах харизматических лидеров.

В социальной и, в частности, в политической психологии сложилось несколько подходов к феномену лидерства.

Во-первых, подход с позиции личных качеств (личностная теория лидерства, известная также под названием «теории великих людей»). Лидерство в этом случае – суть функция личности, наделенной определенными чертами.

Во-вторых, поведенческий подход, согласно которому эффективность лидерства определяется манерой поведения лидера по отношению к «ведомым». На основе этого подхода разработана классификация стилей лидерства: авторитарный, демократический и либерально-попустительский.

В-третьих, ситуационный подход, в рамках которого лидерство рассматривается исключительно как функция ситуации. Лидер должен чувствовать ситуацию и знать, когда и как ее можно использовать, обратить в свою пользу.

Таким образом, политическое лидерство – понятие многомерное. Оно характеризуется, прежде всего, психологическими особенностями политического лидера, а также социально-психологическими особенностями процесса взаимодействия лидера и ведомых.

6.2. Теории политического лидерства

Власть должна принадлежать лучшим,
избранным личностям, на которые возлагается
великая ответственность и которые возлагают
на себя великие обязанности.

Н.А. Бердяев

Попытки описания феномена лидерства имеют очень давнюю историю, берущую свое начало еще со времен Античности. Однако только в XX веке появляются теоретические подходы и теории, пытающиеся

объяснить политико-психологическую природу лидерства и выявить факторы, влияющие на возникновение этого феномена. Р. Стогдилл предлагает выделить несколько групп подобных теорий [по: 285].

Теории «героев» и «теории лидерских черт»

Эти теории – скорее древние попытки описания героической жизни и лидерских качеств, обусловленных древней культурой. Древние египтяне приписывали своему императору следующие «божественные черты: «властное высказывание» в устах, «понимание в сердце», а «язык его – усыпальница справедливости». Гомеровская Илиада раскрыла четыре необходимых, по мнению древних греков, качества: справедливость (Агамемнон), мудрость (Нестор), хитрость (Одиссей), доблесть (Ахилл). Однако со временем модели поведения лидеров и «наборы» лидерских «черт» многократно менялись.

Относительно поздние представители «героической» теории (Т. Карлайл, Е.Е. Дженнингс, Дж. Дауд и др.) рассматривали героев, великих людей для выделения качеств, «передающихся по наследству» и «способствующих завлечению масс». Возникшая вслед теорией «героев» «теория лидерских черт» пыталась ответить на вопрос, какими чертами должен обладать лидер как особый тип деятельности. Сторонники этой теории (Л.Л. Бернард, В.В. Бинхам, О. Тэд, С.Е. Килбоурн и др.) считали, что лидером человека делают определенные психологические качества, или «черты». Во-первых, это «способности» – умственные, вербальные и др. Во-вторых, это «достижения» – в образовании и спорте. В-третьих, это «ответственность» – инициативность, упорство, настойчивость и т.д. В-четвертых, «участие» – активность, кооперация и т.д. В-пятых, «статус» – социально-экономическое положение, популярность. Наконец, в-шестых, – «ситуативные черты» личности.

Какие же основные черты присущи и необходимы лидеру в рамках данного подхода?

- 1) сильное стремление к ответственности и завершению дела;
- 2) энергия и упорство в достижении цели; рискованность и оригинальность в решении проблем;
- 3) инициативность;
- 4) самоуверенность;
- 5) способность влиять на поведение окружающих, структурировать социальные взаимоотношения;

- 6) желание принять «на себя» все последствия действий и решений;
- 7) способность противостоять фрустрации и распаду группы [по: 154].

В ходе исследования лидерского поведения, предпринятого в прикладных целях в Госдепартаменте США в 1979 году, обнаружилось, что наиболее важными чертами современного политического лидера являются неформальные организаторские навыки; избегание бюрократических подходов; устойчивость к фрустрации; прямота суждений; способность выслушать чужое мнение; энергичность; ресурс роста и юмор. Интересно, что среди перечисленных качества нет интеллектуальных способностей, которые, видимо, не считаются для лидера важными.

По мнению М. Вебера, для политика решающими являются три качества – страсть, чувство ответственности и глазомер. «Страсть в смысле ориентации на существо дела, страстной самоотдачи делу... Глазомер способный с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей... требуется дистанция по отношению к вещам и людям... Проблема состоит в том, чтобы втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть и холодный глазомер» [34].

Теории среды

Теории среды, в отличие от предыдущих взглядов, наоборот отрицают значение индивидуальных особенностей людей, считая, что лидерские функции детерминируются средой, окружением, а также определенными временем, местом и обстоятельствами.

Так, по Е.С. Богардусу, тип лидерства в группе зависит от природы группы и проблем, которые она решает. В.Е. Хоккинг предположил, что лидерство – функция группы, которая передается лидеру, только когда группа желает следовать выдвинутой им программе. Х.С. Персон выдвинул две гипотезы: первая – каждая ситуация определяет как качества лидера, так и самого лидера, и вторая – качества индивида, которые определяются ситуацией как лидерские, являются результатом предыдущих лидерских ситуаций. Д. Шнейдер, в свое время, обнаружил, что количество военных лидеров в Англии было прямо пропорционально количеству военных конфликтов, в которых участвовала страна. Это стало наиболее яркой иллюстрацией «теорий среды». Для оценки ее сути Д.В. Ольшанский предложил воспользоваться высказыванием А.Дж. Мэрфи: ситуация вызывает лидера, который и должен стать инструментом разрешения проблемы.

Личностно-ситуативные теории

Эту группу теорий можно выделить условно, как объединяющую два предыдущих подхода и рассматривающую одновременно и индивидуально-психологические черты лидера, и условия, в которых они проявляются. Так, по мнению С.М. Казе, лидерство генерируется тремя факторами: личностными качествами, группой последователей и событием (например, проблемой, которую решает группа).

Р.М. Стогдилл и С.М. Шартл предложили описывать лидерство через такие понятия как «статус» (уровень власти и масштаб заданий, которые выполняет лидер), «взаимодействие», «сознание» и «поведение» индивидов по отношению к другим членам организованной группы. Таким образом, в рамках этой теории лидерство рассматривается скорее как система отношений людей, а не как характеристика изолированного индивида. В то же время, Р.М. Стогдилл выделяет и стили руководства, такие как авторитарный (личное влияние, опирающееся на угрозу силой) и демократический (привлечение членов группы к управлению деятельностью) [285].

Х. Герт и С.В. Миллз считали, что для понимания феномена лидерства следует специальное внимание уделять таким факторам, как индивидуальные черты лидера, потребности и мотивы лидера и его последователей, общественный имидж лидера, характерологические черты лидерской роли и институциональный контекст, то есть официальные рамки и правовые поля, в которых функционирует лидер и в которых он взаимодействует со своими сторонниками.

Теории взаимодействия-ожидания

Данные теории в определенной мере можно отнести к мотивационным, о которых говорилось выше – в главе, посвященной политической психологии власти.

Согласно взглядам Дж.С. Хоманса и Дж.К. Хемфилда, теория лидерства должна рассматривать три основные переменные: действие, взаимодействие и настроения. Это предполагает, что усиление взаимодействия и участие в совместной деятельности связано с усилением чувства взаимной симпатии, и с внесением большей определенности в групповые нормы. Лидер в этой теории определяется как инициатор взаимодействия.

Например, теория «усиления ожиданий» Р. Стогдилла основана на следующем утверждении: у членов группы в процессе взаимодействия

усиливаются ожидания того, что каждый из них будет продолжать действовать соответствующим образом. Роль индивида определяется взаимными ожиданиями и, если его действия совпадают с ожиданиями группы, ему разрешается к ней присоединиться, то есть его допускают («принимают») в группу. Лидерский потенциал человека зависит от его возможности инициировать взаимодействие и ожидания.

Согласно теории «целевого поведения» (М.Г. Эванс), степень проявления внимания лидером определяет осознание последователями будущего поощрения, а степень инициирования структуры лидером определяет осознание подчиненными того, какое именно поведение будет поощрено. Близкая к ней «Мотивационная теория» (Р.Л. Хау, Б.Т. Басе) понимала лидерство как попытку изменения поведения членов группы через изменение их мотивации. Ф.Е. Фидлер считал, что «лидерское поведение» зависит от требований конкретной ситуации. Например, «ориентированный на работу» лидер будет эффективным в крайних ситуациях (слишком легкая или слишком тяжелая работа). Лидер же, ориентированный «на взаимоотношения», обычно эффективен при решении «умеренных», как бы «промежуточных» проблем.

Д. МакГрегор разработал две теории организующего лидерства. Во-первых, это так называемая теория **X**, основанная на предположении, что индивиды обычно пассивны, противостоят нуждам организации и, следовательно, необходимо направлять и мотивировать их. Во-вторых, он предложил теорию **Y**, основанную на предположении, что люди уже обладают мотивацией и стремятся к ответственности, поэтому необходимо так их организовать и направлять, чтобы они одновременно реализовывали и свои цели, и цели организации.

С. Аргирис также указывал на наличие конфликта между организацией и индивидом. По его мнению, природа организации предполагает структурирование ролей членов и контроль за исполнением ими своих обязательств. В природе человека заложено стремление к самореализации через проявление инициативы и ответственности. Эффективное лидерство должно принимать это во внимание и опираться на эти качества.

Р. Ликерт считал, что лидерство – процесс относительный, и лидер должен принимать во внимание ожидания, ценности, межличностные навыки подчиненных. Лидер должен дать подчиненным понять, что организационный процесс направлен на их пользу, так как обеспечивает им свободу для ответственного и инициативного принятия решений.

В рамках данной теории Р.Р. Блайк и Дж.С. Моутон сумели изобразить лидерство графически: по оси абсцисс – заботу об индивидах, по оси ординат – заботу о результате. Чем выше эти два коэффициента, тем больше развиты отношения доверия и уважения в организации.

В целом же, отметив условную «гуманистичность» данных теорий, сделаем вывод о том, что это был все-таки шаг вперед по сравнению с предшественниками. Более того: нам еще придется вернуться к гуманистическим трактовкам лидерства, но несколько позднее.

Широкое распространение в политологии и политической психологии получила мотивационная теория лидерства (С. Митчелл, С. Эванс). В данной концепции эффективность лидера рассматривается в зависимости от его воздействия на мотивацию последователей, их способность к продуктивному выполнению задания и удовлетворение, испытываемое ими в процессе работы. Поведение лидера является мотивирующим в той степени, в которой оно увеличивает вероятность достижения последователями целей и разъясняет способы этого достижения. Теория предполагает определенную структуру лидерского процесса, включающую:

1) типы лидерского поведения:

а) поддерживающее лидерство (дружеские отношения с последователями, интерес к их потребностям и статус);

б) директивное лидерство (регламентирующее и контролирующее действия последователей);

в) разделенное лидерство (консультирование с последователями);

г) лидерство, ориентированное на достижение (акцент на качественный результат). Различные типы поведения могут быть использованы одним и тем же лидером в различных ситуациях;

2) установки и поведение последователей, включающее удовлетворение или неудовлетворение работой, одобрение лидера, мотивацию поведения;

3) ситуативные факторы: индивидуальные черты последователей; фактор окружающей среды (поставленная задача, система власти в группе и т.п.).

Теории обмена

Представители данной теории (Дж.С. Хоманс, Дж.С. Марч, Х.А. Саймон, Х.Х. Келли и др.) исходят из того, что общественные отношения представляют собой форму особого обмена, в ходе которого

члены группы вносят определенный вклад и получают некий «доход». Взаимодействие продолжается до тех пор, пока все участники находят такой обмен взаимовыгодным. Т.О. Джакобс сформулировал свой вариант теории обмена следующим образом: группа предоставляет лидеру статус и уважение в обмен на его необычные способности достижения цели. Процесс обмена сложно организован, он включает многочисленные системы «кредитования» и сложные «выплаты».

Данная группа теорий, будучи супер-рационалистичной, отражает, безусловно, лишь одну из сторон феномена лидерства. Однако ее влияние в современной политической психологии значительно, как и, шире, влияние рациональной психологии вообще. Обобщенно говоря, вся история изучения феномена лидерства привела к тому, что воцарились два суперподхода: рационалистический и гуманистический. Последний опирается на углубленный анализ личностно-психологических корней данного феномена.

Для понимания такого важного феномена как политическое лидерство, необходимо учитывать различные подходы к его исследованию, имеющиеся и в политической науке и в политической психологии. Для последней особое значение приобретают такие параметры как личность самого лидера, характеристики его сторонников, отношения между лидером и окружением, социальный контекст политического лидерства, результаты взаимодействия лидера и его сторонников в определенных ситуациях.

6.3. Политико-психологические типологии лидерства

В чести и силе та держава,
Где правит здравый ум и право,
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.

Себастьян Брант

Сложность и многообразие проявлений феномена политического лидерства предполагает и многообразие его типов. Первые попытки создания таких типологий, свидетельствуют о том, что наиболее распространенными оказались основывающиеся на психоаналитическом подходе и, соответственно, на психопатологическом материале.

Психопатологическая типология Г. Лассуэлла

Г. Лассуэлл предложил психопатологическую типологию [107], согласно которой, в зависимости от выполняемых функций различаются такие типы как «агитатор», «администратор» и «теоретик», а также их различные комбинации. Г. Лассуэлл рассматривал направление движения бессознательных факторов в критических ситуациях развития карьеры каждого из этих типов, а также их роль в становлении определенных политических типов.

Основная функция «агитатора» – распространение своей агитации и общение с гражданами. Он ценит риторику, вербальные формулы и частое, ритуализированное повторение принципов. Лидеры этого типа живут ради того, чтобы быть замеченными, чтобы провоцировать и унижать оппонентов. Чисто администраторские функции вызывают у них фрустрацию, Это недисциплинированные и часто сварливые политики с ярко выраженным энтузиазмом, которые возбуждают публику призывами, многократными заклинаниями и, подчас, даже бранью. Главная для них ценность – эмоциональный отклик аудитории.

С психоаналитической точки зрения, «агитаторы» – выраженные нарциссы (хотя их нарциссизм примитивен), их либидо обращается на собственное Я и Я-подобные объекты, что ведет к появлению гомосексуальных наклонностей, которые проецируются на абстрактные объекты. В прошлом это образцовые дети, застенчиво подавлявшие негативные эмоции. Однако такой «репрессированный садизм», не находя выхода в близком окружении, переносился на общество. Жажда самовыражения в устной либо письменной форме (отсюда одна из классификаций «агитаторов»: «ораторы» – «плагиаторы») представляет собой способ удовлетворения внутренних эмоциональных потребностей.

«Администраторы», в отличие от «агитаторов», проектируют свои аффекты на менее отдаленные и абстрактные объекты и фокусируют внимание на манипуляции определенной группой, демонстрируя беспристрастный, безличностный интерес к задачам организации. Им чужды абстракции, так как они не нуждались в них ранее, для разрешения своих эмоциональных проблем. Их нельзя назвать безаффектными, они просто более хладнокровны и аффективно сбалансированы.

Г. Лассуэлл выделял два подтипа «администраторов». Первый подтип характеризуется выраженной энергией и воображением, что

внешне приближает его к агитаторам. Однако в центре его внимания находятся определенные индивиды, они переносят свои аффекты на менее общие объекты и не стремятся «вывести из себя» большое количество граждан. Они привязаны к своему окружению и пытаются координировать его действия. Неспособность к достижению абстрактных объектов является следствием чрезмерной занятости конкретными индивидами в кругу семьи и трудностями в определении там роли своего «Я». Второй подтип – это чрезмерно щепетильный и «совестливый» лидер, отличающийся любовью к рутине и деталям, страстью к точности. «Администраторы» этого типа не имели серьезных потрясений в ходе развития личности, не имели сверхрепрессированных эмоций, так как либо сублимировали их, либо выражали их в кругу семьи. Их щепетильность – не что иное, как попытка продемонстрировать свою силу.

«Теоретики» – своеобразные эксперты и идеологи, ориентирующиеся на отдаленные и высоко рационализированные цели. В отличие от «агитатора», избирающего для атаки близкие цели, «теоретики» стремятся к абстракции и грандиозности. Рассмотрение различных идей часто является для «теоретиков» самоцелью, что несколько отдаляет их от ведомых. «Теоретику» абстракции необходимы для разрешения собственных эмоциональных проблем. В отличие от «администраторов», теоретики страдают при отсутствии аффектов, так как пережили много фрустраций в процессе своего развития. Интеллектуализация – ответ теоретиков на собственные когда-то нерешенные эмоциональные проблемы [по : 154].

По мнению Г. Лассуэлла, на политическое развитие личности политика оказывает влияние его характер. В связи с этим было выделено два основных типа характера – «принудительный» и «драматизирующий», а также подтип – «беспристрастный». Для индивида с «принудительным» характером свойственны жесткие отношения, однообразие, монотонность самопрезентации, десубъективизация ситуации, отрицание новизны и другие качества «бюрократа»-администратора. «Драматизирующий» характер, с его склонностями к самолюбованию, провокациям, флирту и т.п. (в ход идут любые средства для завоевания других) представляет собой полную противоположность «принудительному» характеру и является основой для развития «агитатора» как политического типа. Индивиды с «беспристрастным» характером, отличающиеся отсутствием ярких эмоциональных

состояний, могут превратиться, по Г. Лассуэллу, как в прекрасных судей, дипломатов и т.д., так и в отъявленных негодяев.

Типология политических лидеров Д. Рисмана

Поскольку, по мнению Д. Рисмана, характер определяется обществом, автор различал три типа обществ и, соответственно, три типа социальных характеров – «безразличный тип», «морализатор» и «внутренний наблюдатель». Каждому из них соответствует определенный тип политической личности.

Традиционной направленности общества соответствует «безразличный тип» политика. Это человек, у которого либо нет никакого отношения к политике, либо его низкая мобильность, отсутствие ориентации, или что-то еще заставляет остерегаться политики как таковой. Типичный взгляд «безразличных»: политикой должен заниматься кто-то другой. Они не стремятся к власти, не чувствуют личной ответственности за политику и редко переживают ощущение вины или фрустрации из-за политики. Эти люди сохранили иммунитет, своего рода девственность в политике.

«Морализатор» – лидер, характеризующийся направленностью на себя, пренебрегающий общепринятыми правилами подавления эмоций. Его поведение характеризуется сильными аффектами и низкой компетенцией. Это или идеалист, склонный к самосовершенствованию, стремящийся также к совершенству и людей, и социальных институтов, или же пессимист, направленный не на достижение лучшего, но на предотвращение худшего. Д. Рисман различал два типа «морализаторов»: «негодующих» и «энтузиастов». В обоих случаях политические эмоции перевешивают политический ум, однако эмоции «негодующего» намного мрачнее «энтузиаста». Чрезмерный энтузиазм «морализатора» препятствует эффективной работе, а слишком сильные эмоции – правильному восприятию ситуации, что приводит к «зашоренному» восприятию мира [281].

Тип «внутренний наблюдатель» (finside-dopester, «направленный на других») – либо неэмоциональный, либо контролирующий свои эмоции человек, использующий политику для развлечения и выгоды. Его не интересуют конкретные политические вопросы. Он больше занят манипулированием других. Типичная для него точка зрения: «Если я ничего не могу сделать для изменения политики, мне остается только понимать ее». Это реалист, который стремится быть «внутри полити-

ки» и, раз он не может изменить политиков, он манипулирует ими. При этом он старается быть похожим на них, так как не хочет, чтобы его принимали за плохо информированного политического изгоя.

Описанные выше три социальных характера и соответствующие политические типы – это так называемые «приспособленные» типы. Это – «нормальные» типы, чей характер приспосабливается к социальным требованиям, исходит из необходимости гармонии характера и общества. Однако существуют и отклонения характера (но не поведения) от социальных требований. Во-первых, это «анемический» (плохо приспособленный) характер и, во-вторых, «автономный» характер. «Автономный человек» свободен сам выбирать свои политические предпочтения, так как его сознание не детерминировано ничьими взглядами и не определяется культурой. Такие люди могут подчиняться нормам поведения в обществе (как и «анемичные» типы), однако свободны в решении о необходимости такого подчинения. Согласно Д. Рисману, «автономный характер» – идеал, который, к сожалению, практически недостижим.

Теория «макиавеллистской личности»

По аналогии с F-шкалой авторитарной личности, созданной Т. Адорно, Р. Кристи и Ф. Гайс [267] построили M-шкалу Макиавеллистской личности (человека-манипулятора), модель которой была основана на идеях Н. Макиавелли. M-шкала включает в себя два уровня, или два типа личности: с низким Мак-коэффициентом и с высоким Мак-коэффициентом.

Политический лидер с высоким Мак-коэффициентом («высокий Мак») обозначается как «синдром хладнокровия». Для него характерно сопротивление социальному влиянию, ориентация на понимание, инициирование новых структур и контроль над ними. В ситуации непосредственного общения он сохраняет спокойствие и собранность. Для «высокого Мака» вообще характерны спокойствие, отсутствие эмоциональности, ориентация на цель, стремление достигать ее в конкурентной борьбе с другими, холодная расчетливость, рациональность и инициатива. Эмоции окружающих, собственные желания, давление со стороны оставляют «высокого Мака» невозмутимым. Черты личности «высокого Мака» определяются внутренним психологическим процессом; фокусированием на точных когнитивных оценках ситуации и концентрацией действий на победе.

Лидера с низким Мак-коэффициентом («низкий Мак») можно обозначить как «чрезмерная доверчивость». Ему свойственны: высокая эмоциональность; зависимость от давления со стороны, от социального влияния; ориентация на личность, а не на абстрактные цели; принятие и следование структуре, порядку, организации; они эффективнее в ситуациях с четко определенными правилами игры.

Поэтому естественно, что лидерами становятся именно «высокие Маки». Они в состоянии убедить последователей и направить их действия в русло, нужное для достижения поставленных ими целей.

Типология президентов Дж. Барбера

Для типологии политического лидерства определенный интерес представляет типология президентов Дж. Барбера. В своей книге «Президентский характер» [265] на основе исторических и биографических материалов Дж. Барбер рассмотрел психологическую структуру личности американских президентов. Получилось, что личность президента состоит из трех основных элементов:

1) стиль (привычный способ исполнения политических ролей);

2) взгляд на мир (первичные политически релевантные верования, концепция социальной причинности, человеческой природы и основного нравственного конфликта – призма, через которую президент видит мир);

3) характер (жизненная ориентация).

Однако на личность президента влияют как минимум два аспекта политической ситуации: властные отношения (система власти) и так называемый «климат ожиданий» (основные нужды и требования граждан, обращенные к президенту). Дж. Барбер выделял три типа ожиданий: во-первых, люди нуждаются в уверенности, что все будет хорошо, и президент обо всем позаботится; во-вторых, людям нужно ощущение прогресса и динамики и, в-третьих, им необходима президентская легитимность.

Взяв за основу своей теории понятия стиль, взгляд на мир, характер, властные отношения и климат ожиданий, Дж. Барбер различал два измерения:

а) активность-пассивность;

б) позитивность-негативность.

Что касается активности, то это ответ на вопрос, сколько энергии тратит президент на своем посту (например, Л. Джонсон был похож на

человеческий циклон, который, казалось, никогда не отдыхал, а К. Кулидж, наоборот, спал по 11 часов в сутки). Второе измерение относится к отношению и чувствам президента по отношению к политической жизни, его личному удовлетворению. Соединение критериев по этим измерениям дает четыре типа президентского характера (см. табл. 6.1).

Таблица 6.1
Критерии оценки типов президентского характера, по Дж. Барберу

	Активный	Пассивный
Позитивный	Цель: достижение результата (Т. Джефферсон, Ф. Рузвельт, Г. Трумэн, Дж. Кеннеди)	Цель: получение любви окружающих (Дж. Мэдисон, В. Тафт, У. Хардинг)
Негативный	Цель: получение и удержание власти (Дж. Адамс, В. Вильсон, Г. Гувер, Л. Джонсон, Р. Никсон)	Цель: подчеркивание своей гражданской доблести (Дж. Вашингтон, Дж. Кулидж, Д. Эйзенхауэр).

Кратко характеристику этих типов можно описать следующим образом.

Активный-позитивный тип отличается не только большой активностью, но и личным удовлетворением, отражая относительно высокую самооценку и успех в отношениях с окружающей действительностью. Этот тип демонстрирует ориентацию на продуктивность как ценность и способность адаптировать свой стиль под «играющую музыку». Он видит себя в развитии для достижения определенных целей – то есть, тянется к своему имиджу. Он – рационалист, поэтому часто недооценивает иррациональное в политике.

Активный-негативный тип характеризуется противоречием между интенсивными попытками и относительно низким эмоциональным вознаграждением за них. Создается впечатление, что человек бежит от тревожности и пытается заменить ее тяжелой работой. Он кажется амбициозным и стремящимся к власти. Он агрессивен по отношению к окружающей действительности, и ему трудно подавлять свои агрессивные чувства. Его Я-имидж неопределен и непоследователен.

Пассивный-позитивный тип – послушный, направленный вовне характер, всю жизнь занятый поиском любви в качестве награды за соглашательство и кооперацию. Присутствует противоречие между низкой самооценкой и кажущимся оптимизмом. Такой тип помогает смягчить остроту политики, но хрупкость его надежд и зависимость от поддержки окружающих нередко ведут его к разочарованию в политике.

Пассивный-негативный тип не отличается ни деятельностью, ни наслаждением ею. Чувство долга компенсирует низкую самооценку и ведет его в политику. Такой тип может быть хорошо адаптирован к различным неполитическим ролям, но у него нет ни гибкости, ни опыта для эффективного политического лидерства. Ему свойственна тенденция к уходу, бегству от конфликтов и неопределенностей.

Типология лидерства Д. Бернса

В качестве критерия своей типологии Д.М. Бернс [266] взял взаимоотношения лидеров и ведомых, то есть, людей с различным властным потенциалом и разной мотивацией. Он различал два типа такого взаимодействия и, соответственно, два типа лидерства: «трансформационное» и «трансдейственное».

«Трансформационное» – это динамичное лидерство, в ходе которого лидер выполняет образовательную функцию, формирует мотивы, ценности и цели ведомых. В ходе такого взаимодействия индивиды как бы поднимают друг друга на более высокий мотивационный уровень, что отражается как в поведении, так и в этических ожиданиях и лидера, и ведомых. Они начинают действовать активнее и эффективнее. Процесс «трансформационного лидерства» предполагает, что, независимо от возможного первоначального различия интересов, индивиды реально или потенциально объединяются для достижения некоей высшей цели, реализация которой требует серьезного изменения и интересов, и поведения, как лидера, так и ведомых. При этом Д.М. Бернс различал несколько видов трансформационного лидерства:

а) интеллектуальное – своеобразный аналитико-нормативный ответ на насущные нужды общества. Это лидерство может генерироваться только внутри общества, катализатором же, который конвертирует обобщенные нужды в специфические интеллектуальные идеалы, является конфликт (примеры: Робеспьер, Дж. Мэдисон, В. Вильсон, Ф.Д. Рузвельт);

б) реформаторское – лидерство одновременно «трансдейственное» по процессу и результату (об этом ниже) и «трансформационное» по духу. Это достаточно неблагодарное лидерство, так как типичные реформаторы, в целом, обычно принимают существующие социально-политические структуры и отталкиваются от них, что ведет к компромиссному и инерционному реформированию уже существующих институтов. В конечном итоге, в принципе, «коренные изменения совершаются политиками, чьи политические амбиции преграждаются реформами»;

в) революционное лидерство – абсолютная преданность делу, сильное чувство призвания, обращение к нуждам и ожиданиям масс, драматичный конфликт, идеал переустройства общества в лидерском варианте, «черно-белое» видение мира («вера в ангелов, дьяволов и Спасение») и т.д. Для революции необходим «пророк» а также институциональная поддержка и коллективное лидерство;

г) героическое (или харизматическое, по М. Веберу) – это лидерство отличается верой в личность лидера независимо от его качеств, опыта и конкретных взглядов. Для него типичны уверенность в способности лидера преодолевать препятствия и разрешать кризисы, готовность делегировать ему власть в кризисное время; прямая массовая поддержка (аплодисменты, письма и т.п.) и отсутствие конфликта между лидером и ведомыми. Люди проектируют свои эмоции, агрессивность, страхи и надежды на социальный объект в поисках хотя бы символического разрешения своих проблем. Индивидам нужен лидер для идентификации с кем-либо более могущественным, чем они, а лидеру нужны ведомые для удовлетворения своих личных мотивов. Именно герои символизируют идеи и персонализируют движения.

«Героическое лидерство» обычно возникает в кризисные времена, когда на фоне массового политико-психологического отчуждения и социальной атомизации распадаются и перестают функционировать институциональные механизмы разрешения конфликтов, власть теряет свою прежнюю легитимность, а прежние традиции резко ослабевают. Эта мысль Д.М. Бернса аналогична уравнению, приведенному Д. Растоу [282]:

$$\begin{aligned} & \mathbf{Л} \text{ (легитимность)} = \\ & = \text{традиционная Л} + \text{рациональная Л} + \text{харизматическая Л} \end{aligned}$$

Чтобы сумма осталась неизменной, уменьшение одного слагаемого должно компенсироваться возрастанием других: в кризисное время лидеру необходима повышенная харизматическая легитимность.

«Трансдейственное» лидерство возникает в случае, когда один человек проявляет инициативу в контактах с другими с целью обмена ценностями (экономическими, политическими, психологическими и т.д.). Такие отношения напоминают сделку и прекращаются после достижения сторонами необходимых целей, так как лидера и ведомых в таких случаях не объединяют никакие более высокие идеалы.

Д.М. Бернс рассматривал несколько типов подобного лидерства:

а) лидерство мнений, целями которого являются мобилизация мнений через обращение к желаниям и потребностям граждан, агрегация этих мнений и их выражение на выборах;

б) групповое лидерство, осуществляющееся одновременно в интересах и лидера, и группы. В этих случаях лидер помогает группе так осознать свои потребности, формирует ожидания и формулирует требования, что становится лидером даже не конкретной малой группы, а целой группы интересов;

в) партийное лидерство, при котором лидер стремится мобилизовать определенные социальные, экономические и психологические ресурсы для удовлетворения требований своих ведомых. Такое лидерство является «трансдейственным», но в нем заложен и серьезный «трансформационный» потенциал;

г) законодательное лидерство, которое выполняет функции своеобразного мониторинга, «инициативы трансдействий», разрешения противоречий и как бы сортировки политического «дебата» и «кредита». Д.М. Бернс выделяет следующие роли «законодательного типа лидера» (естественно, что это – «чистые» роли, и каждый политик может исполнять несколько таких ролей одновременно):

– идеолог – выступает за доктрины, которые могут быть широко поддержаны в конкретном, определенном округе, или же каким-либо конкретным меньшинством электората;

– трибун – рассматривает себя в качестве представителя жителей своего округа, или же всего населения, и «связующего звена» между правительственными действиями и ожиданиями граждан. «Трибуны» считают себя знатоками и защитниками общественных интересов, нужд и требований;

– карьерист – рассматривает свою карьеру в законодательном органе как самоценность и как ступеньку к более высокому посту;

– парламентарий – выполняет одну или сразу обе следующие роли: а) специалист (эксперт в области парламентских процедур) и б) институционалист (стремящийся к сохранению парламентского института в целом);

– брокер – считает, что он играет «необходимую роль посредника» между антагонистическими законодателями, балансируя интересы всех сторон, усмиряя конфликт и создавая «законодательное единство»;

– верноподданный – доверенное лицо сильной партии;

– генерализаторы (стратеги) – работают над широкой программой, обычно партийной;

– специалисты по политике – концентрируют свое внимание обычно на одной проблеме;

д) исполнительное лидерство. Особенность этого типа определяется отсутствием надежной политической и институциональной поддержки, и зависимостью в основном от личности лидера (его таланта, характера, престижа) и бюрократических ресурсов (кадры и бюджет). Если партийные лидеры могут мобилизовать широкую политическую поддержку и активизировать политические настроения в пользу партии, то парламентские лидеры могут опираться на парламент и свои округа, а в арсенале инструментов исполнительных лидеров – обращение к общественному мнению при невозможности его формирования, активизации и направления в нужное русло. Исполнительное лидерство наиболее эффективно при достижении краткосрочных и конкретных целей, возникающих, как правило, в кризисных ситуациях.

Типология лидеров М.Дж. Херманн

Заслуживает внимания и типология лидеров, предложенная английским социологом Маргарет Дж. Херманн [272]. Она выделила четыре собирательных образа лидера: знаменосца, служителя, торговца и пожарного.

Лидер-знаменосец (В.И. Ленин) характеризуется привлекательностью, собственным видением действительности, способностью увлечь массы. Такой лидер ставит цели, определяет направление и, используя обещания, завораживает последователей. На нем лежит ответственность за то, что происходит и как происходит. Этот образ лидера предполагает изучение собственно лидера и его характеристики. Поняв характер лидера, можно предположить, какие цели и стратегии он изберет.

Лидер-служитель (Л.И. Брежнев) является выразителем интересов своих последователей. В своей деятельности он ориентируется преимущественно на их мнение. При таком варианте лидерства группа задает направление и придает силы политике. Лидер является как бы доверенным лицом группы и действует от ее имени.

Лидер-торговец (В.В. Жириновский, Г.А. Явлинский) характеризуется умением привлекательно преподнести свою программу избирателям, «продать» ее. Он в состоянии понять, что нужно людям и предложить помощь в достижении этого. Чуткость к нуждам и желаниям людей не менее важная черта, чем способность им помочь.

Лидер-пожарный (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин) отличается способностью быстро решать возникающие перед обществом сложные проблемы. Лидерство в этом случае представляет собой ответную реакцию на происходящее.

В настоящее время в России все чаще встречаются лидеры преобразующие, а не компромиссные. Компромиссный лидер осуществляет действия без изменения основ общества. Преобразующий лидер всегда нацелен на некую перемену формы организации общества; он предвосхищает, посредничает и подчиняет опыт посредством воображения и рассудка, пытается утвердить «моральное лидерство», которое всегда исходит из фундаментальных желаний, стремлений и ценностей последователей.

Типы политических лидеров Р. Такера

Американский политолог и историк Р. Такер, исследователь деятельности советских лидеров, выделяет три типа политических лидеров: консерваторы, реформаторы и революционеры.

Консерваторы стремятся сохранить статус-кво общества. Соответственно вся активность политического лидера, его программа и все его действия направлены на обоснование необходимости сохранения общества в современном виде. Это не самый многочисленный тип политических лидеров.

Позиция реформаторов состоит в стремлении радикально преобразовать общественное устройство посредством проведения широкомасштабных реформ, прежде всего реформирования властных структур. К реформаторам, например, относится Мартин Лютер Кинг, известный организатор реформаторских движений.

Революционеры ставят целью переход к принципиально иной общественной системе. История показывает, что мирный путь в этом

случае – большая редкость. «Архетипичным» революционным политическим лидером Р. Такер называет Карла Маркса.

Классификация С. Хука

Представляет интерес классификация, предложенная С. Хуком. Критерием в данном случае стала степень воздействия лидеров на события и способность ими управлять. На этом основании С. Хук поделил всех лидеров на две неравные группы. В первую вошли лидеры, способные прекрасно ориентироваться в ситуации и использовать ее. Это эвентуальные лидеры, или лидеры, использующие события. И вторая, небольшая группа лидеров, способных самостоятельно творить события, делать историю по-своему, то есть лидеры, делающие, создающие события, лидеры, круто меняющие исторический процесс. В первую очередь в этой второй группе С. Хук называет В.И. Ленина и Наполеона.

Типология политических лидеров в российской психологии

В российской политической психологии в 1990-х годах также стали возникать попытки (как умозрительные, так и эмпирические) классификации лидерства. Так, в начале 90-х годов прошлого века появились описания личности политических лидеров, основанные на анализе развития политической ситуации в России того времени. Это были умозрительные попытки с использованием клинико-психологической и психиатрической терминологии.

Авторы такого описания [89] обращают внимание на то, что речь идет не о «психологических отклонениях», а о своеобразных проявлениях индивидуального политического стиля в экстремальных ситуациях. При этом стиль политического лидера определяется рядом параметров. Во-первых, это поведенческие реакции, обусловленные темпераментом и характером политического деятеля. Во-вторых, когнитивные процессы (способы принятия информации и принятия решения). В-третьих, подход к управлению (оценка политического лидера как руководителя). В-четвертых, личная модель собственного политического лидерства. В-пятых, лидер как публичная персона (общение с избирателями и с публикой вообще). Таким образом, политический стиль рассматривается как совокупность проявления данных параметров. Соответственно выделяются стили: параноидальный, демонстративный, компульсивный, депрессивный и шизоидный (см. табл. 6.2).

Типология стилей политического лидера, основанная на оценке политической реальности в России в начале 1990-х годов

Политический стиль (образное обозначение)	Параметры описания				
	Поведенческие реакции	Когнитивные процессы	Подход к управлению	Личная модель	Публичная персона
Параноидальный («Хозяин», «Властелин», «Сталин»)	Подозрительность, недоверие к другим, сверхчувствительность к скрытым угрозам, контроль над другими	Отрицание идей, не соответствующих собственным	Создание напряжения среди подчиненных, манипулирование ими	Искаженная картина мира	Охват значительных масс, заразительность
Демонстративный («Артист»)	Склонность к демонстративности, внушаемость, управляемость, уязвимость	Неспособность работать с информацией, заниматься конкретной законотворческой деятельностью	Неспособность фокусировать внимание на конкретных проблемах	Стремление привлечь к себе внимание, нравиться другим	Желание получить одобрение, признание «здесь и сейчас» любой ценой
Компульсивный («Отличник»)	Желание сделать все наилучшим образом. В экстремальной ситуации – паника, дискомфорт, депрессия	Чрезмерная озабоченность деталями, мелочами	Неспособность поступиться принципами, идти на компромисс	Строгая приверженность раз и навсегда сформулированным принципам	Надежда и опора ведущих лидеров в их борьбе за власть
Депрессивный («Сподвижник»)	Консервативность, неадекватность	Пессимистичность суждений и прогнозов	Неспособность управлять, восхищение другими лидерами	Стремление гарантировать себя от неудач	Получение помощи от других
Шизоидный («Одиночка»)	Самоустранение, уход от конкретных дел	Пессимистичность суждений и прогнозов	Неспособность и нежелание управлять другими	Позиция стороннего наблюдателя	Нежелание присоединяться к кому-либо

Более подробное описание этих стилей выглядит следующим образом.

Параноидальный стиль (образное обозначение – «Хозяин», «Властелин», «Сталин»). Личностный профиль такого лидера характеризуется подозрительностью, недоверием к другим, сверхчувствительностью к скрытым угрозам и мотивам, непредсказуемостью, стремлением к контролю над другими.

На когнитивном уровне это отрицание идей, не соответствующих собственным, изоляция от информации, не подтверждающей собственные установки и убеждения; политическое мышление, устроенное по принципу «или мы – или они».

Как управленец, такой лидер создает напряженность среди подчиненных. В общении с другими политиками – это манипулятор, «коварный Макиавелли». Подобный стиль часто сопровождается стремлением подавить или унижить других политиков. Это как бы самоцель, безотносительно к стратегии и тактике решения политических задач. Такой стиль не обязательно присущ только тем, кто находится на вершине власти. Это может быть и оппозиция – самая неуступчивая, не воспринимающая никаких аргументов, сколачивающая группы или сбивающаяся в группки, чтобы непременно «дружить против кого-то». Подобный стиль весьма заразителен, он может охватывать значительные массы людей. Существует реальная опасность, что в экстремальной ситуации такой лидер имеет искаженную картину мира, в том числе искаженное подозрениями видение политической ситуации.

Демонстративный стиль (образное обозначение – «Артист»). Склонен к самодраматизации (демонстративности), постоянно охвачен страстным желанием привлечь к себе внимание. Самооценка «артиста» зависит от того, насколько он нравится другим, желанен, любим, принимается другими. Свойственная ему внушаемость делает его достаточно управляемым: он может оказаться в плену «случайных» обстоятельств. Вовремя подброшенная похвала или, наоборот, неодобрение делают «артиста» уязвимым: он часто теряет бдительность в первом случае или самообладание – во втором. В результате становится практически невозможным последовательное проведение с его помощью сколько-нибудь определенной политической (в частности, партийной) линии.

Сиюминутность мотивации поступков (желание получить одобрение, признание, уважение «здесь и сейчас», любой ценой)

подчас вынуждает его приносить в жертву не только общественные, но и свои собственные, не только абстрактно-политические, но и даже откровенно личные карьеристские интересы. Когнитивные особенности «артиста» не подходят для конструктивной законотворческой деятельности. Депутаты такого типа, например, с большим трудом концентрируются на деталях и фактах, им сложно фокусировать внимание на конкретных проблемах. В общении с другими политическими деятелями, они проявляют себя как «политиканы» и «торговцы», готовы в любой нужный для себя момент развернуться на 180 политических градусов.

Компульсивный стиль (образное обозначение – «Отличник» или «Синдром отличника»). Для него характерно почти навязчивое (компульсивное) стремление все сделать наилучшим образом, независимо от наличия времени и поставленных задач. Отсюда – недостаток легкости, гибкости в поведении, способности к спонтанным действиям. При знакомстве с когнитивными характеристиками этого стиля становятся более узнаваемы и понятны многие конфликтные ситуации, возникающие в коридорах нынешней власти.

«Отличник» чрезмерно озабочен деталями, он мелочен, скрупулезен, догматически подходит к инструкциям и параграфам. Но это вовсе не обязательно зарвавшийся, косный бюрократ. Это может быть честный человек, например, принципиальный политик, трудолюбивый чиновник. Опасности такого политического стиля, изъяны, не столь заметные в повседневной (даже политической) деятельности, особенно ярко проявляются в экстремальных ситуациях с постоянно меняющимися условиями деятельности. «Отличник» в таких ситуациях испытывает дискомфорт: любые отклонения от тщательно спланированной деятельности для него болезненны, совершение ошибки или страх не справиться с чем-то наилучшим образом могут вызвать сомнения, панику, депрессию. Он неспособен пойти на компромисс с политическим оппонентом, твердо придерживается однажды сформулированных принципов. Такие политики – надежда и опора ведущих лидеров в жестокой политической борьбе за власть.

Депрессивный стиль («Сподвижник»). Такой политик чаще ищет, к кому бы присоединиться, чтобы быть гарантированным от неудач и получить помощь. Он восхищается другими лидерами, часто идеализирует отдельных людей и политические движения. Сподвижники могут быть крайне консервативны и неактивны. Как правило, они плетутся в хвосте событий. Их суждения и прогнозы крайне пессими-

стичны: сегодня «развалится команда», завтра «рухнет экономика», а послезавтра «начнется гражданская война».

Шизоидный стиль («Одиночка») в чем-то сходен с предыдущим, но здесь самоустранение, уход от участия в конкретных событиях носят более отчетливый характер. У политиков такого стиля нет желания присоединяться к кому-либо. Такие политики предпочитают позицию сторонних наблюдателей.

В середине 1990-х годов А.И. Пригожин, основываясь на реалиях политической жизни того времени, предложил свою типологию лидерских патологий [190].

Россию А.И. Пригожин относит к *лидерскому* типу обществ. Это значит, что у нас не развит социальный порядок, недостаток которого компенсируется лидерством (монарха, диктатора, харизматика). Поэтому лидерское общество чрезвычайно зависимо от личных особенностей главы страны.

Российское общество относится также и к типу *синкретических*, где ценность человека определяется не столько его индивидуально-психологическими особенностями, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому: профессии, нации, классу, организации.

Со временем как лидерский, так и синкретический характер нынешнего российского общества будет преодолен с переходом к гражданскому обществу. Пока же, считает А.И. Пригожин, поскольку процветание экономики и демократии возможно только на основе высвобождения индивида из общины, решение многих проблем страны будет заторможено этой особенностью.

Преобразования в обществе лидерско-синкретического типа прямо связаны со сменой лидера, точнее, со сменой *типа политического лидерства*. Если за основу типологии принять способ получения лидирующей позиции в обществе, то, как показывает история России (и Советского Союза), обнаруживаются следующие типы политического лидерства:

- наследование, то есть принятие власти по родству через смену поколений или другими близкими родственниками монарха;
- самозванство, то есть захват власти насильно, нелегитимно без принятия обществом, без выбора;
- уступающий тип лидерства М. Горбачева, связанный с тем, что спасение системы стало возможным через ее преобразование под напором новых реалий;

– инверсионный тип лидерства, который проявляется в признании лидера не столько в соответствии с его собственными идеями и заслугами, сколько благодаря его преследованиям от предыдущей власти (именно таков «ельцинизм»);

– конструктивный тип лидерства, то есть сформировавшийся и признанный легально на основе своей позитивной программы. Только этот тип наиболее характерен для развитой демократии.

Особую роль в формировании политического лидерства и определении его типов играют переходные периоды в жизни общества, государства. Особенность таких периодов заключается, прежде всего, в том, что «переходность отягощается *господством прошлого труда над трудом живым*». В советское время было, например, настроено много гигантских предприятий, оказавшихся неэффективными в условиях рынка. Но они существуют, и их хозяевам приходится приспособляться к наличным мощностям и помещениям, от которых совсем мало пользы.

В историческом промежутке перехода от тоталитаризма к стабильной демократии патологии политического лидерства возникают большей частью вследствие *соблазнов*. Политический соблазн есть нерациональное стремление найти простые решения сложных проблем, обойти неизбежные трудности, сократить время на достижение желаемого состояния. На таких соблазнах и выделяются некоторые типы политического лидерства, которые можно сгруппировать в две разновидности: идеалистические и прагматические типы патологии.

Идеалистические типы патологии политического лидерства возникают и выражаются в виде иллюзорных идеалов, в извращенных ценностях (светские культы, лезть массе, обманные символы), в чрезмерных преувеличениях, привлекательных, но недостижимых целях. Обычно это позиция учительства, духовного отцовства по отношению к стране. Примеры идеалистических типов:

– тип «я – идеал» выражается во внушении лидером массе своего превосходства над другими, эксплуатацией массовой склонности к олицетворению в ком-то своих надежд и ценностей;

– тип «вы – идеал» можно представить как возвеличивание народа в целом или какой-то его части (классовой, национальной, религиозной), придание им черт избранности, приписывание им свойств, выгодно выделяющих их как в человеческом, так и в политическом, государственном отношениях. Возникает преимущество одних перед

другими не столько в силу каких-то их собственных заслуг, сколько благодаря самому факту их рождения, принадлежности к определенной макрогруппе. Таковы нацисты и крайние левые;

– тип «за идеалом» строится на абсолютизации доктрины, выдвигающей образ, систему «великого будущего» без нынешних проблем и даже без проблем вообще. Призыв «следовать за носителями доктрины» приобретает иногда квазирелигиозный характер, с делением на приверженцев и врагов;

– тип «норма – идеал», в рамках которого чаще других в качестве поруганных норм объявляются справедливость, равенство и т.п. Буквальное понимание идеалов приводит к чисто управленческому, практическому их воплощению в жизнь, к колоссальным усилиям и жертвам без ожидаемого результата;

– тип «от имени идеала» выражается в том, что право на трактовку соблазнительного учения и на его реализацию принимают на себя группы или отдельные лица. Когда они оказываются у власти, то на невозможность осуществить идеал они реагируют требованиями жертв для преодоления трудностей, которые всегда объявляются «временными», и проникающим контролем за массовым сознанием и поведением.

Итак, идеалистические типы патологии политического лидерства возникают на разрыве «идеал – повседневность». Известный идеализм нашего народа дает много возможностей для производства или привития идеологических соблазнов.

Прагматические типы патологии политического лидерства вырастают из самой повседневности и, скорее, «подбирают» образующиеся там образцы решений, чем вносят их туда. Можно также выделить несколько типов патологии политического лидерства в соответствии с разными типами прагматического поведения:

– тип *прямого действия* предполагает установку лидера на решительное и скорейшее снятие наиболее болезненных проблем жизни большинства. При этом предполагается, например, преступников расстреливать на месте, рост цен запретить и т.п.;

– тип *предельных обещаний* предполагает немедленное обещание всего всем;

– тип следования *личному примеру* опирается на лозунг: «Я преуспел и вы со мной». Например, разбогатевший предприниматель предлагает свой вариант успеха не столько для каждого в отдельности, сколько для страны в целом;

– тип «*другие хуже*» предполагает достижение цели не благодаря собственным эффективным действиям, а через критику других;

– тип *насильственных действий* также нередко считают весьма практичным с управленческой точки зрения (даже по отношению к самим себе, а тем более по отношению к другим).

Переходный период, по мнению А.И. Пригожина, характеризуется значительным снижением опасности идеалистических вариантов и повышением вероятности патологии прагматического толка, хотя и в разной степени.

6.4. Психология вождей и вождизма

Прирожденный вождь –
это человек, который боится
идти куда бы то ни было один

К. Ханли

Прежде всего, следует отметить, что «лидер» и «вождь» это не тождественные понятия, и поэтому требуется их дифференциация.

В отличие от лидерства, о котором говорилось выше, вождизм – это тип властных отношений, основанный на личном господстве и личной преданности носителю верховной власти. Вождизм типичен для традиционных или квазитрадиционных, идеологизированных, жестко централизованных, нединамичных, авторитарных и тоталитарных обществ. Он характеризуется развитой системой неюридических регуляторов поведения и устойчивой закреплённостью социальных ролей. Отождествляет общество с государством и рассматривает его как средство реализации некой идеи, символом которой является вождь (от панисламизма до мирового коммунизма). Закон строится по разрешающему типу (запрещено все, что не разрешено вождем). Нормативы политического поведения создаются иерархией идеологических авторитетов, среди которых высший – вождь, власть которого безгранична и бесконтрольна.

Для вождизма типичны иррациональные моменты восприятия политических отношений носителями обыденного сознания. Среди них – харизматизация и атрибутизация вождя, который наделяется необыкновенными способностями (например, знание будущего). По-

сле смерти вождь канонизируется, наследники действуют его именем. Внешние проявления вождизма:

– клиентелизм (стремление иметь людей – клиентов, – находящихся под патронажем лидера);

– непотизм (от лат. nepotis – внук, потомок) – замещение по протекции доходных мест или видных должностей родственниками, «своими людьми», кумовство);

– трайбализм (от англ. tribe – племя, земляческие связи) как система власти. Политическая система функционирует как иерархия властных кланов-клик с отношениями клиент-патрон.

С одной стороны, вождизм – тип властных отношений, основанный на личной преданности персоне, обладающей верховной властью. С другой стороны, это властный институт, свойственный патриархально-родовым обществам, основанный на личном господстве военного или религиозного предводителя. Как тип власти, ныне вождизм особенно характерен для обществ так называемого «исламского типа», в которых право и экономика подчинены идеологии, требующей обязательного участия всего населения в деятельности, направленной на достижение целей, стоящих перед обществом. Вождизму свойственно активное использование иррациональных моментов.

Вождизм развивается в виде бесконтрольного, тотального господства за счет эксплуатации наиболее примитивных архетипов массового сознания. Его структура заполнена стереотипами, выполняющими регулятивные и идеологически-ориентированные функции. Это обеспечивает устойчивость вождизма как политического строя – хотя преемники вождя могут часто меняться: помогает складывающийся при вождизме мощный, централизованный аппарат власти. Массовое сознание в таких обществах поддерживает вождизм. Опираясь на пietet перед властью, гражданский конформизм, политическую суперлояльность, отсутствие осознанной дифференциации политических интересов и согласие с жесткой регламентированностью частной жизни, индивидуальное сознание граждан находится в зачаточном состоянии. Все это отличает вождизм от лидерства, опирающегося на осознанные гражданами интересы.

Лидерство и вождизм психологически различны. Возьмем процесс восприятия информации. В принципе, использование тех или иных механизмов восприятия для создания удобных политических установок свойственно каждой власти. Однако в отношениях

«вождь – последователи» используются прежде всего нерефлексивные представления о власти и свободе. Они базируются на традиции и служат идеальной основой, на которой строится более или менее упорядоченное множество политических лозунгов с центральной идеей неравных прав на власть (и перед властью) уже от рождения. Вождь не допускает самостоятельных размышлений последователей – они могут вести к сомнениям в его власти. Лидер, напротив, не может существовать без сознательной поддержки своей программы ведомыми. Он не заинтересован в вытеснении рефлексивных представлений и позитивных знаний – ведь неадекватность возникающего нерефлексивного образа будет служить препятствием в решении практических задач.

Вроде бы простые различия в восприятии и порождают более сложные отличия. Еще один пример. Вождь опирается на поддержку населением исключительно его личности. Лидер стремится опираться на поддержку его программы. Вождь стремится к тому, чтобы его любили. Лидеру важнее, чтобы его понимали. Примеров такого рода множество.

Лидерство и вождизм существуют в разных условиях. Отношения «вождь-последователи» обычно опираются на централизованную и слаборазвитую экономику. Однако они возможны и в развитых государствах, в ситуации общенациональных кризисов, сопровождающихся распадом системы нормативных представлений. Во всех остальных случаях развитое общество, давно отказавшись от традиционных вождей, предпочитает осознанно подчиняться лидерам.

Вождизм не всегда возможен в чистом виде, однако он всегда требует личной преданности вождю, идеалу, атрибутизации и харизматизации фигуры вождя. Проблема соотношения понятий «лидер» и «вождь» оборачивается проблемой критериев классификации, где содержательная дифференциация осуществлялась бы с соблюдением формальных условий.

Ю.Е. Милованов предлагает матрицу, по которой можно привести типологизации, классификацию и сравнение лидеров и вождей. В основу положена схема из четырех элементов. Во-первых, это функции лидерства (вождизма) в конкретной системе власти. Во-вторых, «сверхзадача», то есть общественное назначение института, выраженное в определенных принципах (к примеру, система сдержек и противовесов). В-третьих, место и роль в системе власти. Наконец, в-четвертых, субъективные представления лидера (вождя) и его очуждения о целях и задачах деятельности (рис. 6.1).

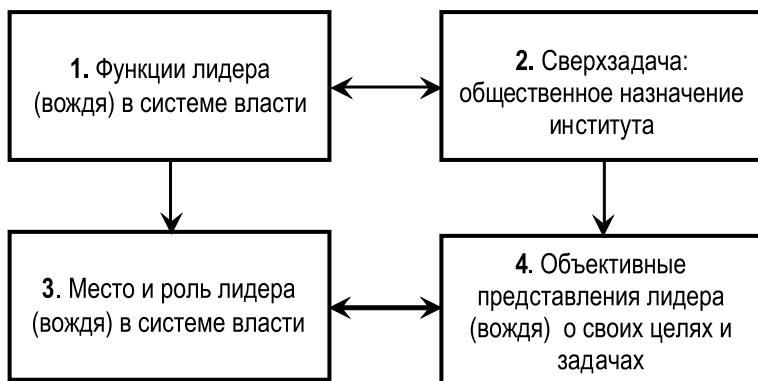

Рис. 6.1. Матрица Ю.Е. Милованова

Между первым и вторым элементами существуют жесткая прямая и обратная связь и такое соответствие, когда изменение первого элемента приводит к соответствующему изменению второго, и наоборот. Между третьим и четвертым – прямая и обратная связь: изменение сущностной характеристики третьего приводит к изменению характеристики четвертого. Между первым и третьим – векторная, однонаправленная связь: изменение первого влечет за собой изменение третьего и, соответственно, второй элемент изменяет четвертый. Наконец, между первым и четвертым, а также между вторым и третьим элементами существует опосредованная связь (или связь второстепенных признаков). В зависимости от уровня лидерства, содержание связи между первым и четвертым, то есть всеми элементами структуры, будет различным, однако характер их остается неизменным, как не меняется и соотношение элементов по значимости между собой [137].

Эта схема может быть использована в качестве классификационной матрицы в зависимости от того, какой из элементов кладется в основание системы отсчета. Так, например, типологизацию можно осуществлять, взяв за основу пару «функция-сверхзадача», если целью является анализ институтов власти. Так же осуществима классификация в зависимости от целей, которые ставит перед собой политик, если анализируется идеология политических сообществ. К сожалению, однако, почти все подходы, построенные таким образом (классификации по функциям и целям) имеют в качестве

недостатков одномерность, взаимоисключение и невозможность сравнения с другими подходами. Впрочем, это общий упрек, который можно отнести практически ко всем современным отечественным исследованиям в данной сфере.

6.5. Психология политической элиты

Когда у человека нет работы,
он на многое способен

Станислав Ежи Лец

Человеческие сообщества весьма разнородны. В то же время, каждое из них представляет собой сочетание уникальных особенностей. Те сообщества, которые составляют определенные группы, существенно отличающиеся от других, которые образуют целый слой политически активных людей, и есть элита. Это социальный слой, который со временем, так или иначе, становится лидирующим (правлящим, руководящим) для данного общества. Поэтому элиту часто именуют «правлящим», «руководящим», «рулящим классом» (от английского «ruling class»). Понятие «правлящий класс» впервые было введено югославским исследователем М. Джиласом для обозначения бюрократической номенклатуры советского общества сталинского образца.

Под элитой понимают меньшую часть общества, которая не просто наделена особенными психологическими, социальными, политическими и иными качествами, но и владеет определенными ценностями и приоритетами (власть, культура, богатство, компетентность, воля и пр.); занимает господствующие или влиятельнейшие позиции в общественной иерархии; способна осуществлять позитивные преобразования в обществе, воздействовать на сознание и поведение сограждан.

Понятие «элита» происходит от латинского *eligere* и французского *elite*, что означает лучшее, отборное, избранное. Начиная с XVII века, это понятие употребляется для обозначения товаров наивысшего качества. С XIX века применяется к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. В социально-политических науках термин получил распространение в XX веке. В «Словаре иностранных слов» [210] термин «элита» трактуется также как

«наиболее заметные представители общества, обеспечивающие его культурный, научный и нравственный потенциал».

Тема элиты пока еще не стала предметом серьезного изучения в психологии вообще и в политической психологии в частности. При этом в общественных науках (политология, социология, философия и др.), а также на уровне общественного сознания интерес к элитам давно стал реальностью, что позволило даже сформировать такое направление, как элитология [18].

Кроме того, существует проблема различения лидерства и элиты. В этой связи важным становится вопрос, поставленный В.П. Демидовым: чем элитарность отличается от родственного ей феномена лидерства? В.П. Демидов рассматривает случаи, когда «один или несколько лидеров, теряя лидерский статус, приобретают качество члена элиты» (например, коммунисты–лидеры рабочего движения после победы социалистической революции во многих странах часто превращались в новую элиту», одновременно переставая быть подлинными лидерами). «Таким образом, элитарность по своей сущности значительнее, чем лидерство, – пишет В.П. Демидов. – Если элитарность есть, то она может уничтожить, растворить в себе статус лидера, но не наоборот» [64].

«Элита» – центральное понятие так называемых элитарных теорий общественно-политического развития, считающих, что любая социальная структура включает высший, привилегированный слой или слои, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры (творческие функции), и остальную массу населения, выполняющую нетворческие, репродуктивные функции. Предтечами современных теорий элит были Платон, Аристотель, Т. Карлейль, Ф. Ницше и др.

Например, известно, что Платон и Аристотель довольно резко выступали против демократии, не очень-то доверяя способности к разумному участию в делах управления обществом широких масс. Люди, согласно представлениям Платона о строении души, делятся на правителей, философов, где воплощается разумная часть души; воинов-стражей, призванных охранять порядок (аффективная часть души); трудящиеся массы – рабов, от которых требуется лишь соблюдать установленные законы, быть трудолюбивыми и подчиняться (вождедеющая часть души).

В качестве относительно целостной системы взглядов, теории элиты были сформулированы на рубеже XIX–XX веков такими

авторами как В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс и др. Общая суть теорий элит заключалась в том, что они пытались свести все политические процессы к взаимодействию элит. Тогда понятие элиты становилось самодостаточным, и подменяло все прочие (типа классов, групп и т.д.). Как писали американские исследователи: «Если «Манифест коммунистической партии» провозглашает, что история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитаристов заключается в том, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы элит» [280].

Определения элиты в разных концепциях достаточно неоднозначны.

Г. Моска в конце XIX века в своей работе «Правящий класс», отмечал, что элита – это наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть – «организованное меньшинство общества». Это – верхушка правящего класса (класса капиталистов). Основные позиции Г. Моски:

- имеется простое различие между политическими господствующими классами и массой;
- характер правящего класса определяется политической структурой и уровнем развития данного общества;
- во все времена были те, кто правит, и те, кем управляют;
- правящий класс сам состоит из различных групп, то есть элита неоднородна.

В. Парето в 1916 году в «Трактате по общей социологии» сформулировал теорию кругооборота элит. Элитой он называл людей, получивших «наивысший индекс» в сфере своей деятельности. Достижения индивидов определяют их статус в обществе. В основе социальной иерархии всегда лежит конкуренция способностей индивидов. В кратком виде его представления об элите и ее месте в обществе можно свести к тому, что все население делится на два слоя: нижний слой, непричастный к элите, и высший слой – элита. Сама элита включает в себя правящую элиту и не правящую элиту. Это – два типа элит, которые, согласно теории кругооборота элит, постоянно сменяют друг друга. Первый тип – «львы», для них характерен консерватизм, грубое, силовое давление на других, желание всеми руководить. Другой тип – «лисицы» – мастера обмана, интриги, ведения политики и политических дел путем манипуляций, хитро-

стей и т.п. По сути – это парафраз знаменитого противопоставления львов и лисиц у Н. Макиавелли.

Общество стабильное, динамичное в большей мере потребует «львов», нестабильное, медлительное – элиты прагматичной, способной мыслить, то есть «лисиц». Однако общество «львов»-ретроградов застойное, в то время как общество «лисиц»-хитрецов динамичнее, способно развиваться. А поэтому в действительности необходимо полное равновесие – наличие в элите и «львов» и «лисиц». В процессе же развития общества оба типа элит, как уже отмечалось, постоянно сменяют друг друга. Циркуляция элит – основной аспект того, что В. Парето называет общим строением общества. Критерии, согласно которым формируется представление об элите, подчинены изменениям в мировоззрении общества и общественной оценке тех или иных качеств, талантов, особенностей. От этого зависят также и признаки, по которым можно быть причисленным к элите.

Х. Ортега-и-Гассет подразумевал под элитой людей, обладающих «наивысшим чувством ответственности» и «нравственной дисциплиной». Люди, обладающие такими качествами, и есть подлинная элита, аристократы данного общества [159].

Р. Миллс в работе «Властвующая элита» (1959) писал, что элита – это люди, обладающие властью [136]. Схема распределения элиты в представлении Р. Миллса выглядит следующим образом:

А – руководители основных социальных институтов общества (политики, военные, бизнесмены);

В – «среднее звено власти» (отражают интересы менее могущественных групп);

С – «масса» (неорганизованное большинство – не имеет власти).

Важнейшими характеристиками «властвующей элиты» являются:

1) совпадение объективных интересов экономических, военных и политических кругов;

2) сходство происхождения и общественного положения; возможность перехода из одной сферы в другую на руководящие посты в конкретных иерархиях;

3) всеобъемлющее влияние, оказываемое людьми, которые являются профессиональными организаторами крупного размаха, свободными от демократических традиций и получившими выучку в политических партиях.

Образованию элиты способствуют:

- низведение профессиональных партийно-политических деятелей на уровень средних звеньев власти;
- тупик законодательства (как результат столкновений различных местных интересов);
- отсутствие политически нейтрального гражданского аппарата (как источника идей и административного опыта);
- все увеличивающаяся секретность при принятии важнейших решений [136].

Коротко еще о нескольких точках зрения на понимание элиты. Г. Лассуэлл относил к элите людей, пользующихся в обществе наибольшим престижем, богатством и статусом. А. Этциони имел в виду людей, обладающих «позициями власти». Т. Дай называл элитой лиц, обладающих формальной властью в организациях и политических институтах, чем и определяющих социальную жизнь. Л. Фройнд – «боговдохновенных личностей», обладающих харизмой. А. Тойнби – «творческое меньшинство» общества, в противоположность «нетворческому большинству», то есть сравнительно небольшие группы, состоящие из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества. Соответственно, он подразделял элиты: политическую, экономическую, культурную и др.

Политическая элита – это те самые «гладиаторы», о которых Л.В. Милбрайт писал: «...Это люди, особенно хорошо подготовленные для того, чтобы управлять окружающими. Они чувствуют свою компетентность, знают себя и доверяют своим знаниям и способностям, их «я» достаточно сильно, чтобы выдерживать удары, они не отягощены грузом сомнений и внутренних конфликтов, умеют контролировать свои импульсы, они сообразительны, общительны, склонны проявлять свою индивидуальность, ответственны. Хотя у них может появиться желание доминировать над другими и манипулировать ими, но такие склонности не проявляются у них сильнее, чем у людей, выступающих в других ролях. Гладиаторы способны добиться славы в политической борьбе, и достаточно уверены в себе, чтобы выдерживать хитросплетения партийной политики. Политическая жизнь далеко не гостеприимное место для индивидов, неуверенных в себе, робких и замкнутых, для людей, не обладающих сильной верой в свои возможности успешно справляться с собственным окружением» [277].

Как видим, существуют самые различные, порой противоречивые точки зрения на понимание сущности элиты и ее роли в обществе. Нетрудно также заметить, что практически все они представлены в рамках политологии, социологии, философии, других социальных наук и по существу не касаются психологической оценки такого явления как политическая элита.

По оценке В.Д. Ольшанского, наиболее удачной с политико-психологической точки зрения представляется понимание политической элиты, предложенное Дж. Хигли. По мнению последнего, главное заключается не в постах и должностях, занимаемых людьми, относимыми к элите. Ее сущность – возможность влиять на принятие политических решений, даже не занимая таких формальных постов, и критиковать правящий режим, не особо опасаясь при этом преследований. То есть, это неформальный слой членов общества, обладающих таким авторитетом, который вынуждает власти считаться с их мнением даже тогда, когда это мнение противоречит позициям властей. В этом смысле, элита – не то же самое, что «рулящий класс». В последний попадают, выдвигаясь на те или иные посты, занимая некоторые формальные позиции, прежде всего, в бюрократической иерархии. В элиту же, как считает Дж. Хигли, попадают на основании личных достоинств, неформальных связей и лидерских качеств, проявляющихся в социально-политически значимых сферах. Образно говоря, «правящий класс» – это иерархия «кресел», тогда как элита – это собрание имен.

В значительной степени, принадлежность к элите определяется не столько общественным признанием, сколько основанным на таком признании личном самоощущении входящих в элиту людей. Это своего рода «кадровый резерв» политических лидеров для общества (или «политический отстойник»). Формально, элите противостоит «контрэлита» (лидеры оппозиционных движений), хотя психологически между ними существует немало общего, что периодически может порождать миграционные процессы, когда те или иные персоны перемещаются из элиты в контрэлиту и наоборот.

Представителей элиты в таком понимании характеризует высокий уровень личной политической культуры, глобальность восприятия и оценок происходящего, способность к быстрому и глубокому осмыслению, включая предвидение последствий, динамизм политического поведения, а также развитое чувство ответственности за

происходящее в социально-политической сфере. Как правило, элита подчеркнута «личностна» и не «индивидуалистична», ей свойственен корпоративный дух, хотя, одновременно, присущи и достаточно выраженные, а подчас просто жесткие межличностные конкурентные отношения. Каждый отдельный представитель элиты – реальный или потенциальный лидер, однако всех их соединяет понимание того, что собственный лидерский потенциал можно реализовать только при общем сохранении определенных «правил игры» и, главное, существующей социально-политической системы в целом. Элита – это, в определенной степени, неформальный коллективный лидер общества и его политического строя [154].

Под политической элитой следует понимать относительно небольшую совокупность лиц, обладающих значительным влиянием на формирование и реализацию политики в стране, значительной политической властью и привилегированным положением в обществе.

Основными объективными условиями существования политической элиты являются:

- наличие психологических и социальных особенностей, способностей, возможностей и желания принимать участие в политике, что отличает людей, делает их непохожими друг на друга;
- существование в каждом обществе разделения труда, что в свою очередь требует профессионального управления;
- важное значение управленческого труда, его социальное признание и соответствующее стимулирование;
- использование управленческой деятельности для приобретения определенных социальных льгот (часто такая деятельность связана непосредственно с распределением социальных льгот);
- наличие большого количества граждан, интересы которых находятся за пределами политики и которые ею совершенно не желают заниматься.

Если в зарубежной науке, наиболее удачной с точки зрения психологического анализа представляется (по мнению, В.Д. Ольшанского) понимание политической элиты, предложенное Дж. Хигли, то в отечественной психологии, на наш взгляд, заслуживает внимания психологическая концепция элит Н.Б. Карабущенко.

Прежде всего, Н.Б. Карабущенко проанализировала имеющиеся в зарубежной психологии представления об элите и дифференцировала их существенные признаки (см. табл. 6.3).

Таблица 6.3

Дифференциация элитологических представлений
в зарубежной психологии

Направления зарубежной психологии	Признаки	
	Сущностные особенности элиты	Особенности процесса элитизации
Необихевиоризм	Поведенческая составляющая («эффективная личность», способная решать жизненные проблемы и действовать адекватно)	Элитизация напрямую связана со способностью личности действовать эффективно, принимать правильные решения
Фрейдизм	Бессознательная составляющая: потребность в лидерстве обуславливается сексуальными влечениями, стремлением к власти	Процесс элитизации осуществляется посредством преодоления сексуальной потребности
Неофрейдизм	Подчеркивается значение самости, личностной идентификации и «продуктивной ориентации»	«Продуктивная ориентация» способствует активизации процесса элитизации. Благодаря этому человек через индивидуальную активность обогащает свой внутренний мир
Гештальт-психология	Потребностно-мотивационная составляющая, отражающая представления о том, что все виды власти основаны на мотивации	Побуждающим фактором элитизации является «мотив власти»
Гуманистическая психология	Индивид способен достичь вершины человеческого потенциала, раскрыть свои таланты и способности	«Самоактуализация» является одной из ступеней процесса элитизации
Экзистенциализм	Смыслообразующая составляющая раскрывается через сущность «человеческого существования», в основе которого духовность, ответственность, свобода	Процесс элитизации сопряжен с поиском смысла жизни, со способностью человека выходить за «пределы собственного существования» («трансценденция»)

Анализируя представления отечественных ученых, Н.Б. Карабущенко заметила, что в сложившихся в нашей стране подходах отражены отдельные элитопсихологические идеи, раскрывающие уровень интеллекта личности (П.П. Блонский), неординарность мышления, способного подмечать необычное в жизни и приводить его в движение (Л.С. Выготский), сущность общей одаренности (С.Л. Рубинштейн), отражающие развитие специальных способностей и познавательной активности в деятельности, которая способствует формированию личностного смысла, побуждающего человека к самосовершенствованию (А.Н. Леонтьев), выявляющие специфику интегрального изучения индивидуальности, с целью выявления специфических особенностей, позволяющих ей достичь вершины в развитии элитного качества и персонифицироваться (А.В. Петровский, Б.М. Теплов и др.), а также отражающие различные аспекты акме зрелой личности (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач). Наряду с этим, элитологические представления выражаются в сущности нравственного развития и совершенствования личности, высоком уровне проявления нравственных качеств (А.Л. Журавлев, А.В. Иващенко, А.Б. Купрейченко) [85]. Дифференциация элитологических взглядов в российской психологии, предложенная Н.Б. Карабущенко, отражена в табл. 6.4.

При всей смелости вышеуказанных трактовок зарубежных и отечественных подходов в контексте психологического понимания элит, следует все же признать, что перед нами практически первая серьезная попытка концептуального рассмотрения элит именно с психологической (а не философской, политологической, социологической и т.п.) точки зрения.

В качестве сущностных признаков феномена «элита» в данной концепции названы:

- социально-психологический, отражающий высокий социальный статус личности, характер ее влияния, авторитетность, востребованность социумом, уровень достижений, степень обладания властными полномочиями;

- управленческий, отражающий умение и готовность личности принимать важнейшие стратегические и тактические решения, успешно выполнять социально значимые функции для эффективности деятельности в конкретной сфере;

- профессиональный, раскрывающий высокий уровень образования, профессионального знания и опыта;

- мировоззренческий, включающий необходимые знания религиозных, расовых, национальных, культурных особенностей;
- личностно-действенный, отражающий характер мотивированности личности на элита-ориентированную деятельность и успешности ее самореализации в определенных сферах жизнедеятельности общества;

Таблица 6.4

Дифференциация элитологических представлений
в отечественной психологии

Подходы современной отечественной психологии	Признаки	
	Сущностные особенности элиты	Особенности процесса элитизации
Педологический	Уровень интеллекта (IQ) человека	Совершенствование интеллектуальных способностей – путь элитизации
Культурно-исторический	Ведущая роль отводится развитию высших психических функций, рассматриваются не «глубины», а «вершины» человека..., знаково-речевой аспект	Процесс элитизации личности зависит от мотивирующей сферы сознания, от ее направленности
Мотивационно-деятельностный	Психика изучается через проявление ее в деятельности.	Через деятельность осуществляется развитие и элитизация.
Индивидуально-психологический	Подчеркивается ведущее значение умственной деятельности..., эмоционально-волевой составляющей..., достоинств личности, ее способностей..., метаиндивидуальной структуры («духовные вклады») и пр.	Процесс элитизации включает в себя достижение профессиональных, творческих, духовных высот

- аксиологический, выявляющий ценностно-ориентационную направленность личности в конкретной сфере деятельности;
- нравственно-волевой, раскрывающий высокий уровень развития нравственно-волевых качеств и специфичных элитных качеств, характерных для представителей определенного типа элиты.

Разработав теоретическую модель психологии элит, Н.Б. Карабу-ценко включила в нее ряд компонентов:

– содержательно-критериальный компонент (социально-психологическая, потребностно-мотивационная, эмоционально-волевая и интеллектуально-креативностная зрелость), отражающий интеграцию представлений о том, какой должна быть элитная личность, раскрывающий сущность социально-психологической категории «элитности»;

– структурно-функциональные (образовательно-развивающая, созидательно-преобразовательная, духовно-нравственная, культурно-этическая, управленческая и социально-экономическая) и социально-психологические функции (подчиненности общественным обязанностям, функцию ответственного отношения ко всему происходящему, влияния элиты на исторические процессы и события, прогностическую, созидательную и преобразующую, гуманистическую, стабилизирующую, интегративную, стратегическую);

– процессуально-формирующий компонент, отражающий сущность процесса элитизации личности, включающего ряд этапов: интеграции знаний, умений и навыков; самообразование; продуктивное творчество; самосовершенствование; развитие профессионализма; персонализация.

В рамках политической психологии остается практически нерешенной проблема типологии элит. Даже если в качестве примера взять учебник Н.Ф. Головатого «Политическая психология» (2009), то типологизацию политической элиты здесь вряд ли можно отнести к имеющей политико-психологические основания. Так, Н.Ф. Головатый выделяет следующие типы элит: правительственную элиту; чиновничество; парламентарии; имущественные кланы и их представителей; партийных руководителей, лидеров; высших военных руководителей; неформальных лидеров.

Кроме этого политическую элиту подразделяют на правящую, оппозиционную, высшую и др. Правящая политическая элита непосредственно имеет власть, владеет ею. Оппозиционная политическая элита (контрэлита) противостоит правящей. Высшая политическая элита, имея для этого возможности, принимает важнейшие судьбоносные для общества решения. Следовательно, объективно именно она оказывает решающее влияние на социально-политические отношения в стране. Правящая и высшая элита – в определенной мере синонимы.

6.6. Политическая элита в России

То, что прошло сквозь сито, вряд ли элита.

Станислав Ежи Лец

Процесс формирования политической элиты в отечественной истории и ее функционирование в современной России – проблема особая.

До отмены крепостного права в России элита рекрутировалась в основном из дворянства. Разумеется, в высшие эшелоны иногда проникали и разночинцы, то есть выходцы из городского и сельского населения, но это случалось нечасто. После отмены крепостного права элита стала преобразоваться. К началу прошлого века сложился целый слой политических деятелей, деловых людей, ученых, военных, деятелей культуры, которые не могли похвастаться аристократическим происхождением. Но именно эти выходцы из нижних слоев (или их потомков) стали определять облик России на стыке XIX–XX веков. Нет необходимости специально подчеркивать ту трансформацию элиты, которая произошла в связи с октябрьской революцией 1917 года. В России были ликвидированы сословные различия. В политическую, экономическую, культурную жизнь вовлеклись широкие слои населения, которым прежде этот путь был заказан. В то же время формирование элиты оказалось под жестким контролем, который осуществлялся правящей партией.

Постепенно в советском обществе сформировалась номенклатура. В рамках партии сложился монополистический привилегированный слой советской власти. Со временем он укрепил и узаконил свое положение. Номенклатура отгородила себя не только от народа, но и от всего мира. Даже внутри ее была построена иерархия чинов и социальных барьеров [63].

М. Джилас в предисловии к книге М.С. Восленского «Номенклатура» отметил, что с самого своего возникновения советская система проявила враждебность к «чуждым» социальным группам внутри собственного общества и к внешнему миру, к любой другой системе. Советская бюрократия отвергает все, что расходится с ее идеологией, притязаниями... Она рассматривает окружающий мир как враждебную ей силу. Цель такой системы – власть, господство над другими. Этому и посвятили себя ее руководители – партийные олигархи.

Прогнозируя будущее номенклатуры, М.С. Восленский предрекает перерастание диктатуры номенклатуры в посленоменклатурный строй, то есть в либерализацию политического режима, обусловленную рыночной системой хозяйства. В то же время он выражает беспокойство по поводу того, не станет ли в России после ухода номенклатуры еще хуже – гражданская война, анархия, терроризм, хаос и отчаяние и в итоге – новая номенклатура? Не станут ли люди с ностальгией вспоминать о временах правления советской партийной номенклатуры?

В конечном итоге М.С. Восленский приходит к убеждению, что рано или поздно в России все же произойдет смена элит, к власти придут новые люди, отличающиеся социальной и экономической компетентностью и ответственностью.

Ожидания эти, однако, не оправдались. Номенклатура лишь временно сдала [44] свои позиции. Но тут же обнаружилось, что в России нет специалистов, профессиональных менеджеров, способных и готовых взять на себя ответственность за судьбы страны. Поэтому то и оказался востребованным опыт бывших партийных чиновников.

С начала 1990-х годов в стране поспешно и незаконно стала осуществляться приватизация государственной собственности. Попытая права и интересы народа, по сути криминальным путем, бывшие чиновники от партии завладели собственностью, превратились в новоявленных коммерсантов, возглавив промышленные, финансовые и другие структуры. При этом преследовалась главная цель – сохранить власть прежней элиты. Таким образом, в 1990-х годах в России произошла реконструкция европейской модели элитообразования, но не современной Европы, а феодальной, ибо для сегодняшнего Запада характерно сохранение автономии государства по отношению к кланово-корпоративным структурам.

Характеризуя психологические особенности политической элиты современной России, Н.Б. Карабущенко обращает особое внимание на ее содержательно-критериальные, структурно-функциональные и процессуально-формирующие особенности.

К психологическим содержательно-критериальным особенностям отнесены:

– интеллектуально-креативная зрелость. Она характеризуется недостатком знаний и умений, отсутствием нового мышления в новых условиях, исполнительностью представителей элиты;

– социально-психологическая особенность, выявляющая степень обладания властью и капиталом;

– потребностно-мотивационная особенность, отражающая характер доминирования кланово-эгоистических ориентаций, определяющих стратегию удержания власти и сохранения политического статус-кво в ущерб ценностям развития и созидания.

Структурно-функциональные особенности:

– культурно-этическая особенность, отражающая низкий уровень политической и правовой культуры демократического типа;

– социально-экономическая особенность, раскрывающая приверженность политических элит программно-целевым методам, ориентированным на ближнюю и среднюю перспективу, опору на административные методы и ресурсы (сближает с номенклатурными элитами).

Процессуально-формирующие особенности:

общие:

– профессионализм, как высшая степень совершенства в определенном виде деятельности, самый высокий уровень мастерства, соединенный с социальной (гражданской) и нравственной зрелостью и общей культурой того или иного социального слоя или индивида;

– стремление к получению престижного высшего образования, повышению квалификации, получению дополнительного высшего образования, повышению профессионального уровня, самообразованию;

специфичные:

– вхождение в элиту за счет протекционизма и трайбализма («тейпизма»);

– формирование политической элиты осуществляется за счет возможности конверсии и реконверсии различных видов капитала.

Психологический анализ особенностей российской элиты позволил Н.Б. Карабущенко составить психологические портреты субъектов региональных политических элит. Портреты эти оказались крайне невыразительными и противоречивыми. «Вялость» субъектов региональных элит обусловлена в первую очередь искусственностью самих политиков, а именно тем, что они слишком часто, бездумно и без меры прибегают к услугам PR-технологий, которые работают по принципу «кривого зеркала» – они приукрашивают то, что нуждается в улучшении, и скрывают «достоинства», когда этого требует политический интерес (конъюнктура). Именно из-за этого процесса искривления политического пространства истинная психологическая ткань извращается, становится неузнаваемой.

Психология современных нам региональных элит не отличается стабильностью, поскольку налицо явное несоответствие личных достоинств и официального статуса. Для улучшения своего имиджа субъекты элит откровенно прибегают к использованию административного ресурса и практически никак не используют качество профессионального образования. Они характеризуются полным или частичным отсутствием теоретического мышления и преобладанием мышления наглядно-действенного и наглядно-образного. Это, в свою очередь, указывает на доминирование обыденного уровня сознания (или полный пассив) в практике приобретенных в ходе специального образования профессиональных знаний. «Из этого нетрудно предположить, какие виды памяти, восприятия, ощущения и внимания наличествуют у таких индивидуумов властных отношений. В действиях субъектов власти обнаруживаются нервозность и нестабильность, вызванные неровными отношениями с федеральной властью...

Одной из главных черт современной политической элиты является ее эгоизм. При этом отмечается весьма посредственное (слабо выраженное) проявление самого Ego («Я») субъекта элиты. Повидимому, преобладание эгоистических (отрицательных) наклонностей есть своего рода компенсация (замена) слабо развитого Ego (как личных достоинств) их «персон». При сложившейся ситуации говорить о субъектах элиты как о личностях не представляется возможным. Перед нами находящиеся в процессе своего становления индивидуальности, которым еще предстоит в будущем стать личностями (самодостаточными достоинствами). У Ego субъекта элиты практически отсутствует тяга к творчеству. Перед нами нетворческие индивидуальности, привыкшие мыслить и действовать шаблонно, согласно ранее утвержденным партийно-административным циркулярам. Ожидать от таких субъектов элиты творческой инициативы не приходится. Все это дает нам повод говорить об общем упадке творческого импульса среди региональной ... политической элиты России. Авторитаризм в наименьшей степени способствует развитию такого импульса. Что касается современной политической эпохи, то о ней можно сказать, что «русский витязь» (субъект элиты) вновь находится на распутье своего политического развития...» [84].

Таким образом, современной российской политической элите присущи: преобладание кланово-эгоистических ориентаций и част-

ных мотивов; осознание элитой важности проблемы социальной безопасности, решаемой посредством привлечения административного и силового ресурса; низкий уровень политической и правовой культуры; утрата стратегической перспективы; протекционизм и трайбализм как способы вхождения в элиту.

Все это позволяет говорить о том, что процесс формирования российской элиты еще не завершился. Она не обладает такими необходимыми правящей элите свойствами, как относительная сплоченность, целостность и единство. У большинства составляющих ее групп отсутствует сколько-нибудь широкая социальная база, усиливается тенденция к закрытости российской элиты.

Очевидно, что процесс элитообразования в российском обществе идет далеко не просто и безболезненно. Как и когда он обретет адекватную направленность и результативность, способствующую всестороннему развитию в нашей стране полноценного гражданского общества, предсказать невозможно. В конечном итоге, нельзя не согласиться со словами В.И. Вернадского, что все решает человеческая личность, а не коллектив, элита страны, а не ее демос, и в значительной мере ее возрождение зависит от неизвестных нам законов появления больших личностей.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. В чем различие и взаимосвязь понятий «лидер» и «лидерство»?
2. Какие условия и почему способствуют появлению ярких политических лидеров крупного масштаба?
3. Что такое авторитет в политике? Как соотносятся авторитет и политическое лидерство?
4. Каковы наиболее типичные черты политического лидера?
5. В чем проблема морального фактора при политико-психологическом анализе политического лидерства?
6. Какими профессиональными качествами, на Ваш взгляд, прежде всего должен обладать политический лидер?
7. Какое место в психологии политического лидера занимают индивидуальные нормы и ценности?
8. В чем заключаются функции политического лидерства?
9. Сохраняют ли, на Ваш взгляд, свою актуальность теории «героев» и «теории лидерских черт»?

10. В чем заключается сущность психопатологической теории лидерства Г. Лассуэлла?

11. Насколько, по Вашему мнению, теория президентов Дж. Барбера полезна для политико-психологического анализа лидерства в кросс-культурных исследованиях?

12. Каковы функции «трансформационного» и «трансдейственного» типов политического лидерства?

13. Какая типология политического лидерства, по Вашему мнению, наиболее отвечает требованиям политико-психологического анализа?

14. Какими параметрами определяются параноидальный, демонстративный, компульсивный, депрессивный и шизоидный стили политического лидера?

15. Почему смена типа политического лидерства оказывается наиболее типичной в переходные периоды развития общества, государства?

16. Каковы особенности политико-психологической характеристики российской элиты в отличие от элит западных стран?

17. Согласны ли Вы с утверждением, что главной чертой современной политической элиты является ее эгоизм?

Глава 7.

ПСИХОЛОГИЯ МАЛЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

*Понимание малой группы в политической психологии.
Типология малых групп в политике. Формирование малых групп
в политике. Группа и команда в политике. Лидер и группа.*

Политика — не мое. Подозреваю, однако,
что она считает меня своей собственностью.

Станислав Ежи Лец

7.1. Понимание малой группы в политической психологии

Как в политической психологии, так и в современной социальной психологии малые группы занимают особое место. На протяжении почти ста лет исследователи многократно обращались к определению понятия «малая группа», сформулировав при этом огромное число самых разнообразных, порой противоречивых по смыслу определений. Каждый из авторов того или иного определения шел, естественно, от собственного понимания малой группы.

Основная проблема в понимании данного феномена заключается в ответе на вопрос, каковы признаки и границы малой группы.

Признаки группы:

- 1) определенный способ взаимодействия между ее членами;
- 2) членство, чувство принадлежности к данной группе;
- 3) адекватность, то есть осознание себя членами группы как «Мы», а других — как «Они» (Р.Л. Кричевский).

Что касается нижней границы, то большинство авторов полагают, что малая группа может «начинаться» с диады или триады, то есть нижний порог такой группы — 2–3 человека. Если обратиться к практике исследований вопроса о «верхнем» пределе малой группы, то здесь встречаются цифры 10, 15, 20, иногда 30–40 человек (у Морено, например, где речь идет о школьных классах).

Г.М. Андреева считает, что поскольку изучаемая малая группа должна быть прежде всего реально существующей группой, и если

она рассматривается как субъект деятельности, то логично не устанавливать какой-то жесткий «верхний» предел ее, а принимать за таковой реально существующий, данный размер, продиктованный потребностью совместной групповой деятельности. Иными словами, если группа задана в системе общественных отношений в каком-то конкретном размере и если он достаточен для выполнения конкретной деятельности, то именно этот предел и можно принять в исследовании как «верхний» [9].

Для Д.В. Ольшанского основным операциональным критерием определения группы как «малой» является возможность регулярных контактов между всеми членами группы, или, по крайней мере, каждого члена группы со всеми, или с большинством членов группы.

Таким образом, основываясь на общих социально-психологических представлениях, малую группу с точки зрения политической психологии можно определить как реальную группу, существующую в системе общественно-политических отношений, как субъекта социально-политической деятельности, преследующего определенные политические цели и реализующего конкретные политические потребности.

7.2. Типология малых групп в политике

Существуют различные подходы к дифференциации малых групп, причем критерии их различения в политике могут быть самыми различными: цели существования, структура, функции, степень проницаемости, направленность и эффективность основных действий, уровень групповой сплоченности, способ принятия решений и др.

В современной литературе встречается совсем немного попыток классификации малых групп в политике. Еще меньше таких попыток носят собственно психологический, или политико-психологический характер. Полагаем уместным обратиться к наиболее удачной, на наш взгляд, типологии малых групп в политике, предложенной Д.В. Ольшанским. Его типология основывается на данных наблюдения, на изучении исторических и иных документов, на собственной профессиональной политико-психологической деятельности.

По своим собственным целям группы в политике делятся на *инструментальные* и *экспрессивные*, а также *функциональные* и *дисфункциональные*.

Инструментальные по целям группы ориентированы на достижение реальных политических целей – овладение властью, реализация

определенных программ, осуществление общественных и государственных преобразований. Экспрессивные по целям группы ориентированы на формирование благоприятного внутреннего психологического климата, на создание комфортной атмосферы для своего существования в политике. Примерами таких групп часто служат небольшие оппозиционные группировки, члены которых не ставят реальных целей овладения властью, однако получают удовлетворение от периодического выражения своих политических взглядов в тех или иных формах.

К функциональным относятся такие группы, которые подразумевают осуществление неких целевых социально-политических функций. Это группы, ориентированные на внедрение чего-то нового (например, различного рода движения за равные гражданские права – женщин, мужчин, национальных меньшинств и т.п.). Дисфункциональными считаются группы, ориентированные на нарушение каких-то функций, их отмену или редукцию. Они ориентированы на ликвидацию чего-то устоявшегося в социально-политическом устройстве (группы революционеров, или просто оппозиционеров, выступающие за полную или частичную отмену существующих в стабильном обществе порядков).

По структуре группы подразделяются на *формальные* и *неформальные*.

В формальных группах жестко извне задан статус всех ее членов. Права и обязанности каждого участника такой группы жестко формализованы и выражены в явной (устав, закон) или неявной (традиции, обычаи) форме. Классический пример формальных групп в современной политике – армия с ее жесткой иерархией отношений между начальниками и подчиненными. Главное в формальной группе – ее функциональная, инструментальная, целевая направленность, в которой чисто человеческий фактор отходит на задний план.

В неформальных группах статус членов и характер взаимоотношений между ними заданы чисто личными качествами и достоинствами друг друга. При отсутствии внешней регламентации отношений, основу общности такой группы составляют дружественные отношения, взаимные симпатии, общность взглядов, оценок, политических предпочтений. В отличие от формальной группы, членство в неформальной менее обязательно для ее членов – это своего рода «группы встреч», близкие к кружкам и клубам по интересам (в том

числе и к политическим клубам). Инструментальные, функциональные цели в таких группах обычно отходят на задний план.

По степени групповой сплоченности политические группы подразделяются на гомогенные и гетерогенные. Сплоченность обычно определяется степенью единства, уровнем общности трех базовых параметров – общности интересов, общности целей и единства действия. Естественно, чем выше общность интересов и целей, тем отчетливее единство действий.

По мнению Д.В. Ольшанского, высокие уровни групповой сплоченности в политике наиболее характерны для тоталитарных обществ, а также для групп, стремящихся к завоеванию и удержанию власти. Иная ситуация в развитом демократическом обществе с доминированием электоральных процедур. Здесь, как правило, созданы такие системы сдержек и противовесов, которые препятствуют возникновению слишком сплоченных и гомогенных групп. Избираемые электоратом многопартийные парламенты, устоявшиеся антимонопольные механизмы политического контроля и сама по себе психологическая атмосфера постоянной конкуренции интересов в демократических обществах препятствуют появлению и устойчивому функционированию таких групп как субъектов длительного политического действия. Однако здесь нельзя исключать сбоев в действии таких механизмов. XX век показал: диктатуры Франко в Испании, Салазара в Португалии, Пиночета в Чили, «черных полковников» в Греции, как и ряд других событий, стали примерами появления, развития и прихода к власти весьма сплоченных и гомогенных групп вроде бы в достаточно демократичных странах.

Наиболее буквальное определение сущности гомогенных сплоченных групп в политике пошло из испано-говорящих стран. Термин «хунта» в сочетании с определениями «правительственная», «военная», «правлящая» и т.п. буквально и означает «объединение», выполняющее функции временного правительства после военных переворотов и включает руководство вооруженных сил. Близким к этому является введенный Г. Диксом термин «клика». Политическая клика – это особая разновидность группы интересов, неформальное политическое объединение, ставящее своей целью захват государственной власти и установление контроля над ней путем использования нелегальных (тайная власть) и/или криминальных средств.

Исторически клики сложились в рамках монархий с нечеткими правилами престолонаследия. Претенденты создавали свои клики,

борьба между которыми носила ожесточенный характер. Интриги, сговоры, заговоры, политические убийства были обычными инструментами борьбы за власть. До сих пор клики – атрибут тоталитарных и авторитарных режимов.

Выделяются два типа клика. Первый тип – клика партнерского типа, союз равных по возможностям персон с чисто номинальным лидером. Захватывая власть, такая клика превращается в правящую олигархию, и в ней начинаются конфликты, что нередко ведет к расколу в группе. Второй тип – клика вассальского типа, с явным лидером-вождем, с которым остальные члены связаны определенными обязательствами. Если ее лидер тяготеет к автаркии, то после прихода к власти он трансформирует клику в клиентелу. Это особый, архаичный, хотя живучий тип аморфной неформальной патронажно-клиентской группы. Обычно состоит из двух-трех человек: «патрон» и «клиенты», каждый из которых является «патроном» для нижележащей клиентелы. За счет такой иерархической организации границы групп перекрываются и возникает тотально взаимозависимое, обычно коррумпированное пространство власти. Такие группы, с одной стороны, были типичными для полупатриархальных и полудеодальных обществ, с другой стороны они могут образоваться и в современных, вновь возникающих, государственных структурах в результате краха предыдущих. Примером может служить развитие таких групп-клик в первые годы становления новой России.

В предшествующие годы социалистического строя бытовал термин «коллектив» – высший уровень развития просоциальной группы, отличающийся максимальным единством взглядов, интересов и способов действия. Как правило, этот термин применялся с эпитетом руководящий. Высшим уровнем коллектива в нашей стране в советский период считалось политбюро ЦК КПСС. Однако уже тогда объективные исследователи видели, что полная групповая сплоченность недостижима даже в таких, тоталитарных по строению группах.

По особенностям группового сознания своих участников, группы подразделяются на «*группы-мы*» и «*группы-они*». Такое разделение ввел Б.Ф. Поршнев, обративший внимание на специфические групповые искажения, возникающие в сознании политических групп. Исследуя политическую праисторию человечества, он пришел к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: в истории человечества не было людоедства. Разумеется, в психологическом смысле: дело в том,

что тех, кого съедали (а это были враги, противники), просто не считали полноценными людьми. Если сначала это относилось к противникам физическим, то затем перешло и на противников политических.

Согласно Б.Ф. Поршневу, важнейшим компонентом существования любой, а особенно политической группы является ее сознание и самосознание. Нет политического сознания и, особенно самосознания – нет и политической группы. Причем это самосознание может проявляться в разных, в том числе в иррациональных формах – в виде групповых верований, эмоций, общих чувств и переживаний.

В чем бы оно ни выражалось, групповое самосознание является важнейшим компонентом групповой политической самоидентификации. «Мы», члены нашей группы – это именно те, кто разделяет наши переживания, чувства, эмоции, верования или, тем более, политические программы и концепции. Выделение же, идентификация себя и «своих» происходят в противопоставлении с другими группами – «чужими», с некими «они». «Они» – это те, у кого иные верования, эмоции, программы или лозунги, у кого иные тотемы и знамена. Такое выделение группы-«мы» сопровождается идеализацией и атрибуцией, наделяем своей группы самыми лучшими, социально приемлемыми и желательными чертами и, напротив, отказ в таких чертах группам-оппонентам. Группа-«они», напротив, наделяется самыми отвратительными характеристиками, ей приписываются самые ужасные качества: это «они», нелюди, людей пожирают – в отличие от «нас», борцов за прогрессивное будущее всего человечества.

Внешними средствами подобной политико-психологической самоидентификации на ранних стадиях истории были элементарные символы – тотемы. Затем, усложняясь, человечество дошло до политических символов, знамен, гербов, гимнов, конституций, программ и идеологических манифестов. Однако их психологическая роль осталась прежней – возбуждать и стимулировать «мы»-сознание, необходимое для отделения себя от других («они») через противопоставление им. В этом смысле история, развиваясь, не принесла принципиальной разницы [184].

По способу принятия решений различают группы авторитарные, демократические и охлократические.

Ранее мы уже отмечали, что существуют три основных способа принятия решения лидером и, соответственно, три основных способа навязывания этого решения ведомым. Если рассмотреть ситуацию

со стороны ведомых, то можно заметить, что существуют разные типы групп, различающиеся именно по тому, как принимаются в них решения. В авторитарной группе (например, воинское подразделение) группа практически никак не участвует в принятии решения. Ее задача состоит в том, чтобы выполнить решение лидера. В демократической группе ее члены достаточно активно участвуют в обсуждении вариантов решения, в их выработке. Однако ход обсуждения и, соответственно, направление поиска решения подсказывает лидер, как бы режиссируя ход группового обсуждения. Наконец, в охлократической группе решение принимают все и, одновременно, никто. Каждый свободен в принятии решения. Вот почему сколько-нибудь единого, группового решения здесь обычно не возникает. В таких случаях мы имеем дело с так называемой попустительской позицией лидера, основанной на принципе: «Делайте, что хотите, только оставьте меня в покое!».

По направленности и эффективности действий политические группы делятся на экстравертированные и интровертированные. Деятельность экстравертированных групп направлена вовне – на захват власти, отстаивание интересов определенных социальных слоев общества, утверждение своего авторитета, статуса в социально-политической системе общества и т.п. Соответственно, деятельность интровертированных групп направлена, прежде всего, вовнутрь группы – на совершенствование партийной дисциплины, создание комфортных эмоционально-психологических условий деятельности членов группы, сплочение, преодоление внутрипартийных противоречий, разногласий и т.п.

Поскольку в политике абсолютное большинство устремлений направлено на овладение и удержание власти или, по крайней мере, на влияние на власть, то большинство представлено экстравертированными, «экспансионистскими» группами. Однако нельзя забывать, что в разные периоды своего развития каждая группа может оказаться перед необходимостью консолидации внутренних рядов, реорганизации и т.п., что сразу переведет ее в разряд интровертированных групп.

С рациональной точки зрения, группа в политике, ориентированная на достижение конкретной цели (овладение властью или влияние на нее в виде лоббирования «своих» законопроектов, проведение своих кандидатов на требуемые посты и пр.) выглядит значительно более эффективной, чем все остальные. Однако политика далеко не всегда носит рациональный характер – весьма значительную роль

в ней до сих пор играют иррациональные компоненты. Соответственно, даже не имея возможности ставить и достигать конкретной цели, политическая группа может действовать с расчетом на будущее. В этом случае, ее эффективность будет определяться не внешними достижениями, а внутренней способностью к поддержанию групповой жизнеспособности.

Не имея четких рациональных целей, и даже не задумываясь о поддержании групповой жизнеспособности, в политике существуют и просто группы единомышленников – людей, которым просто приятно встречаться и общаться. Такого рода группы-«кружки» или политические «группы встреч» обладают особой эмоциональной эффективностью для своих членов. Они дают им возможность «выговориться», почувствовать свою значимость и причастность к «большой политике». Такого рода группами, как правило, выступают всевозможные политические или «околополитические» клубы – формализованные в виде дореволюционного Дворянского собрания, или неформализованные в виде бесед ветеранов в узком кругу соседей, друзей.

Наконец, эффективность существования группы в политике может определяться таким сугубо эмоционально-воспитательным моментом, как личностный рост членов группы. Разного рода первичные организации детских или молодежных движений при политических партиях, безусловно не имеют никаких четких рациональных целей в политике. Однако они воспитывают своих членов в определенных направлениях, готовя массовую базу для будущей политики.

По критерию проницаемости группы делятся на проницаемые («открытые»), полупроницаемые и непроницаемые («закрытые»). Операционально все определяется легкостью вступления в такую группу. На собрание того или иного политического кружка в большинстве случаев может прийти любой человек – как и уйти из него. Практически, это полностью проницаемая группа. К группам такого типа относятся, прежде всего, различные общественно-политические движения: сегодня вступил в него, завтра вышел, и никто этого практически не заметит. Признак проницаемости – отсутствие в такой группе индивидуального учета своих членов.

Вступить в ту или иную партию уже сложнее – требуется, заявление, рекомендации, кандидатский стаж и пр. Разумеется, в разных партиях и странах все обстоит по-разному. Одно время в Италии (там тогда была одна из самых массовых компартий Западной Европы),

в автобусах висели специальные «коммунистические автоматы»: опустил в щелочку деньги (вступительный взнос) – из другой щелочки выскочил партбилет. Однако здесь нет полной непроницаемости, скорее это – полупроницаемая группа, накладывающая минимальные условия по вступлению в нее, и еще меньше – выходу.

Наконец существуют группы непроницаемые (хотя, разумеется, абсолютно непроницаемых групп не бывает – все рано или поздно, быстро или медленно, но они обновляются). Примерами непроницаемых групп в политике являются группы заговорщиков, правящие династии или правительственные хунты, руководящие органы тоталитарных политических организаций. Попасты в члены Политбюро ЦК КПСС или в члены руководства гитлеровской Германии было практически невозможно. Но пожалуй абсолютный рекорд непроницаемости был поставлен кампучийскими коммунистами – первые несколько лет после захвата ими власти, страна не знала ни одного имени члена политбюро – все приказы и распоряжения подписывались словом: «Организация». Лишь через четыре года стали известны имена Пол Пота и Йенг Сари.

По значимости для участников группы делятся на группы присутствия, а также референтные и негативно референтные группы. Группа присутствия, как следует из самого названия, это та конкретная группа, членом которой состоит человек. Однако, являясь членом такой группы, человек не всегда этим полностью удовлетворен – в своих мечтах он может видеть себя членом иной группы. Она может существовать в реальности, но быть недоступной для человека. Многие, например, мечтают принадлежать к политической элите, но далеко не всем это удастся. Бывают ситуации, когда такой группы просто нет в реальности, а человек создает ее в своем воображении, представляя себя участником некоего «тайного общества».

Референтная группа – это реальная или условная социальная общность, с которой индивид соотносит себя как с эталоном и на нормы, мнения, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении. Для многих молодых людей, начинающих политическую деятельность в первичной партгруппе, например, часто характерно стремление выглядеть и вести себя в соответствии со стандартами, принятыми в «большой политике» – разумеется, так, как они ее понимают. Соответственно негативно референтная группа – это такая реально или виртуально существующая группа, по законам и нормам которой не хочет жить человек.

По продолжительности существования группы делятся на краткосрочные и долгосрочные. Краткосрочные группы обычно возникают для достижения некоего отдельного конкретного результата – например, это может быть предвыборный штаб или команда сторонников кандидата в депутаты парламента в ходе конкретной избирательной кампании. После достижения и, особенно, после недостижения данной цели подобные группы обычно распадаются или переформируются. Соответственно, долгосрочные группы ориентированы на долгосрочные цели, требующие длительного времени. В соответствии со временем существования, в основе таких групп лежат разные цели и интересы участников.

Мы перечислили лишь некоторые из типов малых групп в политике, предложенных Д.В. Ольшанским, оставив за текстом те типологии, которые, на наш взгляд уже не соответствуют сложившимся реалиям.

Наряду с типами, рассмотренными выше, следует отметить и психологическую **типологию групп, основанную на психологических качествах людей, входящих в эти группы.** Речь идет о типологии, предпринятой в начале 1950-х годов Т. Адорно [4] в ходе исследования вначале малых, а затем больших групп и, наконец, всего фашистского общества Германии времен правления Гитлера. Итогом стало выявление психологического качества, которое как раз с той поры и получило название «авторитарность», и которое было общим вначале для совсем малой группы людей – создателей НСДАП, а затем распространилось вширь и вглубь общества.

В политико-психологическом плане суть авторитарности заключается в стремлении подчинить кого-либо себе при постоянной готовности, в свою очередь, подчиниться кому-то более сильному. «Индивид только тогда может осуществить собственное социальное приспособление, – пишет Т. Адорно, – если ему по душе послушание и подчинение». Ссылаясь на Э. Фромма, Т. Адорно подчеркивает, что садомазохистская структура желаний человека является и условием и результатом его общественного приспособления.

Люди, которым свойственно стремление подчинять других себе и одновременно подчиняться более сильному, неизбежно сплачиваются в группы, выдвигая своего фюрера. Политико-психологический феномен гитлеровской Германии стал уникальным исключительно потому, что принцип фюрерства там был возведен в принцип государ-

ственности. Там каждый был фюрером, только кто-то стал фюрером страны, а кто-то – своего домика.

Однако проявления авторитарности имеют свои разновидности. Соответственно, в эффективной малой авторитарной группе его носители как бы взаимодополняют друг друга. Собственно фюрером становится один. Остальные поддерживают его, отражая разные аспекты авторитарности. Среди выделенных Т. Адорно подтипов были сравнительно массовые – скажем, «отец семейства, недовольный миром, где все захватили инородцы». Первичные организации гитлеровской партии на этапе подготовки и захвата власти переполняли «мятежные психопаты» – еще одна разновидность авторитарной личности. С их помощью фюрер пришел к власти

«Мятежный психопат» – это тип хулигана, подонка, «бандита без причины», стремящегося к грязным поступкам, бесчинствующего открыто, бессмысленно и жестоко. «Его сверх-Я кажется совершенно нежизнеспособным в результате последствий Эдипова комплекса. Он его разрешает посредством регрессии потенциальных фантазий раннего детства» [4]. Он асоциален, его разрушительные инстинкты проявляются незамаскированно и безрассудно. Физическая сила и крепкое здоровье, а также способность переносить трудности являются преобладающими факторами. Этот тип всегда там, где нужно «бить» и «спасать». На нем держатся все погромы и путчи. Это тип откровенно дезорганизованный, разболтанный, неспособный к постоянной работе и устойчивым взаимоотношениям. Подчас, это садист, но садист животно-трусливый. Такие люди презирают себя и самоутверждаются в насилии и жестокости. Это и были гитлеровские штурмовики. Однако, сделав свое дело, они обычно становятся ненужными. В Германии большую их часть истребили в знаменитую «Ночь длинных ножей».

Изменение ситуации потребовало смены психологического состава группы. Стали нужны носители других разновидностей авторитарности, среди которых были и редкие, причем вполне узнаваемые. Так, за типом «функционера-манипулятора» просвечивал Гиммлер. Т. Адорно описывал его как человека, вполне свободного от идеологических догм, но во всем интересующегося конкретным устройством, начиная с детства: часов, лягушек, концлагерей. Он разбирали на части готовые устройства, демонтировал их и создавал новые модели. В основе его действий всегда лежали трезвость, практицизм и особая «пустота чувств». Единственным принципом для него была

Организация, Метод, Порядок. Собственно, он и привел Германию к тому самому «идеальному» гитлеровскому порядку – с гестапо, СС, концлагерьями. В их создании проявлялась непреклонная последовательность. Отдельные люди стали выступать не более чем средством, вещью. Это тип холодного игрока. Существенная деталь: с неугодными сам расправляться не любил, предпочитал всеобщие методы – типа газовых камер.

Еще один пример психологического типа, узнаваемо входившего в базовую малую группу гитлеровского руководства, – это так называемый «чудак» или «причудливый тип». Такое определение вполне возможно в отношении Геббельса – автора совершенно невероятных идеологически-пропагандистских конструкций, граничащих с откровенно бредовыми системами. От теорий «космического льда», мифов о Нибелунгах, до евреев, пьющих кровь младенцев. Это тип, искренне верующий, и потому обладающий даром пропагандистского убеждения, готовый пойти на смерть, на самоубийство ради веры в своего кумира. Одновременно, страдающий манией преследования, обожающий конспирацию, но выискивающий заговоры и готовый их решительно подавлять.

Одна из последних оригинальных попыток создания собственно психологических типологий групп в политике предпринята в конце 1970-х гг. в рамках так называемой соционики тогда еще советскими исследователями – в частности А. Аугустинавичюте [14].

В 1980-е годы эти попытки продолжили украинские ученые А. Букалов и В. Гуленко, выдвинувшие **гипотезу «смены квадр» в истории** [32; 62]. Согласно этой гипотезе, существуют 16 психологических типов, которыми исчерпываются все возможные разновидности людей и описываются их возможности. 16 типов разбиваются на четыре четверки – «квадры». Каждая из них – своего рода «психологическая семья», в которой каждому из четырех отводится свое место, и все со всеми находятся в теплых, дружелюбных отношениях. В каждой «квадре» – своя особая духовная атмосфера, своя система ценностей, свой стиль общения. «Квадра» – психологическое убежище от невзгод социума, способное утешить, дать смысл и цель жизни, обогреть и доказать, что ты ценен, нужен и не одинок. «Квадра» – это особая группа, формирующаяся на принципах чисто психологической взаимной дополнительности ее членов.

Согласно этой точке зрения, политика есть прежде всего отражение динамики смены доминирования таких групп («квадр») на общественно-политической арене. Они существуют в обществе все одно-

временно, но выполняют разные функции. Периодически к власти приходит та или иная «квадра» – и тогда следуют перемены.

Каждая квадра описывается тремя дихотомическими признаками:

- центральность/периферийность,
- коллективизм/индивидуализм,
- восхождение/нисхождение.

Первый признак – центральность/периферийность (решительные/рассудительные, по А. Аугустинавичюте) напоминает традиционно мужские/женские ценности. Центральными квадрами являются «бета» и «гамма», периферийными – «альфа» и «дельта». В основе выявления этих противоположных тенденций поведения лежит бессознательная установка на принудительную кооперацию у центральных квадрантов и добровольную у периферийных.

В основе выявления признака коллективизм/индивидуализм лежат коллективные или индивидуальные действия, оцениваемые как общегрупповая норма. К коллективистским квадрам относятся «бета» и «дельта» (аристократы, по Аугустинавичюте), к индивидуалистическим – «гамма» и «альфа» (демократы, по Аугустинавичюте). При коллективизме целое активнее своих частей, а при индивидуализме, наоборот, часть активнее целого. По этим двум шкалам построен кватернион (см. рис. 7.1).

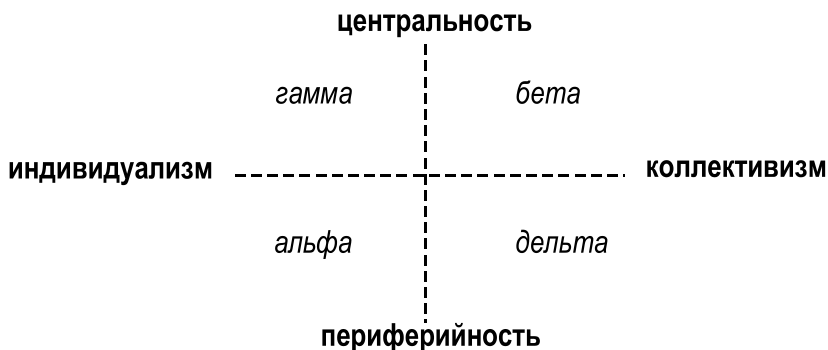

Рис. 7.1. Кватернион групп-квадр, по В. Гуленко

Что касается дихотомии восходящие/нисходящие, то к восходящим квадрам относятся «альфа» и «бета», а к нисходящим – «гамма» и «дельта». По А. Аугустинавичюте, эта признаковая пара называется

«веселые/серьезные». У первых бессознательно протекают энергетические процессы, а информационные осознаются. У вторых же внимание направлено на энергетику, а информатика отходит в область бессознательно-автоматического функционирования.

В «альфа-квадре» обычно рождаются, но не реализуются идеи.

Реализация, воплощение – удел «бета-квадры», где вместо интеллектуалов верховодят сильные люди, способные сплотить всех во имя достижения реальной цели.

«Гамма-квадра» – группа реформаторов, обычно подвергающих переоценке достижения своих предшественников. Как правило, этой квадре особенно свойственны либеральные идеи равных возможностей, конкурентности и экономического процветания.

Наконец, последняя, «дельта-квадра» – группа, где ценятся традиции, гуманизм, экологическое равновесие, комфорт, поиск баланса между индивидом и обществом.

Сторонники соционики так иллюстрируют свои идеи. Идея коммунизма, как и положено всякой идее, вызрела в «альфа-квадре» (в нее входили явно близкие по психологическому типу К. Маркс, Ф. Энгельс, все социалисты-утописты и поздние теоретики – Плеханов, Мартов, и даже «ренегат Каутский»). Однако ничего практического они сделать не могли. Воплощать их идеи в жизнь выпало революционерам-практикам явно из «бета-квадры», в которую входили также близкие по психотипу люди – например, Троцкий, Ленин, Сталин, Зиновьев, Каменев, Дзержинский и др. Вся партийно-революционная элита «ленинского призыва», практически весь ленинский ЦК – яркие представители «бета-квадры». Свойственный ей стиль отношений и управления – тоталитарный, жестко иерархический. Во главе вождь, под ним покорная масса, стройная социальная пирамида жестко скреплена религиозно-идеологической доктриной (в данном случае – идеей коммунизма). Структура жесткая, унитарная, базирующаяся на единообразии и централизме. Собственность обобществляется и управляется централизованно. Командно-административное построение общества и потребность во враге для поддержания постоянной мобилизованности со временем приводит к поиску внутренних врагов, по мере истребления внешних. Так система приводит себя к саморазрушению: репрессии уничтожают почти всех заметных людей. Подчеркнем: это отражение не «злых умыслов» или четких целей, а всего лишь свойств психологического типа, объеди-

ненных в данную группу людей. А уж объединяются они в эту «квадру» сами, по принципу «рыбак рыбака видит издалека».

С естественным (возраст) и искусственным (взаимоистребление) ослаблением данной «квадры» на смену ей в истории пришла (начиная с Хрущева и уж наверняка с Брежнева) «гамма-квадра». В этом смысле Горбачев и Ельцин – одного поля ягоды. Их путь – постепенный отход от прежних ценностей, отступление от «восточных» целей в пользу более «западных». Поэтика патриотизма и героизма («бета-ценности») сменилась на индивидуальные ценностные ориентации.

Теоретически на смену «гамма-квадре» должны прийти «успокоители» и «гуманизаторы» из «дельта-квадры». Однако В.В. Путин – достаточно типичный представитель «бета-квадры». Соционики объясняют это тем, что «альфа» и «дельта-квадры» принципиально не способны на первые роли в политике – не хватает того, что в просторечии именуется силой воли. И люди типа А. Собчака или Г. Явлинского (типичные представители «дельта-квадры») оказались неспособными занять «кресло № 1». Как, впрочем, неспособны к этому были ни Т. Кампанелла, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс.

Значит, реальные политические действия возможны только по двум направлениям: «бета» или «гамма». «Альфа» же и «дельта-квадры» осуществляют необходимую в политике, но не первостепенную роль идейно-ценностного обеспечения. Исторический опыт показывает: в абсолютном большинстве случаев власть принадлежала представителям центральных квадр – «бета» или «гамма».

Однако для нас в данном контексте важно другое. Действительно, группы в политике формируются и функционируют на основании внутреннего, психотического сходства входящих в них людей. Собственно говоря, потому те или иные люди входят (или не входят) в те или иные политические группы, что здесь сталкиваются разные психологические типы.

Несмотря на то, что предлагаемая социониками типология групп не нашла своего экспериментального подтверждения, политическая психология не должна упускать ее из поля своего зрения.

7.3. Команда и лидер

Прежде, чем рассматривать связь команда-лидер, отметим, что команда, как и любая группа невозможна без лидера. С одной стороны, группа выдвигает лидера, с другой – лидер формирует группу.

Несмотря на безусловную близость, взаимосвязь и взаимозависимость, взаимоотношения между группой и лидером складываются по-разному. Зависят они, в первую очередь, от принципов, на основе которых люди включаются в группу. Этих принципов сравнительно немного [154].

Во-первых, принцип единства взглядов и убеждений. При его торжестве мы видим достаточно сплоченные, часто эффективные, но не всегда высокопрофессиональные группы, отличающиеся, прежде всего, глубокой верой в собственные взгляды и убеждения. К сожалению часто они находятся под обаянием собственной пропаганды, что сужает их кругозор и препятствует более широкому восприятию происходящего. В политике такие группы – заложники своей идеологии.

Во-вторых, принцип компетентности. При его торжестве мы видим сплоченные, эффективные, высокопрофессиональные группы, отличающиеся серьезными результатами. Лучший пример – пресловутые «команды» американских президентов последних десятилетий, начиная с уже почти легендарной «команды Джона Кеннеди» – «мозгового треста», сумевшего во многом повернуть страну, и всю международную ситуацию.

В-третьих, принцип личной преданности лидеру – обычно, в группах вождистского типа. Когда торжествует именно этот принцип, мы видим многочисленные проблемы. С одной стороны, торжествует беспрекословное подчинение лидеру, с другой – вся ответственность в принятии решений падает исключительно на самого лидера, все остальные выступают лишь как исполнители его воли. Отсюда – снижение эффективности и профессионализма, обилие конфликтов за близость к лидеру и, в итоге, снижение результатов.

Разумеется, есть и иные мотивы и принципы формирования групп в политике, но наиболее встречающимися являются три названных. Важность выбора принципа формирования группы в политике определяется тем, что после прихода группы к власти, взятый ею на вооружение принцип как бы автоматически переносится на все государство. Это иллюстрируется, среди прочего, в действии так называемого закона «трех команд» лидера и их обязательной, для эффективного функционирования смены.

Обратимся к анализу групп, представляющих собой «команды лидера».

В политике феномен «команды» впервые был зафиксирован и рассмотрен М. Вебером в работе «Политика как призвание и про-

фессия». Исследуя западные демократии, М. Вебер отметил свойственную им склонность рассматривать государство как своего рода поставщика постов и должностей для соратников победившего президента или функционеров выигравшей выборы партии. Там же он отметил, что влиянию команд все больше противостоит нарастающая бюрократизация государства – появление профессионального слоя независимых от исхода выборов, профессиональных чиновников. Без этого возникла бы роковая опасность колоссальной коррупции, что поставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата [37].

По мнению А.И. Юрьева, команда как психолого-политическое явление формируется для исполнения политики группой лиц, готовых дисциплинированно выполнить строго приписанные, конкретные действия. Определяющим признаком команды является психология политической воли, которая имеет решающее значение для преодоления внутренних организационных проблем и внешних препятствий в виде сопротивления оппонентов.

Команду следует отличать от малой группы. Команда обладает жесткой структурой, члены команды имеют строго определенные обязанности, которые лишь в малой степени перекрывают друг друга. Команда снабжена инструкцией и осмысленно действует с партнерами и задачами. Команде присущи смелость, решительность, выносливость и жесткость, она отличается энергичностью и неутомимостью. Отрицательной стороной команды является ее приспособленчество к путчу – попыткам политического переворота, который обычно инициируется небольшой группой лиц, недовольных властью и имеющей психологическую структуру и качества команды [262].

Исторический анализ, осуществленный Д.В. Ольшанским, позволил выделить несколько типов непосредственных «команд» лидеров, формировавшихся на различных основаниях. Эти основания представляют собой своеобразные параметры общности, объединяющие лидера с «командой» и сплачивающие их в единую группу. Рассмотрим «команды» лидеров в относительно хронологическом порядке.

Команда, строящаяся на основе родоплеменного принципа (например, династия Валуа во Франции, Тюдоры в Англии и т.д.). В России это княжеские роды, опиравшиеся на родоплеменные дружины. В странах современного Востока это либо семейные кланы (например, клан С. Хуссейна в Ираке, Х. Асада в Сирии, Ф. Маркоса

на Филиппинах и т.п.), либо непосредственно родоплеменные структуры типа казахских джузов или чеченских тейпов. Главной особенностью команд, основанных на таком принципе, считается относительное равенство лидера с другими членами команды – он считается лишь первым среди равных. Такие команды основаны на гомогенности.

Команда, строящаяся на основе причины. Классический пример команды такого рода – опричнина Ивана IV Грозного. Фактически это были первые варианты наемных команд, противопоставляемых лидером официальным исполнительным и совещательным структурам. Это своего рода личный совет лидера, всем обязанный ему и готовый исполнить любую его волю. Как правило, команды такого рода появляются в периоды реформирования государств и обществ, когда «сверху» вводятся новые иерархические принципы. Они основаны на сословном смешении, необходимом для разрушения прежней гомогенности государства и общества.

Команда, строящаяся на основе «компании». Классический пример «компании» – команда Петра I, основывавшаяся «на началах смешения сословного и национального», а также нередко на оценке кадров по результатам их деятельности. В командах такого рода личные достоинства членов команды как бы стирают все прежние различия. Обычно это группа людей, увлеченных общими идеями и целями деятельности, что создает особую общность, в которой при наличии в принципе непреодолимой дистанции между лидером и ведомыми, допускаются внешние, достаточно фамильярные отношения и обращения своеобразного товарищества – впрочем, в определенных границах.

Команда, строящаяся на основе фаворитизма. Пример часто менявшейся по составу команды такого рода – окружение Екатерины II. Такой принцип создания команд больше присущ лидерам-женщинам. Хотя в истории известны и исключения – например, команда фаворитов-«миньонов» Карла IX во Франции. Такие команды были все же редким явлением, однако, не вдаваясь в нравственные оценки, следует отметить, что в хорошем исполнении (прежде всего, русских императриц Елизаветы и Екатерины II) их функционирование приносило достаточно эффективные результаты. Подкрепление энергичной сексуальной потенцией и, что еще более важно, сексуально-темпераментной совместимостью фаворита и лидера, безусловно, является мощным вспомогательным средством для совместной эффективной политической деятельности.

Команда как политический и личный мозговой трест. Формирование классических команд такого типа обычно связывают с именем президента США Дж. Кеннеди. Ему принадлежит и первенство в осознанном разделении команд, как минимум, на три различных типа: команду – кадровый костяк управления государством; команду личной политической и интеллектуальной obsługi и команду друзей. До Дж. Кеннеди эти три разные функции (управление, личная обслуживание и психотерапия) обычно выполнялись одной командой.

Так, по взглядам Д.В. Ольшанского, выглядят основные варианты малых политических групп – команд, строящиеся на различных, хотя иногда и пересекающихся принципах формирования. При всем их достаточно внешнем многообразии, в основе формирования команд все равно лежат три основных критерия отбора лидером членов своей команды. Еще раз суммируем эти принципы:

1) надличностная преданность идее любого рода – от доминирования конкретного рода-племени до духовных идеалов и идейно-политических принципов;

2) профессиональная компетентность или личные достоинства, обеспечивающие эффективность деятельности члена группы;

3) личная преданность лидеру.

В данном анализе нельзя обойти вниманием и такое, описанное Д.В. Ольшанским, явление, как «парадокс лидера» Суть этого явления прежде всего в том, что не бывает вечных лидеров. Став лидером какой-либо группы, обретая лидерские качества, человек начинает «готовить конец» своему лидерству. Данный парадокс проявляется в двух вариантах.

Во-первых, становясь лидером большой общности лидер обречен действовать не в соответствии с интересами той малой группы, которая привела его к власти. Тогда малая группа начинает отказывать ему в лидерстве и ищет преемника.

Во-вторых, чем более активным, деловым является лидер, тем больше он осложняет межличностные отношения в группе, ухудшая тем самым эмоционально-психологический климат и способствуя росту недовольства лидером. Соответственно, чем менее деловым, но более неформальным и дружелюбным становится лидер, тем меньше требований он предъявляет к соратникам и ниже становится эффективность достижений группы. Это, в свою очередь, ведет к росту недовольства лидером.

Как видно, в обоих случаях группа приходит к недоверию лидером.

В основе «парадокса лидера», как считает Д.В. Ольшанский, лежит простая диалектика. С одной стороны, как уже отмечалось, в политике лидер обычно подбирает свою группу-«команду», с другой стороны, группа выдвигает лидера. Таким образом, можно говорить о двух типах малых групп в политике: зависимых от лидера («лидерских») и зависимых от внутреннего функционирования в самой группе («отношенческих»). Пример группы первого типа – те самые «команды», целенаправленно формируемые самим лидером в западных демократиях президентского типа. Пример группы второго типа – статусные формальные или неформальные группы, например, в государстве парламентского типа с наличием сильного влияния партийных групп. Это теоретически. Практически же очень трудно провести четкую грань между этими типами групп. «Лидерская» группа после того, как ее члены обрели формальные посты во власти, и стали менее зависимы от лидера, может превратиться в «отношенческую». Так же и наоборот: «отношенческие» группы, после достижения лидером монопольного статуса, превращаются в «лидерские». Эти процессы носят постоянный и динамический характер.

Отсюда очевидно, что проблема эффективного функционирования малой группы как субъекта политического действия требует рассмотрения психологии взаимоотношений такой группы и лидера, анализа причин сменяемости лидеров в таких группах и понимания политико-психологических механизмов этого процесса.

Политико-психологический анализ причин сменяемости политических лидеров в малых группах приводит Д.В. Ольшанского к выводу о том, что все дело здесь либо в отношениях между членами группы, в динамике этих отношений, либо – в личностных качествах самого лидера. Однако здесь все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Есть еще один немаловажный фактор. Оказывается, что сама позиция лидера в политической группе содержит объективное внутреннее противоречие, безотносительное как к конкретной группе, так и к личности конкретного лидера. Это и есть «парадокс лидера».

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Каковы признаки и границы малой группы?
2. Каковы отличия групп инструментальных и экспрессивных, функциональных и дисфункциональных?

3. Чем отличается статус членов формальных и неформальных групп?
4. Чем определяется сплоченность малой группы в политике?
5. Приведите примеры экстравертированных и интровертированных малых групп в политике.
6. От чего зависит продолжительность существования малой группы в политике?
7. В чем заключается суть авторитарности в политико-психологическом плане?
8. Насколько приемлемой для политико-психологического анализа Вы считаете гипотезу «смены кадров» в истории?
9. Приведите примеры малой группы-команды в политической истории России.
10. Каковы основные характеристики команды как политического и личного мозгового треста?
11. В чем заключается «парадокс лидера»?

Глава 8.

ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

Понятие большой социальной группы в политике, социальные классы.

Признаки класса: классовые интересы и потребности; эмоциональная сфера; ценности и ценностные ориентации.

Политико-психологические характеристики больших социальных групп: буржуазия, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, средний класс, маргинальные группы и люмпенизированные слои общества

У народа может быть одна душа,
одно сердце, одна грудь,
но горе, если у него только один мозг!

Станислав Ежи Лец

8.1. Понятие большой социальной группы в политике

К политическим обществам не присоединяются
без ваяния со стороны

Этель Войнич

Если малые группы, по словам Г.М. Андреевой, «обжитое пространство социальной психологии», то вопрос об исследовании больших групп значительно сложнее. Сами большие группы представлены в социальной психологии неравноценно: одни из них имеют солидную традицию исследования (большие, неорганизованные, стихийно возникшие группы), другие же – организованные, длительно существующие группы – подобно классам, нациям, изучены значительно слабее.

Главный вопрос – какие группы следует рассматривать в качестве «больших». Чисто количественное определение этого понятия дать невозможно. В этом смысле образования людей разделяются на два вида: случайно, стихийно возникшие, достаточно кратковременно существующие общности, куда относятся толпа, публика, аудитория, и в точном значении слова социальные группы, то есть группы,

---

сложившиеся в ходе исторического развития общества, занимающие определенное место в системе общественных отношений каждого конкретного типа общества и потому долговременные, устойчивые в своем существовании. К этому второму виду Г.М. Андреева относит, прежде всего, социальные классы, различные этнические группы, профессиональные группы, половозрастные группы.

В больших группах существуют специфические регуляторы социального поведения, которых нет в малых группах – нравы, обычаи, традиции, существование которых обусловлено наличием специфической общественной практики. Тем не менее, несмотря на наличие общих черт, свойственных большим группам, их нельзя абсолютизировать. Каждая разновидность этих групп обладает своеобразием, поэтому нельзя ставить в один ряд класс, нацию, какую либо профессиональную или молодежную группы.

Среди всего многообразия больших социальных групп в политике особый интерес представляют социальные классы. Исследование психологии класса представляет собой пока еще не решенную проблему для социальной психологии, и психологии политической в частности. Решение этой проблемы остается связанным с традициями, идущими от социологии. Одним из наиболее оптимальных путей, идущих от социологической традиции, является анализ соотношения классовой психологии, и психологии отдельных представителей класса как частный случай проблемы соотношения психологии группы и психологии индивида, включенного в данную группу.

Что же представляет собой психология того или иного класса? Какие элементы (или признаки) классов заслуживают внимания политической психологии?

Во-первых, одним из самых значимых элементов являются классовые потребности и интересы. Поскольку классовое положение определяет объем и состав материальных и духовных благ, которыми располагает каждый представитель класса, постольку оно же задает и определенную структуру потребностей, относительное психологическое значение и удельный вес каждой из них. Что же касается классовых интересов, то их содержание задается всей системой отношений, в которую включен данный класс в обществе определенного типа. Важную роль играет то, как интересы того или иного класса соотносятся с общечеловеческими интересами и как это детерминирует поведение и деятельность каждого отдельного индивида.

Интерес формируется как интерес всей группы, но каждый представитель класса включен не только в данную группу, он – член многих социальных подгрупп [9].

Интересы классов выражают партии, которые создаются в структурированном обществе. Причины объединения людей в партии связаны с психологией влечения к власти. Не случайно под партией подразумевают любую политическую группу, представленную на выборах, через которые она способна поставить своих кандидатов у власти. Федеральный закон «О политических партиях» определяет политическую партию как общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества..., а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления... [158].

Во-вторых, важным элементом классовой психологии является эмоциональная сфера, которая на сегодняшний день исследована наиболее полно. В ней наряду с самыми различными эмоциональными состояниями важную роль играют и так называемые «социальные чувства», свойственные группе. Данный термин пока еще не имеет сколько-нибудь ясного определения. Поэтому политической психологии приходится заимствовать взгляды на это понятие, сложившиеся в истории, философии, гуманистической литературе, где само существование некоторых социальных «чувств» и «эмоций» давно установлено и описано. Так в исторических исследованиях, посвященных рабочему классу в периоды его революционных выступлений, неоднократно было констатировано преобладание оптимистического настроения, вызванного революционным подъемом. В эпоху буржуазных революций, когда класс буржуазии выступал в качестве революционной силы, доминирующим типом социальных чувств внутри этого класса были чувства энтузиазма, уверенности в привлекательности политических программ, оптимистического восприятия исторических перемен.

В-третьих, что характеризует психологию класса, это «набор социальных ролей», а также ценностей и ценностных ориентаций. Известно, что для каждого индивида характерно проигрывание самых различных ролей в процессе взаимодействия с другими представителями своего класса, а также с членами других классов. Точно также и сами социальные классы играют различные роли в тех или иных

исторических, социально-политических условиях. Все это в полной мере можно отнести и к ценностям и ценностным ориентациям, имеющим свои особенности, как для отдельной личности, так и для социальных сообществ людей.

В-четвертых. Каждому классу присущ определенный «психический склад», который описывается обычно как некоторый психический облик, проявляющийся в определенном способе поведения и деятельности. На его основании можно реконструировать те нормы, которыми руководствуется данная социальная группа. Этот облик проявляется в социальном характере. Этот термин широко представлен в трудах неофрейдистского направления, в частности, в работах Э. Фромма, для которого социальный характер – это связующее звено между психикой индивида и социальной структурой общества [238].

Социальный характер определяется описательно как то, что проявляется в типичном, устоявшемся образе действий представителей разных классов в разных ситуациях их жизнедеятельности и отличает представителей одного класса от представителей других классов. Эти описания, по мнению А.Н. Сухова, не являются достаточно строгими и дальнейшая их конкретизация, очевидно, зависит не только от новых фактов, но и от общетеоретической разработки проблемы характера вообще, в том числе в общей психологии [222].

Кроме социального характера, психический склад, по взглядам Г.М. Андреевой, раскрывается в привычках, обычаях, традициях класса. Все эти образования играют роль регуляторов поведения и деятельности членов социальной группы, а потому имеют огромное значение в понимании психологии группы, дают важнейшую характеристику такого комплексного признака класса, как его образ жизни [9].

Разумеется, представители того или иного класса являются одновременно и членами разнообразных малых групп (собственные семьи, производственные коллективы, спортивные, творческие организации и т.д.). Однако поведение их задается все же не этими малыми группами. Если политико-психологический анализ социальных групп ограничить только уровнем малой группы, то останутся не учтенными (или, точнее, не до конца понятыми) такие важнейшие «параметры», как нормы, ценности и ценностные ориентации, установки и т.п. Далее, проявление или не проявление тех или иных индивидуально-психологических особенностей зависит и от характера ситуаций, от меры их значимости для конкретной личности. Ситуации же эти есть

ситуации особых жизненных условий, определяемых прежде всего принадлежностью к конкретной большой социальной группе. Поэтому социальная психология и, в частности, политическая психология не может игнорировать это обстоятельство при анализе политического поведения личности.

8.2. Политико-психологические характеристики больших социальных групп

Когда плывут по течению, трудно узнать,
кто плывет добровольно

Станислав Ежи Лец

На рубеже XIX–XX веков в научной литературе выделены три основные большие социальные группы: буржуазия, рабочий класс и крестьянство. Несколько позже в центре внимания социологов, политологов, социальных психологов, политических психологов оказались и такие социальные группы, как интеллигенция, так называемый «средний класс», маргинальные группы и люмпенизированные слои общества и др.

Рассмотрим некоторые политико-психологические особенности этих социальных групп.

Буржуазия

Буржуазия – общественный класс собственников капитала, получающих доходы в результате торгово-промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности. В развитых странах современная буржуазия включает крупную финансовую и промышленную буржуазию, значительный слой средней буржуазии, совмещающей владение капиталом и предпринимательские функции, а также мелкую буржуазию.

С. Кара-Мурза считает, что буржуазия как класс возникла вместе с «духом капитализма». «Буржуа (то есть горожане) – это те, кто трудились как муравьи, над превращением денег в капитал, с помощью которого они организовывали производство. Основой буржуазии были небогатые протестанты-пуритане, которые отказывали себе во всех излишествах, много учились, трудились с утра до ночи и вкладывали каждую добытую копейку («не без кровопивства» –

эксплуатации рабочих). И так – много поколений, пока система не стала работать стабильно и не появился слой профессиональных управляющих» [86].

Сегодня буржуазия – весьма разнородная большая социальная группа. Однако для буржуазии, к какому бы слою или страте внутри страны она ни принадлежала (к крупной, средней или мелкой буржуазии), главной потребностью и целью является стремление к прибыли, укрепление и расширение своего бизнеса. Этим объясняется рациональный образ мысли представителей этого класса, его рациональная хозяйственная этика. По словам М. Вебера, капиталистическому духу свойственны как умение рисковать в повседневных деловых операциях, так и желание получать прибыль в рамках непрерывно действующего рационального хозяйства [35]. Соответственно этому и подчинено его возможное участие в политике – он постоянно реформирует и рационализирует ее в своих интересах.

Следует учесть, что в настоящее время в индустриально развитых западных странах буржуазия непосредственного участия в политике не принимает. Само развитие буржуазного государства способствовало формированию профессиональных политиков как особой социальной группы. Финансируемая буржуазией, эта группа обслуживает ее политические интересы, хотя внешне пытается дистанцироваться от своих покровителей. Таким образом, часть буржуазии постепенно оттесняется от участия в реальной политике, и это выступает в качестве естественного «разделения труда». «Гений делового мира зачастую неспособен заткнуть рот какому-либо краснобаю в салоне или на политическом собрании. Зная за собой этот недостаток, он предпочитает устраниваться и не связываться с политикой» [239].

В менее развитых странах встречаются и другие ситуации, в которых представители буржуазии непосредственно участвуют в политической жизни общества. Как пишет Д.В. Ольшанский, анализ форм их политического участия как раз и позволяет дифференцировать слои и страты внутри этой большой группы.

Очевидно, например, что представитель крупной торговой буржуазии отличается по некоторым существенным особенностям своего психического склада от владельца среднего торгового предприятия.

Крупный торговец в силу сравнительно большего размаха своей деятельности, более прочного положения на рынке способен к большей предприимчивости и маневренности, он лучше осознает свои

не только ближайшие, текущие, но и перспективные, стратегические интересы. Соответственно, он более склонен к участию в политике. Финансовая поддержка партий, выражающих его финансовые интересы – минимальная форма политического участия. Очень часто возможно и личное участие в партийной деятельности, выдвижение своей кандидатуры в депутаты парламента или представительной власти.

Средний представитель торговой буржуазии зачастую психологически более консервативен, хуже ориентируется в политических вопросах, затрагивающих его социальную группу в целом, склонен выдвигать на первый план свои сиюминутные интересы. Для него проще вступить в коррупционные отношения с бюрократическими представителями власти, чем всерьез включаться в политическую деятельность.

Наиболее сложным с точки зрения участия в политике является положение мелкой буржуазии. Для ее политико-психологического склада характерно сочетание часто противоречивых тенденций, отражающих ее положение как непосредственного труженика и собственника, мелкого предпринимателя. Если банкир, сидящий в офисе, и распоряжающийся значительными финансовыми средствами, часто просто вынужден заниматься политикой ради защиты своих интересов, то мелкий предприниматель просто лишен такой возможности. Его тянет то к буржуазии, то к наемным рабочим. История показывает, что этот тип с трудом вовлекается в политическую деятельность. Однако такое вовлечение возможно при использовании заинтересованности мелкого буржуа в защите его мелкособственнических интересов от двух основных опасностей: от конкуренции со стороны как иностранного, так и крупного местного капитала. В свое время Гитлер пообещал мелким лавочникам защиту от этих двух опасностей – и они стали массовой политической опорой его режима [154].

Что касается современного российского общества, то на этот счет нет единой точки зрения о том, есть у нас буржуазия или нет. П.С. Гуревич ставит под сомнение возможность буржуазии в нашей стране. По его словам сложилось курьезное положение: в стране идет капиталистическое развитие, но национальной буржуазии нет. Нет оснований называть буржуазией группу людей, которые обогатились в результате приватизации. Они любят называть себя элитой, но не обладают качествами, необходимыми для буржуазии, например, следование протестантской или социальной этике. Власть же либо боится крупного капитала, либо ищет союза с ним [63].

В то же время, наличие буржуазии не оспаривается Л. Сокольским, К.А. Жуковым, В.В. Трушковым и др., как правило, представителями коммунистической партии. Л. Сокольский, например, полагает, что в России есть крупная буржуазия, однако, составляя ничтожную часть населения, для достижения своих целей она использует народные массы (мелкую буржуазию и пролетариат). По мнению К.А. Жукова [69], правящими классами, за все последние годы административными методами проводится политика свертывания экономической самостоятельности населения и ограничения частного бизнеса. В результате у значительной части мелкой буржуазии отношение к власти стало негативным, что создает объективные предпосылки для ее временного союза с другими «угнетаемыми классами» и социальными группами.

Рабочий класс

По словам основоположников марксизма, пролетариат появился тогда, когда появилась буржуазия. Однако в современном мире он давно утратил черты пролетариата времен промышленной революции. Даже советские исследователи были вынуждены признать, что нынешний уровень политического сознания народной массы в целом отстает от уровня практической борьбы рабочего класса, развития его протеста против капиталистических отношений.

В индустриально развитых странах, значительной части трудящихся масс присуще критически-оппозиционное отношение к политике крупной буржуазии. Однако это не приводит трудящихся к выдвижению каких-либо политических требований к существующей власти. Об этом говорят крупнейшие выступления прошлого века, как, например, забастовки шахтеров в Великобритании. Наиболее явное и массовое выражение оппозиционных настроений современного рабочего класса – рост отчуждения от политики, недоверие к политическим партиям и государству, уклонение от участия в выборах и т.п.

Часто возникает впечатление, что ощущая потребность в существенных политических переменах, многие трудящиеся просто не в состоянии найти удовлетворяющую их альтернативу курсу правящих политических сил. Поэтому их политические ориентации и конкретные действия носят, как правило, инерционный характер, как бы подчиняясь устоявшимся в обществе стереотипам [154].

При наличии некоторых общих политических интересов, пролетариат Западной Европы все же отличается по своим психологическим характеристикам от своих товарищей по классу в США. Это объясняется, прежде всего, историческими традициями формирования рабочего класса в разных странах. Французский рабочий класс, например, закалившись в политических баталиях XIX века, осуществил первую в истории пролетарскую революцию, создав Парижскую коммуну. Затем он отстаивал свои права в период Народного фронта и т.д. Этот опыт, как и общенациональные исторические традиции, способствовали утверждению в сознании рабочего класса социал-демократических и даже социалистических ценностей.

Иное дело – рабочий класс США. В силу сложившихся традиций социальные выступления американских рабочих носили не политический характер, а чисто экономической, «тредьюнионистской» борьбы. Исторически обусловленный культ индивидуализма, личного успеха как решающего фактора в улучшении социального положения человека, сами идеи «American Dream» и «self-made-man» глубоко пронизывают всю политико-психологическую атмосферу американского общества. Этот культ не мог не оказать значительного влияния на широкие слои рабочих, что создало особый вариант социально-группового сознания.

Особые политико-психологические явления происходят в рабочей среде в кризисных социально-политических ситуациях. Кризисы ухудшают условия продажи рабочей силы и, тем самым, ослабляют позиции рабочих в борьбе за удовлетворение своих потребностей. Кроме того, в условиях кризиса растущая безработица усиливает конкуренцию среди самих рабочих, подрывая их солидарность. В политико-психологическом плане подобные факторы могут ослаблять внутреннюю сплоченность группы, снижать ощущение своей силы, негативно воздействовать на уровень группового сознания.

Вместе с тем, действие тех же факторов может вести и к росту социального протеста данных слоев, к их объединению в борьбе против последствий кризиса, перерастающей в массовые политические движения за изменение существующих порядков. Такими были, в частности, последствия «великой депрессии» конца 20-х – начала 30-х годов прошлого века в США и ряде западноевропейских стран. Однако в современных условиях, как правило, кризисы скорее ослабляют, чем усиливают позиции рабочего класса.

Общий вывод, к которому приходит Д.В. Ольшанский, заключается в том, что общий рост социальных потребностей рабочих слоев еще далеко не всегда находит свое конкретное выражение в осознании интересов и целей своей группы в политической сфере. Парадокс ситуации в том, что во второй половине XX века в большинстве развитых стран буржуазия не превышает двух-четырех процентов населения. Тем не менее, эти страны являются по сути буржуазными по доминирующей среди их населения психологии. Представляя собой абсолютное меньшинство, буржуазия сумела заразить своей психологией, своим сознанием и, главное, своими ценностями, нормами и образцами поведения подавляющую часть социальных групп и слоев населения.

Итак, рабочий класс – это совокупность работников преимущественно физического труда, занятых в сфере промышленности. По своему политико-правовому статусу рабочий класс представляет совокупность лиц формально свободного труда.

По мнению Г.М. Григоряна, рабочий класс – это не большая социальная группа, а, скорее, социальная общность. Ему присущи следующие социальные критерии:

1) классовая идентификация – отождествление себя с данной общностью;

2) классовая солидарность – способность действовать как единое целое или осознавать себя таковым;

3) классовое сознание – осознание единства своих политических и экономических интересов, а также социального положения (места и роли в обществе);

4) классовая организация (организованность) – умение и готовность защищать свои интересы при помощи созданных самим рабочим классом профессиональных и политических организаций [60].

Как видим, существуют разные точки зрения относительно сущности понятия «рабочий класс», относительно его роли в современном обществе и влияния на политические процессы, а также относительно «перерождения» пролетариата. Западные авторы считают, что по мере перехода индустриального общества к постиндустриальному удельный вес рабочего класса в традиционном понимании будет сокращаться, а значение среднего класса возрастать, что в ближайшем будущем ряды рабочего класса станут пополняться за счет малооплачиваемых, неквалифицированных работников сектора услуг, главным образом занятых в пищевой промышленности и в розничной

торговле. Некоторые исследователи относят рабочий класс к низшему классу, отождествляя эти понятия. В отдельных случаях такой подход оправдан, однако в большинстве случаев между этими общественными стратами необходимо проводить разграничение.

Если говорить о рабочем классе России, то следует отметить, что за последние годы, насыщенные самыми разнообразными и не всегда оправданными реформами численность рабочих существенно сократилась. Общая потеря составила 13 миллионов человек, то есть четверть от общего количества. Несмотря на это, российский промышленный пролетариат составляет в настоящее время более 40% всего экономически активного населения. Вот что показывают результаты исследования социально-психологической структуры современного рабочего класса, которое производилось на примере промышленных предприятий деревообработки, металлообработки, машиностроения, пищевой и перерабатывающей индустрии в городах Приволжского федерального округа [71].

Идейные, моральные убеждения, психологические особенности современного промышленного пролетариата не едины, а зависят от социально-психологических групп. В российском рабочем классе можно выделить следующие группы:

1. Молодые специалисты, окончившие ПТУ, профессиональные лицеи и впервые принятые на работу.
2. Молодые люди, отслужившие в рядах Вооруженных Сил срочную службу и уволенные в запас.
3. Молодые женщины, не имеющие рабочего стажа после средней школы или после декретного отпуска, или отпуска по уходу за ребенком.
4. Люди с высшим образованием, не нашедшие работу по полученной специальности в современных рыночных условиях.
5. Выходцы из среды сельскохозяйственного пролетариата, новые «беженцы из деревень».
6. Опытные рабочие высокой квалификации старшего возраста.
7. Рабочие, возвратившиеся из других сфер народного хозяйства.
8. Люмпен-пролетариат, маргинальная прослойка рабочего класса.

Для каждой из групп характерны свои социально-психологические качества. Хотя у них, как представителей рабочего класса немало общего, тем не менее, разные пути прихода в профессию и осуществления своей деятельности образуют свои специфические характеристики. Они-то, как правило, и выступают препятствием

к объединению, солидаризации рабочего класса в борьбе за свои политические интересы, и даже в выдвижении каких-либо единых политических требований.

Если раньше способность защищать свои интересы была одной из существенных характеристик рабочего класса (в последний период это особенно ярко проявилось в 1990-е годы), то в последнее время такой активности давно не наблюдается. Да и забастовки 90-х годов прошлого века в России, как правило, не заканчивались победой протестующих. Если и были частичные уступки новых хозяев, то носили они, как правило, временный характер.

Таким образом, в XXI-й век промышленные рабочие России вступили не слишком радвыми учениками своих учителей, давших им уроки стачечной борьбы. Откликом на столь ненормальное положение стали утверждения об исчезновении с социального поля отечественного рабочего класса. Это один из способов навязать ему пассивность, безразличие и покорность. В этой ситуации как никогда необходим честный анализ противоречий его общественно-политического поведения. Главная причина, думается, в несформировавшемся до сих пор чувстве локтя, в отсутствии классовой солидарности.

Крестьянство

Крестьянство всегда считалось наиболее инертной массой в политике. Однако именно крестьяне всегда испытывали и испытывают наибольшие трудности с формированием социально-группового сознания и, тем более, групповой идеологии. Сами условия их образа жизни, постоянная трудовая загруженность, укрепляют крестьянскую индивидуалистическую психологию, препятствуя осознанию себя как большой социальной группы. Еще К. Маркс писал о французских крестьянах XIX века, что «тождество их интересов не создает между ними никакой общности», что поэтому они не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени...» [129].

В XX веке многочисленные попытки создания крестьянских политических партий в разных странах мира не дали практически никакого эффективного результата. Практически то же самое можно наблюдать и в современной России: от имени крестьянства выступает, как правило, аграрно-бюрократическая элита, не имеющая серьезной поддержки среди электората и постоянно вынужденная блокироваться с иными политическими силами.

Хотя история показывает, что именно масштабные крестьянские бунты и восстания составили наиболее драматические страницы истории многих стран. В России, например, это крестьянские войны в XVII–XVIII веках под предводительством И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева, которые происходили задолго до появления буржуазии и рабочего класса. То же можно сказать и о многочисленных крестьянских войнах и восстаниях Западной и Центральной Европы. Однако, обладая наибольшим стажем социально-политической борьбы, крестьянство в развитых странах так и не приобрело каких-либо преимуществ по сравнению с другими классами.

Предпринимались некоторые попытки активизировать роль крестьянства в развивающихся странах. Один из лидеров алжирского национально-освободительного движения философ и психиатр Ф. Фанон прогнозировал рост политической активности крестьянства именно в этих странах. Он считал, что рабочий класс, будучи слишком связанным общими экономическими интересами с буржуазией, не способен к активной политической борьбе. В развивающихся странах рабочие занимают привилегированное материальное положение и представляют собой часть «социальной верхушки». Поэтому только крестьянство, прежде всего, малоимущее способно к активной политической борьбе.

Однако крестьянство, как правило, неспособно самостоятельно преодолеть локальность своих политических действий. В зарубежной политико-психологической литературе отмечается, что для крестьян характерны следующие основные черты:

- «фатализм» (отсутствие достаточной социальной активности, вера в предрешенность социальных перемен в соответствии с канонами религии);
- «апатия» (безразличие к участию в активных социальных политических действиях, пассивный способ существования);
- «индивидуализм» (избегание, по возможности, включенности в социальные общности, уход от социальных проблем в индивидуальные);
- «атомизм» (приверженность к жизни в своего рода «атомарных» структурах типа семьи, рода, клана или племени с одним лидером и безответственными последователями).

По данным эмпирического исследования, проведенного Д.В. Олшанским на материале афганских крестьян, главным фактором политической психологии этой группы населения в последние деся-

тилетия выступает страх. Страх, в широком смысле слова, – прежде всего страх перемен. Страх крестьянина заставляет его минимизировать свои потребности. Дело в том, что потребности людей далеко не всегда так жестко связаны с их непосредственным поведением, чтобы немедленно проявляться в политике. Афганский крестьянин всегда хотел иметь свою землю. Однако это желание, так же как и бунты и восстания, направленные на передел земли, подавлялись властью имущими. Последние стремились утвердить среди крестьян контрпотребности. В данном случае к таким контрпотребностям относится традиционалистский комплекс в психологии крестьянства. Он порождает особую систему предпочтений в жизни, определяет своеобразную направленность поведения, отношение к себе и другим людям. Он определяет особую жизненную ориентацию – ориентацию «статус-кво», избегания политических перемен и сохранения жизни такой, какой она была совсем недавно, будучи освященной религией, обычаями и нравами предков. Для такой ориентации характерны конформизм, социальный консерватизм, боязнь перемен. В ситуации особой угрозы «статус-кво» – отчаяние, которое может вести к различным формам политического экстремизма. Здесь лежит социально-психологическое объяснение таких феноменов, как шараханье вправо, реакционность на грани фашизма, или, с другой стороны, напротив, левацкая ультрареволюционность на грани анархизма.

Большая часть афганских крестьян, пишет Д.В. Ольшанский, отвечая на вопрос «Что значит преуспеть в жизни?», сводит жизненный успех не столько к земле, деньгам, и, шире, к материальному положению, а к спокойствию. Для того, чтобы преуспеть в жизни, по их мнению, необходимо прежде всего спокойствие. Эта тема означает добровольное или чаще вынужденное ограничение своих целей и потребностей удовлетворением лишь непосредственных нужд: надо избежать нищеты, прежде чем думать об улучшении своего положения. Мотив «спокойствия и безопасности» – ведущий в их психологии. Непосредственным поводом для тех или иных политических действий является не столько тот или иной уровень жизни, сколько ощущение постоянной угрозы тому, что есть. В итоге получается, что одной из основных причин политических выступлений крестьянства было в истории и является до сих пор периодически возникающее у них ощущение необеспеченности, угрозы подрыва «статус-кво» [154].

Вопрос о крестьянстве в современной России, и тем более о его участии в политических процессах довольно сложный. Прежде всего потому, что нередко ставится под сомнение сам факт существования крестьянства. Весьма распространена точка зрения о том, что после перестройки, с реставрацией в нашей стране капитализма, крестьянство как осколок феодализма распалось окончательно. Вместо крестьянства теперь в России сельская буржуазия (крупная, средняя и мелкая) и сельский пролетариат [215]. В статьях, публикуемых представителями коммунистического движения, часто встречается утверждение, что сельские жители современной России – это в массе своей:

- либо редкие представители сельской буржуазии, использующие для получения дохода наемную рабочую силу;
- либо чистый сельский пролетариат, живущий только тем, что он нанимается на работу к местной сельской или городской буржуазии;
- либо полупролетариат, когда основной доход ему идет от сдачи в наем своей рабочей силы и небольшой доход дает свой труд на приусадебном участке, плоды которого частично могут продаваться, но преимущественно выращиваются для личного потребления;
- либо совершенно маргинализованный слой населения, то есть люди, окончательно потерявшие надежду найти работу.

Личные крестьянские хозяйства, несмотря на содержание в своем названии слова «крестьянский», как и фермеры, крестьянскими в чистом понимании не являются, ибо только и исключительно своим трудом, трудом самого фермера (крестьянина) и его семьи, они жить не могут – либо быстро разоряются, либо вынуждены нанимать стороннюю рабочую силу [46].

Следовательно, политико-психологический анализ крестьянства как большой социальной группы имеет значение скорее с исторической точки зрения. Вопрос о судьбе крестьянства, также как и вопрос о его участии в политических процессах современного общества, остается, тем не менее, дискуссионным.

Интеллигенция

В социальном значении термин «интеллигенция» стал применяться с середины или второй половины XIX века в отношении общественной группы людей, обладающих критическим способом мышления, высокой степенью рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта.

Во множестве словарей это понятие формулируется как слой «людей, профессионально занятых умственным трудом»...

В то же время, итальянский политический деятель А. Грамши, говоря о сути интеллигенции, ее зарождении, роли в обществе и отношении с властью писал, что главная ее функция – не профессиональная (инженер, ученый, священник и т.д.). Главный смысл ее существования как особой социальной группы – создание и распространение идеологий. Продавая свой труд, интеллигенция тянется туда, где деньги. А. Грамши пишет: «Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций ... политического управления» [59].

Групповую черту, присущую только интеллигенции выделить трудно. Множественность представлений об интеллигенции как социальной группе не дает возможности однозначно сформулировать ее характерные черты, задачи и место в обществе. Спектр деятельности представителей этой социальной группы достаточно широк, в определенных социальных условиях задачи меняются, приписываемые черты разнообразны, не четки и, порой, противоречивы.

Попытки понять внутреннюю структуру интеллигенции как социальной группы, определить ее признаки и черты продолжаются.

По версии современного социолога Галины Силласте, российская интеллигенция в конце XX столетия расслоилась на три страты:

– «высшую интеллигенцию» – людей творческих профессий, развивающих науку, технику, культуру, гуманитарные дисциплины. Подавляющее большинство представителей этого слоя заняты в социальной и духовной сферах, меньшинство – в промышленности (техническая интеллигенция);

– «массовую интеллигенцию» – врачи, учителя, инженеры, журналисты, конструкторы, технологи, агрономы и другие специалисты. Многие представители этой страты работают в отраслях социальной сферы (здравоохранение, образование), несколько меньше (до 40%) – в промышленности, остальные в сельском хозяйстве или в торговле;

– «полуинтеллигенцию» – техники, фельдшеры, медицинские сестры, ассистенты, референты, лаборанты.

В результате возникает вопрос вообще о возможности признания интеллигентов группой социальной или же это индивиды различных социальных групп [208].

Несомненно то, что интеллигенция отличается особой психологической разнородностью. Д.В. Ольшанский считает, что высокий

уровень индивидуального сознания высокообразованных людей – объективный тормоз для развития сознания группового. Соответственно, содержание и уровень развития социально-группового сознания интеллигенции как раз и отражает ее социальную, психологическую и политическую разнородность.

В результате ее разобщенность на профессиональные подгруппы, слои приводит к тому, что именно в их рамках в основном и формируется социально-психологическая, а затем и политико-психологическая общность работников умственного квалифицированного труда. Их групповое сознание обретает форму своеобразного корпоративного или «цехового» сознания, что проявляется в своего рода «корпоративном коллективизме» – то есть в коллективизме, ограниченном узкими рамками интересов данной социальной группы.

Поскольку, как уже отмечалось, для интеллигенции характерно расслоение на страты, то естественно ее расслоение и в политическом плане. С одной стороны современная интеллигенция выступает в качестве политического и идеологического аппарата крупной буржуазии. С другой стороны, беднейшие слои интеллигенции, близкие к наемным рабочим, выступают в роли идеологов основных групп трудящихся страт и слоев населения.

Характерно, что на переломных этапах истории XIX–XX веков к интеллигенции в политическом плане не было особого доверия, как, например, в период событий октябрьской революции 1917 года, или в период «социотрясений» (Б.А. Грушин) начала 1990-х годов. Ее политические «шатания» от одной идеи к другой, от одного социального класса к другому, ее постоянные «искания» своего места и своей роли в обществе породили далеко неоднозначное отношение к ней со стороны буржуазии, рабочего класса, крестьянства и других социальных слоев и групп. Еще Н.А. Бердяев писал: «Ошибочно думать, что лучшая, наиболее искренняя часть русской левой, революционной интеллигенции общественна по направлению своей воли и занята политикой. В ней нельзя найти ни малейших признаков общественной мысли, политического сознания. Она аполитична и необщественна, она извращенными путями ищет спасения души, чистоты, быть может ищет подвига и служения миру, но лишена инстинктов государственного и общественного строительства. «Общественное» миросозерцание русской интеллигенции, подчиняющее все ценности политике, есть лишь результат великой путаницы, слабости мысли и сознания...» [22].

О такой метушейся интеллигенции Н.С. Пряжников пишет как о «ноющей». «Ноющая интеллигенция», по его словам, «может быть достаточно умна, чтобы осознавать многие проблемы общества, но кроме «изысканного» нытья и трепа ничего не предлагает. Хотя если таких образованных и эстетизированных нытиков накапливается достаточно много, то это становится основой «общественного мнения» и система даже преобразуется. Но чаще этим преобразованиям больше способствует полноценная интеллигенция, которая способна повлиять на власть и своим авторитетом, и своими идеями (конструктивными предложениями), и своими нравственными оценками (через СМИ или художественные произведения, например, угрожая неумелым правителям перспективой быть «увекоченными» в качестве «выдающихся» примеров бездарности и нравственного падения). Только вот где такая интеллигенция!?» [191].

С. Кара-Мурза, характеризуя российскую интеллигенцию времен перестройки, писал о присущем ей аутистическом мышлении. Его плодом был созданный воображением интеллигентов образ той *свободы*, которая наступит, как только будет сломан «тоталитарный» советский строй. «Никаких предупреждений о возможных при такой ломке неприятностях и слышать не хотели. Между тем, любой реалистично мыслящий человек знает, что любая конкретная свобода возможна лишь при условии наличия целого ряда «несвобод». Абсолютной свободы не существует, в любом обществе человек ограничен структурами, нормами – просто они в разных культурах различны. Но эти вопросы не вставали – интеллигенция буквально мечтала о свободе червяка, не ограниченного никаким скелетом» [86].

В последние десятилетия в среде интеллигенции принято идентифицировать себя в качестве «среднего класса» или «средних слоев» (иногда с подразделением на высший и низший слои среднего класса). В этой связи следует особо остановиться на этом относительно новом для менталитета нашей страны понятии.

Средний класс

В настоящее время в отечественной литературе отсутствует четкое представление как о среднем классе, так и о критериях его выделения.

Очевидно, что перспективы развития нашей страны как государства с современной инновационной экономикой зависят, прежде всего, от российских правящих слоев. Состав же этих слоев

предопределен характером экономики. Его формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего, газа и нефти. Их естественным антагонистом выступает отечественная буржуазия, тесно связанная с национальной промышленностью и замкнутая на внутренний рынок. Среди ее специфических черт исследователи отмечают преимущественную ориентацию на внутренние рынки сбыта, рачительное отношение к национальным ресурсам, стремление к улучшению промышленного и человеческого потенциала страны. Для нее также характерно отсутствие сколько-нибудь выраженной зависимости от иностранного капитала и внешних центров политического влияния.

Ядро среднего класса России образуют такие многочисленные группы в современном обществе, как менеджеры и профессионалы. Основным ресурсом профессионалов является человеческий капитал, а администраторы и менеджеры (наемные работники) используют такие ресурсы как организационный или властный капитал.

На смену прежнему социальному разделению в составе наемных работников между новым средним классом и рабочим классом приходит социальный разлом между информационной (способной работать в условиях растущей информатизации общества) рабочей силой, воплощенной в элитной части среднего класса, и основной массой национальных отрядов рабочей силы – родовой рабочей силы [253].

Е.М. Авраимова, анализируя средний класс «эпохи Путина», рассматривает этот слой общества как социальную группу, находящуюся на пересечении основных идентификационных признаков, к которым относятся: материальное благосостояние, наличие высшего образования и социальной идентификации со средним слоем.

Признаки, попадающие в соответствующее идентификационное пространство, могут быть взаимообусловлены и взаимоувязаны. В этом случае происходит так называемая «статусная совместимость»: уровень образования определяет социально-профессиональный статус, гарантирующий определенный уровень дохода, который, в свою очередь, определяет социальную идентичность, и т.д. Сегодня, по данным Е.М. Авраимовой, тех, кто обладает такими двумя базовыми признаками, как уровень образования и достаточно высокий доход, стало вчетверо больше, чем было [2].

Сегодня определились две отрасли-лидера, где около половины составляют представители среднего класса, выделенного по указан-

ным выше критериям. Это структуры управления (51,5%) и финансовые и юридические услуги (46,8%). Другая группа отраслей (строительство и транспорт, связь и информация, наука и образование, здравоохранение) имеет в своем составе от четверти до трети обладателей указанных выше признаков.

Следовательно, можно заключить, в каких секторах экономики интенсивно развивался средний класс и, соответственно, какой тип организационного развития созревший средний класс будет поддерживать. Это в первую очередь бюрократический, перераспределительный, а не производственный, основанный на инновациях, тип экономики.

Р.Х. Симонян подчеркивает, что наиболее массовую часть российской интеллигенции составляют врачи, учителя, работники культуры, а также наименее оплачиваемые государственные служащие, значительная часть которых живет за официальной чертой бедности. Но их самовосприятие в качестве представителей среднего слоя определяется не столько уровнем потребления, сколько уровнем общественно-профессионального авторитета. Наконец, признание своей принадлежности к низовому социальному слою создает для человека бремя постоянного психологического дискомфорта, что интенсивно побуждает его избегать подобной ситуации. Словом, высокий удельный вес причисляющих себя к среднему классу означает в действительности, что у нас в стране одновременно существуют его виртуальная и реальная ипостаси, что еще больше усложняет само понятие «социальная структура общества» [209].

Итак, главное, чем характеризуется средний класс, это своей разнородностью. Он представляет собой совокупность разнородных слоев населения, которые характеризуются неодинаковой структурой и объемами экономического, социального, политического и культурного капиталов и, вследствие этого, различными (и даже противоположными) ценностными ориентациями и политическими диспозициями.

В силу своего «срединного» положения среди населения, разнородности состава и политических ориентаций в условиях переходного общества средний класс может быть социальной базой какого угодно политического режима. Все зависит от общей социально-экономической ситуации. Так, например, в период глубокого экономического кризиса конца двадцатых – начала тридцатых годов XX века («Великой депрессии») – одни представители среднего класса («старый» средний класс) стали социальной основой режимов личной

власти в Германии и Италии, а специалисты технического и гуманитарного профиля («новый» средний класс) – основой режима личной власти в СССР [12].

Изменение политических диспозиций среднего класса России (как и населения всей страны) в конце XX – начале XXI веков привело к значительному уменьшению удельного веса людей, полагающих, что для отстаивания своих собственных интересов лучше всего использовать личные связи и взятки. Зато возросла доля людей, ориентирующихся на участие в забастовках, митингах, демонстрациях, в деятельности политических партий. В то же время, как показывают эмпирические исследования, пока эти формы влияния на власть используют от одного до четырех процентов опрошенных, а личные связи и взятки – от 4 до 11%. Но хуже всего то, что как среди населения в целом, так и среди среднего класса в указанный период времени существенно увеличилась доля людей, не видящих никаких способов защиты своих прав и интересов. То есть, несмотря на позитивные сдвиги в структуре потенциальной и реальной политической активности среднего класса, среди него, как и среди всего населения страны, пока преобладают носители пассивных типов политической культуры, полагающие, что отстаивать их права и интересы должны профессиональные политики, а не они сами [200].

Маргинальные группы и люмпенизированные слои

Американский социолог Р. Парк, введя в 1928 году понятие «маргинальность» имел в виду социально-психологическое состояние иммигрантов. Маргинальность, в его понимании, связана с сомнениями индивида относительно своей личной ценности, с неопределенностью дружеских связей, постоянной боязнью быть отвергнутым, склонностью избегать неопределенных ситуаций, болезненной застенчивостью, одиночеством, чрезмерной мечтательностью, излишним беспокойством о будущем и т.п. Маргинальность рассматривалась как побочный продукт аккультурации, процесса воздействия друг на друга двух культур. Маргинальный человек живет в двух мирах одновременно (в случае иммигранта – в мире родной культуры и местной), что вынуждает его принимать ценности и нормы обоих миров.

В 1940–1960-х годах проблема маргинальности стала рассматриваться как конфликт культур. Э. Хьюз отмечал, что маргинальность имеет место там, где происходит социальное изменение и формиру-

ются группы, не имеющие определенной социальной идентификации, что сопровождается фрустрацией, расхождением личностных или групповых стремлений. Для Э. Хьюза маргинальность – это идентификация человека с двумя статусами или референтными группами.

Т. Шибутани считал, что обязательного соотношения между маргинальным статусом и личностными расстройствами душевного состояния не существует. Часто маргинальные личности формируют свои сообщества и следуют их ценностям. Невротические симптомы чаще развиваются у тех, кто пытается идентифицировать себя с высшей стратой и бунтует, когда их отвергают. Явление маргинальности приписывают (правда, в разной степени) таким группам, как безработные, иностранные рабочие, бродяги, нищие, гомосексуалисты, проститутки, наркоманы, молодежные субкультурные объединения, цыгане, преступники и освобожденные из мест заключения уголовники.

Социально-психологическая группа маргиналов имеет стойкую тенденцию к росту и расширению. Представители маргиналов рекрутируются из всех социально-психологических групп промышленного пролетариата, исключая группу опытных рабочих старшего возраста. Их объединяет стиль жизни, особая культура бедности, которые получили в американской социологии название «underclass».

Этот «нижний слой» обладает следующими основными психологическими характеристиками: неверие в свои силы, убеждение в безысходности своего положения, крайне низкий уровень социальных претензий, алкоголизм, наркомания, моральная деградация, нежелание понять других людей и, что самое интересное, почти полное безразличие к противоположному полу у мужчин и половая распушенность у женщин. Большинство их не может проработать на одном предприятии и одного года. По большому счету работать они и не желают. Предпочитают существовать на мизерное пособие по безработице. Большинство из них имеет криминальное сознание, подражает привычкам преступного мира.

Явление маргинальности на эмпирическом уровне исследуется также в контексте социальной мобильности. Такое процессуальное понимание маргинальности, связано с перемещением индивида между социальными статусами, и характеризует ситуацию адаптации к новой статусной позиции. Авторам данной точки зрения представляется, что любая ситуация маргинальности должна рассматриваться с процессуальной точки зрения, поскольку потенциально имеет

перспективу разрешения. При таком понимании переменными характеристиками маргинальности выступают длительность этого состояния и завершенность/незавершенность процесса [19].

Маргинальные слои тяготеют к созданию антиобщественных объединений, часто с инвертированной системой ценностей. В последние десятилетия привлекают внимание попытки некоторых маргинальных слоев навязать свою волю большим референтным группам, подчинить их и превратить свою антиобщественную организацию в доминирующую.

Примерами такого рода, как считает Д.В. Ольшанский, являются случаи захвата власти военными хунтами или небольшими сектантскими политическим группировками, устанавливающими политическую власть над значительным количеством людей. Многие исследователи рассматривают маргинальность как один из серьезных истоков политического радикализма.

Однако далеко не всегда маргинальность проявляется столь драматично. Есть гораздо более мирные случаи ее проявления. Одним из классических примеров может считаться группа служащих. Не случайно в специальных исследованиях именно у служащих фиксируется особенно низкий уровень групповой идентификации. С одной стороны, это объясняется большой неоднородностью данной группы. Основную массу служащих, например, в развивающихся странах составляют мелкие государственные чиновники, мелкие служащие государственных и частных предприятий. В целом они относятся к полупролетарским и мелкобуржуазным слоям и представляют собой «трудящихся». С другой стороны, у служащих значительно большие возможности для карьеры, чем, например, у рабочих. Естественно, служащий верит в возможности развития своей карьеры, что и определяет характер его социально-политического поведения. Он стремится отнести себя к так называемой бюрократической буржуазии и, естественно, будет поддерживать интересы буржуазии в целом.

В России о маргинальности заговорили в начале реформ 1990-х годов. Как правило, термин употреблялся с негативным оттенком, поскольку (как отмечалось выше) маргинальность отождествлялась с антиобщественными объединениями, с перевернутой системой ценностей. Однако, спустя некоторое время, семантика этого понятия в отечественной литературе несколько изменилось. Практически исчезло негативное отношение к этому понятию, которое чаще рассма-

тривается как обозначающее неустойчивость положения личности в контексте социальных изменений.

Своеобразной разновидностью современных маргинальных групп можно считать люмпенизированные (от нем. *lumpen* – лохмотья) слои населения. Впервые понятие «люмпен-пролетариат» было введено для обозначения низших слоев общества, обычно деклассированных и деморализованных слоев пролетариата, неспособных к самостоятельному организованному социальному самовыражению в рамках принятых социальных норм. В 1944 году впервые появился термин «люмпен-буржуазия» (А. Кестлер) для обозначения состояния сознания и поведения интеллигенции в периоды кризисов.

Люмпенство – это историческая тенденция антисоцидания и даже разрушения – через отказ от сбережения (накопления) и неотложное нерегулируемое потребление – как главные проявления активности индивида. Это перенос акцента с производства на потребление, требование «равенства» в потреблении и иждивенческое отношение к обществу, рвачество и стремление «качать права». Непсихологичность мышления и завышенные требования к властям побуждают индивидов с люмпенской психологией возлагать на власть ответственность за аварии и техногенные катастрофы, не вникая в суть дела и фактическую возможность их предотвращения. И по существу, это «социально продвинутый» паразитизм: ведь существуют люмпены только благодаря трудовым достижениям нелюмпенов, которым они вместе с тем завидуют и которых ненавидят. А те всё им обязаны предоставлять: чтобы загладить свою «классовую вину», которая заключается в добросовестном труде и материальном достатке [91].

Современные люмпенизированные слои отличаются завышенными социальными притязаниями при одновременном нежелании приложить силы для их осуществления. Некоторые формы люмпенизации носят возрастной и, потому, преходящий характер (хиппи, панки, битники, готы, эмо и т.п.), другие более стабильны – безработные, нищие и т.д. В определенные периоды эти страты могут представлять собой резерв или даже базу для реакционных сил, рвущихся к власти (крайние формы бонапартизма, фашизма, анархизма). Как правило, люмпенизация является непременным спутником слишком быстрых реформ общества. Политическая активность политически бескультурных индивидов, к которым относятся люмпены, легко принимает варварские формы.

Если же люмпены идут в политику, то готовятся они не к труду управления государством, а к дележу. Чего? Власти. Простой пример.

В случае техногенной катастрофы (аварии на подводной лодке) их интересует не причина аварии (то есть то, что позволяет предотвращать подобные катастрофы в будущем), а то, как и кто проинформировал страну об этом: информационный повод для них важнее события.

Еще раз подчеркнем, что большие группы в политической психологии изучены пока еще далеко не в полной мере. Прежде всего, это связано с нечетким пониманием сущности этих групп, их типов, функций, психологических и иных характеристик, что вызывает трудности в разработке и применении адекватных методов психодиагностического исследования.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. В чем заключается основная проблема в определении малой группы?
2. Что такое социальный характер и в чем он проявляется?
3. Как Вы считаете, есть ли в современной России класс буржуазии? Если есть, то как бы Вы его охарактеризовали?
4. Каковы психологические характеристики рабочего класса Западной Европы, США и России?
5. Почему масштабные бунты и восстания XVII – XVIII веков в России поднимались крестьянством, считавшимся всегда наиболее инертной массой в политике?
6. Почему интеллигенция отличается особой психологической и социальной разнородностью?
7. Почему, как Вы считаете, некоторые авторы называют интеллигенцию «шатающейся», «метущейся», «ноющей» и т.п.?
8. Можно ли сказать, что интеллигенция и средний класс – это одно и то же?
9. Какой тип среднего класса (бюрократический, перераспределительный, производственный или др.) наиболее характерен для современной России?
11. Почему маргинальность считают побочным продуктом аккультурации?
12. Каковы основные социально-психологические характеристики маргиналов?
13. Как Вы считаете, есть в России маргинальные группы? Если есть, то как бы Вы их охарактеризовали?
14. Каковы основные политико-психологические характеристики люмпенизированных слоев населения?

Глава 9.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Виды национально-этнических групп: род, племя, народ, нация, этнос. Национальное сознание. Национальное самосознание. Национальный характер и национальный темперамент. Русский национальный характер. Психология и политика национальных конфликтов

Не люблю народов,
которые не делятся на людей.

Станислав Ежи Лец

9.1. Виды национально-этнических групп

Есть люди, абсолютно свободные
от националистических предрассудков.
Они готовы драться с кем угодно.

Станислав Ежи Лец

Еще одним примером больших социальных групп, значимых как в историческом процессе, так и в сфере общественно-политических отношений, являются различные этнические группы. В отличие от психологии классов, психологические особенности различных этнических групп и прежде всего наций исследованы значительно лучше. Выделилась специальная ветвь науки на стыке социальной психологии и этнографии – этнопсихология. Некоторые авторы вообще рассматривают этнопсихологию как составную часть социальной психологии.

Что же касается политической психологии, роль и значение национально-этнических групп в политике очевидны. В конечном счете, в истории человечества они возникли раньше, чем социальные группы. По сути, национально-этническая общность продолжает оставаться более глубинной, чем общность социальная. Не случайно мы по-прежнему остаемся свидетелями массы политических явлений и процессов, возникающих и развивающихся на национально-этнической основе. Это не только межнациональные конфликты и войны,

межрасовые столкновения и проблемы родоплеменных отношений в отдельных странах. Это само по себе этническое разделение, на котором продолжает базироваться не только большинство индивидов или групп, но и целых стран в политике. Несмотря на нарастающую тенденцию к глобализации жизни человечества, национально-этнические общности всегда имели и продолжают иметь огромное значение в политической жизни. Следовательно, понимание национально-этнической психологии и ее роли имеет большое значение в политической психологии в целом.

Национально-этнические группы – это большие группы, включающие тысячи и миллионы людей, связанных общими внешними и внутренними, психологическими особенностями. К национально-этническим группам относятся род, племя, народ, нация, раса и этнос.

Род – группа кровных родственников по материнской или отцовской линии, ведущих свое происхождение от общего предка, носящих общее родовое имя, имеющих общие потребности и интересы, проявляющиеся в единых социально-политических действиях. До сих пор в ряде стран Азии и Африки роды и родовые объединения играют огромную роль в организации власти и государств. К понятию «род» примыкает понятие «клан», несущее в современной политической психологии более символическое и обобщающее значение.

Объединение двух или более родов образует **племя**. Это более высокая форма уже непосредственно политической организации. Она объединяет некоторое число родов и семейно-родовых кланов на общей этнической основе. Род, как правило, не может существовать отдельно (хотя бы в силу закона экзогамии – обычая избегать браков между мужчинами и женщинами одной и той же общественной группы, рода). В то же время, племя – уже достаточно автономное, обособливающееся объединение. Такое обособление происходит, прежде всего, на основе обладания собственным языком или диалектом, собственными обычаями, характерными именами, традициями и верованиями, собственными тотемами, выражающими их чувство обособленности.

Уже исторически, как считал Я. Щепаньский, племя всегда имело контур внутренней формальной политической организации: в частности, вождя или совет вождей, собственные специализированные группы вооруженных лиц для защиты определенной территории, с которой было связано племя, и т.д.

Племя – часть сложнейшего национального вопроса, особенно важного для тех стран Азии и Африки, в которых родоплеменной строй сохранился как заметный компонент общей социальной организации жизни.

Каковы основные черты населения племен? С точки зрения политической психологии, это, прежде всего противоречивость и непоследовательность поведения в повседневной жизни. И в то же время следует отметить такую особенность, как неизбежность традиций и настоящий культ предков в жизни духовно-культурной. Противоречивы и отдельные психологические черты: так, гордость и великодушие сочетаются со вспыльчивостью, неуравновешенностью, подчас подозрительностью и мстительностью. Готовность прийти на помощь, уверенность в своих силах сочетаются с негативным отношением к тем, кто живет по другому, с опасением новых чужеродных контактов, угрожающих независимости племени.

По мнению Д.В. Ольшанского, с точки зрения политической психологии, независимость для племени – это главное. Для этих людей психологически нет никаких государственных, политических и иных границ. Вопрос о государстве, как и о принадлежности земли кому-то, для них также нелеп, как и вопрос, например, о том, «кому принадлежит небо, солнце, луна? В истории человечества кочевники, как известно, так и не создали сколько-нибудь прочных государств. Отдельные исключения, типа империи Чингисхана, носили всего лишь эпизодический характер.

Восприятие этих людей жестко разделено надвое: мир состоит из «своих» и «чужих». «Свой» – это только тот, кто связан узами родства, хозяйства, веры, знает, уважает и соблюдает законы, традиции и порядки племени. Это – принципиальные основы. Причем религиозная вера в общепринятом смысле стоит не на первом месте: законы рода и племени могут быть важнее религии. Религия носит более поздний, во многом привнесенный характер. Слово вождя в пуштунских афганских племенах до сих пор важнее слова муллы, как и решение джирги (совета) племени. Зная это, мулла никогда не пойдет наперекор вождю или джирге – скорее, он найдет для племени и для себя особый «компромисс с Аллахом».

Естественно, что у этих людей существует свое особое отношение к политике. Внутри рода и племени никакой политики внешне вообще нет – существует иллюзия однородности, равенства и единства,

«братства». Хотя племена давно уже расслоились на феодальную верхушку и трудящееся большинство, это разделение замаскировано тем, что носит не противоречиво-классовый, а сословный, нехозяйственный характер.

«Единство в отношениях внутри своего племени противостоит хитрости, «политике» в отношениях с «чужими». Политика для представителей племени – что-то сродни торговле, там все можно ради достижения своей выгоды. И только если племена признают «своими» тех или иных людей, ту или иную партию или правительство, они могут изменить отношение к ним с «политического» на прямое, честное и открытое – в духе высоко чтимых и декларируемых «традицией предков» и традиционного для большинства племен «кодекса чести» [154].

Над родом и племенем исторически надстраивалось особое образование – **народ**. Это одна из важнейших категорий как политологии, так и политической психологии, содержание которой существенно меняется в зависимости от интересов и политических позиций определяющего субъекта. Понятие «народ» чаще всего употребляется в двух значениях: в широком смысле – все население определенной страны (совокупность граждан определенного государства), а также синоним понятия «этническая общность» (или «историческая общность людей»).

Неразличение двух указанных значений термина – политического (народ как «демос») и этнического (народ как «этнос») влечет за собой терминологическую путаницу. Чтобы ее преодолеть современная этнология отказалась от термина «народ», приняв за операциональные такие понятия, как «этническая группа», «этноя» (в российской исследовательской традиции используется также термин «этнос»). Большинство исследователей согласны, что принадлежность к тому или иному народу («этническая идентичность» или «этничность») определяется не биологическими («кровь», «генотип», «расширенный фенотип»), а социально-культурными факторами (общее для определенной группы прошлое, общие культурные навыки, разделяемые ценности, транслируемые от поколения к поколению традиции, конфессиональная общность и т.д.).

Понятие «народ» всегда играло и до сих пор играет огромную эмоционально-публицистическую роль в политике. «Именем народа», «во имя народа», «во благо народа» всегда совершались и совершаются сегодня практически все политические действия.

В понимании того, что такое «**нация**» (от лат. *natio* – племя, народ) определенности не больше, чем в понимании термина «народ». В большинстве справочных изданий, энциклопедиях указывается на два подхода к пониманию нации: как политической общности граждан определенного государства и как этнической общности с единым языком и самосознанием. В международном плане нация является синонимом национального государства.

Для политической психологии представляет интерес политический и психологический аспекты понимания нации.

Что касается первого, политического аспекта, то здесь следует отметить точку зрения конструктивистов, которые считают, что нации представляют собой искусственные образования, целенаправленно сконструированные, созданные интеллектуальными элитами (учеными, политиками, идеологами) на основе национального проекта – идеологии национализма, которая может выражаться не только в политических манифестах, но и в литературных произведениях, научных трудах и т.д. Географическими границами национального проекта при этом являются актуальные политические границы государства, а этнические различия населения, участвующего в строительстве такой нации вообще не имеют значения. Один из главных теоретиков конструктивизма Б. Андерсон определяет нации как «воображаемое сообщество», и «воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное». Имеется в виду, конечно, не то, что нации – вообще некие фикции, а то, что реально существуют лишь рационально мыслящие индивиды, а нация существует лишь в их головах, «в воображении», в силу того, что они себя идентифицируют именно этим, а не другим образом» [7].

Что касается психологического аспекта, то здесь следует сказать о психологической теории нации, получившей широкое распространение в обществоведческой литературе XIX века, после того, как французский философ Э. Ренан прочитал в Сорбонне цикл лекций по проблеме наций (1882). Э. Ренан считал что нация – это душа, духовный принцип. Эту душу (или духовный принцип) составляют две вещи. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна – это иметь богатое наследство воспоминаний, другая – общее согласие, желание жить вместе, продолжать вместе пользоваться неделимым наследством, которое досталось. Разделять в прошлом общую славу и общую печаль, осуществлять в будущем ту же самую программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться... [по : 51].

Психологический аспект понимания нации акцентирует внимание на том, что человек рождается, живет и умирает в одном и том же кругу, находится в окружении одних и тех же людей, не испытывая потребности в другом сообществе. Индустриальное общество ломает эту картину: люди становятся все более мобильными, соседские и семейные связи нарушаются, расторгаются. Нация восстанавливает и социальные связи человека на новом уровне, соответствующем глобальному размаху повседневной жизни. Б. Андерсон, называя нацию «воображаемым сообществом», утверждает, что это – сообщество, которое создается и удерживается не личным знакомством членов, а силой их воображения, их братских чувств.

Понятие «нация» в современном научном языке близко к понятию «народность», однако его нельзя отождествлять с понятием «национальность». Нация есть более социальное (хотя не исключительно социальное) и, потому, более широкое образование. Оно включает в себя разные национальности – например, на основе общности социально-политического устройства. Нации могут даже меняться в объеме, расширяться или уменьшаться в зависимости от изменения социально-политических устройств, однако национальности при этом остаются неизменными.

Это подтверждают, например, и история США, и история нашей страны (советский строй, в котором, как утверждалось, существовала новая историческая общность людей «советский народ»).

Еще одно понятие, на которое следует обратить внимание – **«этнос»**. Это понятие относится к числу наиболее обобщенных. Под этносом или этнической общностью обычно подразумевают исторически возникший вид устойчивой общности людей, обладающих общим самосознанием, общностью происхождения и культуры (чаще всего языка), общностью территории проживания. Часто под этносом имеют в виду национально-лингвистические группы, объединенные общим ареалом проживания и обладающие общими культурно-психологическими и поведенческими чертами.

В зарубежной и отечественной литературе преобладают две точки зрения по вопросу о сущности этноса. Одна из них основывается на тезисе, что этнос – это явление социальное, другая – историческое. В зарубежной социально-культурной антропологии вместо понятия «этнос» предпочитают употреблять понятие «этничность», отражающее принадлежность к определенной нации или этнической группе. Есть

и другие подходы, согласно которым этнос – это культурологические, географические, биосоциальные, биофизические общности. У каждого из этих подходов есть рациональное зерно, и одновременно один общий существенный недостаток – они абсолютизируют один из вышеназванных факторов, недооценивая, а порой игнорируя другие. По мнению П.И. Гнатенко, этносы – это социально-исторические общности, в формировании которых значительную роль играют географический, культурологический, и другие факторы. Рассматривая соотношение понятий «этнос» и «нация», указанный автор полагает, что этнос – понятие более широкое по сравнению с нацией. Последняя выступает одной из форм этноса. Имеются и другие его формы, например, народность [51].

Для политико-психологического исследования понятие «этнос» остается все же в некоторой степени полезным с точки зрения анализа самосознания той или иной этнической общности и его значения в оценке социально-политических процессов и явлений.

При всем различии рассмотренных выше понятий, все они обозначают большие этнические группы, выступающие в качестве субъектов политики, и включают в себя психологические компоненты, проявляющиеся в политических действиях.

Таким образом, большие национально-этнические группы являются особым предметом политико-психологического рассмотрения в рамках такого раздела, как национально-этническая психология. В своей основе она представляет собой единство двух основных факторов: более иррационального национального характера и более рационального национального сознания. По своей структуре, это сложное двухуровневое образование. В совокупности иррациональный и рациональный факторы формируют психический склад нации в целом.

9.2. Национальное сознание

Национальное сознание есть
сознание единства исторической судьбы

Николай Бердяев

Национальное сознание – сложная совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации.

Национальное сознание является продуктом длительного культурно-исторического развития этнической общности. Оно включает в себя отношение группы к различным ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития, былые достижения и ставит задачи перед будущим. Ядром национального сознания является национальное самосознание. Кроме него в число основных компонентов национального сознания входят осознанное отношение нации к ее материальным и духовным ценностям; способности к творчеству ради их умножения; осознание необходимости своего сплочения ради осуществления национальных интересов и успешных взаимоотношений с другими национально-этническими группами.

Как и любая другая форма общественного сознания, национальное сознание представляет собой сложное единство двух тесно взаимосвязанных составляющих: теоретического сознания и обыденного.

Обыденное национальное сознание – это эмпирический уровень национального сознания как результат стихийного, эмпирического отражения действительности в повседневном сознании широких национальных масс; в более привычном понимании – это бытовая повседневная национально-этническая психология. Это достаточно сложное динамичное, постоянно видоизменяющееся образование. Обыденное национальное сознание – особого рода синтез природно-биологического и социального опыта многих поколений. И в то же время оно отражает насущное конкретное социально-политическое бытие большинства представителей нации.

Структурно обыденное национальное сознание включает в себя три основных компонента.

Во-первых, это повседневные потребности, интересы, ценности и ценностные ориентации, установки, отражающие определенный этап развития данной национально-этнической общности, и имеющие в основе своего происхождения не столько исторические, сколько конкретные современные истоки.

Во-вторых, это построенные на определенной системе ценностей и ценностных ориентаций стереотипные представления, простейшие нормы и элементарные образцы поведения, а также традиции и обычаи, имеющие как исторические, так и социальные корни.

В-третьих, это эмоции и чувства и обусловленные ими формы выражения в образах, звуках, красках, совокупность которых составляет то национально-особенное в повседневной жизни, что обычно связы-

вается с национальным характером, и исходит из него, хотя проявляется уже в национальном сознании.

Важнейшей характеристикой национального самосознания является то, что, будучи наиболее элементарным, «первичным», оно проявляется в виде осознания людьми своей принадлежности к определенной национально-этнической общности. Национально-этнические эмоции и чувства, взгляды и настроения, привычки и нормы поведения отражают приверженность национальным ценностям на бытовом уровне. Они порождены прежде всего общностью территории, языка, культуры, обычаев, традиций народа – в целом, общностью условий повседневной жизни.

Как уже отмечалось, национальное сознание весьма динамично, изменчиво. Этот фактор представляет собой довольно непростую проблему как для политико-психологического анализа, так и для оценки, прогнозирования поведения, жизнедеятельности той или иной национально-этнической общности. Наиболее динамичными компонентами национального сознания являются потребности и мотивы. Практически любые изменения в системе социально-политических отношений ведут к изменениям в потребностно-мотивационной системе, порождают новые потребности, соответствующие изменившимся условиям, а также видоизменяют способы реализации старых потребностей.

Новые или изменившиеся потребности могут вступать в противоречие с иными, менее подвижными компонентами обыденного национального сознания – с изжившими себя традициями и обычаями, со старыми стереотипными представлениями. В результате могут возникнуть внутренние противоречия, психологические конфликты, проявляющиеся в изменениях эмоциональной сферы. Наиболее заметно эти изменения выражаются в динамике массовых настроений. Настроения как демонстрация удовлетворенности потребностей, являются самым динамичным компонентом обыденного национального сознания. Этот динамизм усиливается недостаточной осознанностью настроений, что ослабляет (или делает невозможным) сознательный контроль над ними.

Менее динамичными элементами, обеспечивающими стабильность обыденного национального сознания, являются первичные, наиболее глубинные эмоционально окрашенные установки и стереотипы. Например, закрепившиеся в поколениях и воспринятые человеком с детства враждебное отношение к той или иной «чужой» этнической группе и соответствующее представление о ее представителях,

могут сохраняться в латентной форме достаточно долго. Причем нередко это происходит даже вопреки очевидным фактам жизни и сознательно принятой человеком идеологической конструкции. И тогда возникает парадоксальная ситуация – установки и стереотипы национально-этнической враждебности не всегда проявляются в реальном поведении человека или даже целой национально-этнической группы.

В известных экспериментах Ж. Лапьера по изучению социальных установок владельцев гостиниц опрашивали, как они отнесутся к появлению представителей ряда национальностей (например, китайцам). Большинство отвечало резко отрицательно. Спустя время, в эти гостиницы приезжали сами исследователи, среди которых были и китайцы. Оказалось, что они не испытывали ни малейшей дискриминации при проживании и обслуживании в этих гостиницах. Так был сделан вывод о том, что «знаемые», как бы «выученные» установки и стереотипы не всегда совпадают с реальным поведением, мотивированным, скажем, прибылью от дополнительных постояльцев [по : 154].

Наиболее устойчивыми элементами обыденного национально-го сознания являются национально-этнические обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение, базируются на наиболее глубинных установках и системе ценностей прошлого, на социально-политической памяти национально-этнических групп. Отличаясь особой стабильностью, национально-этнические традиции и обычаи выполняют регулятивную и стабилизационную функции в поведении новых поколений. Именно в этом смысле следует понимать известную фразу о том, что традиции мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых, оказываясь сильнейшим, часто непреодолимым барьером перед актуальными социально-политическими нововведениями и реформами.

Однако следует учитывать и то обстоятельство, что, с одной стороны, влияние обычаев и традиций связано с тем, что именно они являются, в глазах большинства людей, порождением и отражением неких «естественноисторических» условий жизни данной общности (апробированных веками, и потому незыблемых), с другой – они выражают системы ценностей, связанные с достаточно определенными историческими периодами и господствовавшими в них социально-политическими силами, что делает их как бы «священными» в глазах людей, тяготеющих именно к данной системе ценностей.

По мнению Д.В. Ольшанского, наиболее весомую роль традиции и обычаи играют в жизни так называемых национальных меньшинств и других, сравнительно небольших национально-этнических образований. Сохранение и культивирование собственных традиций и обычаев является для них необходимой и важной защитной реакцией самосохранения, залогом национально-культурной идентичности и выживания в качестве национальной общности за счет дополнительной мобилизации внутренних, прежде всего, психологических ресурсов, при недостаточности ресурсов внешних. Гиперкомпенсаторное внимание к национальным обычаям и традициям часто оказывается естественной реакцией протеста против политики ассимиляции, обычно реально угрожающей малой нации со стороны более крупных наций-соседей, и, одновременно, формой национального самоутверждения. В этом случае традиции и обычаи выступают как средства передачи социально-политического опыта нации и являются инструментом пробуждения национального самосознания, интеграции национальной общности.

Обыденное национальное сознание весьма заразительно, что облегчает его интенсивное распространение. Оно отличается «бытовой убедительностью» своих аргументов. Их распространение основано на действии целого ряда психологических механизмов, таких как массовое внушение, групповое давление и конформизм, психологический перенос собственных индивидуальных проблем на проблемы общности и др. Механизмы распространения обыденного национального сознания выполняют две взаимосвязанные и, одновременно, противоположенные задачи. Во-первых, задачу объединения, консолидации представителей одной национально-этнической общности, и, во-вторых, – задачу разъединения и противопоставления друг другу членов различных национально-этнических групп.

В отличие от обыденного, теоретическое национальное сознание – это научно оформленное и четко социально и политически ориентированное обобщение избранных элементов обыденного национального сознания. Это идеология национально-этнической группы, обычно включающая в себя обобщенно положительную самооценку истории, современности и совокупности целей развития нации, а также ценности и образцы поведения, обязательные для каждого представителя национально-этнической общности. В центре такой идеологии часто может находиться идея исключительности собственной

национально-этнической группы, и тогда такая идеология будет приобретать националистический характер, вплоть до расизма.

В период обострения ситуации на Ближнем Востоке, грозившей агрессией США против Сирии, президент Б. Обама заявил об исключительности американской нации. В мировой истории известны случаи, когда заявления подобного рода приводили к масштабным войнам и политическим катаклизмам. Негативные последствия такой «исключительности» в свое время продемонстрировала миру гитлеровская нацистская Германия. Президент России В.В. Путин в обращении к американскому народу, опубликованному в «Нью-Йорк таймс» 14 сентября 2013 г., так отреагировал на заявление американского президента: «Очень опасно вдохновлять людей на то, чтобы они считали себя исключительными, какая бы мотивация ни была. Есть большие страны и мелкие страны, богатые и бедные, с глубокими демократическими традициями и еще ищущие свой путь к демократии. И их политика различается тоже. Мы все разные, но когда мы просим благословения у Господа, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными».

Теоретическое национальное сознание, основанное на максимальном внимании к идее собственной нации, может исходить и из реалистического понимания взаимозависимости наций и народов в сегодняшнем едином, противоречивом, но взаимосвязанном мире. Подобная идеологическая конструкция приобретает уже принципиально иное, интернациональное звучание. Ключевые вопросы, позволяющие квалифицировать и типологизировать варианты теоретического национального сознания, сводятся к допустимости или недопустимости компромисса в реализации потребностей и интересов разных национально-этнических групп, а также в выборе путей и методов разрешения возможных противоречий.

9.3. Национальное самосознание

Скажи мне, над чем смеется народ,
и я скажу тебе, за что он готов пролить кровь.

Станислав Ежи Лец

Центральным компонентом национального сознания является национальное самосознание – совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспроиз-

водить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности. Национальное самосознание составляет основу системы оценочных отношений и ценностных представлений, требуемых для соответствующего самоопределения человека в духовной и социально-политической жизни. Основная функция национального самосознания заключается в создании ментального и социально-политического единства этнических образований.

Национальное самосознание – сложный интеллектуальный продукт, в структуру которого входят элементы бессознательного, включая различные архетипы и стереотипы.

Если национальное сознание отражает обобщенные взгляды, отношения и представления той или иной национально-этнической общности, то национальное самосознание индивидуалистично, выражает прежде всего степень усвоения определенных компонентов национального сознания конкретным индивидом, представителем определенной национально-этнической группы. Каждый представитель нации осознает себя как ее часть, с момента рождения он становится носителем национальной культуры. Для каждого человека это сознание является основой для включения в систему политических и общественных связей, для социализации.

Феномен национального самосознания возникает уже на ранних ступенях человеческой истории. Его генезис – это длительный, сложный, неравномерный культурно-исторический процесс. Как отмечает Д.В. Ольшанский, зарождение национального самосознания на обыденном этнопсихологическом уровне было связано с действием одного из базовых социально-психологических механизмов развития человеческого сознания в целом, с формированием и укоренением в психике представлений той или иной общности антитезы «мы» и «они». Осознание себя как члена некой группы, целостности («мы») как раз и строится через противопоставление представителям иной группы – неким «они».

Противопоставление «мы» и «они» основано, как правило, на нескольких наиболее ярко выраженных внешних признаках, отличающих «нас» от «других». Это – физический облик (антропометрические данные, черты лица и т.п.) или социокультурные особенности (язык, традиции, обычаи). Это могут быть и религиозные верования, и уклад экономической жизни. Это могут быть и социально-политические факторы, как, например, политическое устройство (организация

власти и управления) или доминирующая идеология (если такая есть), система ценностей и ценностных ориентаций и пр. Фиксация таких, как правило, бросающихся в глаза признаков, сопровождается наделением их негативной оценкой («они» – плохие по определению, поскольку отличаются от нас тоже потому, что «они» – это не «мы». Также оцениваются свойства, качества, присущие «им», их образ жизни, обычаи, нравы, традиции, внешний вид. У «них» все неправильно, потому, что все это не так как у «нас». В отношении языка, например, они «немые», то есть «не мы», «немцы», поскольку не говорят по-нашему. В отношении религии и богов, они – «неверные» (неправильные), потому что не верят в то, во что верим «мы» – «правовверные», «православные», и т.д. Им приписываются все возможные негативные качества, а нам – сплошь позитивные. На этом всегда базировалось национальное самосознание, на этом оно зачастую держится и до сих пор. Эти механизмы функционируют практически во всех националистических, идеологических, политических доктринах.

С помощью противопоставления «мы» и «они» человек идентифицирует себя со своей этнической группой, разделяя ее ценности и отождествляя себя со всем положительным – тем, что свойственно именно этой группе. Это противопоставление всегда способствовало фиксации и закреплению своих специфических этнических особенностей и созданию на этой основе самых разных способов укрепления своей общности – духовных, социально-экономических, идеологических и др.

Приводя примеры, сошлемся вновь на Д.В. Ольшанского. На политическом уровне он предлагает малоизвестный, но типичный, по его мнению, пример – переворот в Аргентине в 1944 г. Тогда Х. Перон осуществил переворот, опираясь на лозунг «национальной революции», которая построит общество справедливости, имеющее силы противостоять как американскому империализму, так и международному большевизму. Он говорил об особом «обществе вертикальных профсоюзов», подчиненных национальному, а не классовому принципу, и достиг победы.

На бытовом психологическом уровне решению задач консолидации способствует еще один выработанный исторически, но сохранивший свое действие до сих пор механизм национально-этнических стереотипов. Как уже отмечалось, такие стереотипы – это эмоциональные, яркие, но внутренне абстрактно обобщенные, содержательно выхолащенные и упрощенные оценочные образы «ти-

пичных представителей» иных национально-этнических групп. Они складываются на основе одностороннего, субъективного, подчас разового впечатления и излишне эмоционального восприятия членов иной этнической группы за счет абсолютизации одного или нескольких поведенческих качеств (например, черт характера или психологических качеств), напрямую, механически связываемых с какими-то внешними признаками, контрастными по сравнению с чертами собственной нации.

Классический пример такого рода – до сих пор господствующий в сознании китайского населения стереотип европейца-«долгоносика». Сравним два ракурса восточной физиогномики: «Тонкий нос означает, что обладатель одного склонен к пустой драчливости и злости, так как у собак нос такой же в точности». И наоборот: «При наличии носа широкого и мясистого в человеке искать должно наивность и ласковость, ибо такой же нрав у теленка, а, как известно, телята широконосы».

Нельзя, однако, утверждать, что в историческом плане основной детерминантой формирования национального самосознания были только этнопсихологические факторы. Не менее важную, если не решающую, роль сыграли исторически обусловленные потребности конкретных национально-этнических групп. Это было связано с формированием экономических общностей людей, относящихся к одним национальным группам, и определялось, прежде всего, общностью территории их проживания, на которой с течением времени формировалось единое общее рыночное экономическое пространство. Именно экономическая общность, усиливавшая психологическую общность «мы», еще больше консолидировала разделенные феодальными и племенными границами национально-этнические общности в единые нации, и вела их уже к более рациональному осознанию себя как единого целого.

Катализаторами, стимулирующими и ускоряющими развитие национального самосознания, обычно служили такие факторы, как внешняя агрессия, порабощение, колонизация, несущие в себе угрозу ассимиляции, культурного или полного физического уничтожения национальных общностей. В подобных условиях формирование национального самосознания резко ускорялось, и вполне могло временно опережать становление экономических общностей и наций как таковых. Так, например, национально-освободительная борьба против

колониализма в ряде стран Азии и Африки в XX веке привела к становлению развитых форм национального самосознания раньше ликвидации феодально-племенного образа жизни и соответствующей ему патриархально-племенной психологии.

Противостояние на эмоциональном уровне своей национально-этнической группы иным общностям способствует переводу сознания в план рациональный, в разряд узко трактуемого национального самосознания, всех эмоционально-чувственных основ национальной психологии. Это включает в себя:

- осознанное национальное самоопределение, осознание своей принадлежности к общности, единства интересов и целей и необходимости совместной борьбы за их осуществление;

- пробуждение целой гаммы осознанных национальных чувств (чувство сопричастности к судьбе своей общности, любовь к исторической национальной родине (подчас независимо от места реального рождения и проживания человека), преданность своему народу, уважение его национальных особенностей и национальной культуры).

На этой основе возникает хотя и эмоционально окрашенное, но уже вполне осознанное в поведенческом плане состояние психики в целом, соответствующее определенному настрою человека и выражающееся, например, в волевом устремлении к борьбе за независимость своего народа, его свободу и суверенитет. Многочисленные примеры политического поведения такого типа, обусловленные данным настроем, известны в истории национально-освободительных движений и осуществлявшихся ими антиколониальных революций.

Это нашло свое подтверждение и в период распада СССР, когда бывшие союзные республики заявили о стремлении к реальному суверенитету. Национальное самосознание населения этих республик неожиданно для многих политиков получило сверхактуальное значение. Многие национальные образования избрали путь автономии и самоопределения. Практика, однако, показывает, что подобное самосознание не включает в себя всей социальной целостности, на его основе не всегда удается разрешить социальные противоречия, имеющиеся в действительности. Результатом стали противоречия, военные конфликты в ряде бывших республик Советского Союза.

Говоря о развитии национального самосознания, следует отметить, что это далеко не простой, не прямолинейный, а волнообразный процесс. Он отличается подъемами и спадами, определяющимися как

уже названными факторами, так и форматом национально-этнической группы. Известно: чем меньше общность, тем более обостренно переживаются в ней проблемы национального самосознания, и тем более вероятны его резкие всплески. И, наоборот, чем больше такая общность, тем увереннее чувствуют себя ее представители, тем меньше они озабочены данными проблемами, и тем менее вероятно их внезапное обострение. Представители большой нации, как правило, не нуждаются в необходимости постоянного подтверждения и самоутверждения их национального самосознания. Связанные с ним вопросы давно решены на соответствующей государственно-политической основе. Поэтому для их сознания естественной является озабоченность более широким кругом наднациональных или интернациональных проблем.

Кроме того, что процесс развития национального самосознания процесс нелинейный, он характеризуется еще и тем, что в политическом плане может играть двоякую роль. Это может быть процесс прогрессивный, ведущий к качественно новому уровню развития национально-этнической общности. Но, с другой стороны, он может привести к противоположному эффекту – к редукции ценностно-смысловых структур сознания к низшим уровням, отрицанию общечеловеческих ценностей. Позитивное развитие национального самосознания возможно, если оно не пойдет по пути собственной абсолютизации и не станет особого рода сверхценностью, если оно не закроет для представителей общности иных возможностей развития сознания, не ограничит его осознанием национально-этнической идентичности.

9.4. Национальный характер и национальный темперамент

Нация – это общество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер

Отто Бауэр

Возникновение наций привело к бурным темпам роста национального самосознания, формированию национального характера.

К проблеме национального характера мыслители, ученые обращались неоднократно. До И. Канта преобладала односторонняя оценка национального характера. Заслуга мыслителя в том, что он впервые

дает детальную характеристику национального характера разных народов – французов, англичан, итальянцев, немцев, испанцев. При этом он показывает, что характер этих народов содержит как положительные, так и отрицательные стороны, вскрывая тем самым противоречивую сущность понятия «национальный характер».

Во второй половине XIX – начале XX веков в Германии В. Вундт, М. Лацарус, Х. Штентайль и др. придерживались идеи о том, что главной силой истории является народ или «дух целого», выражающий себя в искусстве, религии, языках, мифах, обычаях и т.д. – в целом, в характере народа или национальном характере.

Среди русских мыслителей того же периода, обративших свой взор на национальный характер, прежде всего, следует назвать Н.Г. Чернышевского, Н.Я. Данилевского, В.Н. Соловьева, Н.А. Бердяева.

Несмотря на многочисленные попытки дать определение национального характера, задача эта оказалась весьма сложной. Дефиниция, какой бы она ни была, не может дать исчерпывающей социально-психологической, политико-психологической характеристики нации. В связи с этим И.С. Кон пишет: «Над учеными-непсихологами, занимающимися проблемами национального характера и т.п. часто довлеет житейское представление, что народы, как индивиды, обладают набором устойчивых качеств, «черт», которые можно изменять и сравнивать более или менее самостоятельно. Тайная «голубая мечта» – составить на каждый народ вроде психологического паспорта-характеристики, который давал бы его индивидуальный портрет. Увы, это неосуществимо даже для отдельного индивида» [93]. И.Л. Солоневич подчеркивал, что компоненты, «образующие нацию и ее особый национальный склад характера, нам *совершенно* неизвестны. Но *факт* существования национальных особенностей не может подлежать никакому... сомнению» [217].

Трудности в изучении национального характера вовсе не исключают того, что национальный «дух» – не абстракция, а «реальная конкретная духовная сущность», то есть это реальность, поддающаяся пониманию и постижению.

По мнению А.П. Назаретяна, при изучении национального характера необходимо иметь в виду следующие моменты [147].

Во-первых, любой национальный характер противоречив. Как целостное образование, он совмещает в себе пары противоположностей – добро и зло, трудолюбие и леность, свободолобие и рабо-

ление, смирение и бунт, жесткость и сострадание и т.д. Вычленение одних черт вовсе не исключает существование других компонентов, способных нейтрализовать парный компонент.

Во-вторых, опрометчиво искать причину и видеть «вину» исключительно национального характера в доминировании тех или иных политико-культурных традиций. Он таков, каким его делают история, определенная биогенетическая предрасположенность, географические факторы, характер социально-политического строя, влияющие на нрав, привычки, манеры, способ мышления, поведения индивидов.

В-третьих, национальный характер неправомерно оценивать по шкале «плохой – хороший», «развитый – неразвитый» и т.д., даже если экспериментальным путем возможно выявить степень распространенности в нем тех или иных качеств в сравнении с другими национальными характерами. Подобные попытки обречены на неудачу или неадекватное представление о национальном характере.

В-четвертых, национальный характер не есть величина абсолютно постоянная. Он меняется, хотя и медленно.

В-пятых, необходимо учитывать относительность любых этнопсихологических характеристик. Те или иные суждения относительно национальных особенностей, высказанные в форме абстрактных мнений вообще, без указаний того, с кем сравнивается данный национальный характер, порождают только недоразумения.

Есть еще одна проблема, которую нельзя обойти в политико-психологическом анализе понятия «национальный характер». Речь идет об отождествлении (смешении) последнего с понятием «национальный темперамент».

Первым, кто поставил вопрос о разграничении понятий национального характера и национального темперамента, был Н.Г. Чернышевский, который подчеркивал, что наследственно передаются не свойства характера, а те склонности, которые прямо обусловлены темпераментом (в том случае, когда он наследуется). Кроме того, не все свойства, входящие в понятие «темперамент», передаются по наследству, многие являются результатом обычая, традиции, образа жизнедеятельности народов. «Торопливость и нерешительность, – пишет Н.Г. Чернышевский, – не качества темперамента, а результаты привычек или затруднительных обстоятельств. Суевливыми, опрометчивыми, безрассудными бывают и люди, имеющие тяжелую, медленную походку. Нерешительными бывают люди с быстрой походкой. ...

Но особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что быстро- движения и речи, сильная жестикуляция и другие качества, считающиеся признаками природного расположения, так называемого сангвинического темперамента, и противоположные качества, считающиеся признаками флегматического темперамента, бывают у целых сословий и у целых народов результатом только обычая» [244].

Из современных авторов, отметим точку зрения Д.В. Ольшанского, который считает, что наиболее отчетливо национальный характер проявляется в национальном темпераменте. В истоках национального характера, по его мнению, лежат, прежде всего, устойчивые психофизиологические и биологические особенности функционирования человеческих организмов, включая в качестве основных, такие факторы, как реактивность центральной нервной системы и скорость протекания нервных процессов. В свою очередь, эти факторы связаны, по своему происхождению, с физическими (прежде всего климатическими) условиями среды обитания той или иной национально-этнической группы. Общий единый национальный характер является следствием, психическим отражением той общности физической территории, со всеми ее особенностями, на которой проживает данная группа. Соответственно, жаркий экваториальный климат порождает совершенно иные психофизиологические и биологические особенности, а вслед за ними и национальные характеры, чем холодный северный климат. В качестве примера можно привести зажигательность бразильских карнавалов и неторопливость представителей скандинавских народов [154].

Конечно, темперамент следует рассматривать как физиологическую, как динамическую основу национального характера. Но это вовсе не обязательно предполагает оценку национального характера по «национальному темпераменту», «национальным эмоциям», как это делает Д.В. Ольшанский, включая эти качества в структуру национального характера. Включение же в эту структуру национальных чувств (национальная гордость, например, или национальная уничижительность и т.п.) может иметь место, но это, скорее, именно характерологические свойства, а не темпераментальные, поскольку их уместно отнести к высшим, мировоззренческим чувствам, имеющим более прямое отношение к нравственным чертам национального характера.

По мнению П.И. Гнатенко, отождествление понятий национального характера и национального темперамента приводит к упрощению, схематизации столь сложного социального феномена, каким

является национальный характер. Отсюда стремление некоторых авторов рассматривающих национальный характер того или иного народа, оценивать один из них как эмоционально сдержанный, другой – как добродушный, третий – как порывистый, горячий. Подобные оценки, пишет П.И. Гнатенко, никоим образом не раскрывают сущности национального характера, а описывают народы скорее со стороны национального темперамента. Когда же с помощью свойств и черт, составляющих содержание последнего, пытаются трактовать национальный характер, ничего, кроме вульгаризации последнего, не выходит. П.И. Гнатенко считает, что наиболее полно и всесторонне национальный характер проявляется в национальной культуре, которая выражает этническое своеобразие народа. Именно в культуре объективируются черты национальной психологии и прежде всего такого ее компонента как национальный характер. Отсюда и определение национального характера, как совокупности социально-психологических черт (национально-психологических установок, стереотипов), свойственных национальной общности на определенном этапе развития, которые проявляются в ценностных отношениях к окружающему миру, а также в культуре, традициях, обычаях, обрядах [51].

С.А. Баграмов считает, что особенно ярко национальный характер отражается в народном творчестве – литературе, музыке, песнях, танцах. Национальный характер, по мнению ученого – «это отражение в психике представителей нации своеобразных исторических условий ее существования, совокупность некоторых особенностей духовного облика народа, которые проявляются в свойственных его представителям традиционных формах поведения, восприятия окружающей среды и т.д., которые запечатлеваются в национальных особенностях культуры, других сферах общественной жизни» [15].

Таким образом, национальный характер – это исторически сложившаяся относительно устойчивая совокупность характерных для данной национально-этнической общности особенностей восприятия окружающего мира, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни представителей данной общности, их отношение к себе, к своей истории и культуре, к другим народам, к их истории и культуре.

Национальный характер – это составной элемент национальной психологии и одновременно основа психического склада нации. Последний представляет собой сложную взаимосвязь, совокупность

рациональных (национальный характер) и эмоциональных (национальный темперамент) элементов, что образует ту самую специфичность, которая позволяет отличать представителей одной национально-этнической общности от другой.

9.5. Русский национальный характер

Русский характер! Поди-ка, опиши его...

А.Н. Толстой

Многие авторы отмечают, что большое влияние на формирование русского национального характера оказывают социальная среда, образ взаимоотношений в обществе и система труда. В частности, издревле из общины шли импульсы в различные социальные группы и слои, обеспечивая преобладание общинных ценностей, «вживание» их в русский национальный характер. Среди ценностей, выработанных общиной, следует отметить такие, как справедливость, власть «мира», домовитость, владение народной мудростью, богатырская сила и др. Велика была ценность и самой общины, которая позволяла русскому народу сохраниться в качестве самостоятельного этноса при многочисленных вторжениях извне. Ради общины русский человек готов страдать, терпеть и жертвовать практически всем.

Каковы же особенности русского национального характера?

Н.А. Бердяев считал, что подойти к разгадке тайны, сокрытой в русской душе России можно сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость.

Одной из важнейших черт русского характера, его существенной ценностной категорией является воля, в значительной степени противостоящая европейскому идеалу свободы как суверенитету отдельной личности. Смысловая амбивалентность русского слова «воля», с одной стороны, отражает активное, индивидуалистическое начало, склонное преодолеть, сокрушить все препятствия, все преграды. В русском языке слова «воля» и «свобода» часто выступают как синонимы, хотя в строго фиксированном, научном, да и правовом смысле таковыми не являются. Комплекс вольности, свободолобия, свойственный русскому национальному типу, наряду со смирением, покорностью, как отмечает А.П. Назаретян, часто переходил в своеволие, анархию, стихию вседозволенности и разрушения, борьбу

против любых ограничений воли, в том числе и легитимных, против любых разновидностей неволи (вспомним русские народные сказки, главным содержанием которых часто было вызволение из темницы, неволи) [147]. Н.О. Лосский одну из причин утверждения в России абсолютной монархии, граничащей с деспотизмом, видел в том, что «трудно управлять народом с анархическими наклонностями» без такого государства [119].

С другой стороны, слово «воля» у русского человека неотделимо от чувства совместимости, братства, единения и немислимо вне какого-то осознанного, совместного и большого дела, в рамках которого человек может ощутить свою социальную значимость, осознать свое предназначение. «Рабство и господство, – писал Н.Ф. Федоров, – есть несомненное зло; но и свобода (взятая сама по себе, без дальнейшего определения и осуществления своего назначения) не есть благо; она – просто ничто. Какой же смысл может быть в истории, если она... есть лишь прогресс в сознании свободы, а не объединение для того всеобщего дела, что обнимает своей задачей и целью всю вселенную и в частях и в целом» [232].

«Могучую силу воли» Н.О. Лосский относил к числу «первичных основных свойств» русского народа, объясняя ею страстность многих представителей этого народа. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направляемых на объект, который может восприниматься, приниматься или отвергаться. Чем выше ценность объекта (предмета), тем более сильные чувства (любви, обожания, восхищения или, напротив, неприязни, ненависти) и социальную активность вызывает она у людей с сильной волей. Русские люди со страстностью отдаются избранному делу.

Русский традиционный коллективизм. По образному выражению Н.А. Бердяева, русский человек «утопает в безответственном коллективизме», он чувствует себя «погруженным» в него, привык жить «в тепле коллектива». Порабощение, поглощение личности коллективом, растворение в нем индивидуальности, наряду с безответственностью, в какой-то мере инертностью, пассивностью, также способствовало правовому нигилизму, порождало недооценку, а то и игнорирование закона, что само по себе «есть знак ослабления личного самосознания», «недостаток личного достоинства» [23].

В то же время, русский традиционный коллективизм имеет и свои привлекательные стороны. Он мобилизационен, подчиняет

индивидуальные интересы общему делу, что иногда необходимо. Коллективизм русских нашел свое выражение в том, что они более социабельны, более склонны и способны к общению, чем люди западной цивилизации. У них сильно развита потребность принимать все близко к сердцу, делиться с друзьями и знакомыми своими мыслями, переживаниями. Русским свойственно чуткое восприятие чужих душевных состояний, они более склонны к взаимовыручке, взаимоподдержке. Русскому человеку, по мнению С. Франка свойственно религиозно-эмоциональное осмысление жизни. В процессе данного осмысления русские с заботой и состраданием относятся к чужим бедам и чужому горю, воспринимая его как свое собственное [по : 119].

Русскому духу, пишет А.П. Назаретян, присуще стремление к целостности, всеохватности. Все относительное, «земное», «бренное» само по себе не имеет у русских ценностей и приобретает таковую лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления этого абсолютного. Русскому человеку, констатировал И.А. Ильин, необходимо что-то «искренне и сильно любить, во что-то искренне и сильно верить», ибо его ум и воля «приводятся в движение любовью (или, соответственно, ненавистью) и верою» [75].

Стремление русских ко всему возвышенному, идеальному, совершенному, абсолютному, необходимо им не само по себе, а для того, чтобы служить идеалу, подчинить ему всю свою жизнь, а если это необходимо, то и пожертвовать ею во имя воплощения идеала в реальность. Не случайно русских, в отличие от европейцев, больше и чаще мучает вопрос о смысле жизни. Русский человек остро чувствует, что, если он просто живет, как все – ест, пьет, женится, трудится, отдыхает, растит детей – он не живет, а просто существует. Страдая от подобной, как ему кажется, бессмыслицы жизни, русский человек всем существом своим ощущает, что нужно не просто жить, а жить для чего-то. Последнее, по словам С.Л. Франка, означает для него смысл «жить для соучастия в каком-то великом общем деле, которое совершенствует мир и ведет его к конечному спасению» [233].

Устремленность русского национального типа к высшему, абсолютному, способность ради идеала идти на жертвы может быть основной как конструктивной, созидательной, так и деструктивной, разрушительной деятельности. Эти черты национального характера играли и играют мобилизующую роль в экстремальных ситуациях прорыва.

Русские обнаруживали удивительную стойкость, выносливость, сплоченность, упорство в достижении поставленной цели, сосредоточении всех сил и средств в периоды наивысшего напряжения, вызванного внешними или внутренними причинами. Но в будничной, не героической жизни русские демонстрируют нередко дряблость, аморфность, пассивность. Исключительная ориентированность на высшее, абсолютное может привести к недооценке, а то и пренебрежению настоящим.

Со стремлением русских к совершенному социальному мироустройству связана еще одна черта русского национального характера – способность абсолютизировать, обожествлять что-либо или кого-либо, сотворять себе кумира, слепо верить в успех любых, самых авантюристических начинаний. Эта способность питается как спецификой нашего менталитета, так и особенностями родового быта, где все отношения между неродственниками строились в форме родства, по принципу старшинства и меньшинства.

Свою лепту в формирование способности русских создавать себе идолов, кумиров и неистово им поклоняться и также неистово свергать с пьедестала не оправдавшего надежды политика, внесла и община, где преобладал личностный принцип, узаконивающий притязания индивида на богатство, почести, признание и т.д. В России власть всегда носила очень личный характер, а пребывание у ее кормила связана с большими почестями и привилегиями. Отсутствие действенного государственно-правового инструментария создало возможность беспредельной власти первого лица. С другой стороны, и сами лидеры были возведены народом в ранг политических богов. В силу целого ряда исторических, политических, психологических и других причин россияне оказались не только полностью зависимыми от политического, культурного, нравственного, интеллектуального уровня политической элиты, но весьма подвержены влиянию разного рода словесных обещаний, фантастических проектов, грандиозных планов. Популизм – весьма характерное явление для политической жизни России [147].

В целом, самобытный тип мышления русских, эмоционально-чувственное отношение к миру, недифференцированное восприятие действительности, неприятие плюралистической картины мира, приверженность к коммуитаристским, патриархально-общинным ценностям обусловили и одновременно усилили тяготение русских

к идеократическим формам государственности, сакрализованному отношению к власти как источнику истины, слитность права и морали, абсолютный авторитет власти.

В отличие от русского, западноевропейский национальный характер формировался под доминирующим воздействием индивидуалистического образа жизни, что обусловило в дальнейшем примат индивидуальных прав и интересов. Специфика становления и развития государственности на Западе, заключается в том, что иноземное завоевание вынуждало общество юридически оформлять взаимоотношения с внешней силой, создавать государства «из себя», четко оговаривать права и обязанности, пределы компетенции каждой из сторон. Это способствовало выработке механизмов самоуправления, формировало политическую культуру законного участия, диалога, сокращала дистанцию между политическими институтами и субъектами политической жизни, создавало возможность контроля за властными структурами.

Результаты сравнительного анализа западноевропейского и русского характеров представлены в табл. 9.1.

Приоритетной основой формирования русского национального характера был примат коллективистских (патриархально-общинных) и квазиколлективистских форм жизни, что обусловило приоритет коллективных прав и интересов над личными. Указывая на роль религиозного фактора в формировании русского национального характера, Н.А. Бердяев отмечал, что «русский народ в массе своей ленив в религиозном восхождении, его религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный закал личности, чем жертва теплом и уютom национальной стихийной жизни» [22].

Российская государственность развивалась не «из себя», а росла преимущественно «сверху», игнорируя механизмы самоуправления, саморегулирования, инициативности, что затрудняло формирование политической культуры законного гражданского и политического участия.

Как считает А.П. Назаретян, три важнейшие категории образуют ценностно-смысловое ядро национального характера, обуславливая неповторяемое своеобразие русской национальной культуры, – это *Воля, Нравственная Правда – Истина, Духовное Братство – Единение*.

Таблица 9.1

Сравнительные характеристики западноевропейского и русского национальных характеров [146]

Критерии	Западноевропейский национальный характер	Русский национальный характер
Тип мышления	Рационалистический	Антирационалистический
Характер восприятия действительности	Дифференцированное восприятие действительности, ее дробление по частям, альтернативная картина мира	Недифференцированное восприятие действительности, целостный охват предметов, неприятие плюралистической картины мира
Отношение к окружающему миру	Рационально-критическое	Эмоционально-чувственное, идеалистически интуитивное
Отношение к власти	Институализированное отношение к власти как к источнику порядка, законности	Сакрализированное отношение к власти, предпочтительность приоритетов, образов лидеров перед институтами власти, отношение к власти как источнику, критерию истины
Отношение к праву	Приоритет права, закона	Сращивание права с моралью, приоритет не юридических, а морально-этических принципов и норм

Весь ход российской истории свидетельствует о том, что расколотость русского национального типа не допускает абсолютизации, возвеличивания каких-либо ценностей, идей, форм в ущерб другим, а требует их синтеза. Наше социальное и экзистенциальное бытие требует идеалов, без которых русский человек способен «дойти до скотоподобия», но необходимы их корректировка, своеобразное «заземление», постановка реально достижимых целей. Русским изначально присущи ценности совместности, соборности, братства [147].

Немаловажную роль в формировании русского национального характера играет географический фактор. Необъятные пространства России, – пишет Н.А. Бердяев, – тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей». «Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее. И вот духовная энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность» [22].

Как должен относиться к своей земле русский человек? Вот наша проблема, пишет Н.А. Бердяев. «Образ родной земли не есть только образ матери, это также образ невесты и жены, которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным светоносным и оформляющим началом, и образ дитяти. Прежде всего человек должен любить свою землю, любить во всех ее противоречиях, с ее грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилён что-либо сотворить, бессилён овладеть землей» [22].

Совершенно в иных условиях формируется национальная психология западноевропейских народов. Последние ощущают на себе воздействие малых пространств своих государств, где все должно быть рассчитано и правильно распределено. И в душе их тесно, а не пространно, как считает Н.А. Бердяев. «Организованная прикреплённость всего к своему месту создает мещанство западноевропейского человека, столь всегда поражающее и отталкивающее человека русского.

Сложившийся русский национальный характер оказывает влияние на отношение носителя этого характера к политике. Русский народ, по убеждению Н.А. Бердяева, – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Он не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных [22].

В русской национальной стихии, замечает далее Н.А. Бердяев, есть какая-то вечная опасность быть в плену, быть покорной тому, что вне ее. И истинным возрождением России может быть лишь радикальное освобождение от всякого плена, от всякой подавленности и порабощенности внешнему, внеположному, инородному, то есть раскрытие в себе внутренней мужественности, внутреннего света... [22]. Можно по-разному относиться к мнению русского философа, но не будем забывать время, в котором оно появилось.

9.6. Психология и политика национальных конфликтов

Всегда найдутся эскимосы,
которые выработают для жителей Конго
правила, как вести себя во время жары.

Станислав Ежи Лец

Национальные конфликты являются предметом рассмотрения, прежде всего, этнической психологии. Однако и здесь анализ этого явления оказывается невозможным без учета социально-политических ситуаций, в которых возникают конфликты такого рода. Как пишет В.Г. Крысько, общий смысл этнических конфликтов можно представить в виде конфронтации между национальными движениями, политическими партиями, с одной стороны, и местными (или центральными) государственными органами власти – с другой. Последние оценивают сложившуюся ситуацию либо как конфронтацию между этническими общностями, либо как конфронтацию этнической общности, находящейся в положении меньшинства населения страны, с государственными институтами, выражающими культурно-языковые, социально-экономические или политические интересы доминирующего этнического большинства.

Этнический конфликт по своей сути – это особая форма политических отношений, это конфронтация между двумя или несколькими этносами (или между их отдельными представителями, между конкретными субэтническими элементами), характеризующаяся состоянием взаимных претензий и имеющая тенденцию к нарастанию противостояния вплоть до вооруженных столкновений, открытых войн. Эти конфликты возникают, как правило, в многонациональных государствах и имеют форму противостояния «группа – группа», «группа – государство» [104].

В политической психологии национальных конфликтов, как и психологии межэтнических отношений вообще, исследуются три основные проблемы: как конфликты возникают, как они протекают и как их можно урегулировать. Так как они изучаются разными науками, поисками их причин озабочены и социологи, и политологи, и психологи. При политико-психологическом подходе «одной из самых распространенных является трактовка роли элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических

чувств, межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта» [226]. Кроме того, политическая психология пытается ответить на вопросы: как протекает конфликт, то есть как изменяются в его ходе конфликтующие стороны; какие изменения происходят в эмоциональной сфере конфликтующих субъектов (гнев, страх, тревога и т.п.), вовлеченных в конфликт. Больше внимания исследователи уделяют продолжительным, носящим базовый характер изменениям в когнитивной сфере.

Понимание источников этнических конфликтов различается в современной отечественной и западной социально-этнической и политико-психологической мысли.

Для западных концепций социального конфликта характерно рассмотрение в качестве его источника подавление (неудовлетворение) человеческих, общественных потребностей. Например, теория «межэтнического реконструирования жизненного мира» считает, что этнический конфликт возникает как следствие различий, существующих у разных миров. Каждый этнос, этническая группа, по мнению зарубежных ученых, представляет собой особый мир, отличающийся от других, и при взаимодействии различных миров возможно возникновение сложных, конфликтных ситуаций. Отличительной особенностью «миров» является их не критическое отношение к своей этнической общности, а попытка рефлексии означает выход за пределы этого мира.

Основной причиной, способствующей сохранению «миров», является потребность в значении, то есть потребность в создании собственного «мира» как условия безопасности, жизнедеятельности, самореализации, идентификации. Любой другой «мир» рассматривается как враждебный и угрожающий существованию данного «мира». Конфликт «миров» означает столкновение способов реализации человеческих потребностей [по : 103].

По мнению российских ученых, одной из главных предпосылок этнического конфликта выступает идеология национал-экстремизма – теории и практики национального превосходства (непримирения культуры, традиций, религии, обычаев другого народа). Национал-экстремизм, как правило, спекулирует на объективных противоречиях, трудностях экономического, социального, экологического, духовного характера, «белых пятнах» истории, несовершенстве национально-государственного устройства и пр. Всему этому придает-

ся «национальная» окраска, центр тяжести переносится на противопоставление народов, проповедь исключительности «своей» нации и возложение вины на инационального соседа.

Не менее важным фактором является накладывание на реально существующие в обществе проблемы искусно подогреваемых национальных чувств. Затем включается такой универсальный механизм национал-экстремизма, как политическое хамелеонство и «всеядность», способность вступать в коалицию с самыми полярными идейными течениями и откровенными преступниками, коррумпированными кругами, в том числе из структур официальной власти, «кланами», где каждый преследует чаще всего свои собственные, а не национальные интересы. В определенный момент межнационального конфликта национал-экстремизм будет приобретать характер «национального» единства, временного межнационального союза для борьбы с общественной системой, блокирования властных, правительственных решений.

Этнические конфликты сопровождаются определенной динамично меняющейся социально-политической ситуацией, которая порождается неприятием ранее сложившегося положения существенной частью представителей одной (нескольких) местных этнических групп и проявляется в виде хотя бы одного из следующих действий данной группы:

а) начавшейся ее эмиграции из региона, определяемой общественным мнением данной группы как «исход», «массовое переселение» и т.п., существенно изменяющей местный этнодемографический баланс в пользу «других» остающихся этнических групп;

б) созданием политической организации («национального» или «культурного» движения, партии), декларирующей необходимость изменения положения в интересах указанной этнической группы (групп) и тем самым провоцирующей ответное противодействие органов государственной власти;

в) спонтанными (не подготовленными легально действующими организациями) акциями протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой (других) местной этнической группы или органов государственной власти в виде массовых митингов, шествий, погромов [73].

Этнический конфликт всегда представляет собой явление политическое. Говорить о нем как о реальном феномене можно, как правило, в двух случаях. Во-первых, когда организационно оформляется

и приобретает определенное влияние национальное движение (или партия), ставящее своей целью обеспечение «национальных интересов» определенной этнической общности и потому стремящееся изменить существующее (хотя и привычное и терпимое) положение в социально-экономической или политической сфере жизни. Во-вторых, когда возникшие исторические, социально-политические обстоятельства в жизни национально-этнической группы привели к пробуждению национального самосознания, всплеску национальных чувств, прежде «дремавших» в контролируемой, управляемой общественно-политической ситуации.

Анализ этнических конфликтов в конце 1980-х годов, в 1990-х годах в России и странах Ближнего зарубежья требует обращения к историческим истокам возникновения и эскалации конфликтов. К ним относятся несправедливость административно-политической иерархии национально-этнических групп (союзные, автономные республики, автономные области, округа), произвольная перекройка границ национальных образований, депортация народов. Нельзя обойти вниманием и перерастание в межэтнические конфликты ситуаций несбалансированности преобразований общества, социального и экономического неравенства, конкуренции на рынке труда, земли, недвижимости. Такова природа ферганских, душанбинских, ошских событий на рубеже 1980–1990-х годов.

Некоторые конфликты явились следствием распада Союза ССР, когда в отделившихся республиках в борьбу «за свою долю политического и территориального наследства» вступили бывшие автономии или желавшие ее получить (Абхазия, Южная Осетия – в Грузии, Гагаузия и Приднестровье – в Молдавии, Карабах – в Азербайджане).

Важное значение имеет установление типологии межнациональных конфликтов. Э.А. Паин и А.А. Попов выделили следующие типы таких конфликтов:

1) конфликты стереотипов, то есть та стадия конфликта, когда этнические группы могут еще четко не осознавать причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы». В качестве примера ученые приводили армяно-азербайджанские отношения. Действительно, социологические и полевые этнографические исследования задолго до конфликта фиксировали взаимные негативные стереотипы армян и азербайджанцев;

2) конфликты идей. Характерной чертой таких конфликтов (или их стадий) является выдвигание тех или иных притязаний. В литературе, средствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность (Эстония, Литва, Латвия, Грузия, Татарстан, другие республики СССР), на территорию (Армения, Азербайджан, Северная Осетия, Ингушетия);

3) конфликты действий. К этому типу относятся митинги, демонстрации, пикеты, вплоть до открытых столкновений.

Межнациональные конфликты свидетельствуют о том, что социальная напряженность достигла определенного критического предела, а существующие политико-правовые институты не способны разрешить объективные противоречия.

История показывает, что межэтнические конфликты могут быть решены только мирным путем.

Так, в России Татарстан продемонстрировал мирный вариант решения сложного конституционного конфликта. Как известно, Конституция, принятая в республике в 1992 году, зафиксировала ее независимость и ассоциированное членство в Федерации. Федеративный договор республика тогда не подписала. В феврале 1994 года после серии переговоров договор между государственными органами Российской Федерации и Республики Татарстан был подписан, благодаря чему основные противоречия были урегулированы. С тех пор развитие отношений на основе подписанного договора стало называться «Моделью Татарстана».

Элементы институционального конфликта имели место и в Башкортостане, когда республика подписала федеративный договор, но на определенных условиях. Конфликтность была снята после подписания договора о разделении полномочий с федеральным центром.

Методом ослабления конфликта является деконсолидация сил, участвующих в конфликте, с помощью системы мер, которые позволяют отсечь (например, путем дискредитации в глазах общественности) наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, склонные к компромиссам, переговорам.

Весьма эффективным может быть перерыв в конфликте. Данный способ ослабления конфликта позволяет расширить действие прагматических подходов к его регулированию, в результате чего снижается эмоциональный накал конфликта.

Особые правила существуют и в переговорном процессе. Для того чтобы добиться успеха, необходима прагматизация переговоров,

которая состоит в разделении глобальной цели на ряд последовательных задач. Обычно стороны бывают готовы заключить договоренности по жизненно важным потребностям, по поводу которых и устанавливается перемирие: для захоронения погибших, обмена пленными. Затем переходят к наиболее актуальным экономическим, социальным вопросам. Политические вопросы, особенно имеющие символическое значение, откладывают и решают в последнюю очередь. Если ясно, что в данный момент решить их невозможно, то используют тактику так называемых отложенных решений. Подобный прием принес успех и в Приднестровье, и в Южной Осетии. Бывают случаи, когда переводу конфликта в стадию переговоров мешает позиция лидеров. Переговоры должны вестись таким образом, чтобы каждая сторона стремилась найти удовлетворительные ходы не только для себя, но и для партнера.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Чем отличаются такие большие национально-этнические группы как «род», «племя», «народ»?
2. Каковы политико-психологические характеристики народа, нации, этноса?
3. Какие компоненты включает в себя обыденное национальное сознание?
4. В чем проявляется динамичность, изменчивость национального сознания?
5. Какие элементы обыденного национального сознания являются наиболее устойчивыми и почему?
6. Каковы основные детерминанты формирования национального самосознания?
7. Чем обусловлен непрямолинейный, волнообразный процесс развития национального самосознания?
8. В связи с чем, по Вашему мнению, возникает проблема дифференциации национального характера и национального темперамента?
9. В чем заключается противоречивость национального характера?
10. В чем наиболее ярко проявляется национальный характер?
11. Как и почему свободолюбие в русском национальном характере сочетается со смирением и покорностью?
12. Что такое русский традиционный коллективизм? Каковы его отталкивающие и привлекательные стороны?

13. Откуда, по Вашему мнению, в русском национальном характере способность абсолютизировать, обожествлять что-либо или кого-либо, сотворять себе кумира?

14. Каковы источники этнических конфликтов с точки зрения политической психологии?

15. Почему этнический конфликт – это всегда явление политическое?

16. Какие существуют типы межнациональных конфликтов?

Глава 10. ПСИХОЛОГИЯ МАСС В ПОЛИТИКЕ

*Массовое сознание и массовое политическое самосознание.
Психология политических масс и массовидных явлений.
Индивид и массовое поведение.
Массовые политические настроения. Психология «Майдана»*

Голосом эпохи бывает и шепот миллионов

Станислав Ежи Лец

10.1. Массовое политическое сознание

Количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности...

Н.А. Бердяев

Массы и массовидные явления привлекали внимание мыслителей еще с Античных времен. Однако первым теоретиком масс в конце XIX века стал Г. Лебон. С этого периода массовое сознание становится одной из главных проблем психологии, философии и культурологии. Мы были отделены от накопленного в этой области знания обществоведением, которое исходило из категории классового сознания. Но эти две категории друг другу не противоречат, речь идет о разных вещах. Класс – часть общества, структурированное социальное образование, соединенное устойчивой системой идеалов и интересов, занимающее определенное место в историческом процессе и обладающее развитой культурой и идеологией. Масса не есть часть общества. В ней отсутствует структура и устойчивые культурные системы, у нее другой разум и образ поведения, нежели у класса.

С. Кара-Мурза высказал предположение, что феномен массы и толпы не вызывал в русской и советской культуре большого интереса потому, что эта проблематика еще не была актуальной. Жесткая сословная система старой России не давала возникать толпам – инерция культурных стереотипов и авторитетов была столь велика, что

даже выдвленные из общества разночинные люди (бродяги, босяки и т.п.) восстанавливали своеобразные общественные структуры с определенными правами и обязанностями. В советском обществе также довольно быстро возродилась сословность, да и другими связями общество было сильно структурировано, так что не было пространства для «толпообразования». Эта проблема стала возникать уже в ходе быстрой урбанизации в 1960-е годы, что и повлекло возникновение массового человека и массовой культуры, что и стало одной из предпосылок крушения советского строя, сметенного искусственно возбужденной толпой [86].

Сейчас существует немало трактовок понятия массы, которые нередко различаются как у отечественных, так и зарубежных авторов. Однако прежде чем приступить к политико-психологическому анализу этого явления, необходимо понять сущность того, без чего массы не могут существовать – массового сознания.

Массовое сознание – один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существования и воплощения. Это особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»). Массовое сознание определяется как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых), однако оно несводимо к ним [156].

Массовое сознание обладает особым статусом, который Д.В. Ольшанский образно называет «внеструктурным “архипелагом” в социально-групповой структуре общественного сознания, образование не устойчивое, а как бы “плавающее” в составе более широкого целого. Сегодня архипелаг может включать одни острова, а завтра – уже другие. Это особого рода как бы “экструпповое” сознание. Оно представляет собой ситуативное производное от общественного сознания, трактуемого как совокупность сознаний основных групп, образующих социальную структуру общества...» [154].

С содержательной точки зрения, по мнению Д.В. Ольшанского, в массовом сознании запечатлены знания, представления, нормы, ценности и образцы поведения, разделяемые какой-либо возникающей по тем или иным обстоятельствам совокупностью индивидов – массой. Они вырабатываются в процессе общения людей между

собой и совместного восприятия ими тех или иных общественных процессов и явлений. Соответственно этому, массовое сознание отличается общесоциальная типичность всех его компонентов, а также их общесоциальное признание достаточно большой массовой общностью. С этой точки зрения массовое сознание представляет собой надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, но индивидуальное по форме функционирования.

Однако следует понимать, что хотя массовое сознание и реализуется в массе индивидуальных сознаний, оно с точки зрения содержания все же не совпадает с каждым из них в отдельности. Для возникновения и функционирования массового сознания вовсе не обязательна совместная деятельность членов общности («массы»), что традиционно принято считать обязательным для появления группового сознания.

Содержание массового сознания может быть определено практически как бесконечное, если попытаться предвосхитить все возможные варианты возникновения тех или иных значительных масс людей в рамках как отдельного общества, так и человеческой истории в целом.

Именно по содержанию выделяется массовое политическое сознание – особая разновидность массового сознания, которая имеет в качестве своего основного содержания политические проблемы, на решение которых направляется политическое поведение данной массы.

В последние годы исследователей и практиков особенно привлекает трактовка массового политического сознания, предпринятая Д.В. Ольшанским, который раскрывает проблемы формирования и функционирования массового политического сознания, его структуру, основные свойства и другие характеристики [154; 156].

Массовое политическое сознание можно рассматривать как массовое сознание общества по отношению к вопросам, имеющим актуальное политическое содержание и чреватым отдельными политическими последствиями.

По происхождению массовое политическое сознание в общем повторяет путь массового сознания. Однако возникает оно и распространяется лишь в ситуациях крупных социально-политических событий, разрушающих сложившуюся структуру общества.

Структура массового политического сознания имеет иерархическое строение, и, по Д.В. Ольшанскому, включает в себя два уровня: первичный (эмоционально-действенный) и вторичный (рациональный) (см. рис. 10.1).

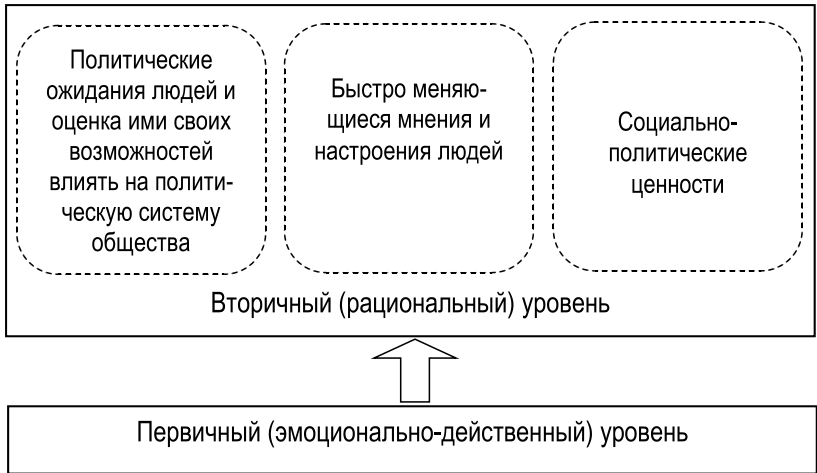

Рис. 10.1. Структура массового политического сознания
(по Д.В. Ольшанскому)

Обычно в основе массового политического сознания лежит яркое эмоциональное переживание некой социально-политической проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность. Это может быть война с другим государством, гражданская война, революция, масштабный социально-экономический кризис и т.п. Крайняя степень переживания проблемы выступает как системообразующий фактор массового политического сознания. Такое переживание, проявляясь в сильных эмоциях или чувствах, заслоняет собой все другие привычные правила жизни – групповые нормы и ценности, образцы поведения. Оно порождает потребность в немедленных действиях, и поэтому определяется как эмоционально-чувственная основа массового политического сознания. На его основе постепенно образуется уровень более рациональный, включающий когнитивные компоненты – знания, обсуждаемую и разделяемую информацию. Когда, например, объявляется война, у части людей, формирующей данную массу, возникает состояние своеобразной аномии, нарушения в сознании привычных норм поведения. Новая ситуация заставляет уже не идти по привычке на работу, а с оружием в руках отправляться на защиту Отечества.

На основе базисного эмоционально-действенного уровня образуется более рациональный уровень массового политического

сознания, который по своему психологическому составу включает в себя более статичные (типа оценок и ожиданий, ценностей и ценностных ориентаций) и более динамичные (массовые мнения, настроения и т.п.) компоненты.

Как видно из рис. 10.1, внутри рационального уровня размещаются три основных блока:

1) блок политических ожиданий людей и оценок ими своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации имеющихся ожиданий;

2) блок быстро меняющихся мнений, и особенно политических настроений людей – прежде всего, связанных с оценками ими текущего положения, правительства, лидеров, конкретных политических акций и т.д.;

3) блок социально-политических ценностей, лежащих уже в основе достаточно осознанного политико-идеологического выбора (например, ценности справедливости, демократии, равенства, стабильности и т.д.).

Рациональный уровень массового сознания, как правило, представляет собой отражение распространяемых через слухи или официальные средства массовой информации «массово необходимых» сведений. Это, например, информация о том, каковы маршруты эвакуации, места расположения призывных пунктов, наконец, просто сведения о возможных бомбежках, обстрелах и средствах защиты. На высшем рациональном уровне группируется собственно политическая общедоступная информация о причинах и последствиях того, что произошло [154].

Действенным проявлением массового политического сознания является стихийное, неорганизованное массовое политическое поведение – внегрупповое, ситуативное и временное поведение больших масс людей, вызванное особыми (политическими по своему характеру) обстоятельствами. Таковыми являются стихийная массовая агрессия в периоды политических потрясений или войн, стихийная массовая паника и т.п. Массовое политическое поведение зависит, прежде всего, от того, какой из двух уровней (эмоционально-действенный или рациональный) возобладает в массовом политическом сознании. От этого зависит оценка этого поведения как более или менее стихийного или управляемого. Во-вторых, оно зависит от эффективности самого внешнего воздействия, оказываемого на массовое сознание.

Важнейшей причиной воздействия на массу является испытываемая массой своеобразная потребность в упорядочении извне. В зависимости от этого выстраиваются и механизмы воздействия на массу. З. Фрейд в своей работе «Психология масс и анализ человеческого «Я» писал: «Склонную ко всем крайностям массу и возбуждают тоже лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое. Так как масса в истинности или в ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу... От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина» [235].

Еще более жесткие требования по части воздействия на массу выдвигал Х. Ортега-и-Гассет: «Масса людей не имеет мнения. Народ никогда не имел никаких идей; он не обладает теоретическим пониманием бытия вещей. Непригодность к теоретическому мышлению мешает ему принимать разумные решения и составлять правильные мнения. Поэтому мнения надо втискивать в людей под давлением извне, как смазочное масло в машину» [159].

В истории можно найти немало примеров того, как именно растерянным массовым политическим сознанием овладевали «сильные личности», на «волне» такого сознания приходя к власти. Массовое политическое сознание подчас даже готово ждать такого структурирующего воздействия извне, давая лидерам своего рода «фору» для осмысления события. После начала Великой Отечественной войны, население СССР почти две недели ждало выступления Сталина. И это выступление позволило, как известно, рационализировать и структурировать поначалу деструктурированное сознание. Ежедневные выступления Рузвельта по радио позволили структурировать массовое сознание Америки в период крупномасштабного экономического кризиса и Великой депрессии.

Однако податливость таким воздействиям сохраняется сравнительно недолгое время. Стоит его упустить, как массовое политическое сознание становится неуправляемым. Тогда действие рационального уровня ослабевает, и политическое поведение начинает определяться целиком эмоционально-действенным уровнем. Тогда оно становится в полной мере стихийным и уже практически неуправляемым.

Взаимосвязь массы и ее сознания такова, что возникающие обычно основы массового политического сознания сами формируют свою массу, которая, в свою очередь, в дальнейшем формирует свое политическое сознание. Как отмечает Б.А. Грушин, «нет недостатка в эмпирических доказательствах того ежедневно и повсеместно наблюдаемого факта, что массовое сознание обнаруживает безусловную способность к «самопорождению», к спонтанному возникновению и изменению в процессе и результате непосредственно-практического освоения массами «ближайшего» общественного бытия» [61].

Политико-психологический анализ массового политического сознания невозможен без оценки его субъекта – «политической массы». Ее невозможно выразить количественно, поскольку масса не представляет собой сколько-нибудь единого и целостного образования. По сути, «политическая масса» – это особая политико-психологическая общность людей, отличающаяся наличием единообразных политико-психологических факторов, побуждающих к общим политическим действиям, к единообразному способу поведения.

Практически невозможно (по крайней мере, весьма затруднительно) определить, какое количество людей из всей массы принимает непосредственное участие в том или ином конкретном политическом событии. В 2012 году в Москве представители оппозиции – организаторы так называемой акции «марш миллионов» заявили, что в ней приняли участие 100 тысяч человек, в то время как по данным пресс-службы ГУ МВД России по Москве, таких участников было около 4 тысяч [78]. В массовых волнениях в Киеве, в один из дней ноября 2013 года приняли участие: по оценке организаторов, оппозиционной партии «Батькивщина» – более 100 тысяч человек, по оценке милиции – около 50 тысяч [78]. Даже если принять точку зрения оппозиции, что органы правопорядка всегда занижают цифры такого рода, все равно разница весьма значительная. И это свидетельствует о том, что массу практически невозможно «посчитать».

Развитие массового политического сознания, как утверждает Д.В. Ольшанский, зависит от масштаба охвата людей общими психическими состояниями, определяемыми политическими причинами. Созревая первоначально в рамках традиционно выделяемых групп, отдельные компоненты массового политического сознания могут распространяться, захватывая представителей иных групп и слоев обще-

ства и увеличивая тем самым массу, а могут, напротив, сокращаться, сужая размеры субъекта массового политического сознания.

Такая размытость границ субъекта усложняет типологизацию массового сознания. В качестве оснований для его дифференциации предлагался целый ряд свойств.

Во-первых, «общий и актуальный мыслительный потенциал» массового сознания (объем всевозможных позитивных знаний, которыми в принципе располагают те или иные массы и которые они практически используют в своей жизнедеятельности).

Во-вторых, «пространственная распространенность» массового сознания (формат захватываемой им массы).

В-третьих, его темпоральность (устойчивость или неустойчивость во времени).

В-четвертых, степень связности (противоречивости или непротиворечивости).

В-пятых, его управляемость («удельный вес» и пропорции, соотношение входящих в массовое сознание стихийных и институционализированных форм).

В-шестых, уровень развития массового сознания (высокий – низкий, развитое – неразвитое и т.д.).

В-седьмых, характер его выраженности (сильный, средний, слабый).

В-восьмых, особенности используемых языковых средств (более или менее экспрессивных, включающих сугубо литературные и, также, нелитературные компоненты).

В качестве возможных критериев для более практической типологизации массового сознания исследователями предлагались не только содержательно-аналитические, но и оценочно-политические критерии. Например, российскими политиками в начале XX века выделялись такие разновидности массового политического сознания, как сознание «просвещенное» и «темное», «прогрессивное» и «реакционное», «удовлетворенное» и «неудовлетворенное». Позднее учеными и политиками подразделялись варианты, находящиеся в различных отношениях к официальным позициям, структурам власти и символам пропаганды (скажем, «критическое» или, напротив, «конформистское» массовое сознание) и т.д. [154].

Оценка и дифференциация содержания массового политического сознания в обобщенном виде, по мнению Д.В. Ольшанского, возможна на основе совокупности трех основных характеристик. Во-первых,

наличный (средний) уровень развития сознания масс в обществе. Он включает не только когнитивные, но и эмоциональные компоненты. Во-вторых, диапазон и направленность потребностей, интересов, а также запросов, отличающих условия жизни масс в обществе. В-третьих, диапазон информации, в массовом масштабе циркулирующей в обществе, в том числе специально направляемой на массовое политическое сознание.

10.2. Психология политических масс и массовидных явлений

Какому Павлову суждено открыть
условные рефлексы бунта?

Станислав Ежи Лец

Как отмечалось выше, субъектом массового сознания, его носителем являются массы. С этой точки зрения, массы – это «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)» [61].

Массовидные психолого-политические явления – любая совокупность людей, если она имеет с человеком психологические связи социального, политического, национального, территориального и иного характера, соответственно которой он изменяет форму, стиль, экспрессию, смысл характер своего политического поведения.

К массовидным психолого-политическим явлениям относятся толпа, митинг, демонстрация.

При политико-психологическом анализе понятия «толпа» наибольшие трудности возникают при попытке разграничения его с понятием «масса». Анализ исследований многих авторов (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, С. Московичи, Э. Канетти, А.И. Юрьев, А.П. Назаретян, Д.В. Колесов и др.) показывает, что в большинстве случаев понятие «масса» отождествляется с понятием «толпа». Для западной психологии особенно характерно рассмотрение понятия «толпа» как синонима слов «масса» и «массовость». С. Московичи, например, в подзаголовке своей монографии «Век толп» специально подчеркивает, что в книге раскрывается психология масс (psychologie des masses) [144].

Прежде чем приступить к анализу проблемы соотношения понятий «толпа» и «масса», коснемся дилеммы «толпа» и «народ». Сегодня ни у кого не вызывает сомнения точка зрения Н.К. Михайловского, высказанная еще в конце XIX века. Фокусируя внимание на вопросах стихийных общностей, Н.К. Михайловский разделяет понятия «толпа» и «народ» (что сопоставимо с современным разделением больших групп на организованные и стихийные). Он подчеркивает историчность понятия «народ» и его связь с феноменом личности. В этом проявляется его склонность к психологическому, личностному детерминизму социальных процессов. Возникновение толпы Н.К. Михайловский оценивает как сугубо отрицательное явление, он даже употребляет понятие «патологическое состояние», включая в это понимание оценку и самой толпы, и изменения, происходящие с человеком в толпе [168].

Теперь собственно о толпе и массе. Д.В. Ольшанский, предлагая свою классификацию масс, предпринял попытку «частично» развести понятия «толпа» и «масса». Прежде всего, он предлагает теоретическое и эмпирическое разделение этих понятий. На теоретическом уровне он выделяет следующие разновидности масс:

- 1) большие и малые;
- 2) устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсные);
- 3) сгруппированные и несгруппированные, упорядоченные или неупорядоченные в пространстве;
- 4) контактные и неконтактные (дисперсные);
- 5) спонтанные, стихийно возникающие, и специально организуемые;
- 6) социально однородные и неоднородные.

В плане эмпирическом Д.В. Ольшанский обращает внимание на то, что в практике социально-политической борьбы за власть в кризисные периоды, выделяются особые виды масс.

Исходя из реалий начала XX века в России, В.И. Ленин различал следующие разновидности масс:

- 1) прогрессивные, или революционные, массы в противоположность консервативным, реакционным, или антиреволюционным, а также нейтральные, не определившиеся массы;
- 2) массы активные, действующие, борющиеся и пассивные, бездельные, «сонные», выжидающие;
- 3) сплоченные массы, дисциплинированные, самостоятельные и распыленные, неорганизованные, анархичные;
- 4) массы решительные и нерешительные; экстремистские и робкие.

При всей образности таких характеристик они были достаточны для принятия политических решений и осуществления эффективных на определенных этапах политических действий [156]. Спустя несколько лет после революционных событий, в 1926 г. Л.Д. Троцкий писал: «Октябрьская революция больше, чем какая бы то ни было другая пробудила величайшие надежды и страсти народных масс... Но в то же время масса увидела на опыте крайнюю медлительность процесса улучшения... Она стала осторожнее, скептичнее откликаться на революционные лозунги... Такое настроение, сложившееся после гражданской войны, является основным политическим фоном картины жизни» [228].

Данные наблюдения и эмпирические исследования позволили Д.В. Ольшанскому прийти к трем основным конкретным разновидностям «массы», встречающимся на практике.

Во-первых, это толпа; во-вторых, это так называемая «собранная публика» – от зрителей в театре до участников политических митингов – «скопление некоторого количества людей, испытывающих сходное ожидание определенных переживаний или интересующихся одним и тем же предметом»; в-третьих, «несобранная публика», к которой относится часть электоральных масс, возникающих, например, под влиянием политической рекламы. Все остальные виды масс носят еще более сложный и менее конкретный, скорее виртуальный, чем реальный характер. Тем не менее, психология масс устроена так, что существующее сегодня в виде совершенно виртуальных образований (скажем, массы «населения мятежной территории») уже завтра может обернуться толпами погромщиков или «восставшими массами» [154; 156].

Как видим, у Д.В. Ольшанского толпа понимается как разновидность массы.

Толпа с психологической точки зрения – это изначально неорганизованное (или потерявшее организованность) скопление людей, не имеющее общей осознанной цели (или утратившее ее) и, как правило, находящееся в состоянии эмоционального возбуждения. Толпа образуется из случайных лиц, соучаствующих в неповиновении власти в момент пика социально-политической или социально-экономической напряженности в обществе. Главной характеристикой толпы является психология политических страстей. Толпа нагнетает и разряжает нервно-психическое напряжение людей, поставленных в безвыходное положение.

Одним из важнейших общих психологических факторов существования толпы является устойчивая и нередко жесткая психологическая связь, объединяющая входящих в толпу людей. Образовавшаяся из сходных или идентичных эмоций и импульсов, вызванных одним и тем же стимулом, толпа не обладает установленными организационными нормами и каким-либо комплексом моральных норм. Влияние толпы на своих членов вытекает из природы, возникшей между ними эмоционально-импульсивной связи. В толпе проявляются примитивные, но сильные эмоции и импульсы, не сдерживаемые никакими этическими нормами.

В толпе, как и во всех иных формах массового стихийного поведения, мы встречаемся с проявлениями частичного исчезновения индивидуальных черт личности. Вследствие этого у людей сильно возрастает готовность к заражению и, одновременно, склонность к подражанию. Реакция на внешние стимулы направляется не рефлексией, а первым эмоциональным импульсом или подражанием поведению других людей. Исчезновение рефлексивности, деиндивидуализация усиливают чувство общности со всей толпой. Это влечет за собой ослабление ощущения важности этических и правовых норм. Толпа создает сильное ощущение правильности предпринимаемых действий. Обусловленные эмоциями способы действия не оцениваются критически. Господствующая в толпе эмоциональная напряженность увеличивает ощущение собственной силы и уменьшает чувство ответственности за совершаемые поступки. Особую силу толпе придает наличие конкретных оппонентов. «Нельзя понять историю, не имея в виду, что мораль и поведение отдельного человека сильно отличаются от морали и поведения того же человека, когда он представляет собой эту часть общества» [108].

Толпа – это иногда совершенно случайное множество людей, писал Б.Ф. Поршнев. «Между ними может не быть никаких внутренних связей, и они становятся общностью лишь в той мере, в какой охвачены одинаковой негативной, разрушительной эмоцией по отношению к каким-либо лицам, установлениям, событиям. Словом, толпу подчас делает общностью только то, что она “против”, что она против “них”» [183].

На психологическую оценку толпы, в частности на ее восприятие влияет форма толпы и пространственные условия. Эти факторы становятся особенно важными, когда встает вопрос о количественной

характеристике толпы. Трудности вызывает также ситуация, когда состав толпы быстро меняется и она находится в движении. Возникает также целый ряд социально-психологических вопросов, ответы на которые не ясны. Каково минимальное число людей, которые уже могут быть носителями психики толпы? Возникнут ли какие-либо новые психологические явления при увеличении толпы до 50 тысяч человек и более? Проводившиеся в этом плане исследования носят несистематизированный характер. Выявлено, например, что для провоцирования массовых беспорядков, в которых в 1960-е годы в западных странах участвовали молодые люди на мотоциклах, было достаточно агрессивных действий со стороны лишь 1% от собравшихся рокеров [202].

Толпа имеет особую форму. Как показывают наблюдения, кинокадры и фотоснимки, все толпы имеют тенденцию приобретать кольцеобразную форму. В толпе наблюдается движение людей от периферии к центру и от центра к периферии. Наиболее активные люди тяготеют к центру толпы, более пассивные стремятся к периферии. В связи с этим выделяется феномен поляризации, заключающийся в сопоставлении плотности скопления людей в центре толпы и относительно разряженной их концентрации вокруг центра. В США для измерения степени плотности используется процедура, которая заключается в оценке отношения числа людей, внешне проявляющих интерес к целям толпы, к числу ее участников. Для этого делаются снимки толпы сверху и на специально используемой радиальной диаграмме отмечается стрелками каждый участник толпы и направленность его движения. Эта процедура весьма трудоемка, но помогает измерить реальный процент активных участников того или иного социально-политического движения [186].

Наблюдения Л.Г. Почебут показывают, что в толпе имеет место элементарная ролевая дифференциация. Люди в толпе могут выполнять следующие роли:

- 1) зачинщики или организаторы толпы;
- 2) агрессоры – наиболее активно и агрессивно действующие члены толпы;
- 3) последователи – люди, подражающие агрессорам;
- 4) любопытные, попавшие в толпу в силу своей ориентировочной реакции;
- 5) обыватели – люди, попавшие в толпу случайно.

Как правило, агрессоры являются индукторами заражения настроения, внушения идеями, подражания действиями. Статусные позиции в толпе также можно дифференцировать. Наивысший статус имеет вождь, лидер толпы. Затем следует свита вождя, охранники, все остальные члены толпы [186].

Обычно выделяются два вида причин возникновения толпы: одни носят долговременный характер, другие – ситуативный. Первые составляют любые экономические, социальные, политические и другие факторы относительно длительного действия, которые порождают высокий уровень напряженности в обществе, формируют и нагнетают чувства фрустрации, безнадежности и отчаяния.

При наличии долговременных условий роль ситуативной причины для возникновения толпы и массовых беспорядков может сыграть все, что угодно – от неадекватных действий властей до простого бытового эпизода и даже слуха. Трагические события в Баку, например, в январе 1990 года начались с попытки азербайджанского беженца из Армении выселить из квартиры армянина и последовавшей за этим драки. Все произошло на фоне крайне обостренной ситуации в городе, создавшейся в связи с наплывом и неустроенностью беженцев. В Душанбе в том же году в качестве толчка к массовым выступлениям послужили всего лишь слухи о том, что в город должны якобы приехать армяне – беженцы из Азербайджана, и им будет предоставлена жилая площадь.

Помимо долговременных и ситуативных условий, порождающих массовые выступления, необходимо иметь в виду еще один очень важный фактор – уровень развития политической культуры, как общества в целом, так и отдельных его сегментов. От этого фактора зависит нарушение норм демократии и правопорядка и превращения выступлений протеста в массовые беспорядки. С учетом этого можно вывести общую формулу следующего содержания [202]:

$$\frac{\text{Степень вероятности массовых беспорядков}}{\text{Степень обострения социально-экономических проблем}} = \frac{\text{Степень обострения социально-экономических проблем}}{\text{Уровень развития политической культуры}}$$

Знание причин возникновения толпы, тем не менее, не всегда дает возможность ответить на вопрос о том, почему не всякое скопление людей превращается в толпу. Дело в том, что здесь многое зависит от того, в какой культуре живет человек, в каком обществе. Г. Лебон, например, давая описание толпы, не подчеркивает того факта, что

писал он именно о толпе западных индивидов. Эту проблему, хотя и вскользь, затронул Х. Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс». Индивид, склонный стать человеком массы и влиться в толпу, – это человек, выращенный в школе определенного типа, обладающий определенным складом мышления и живущий именно в атомизированном гражданском обществе массовой культуры. Это человек, который легко сбрасывает с себя чувство ответственности. В этом ему помогают и политики, применяющие «толпообразование» как поведенческую технологию.

Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в толпу – и она ринулась в безумный поход, забыв о совести и не думая о последствиях. В отношении молодежи фашизм сознательно разрушал традиционные отношения. Шло снятие естественных для подростков культурных норм, запретов, подчинения и уважения к старшим. Идеологи фашизма поставили задачу: создать особый стиль – так, чтобы «молодежи стало скучно в лагере коммунистов». Была выработана целая философия под названием «а мне что за дело, или стиль «бродяги и фанфарона» – говоря попросту, хулигана. Наставники юных фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: «Да, мы варвары и хотим ими быть. Это почетное звание. Мы омолодим мир». Конечно, «учиться, учиться и учиться» гораздо скучнее [по : 86].

Особый интерес представляет проблема типологии толпы.

Г. Лебон в свое время предложил следующую классификацию толп, исходной точкой которой служит «простое скопище» людей. Это, во-первых, толпа разнородная:

- а) анонимная (уличная и др.);
- б) неанонимная (присяжные, парламентские собрания и т.д.).

И, во-вторых, толпа однородная:

- а) секты (политические, религиозные и т.д.);
- б) касты (военные, рабочие, духовенство и т.д.);
- в) классы (буржуазия, крестьянство и т.д.).

Согласно Г. Тарду, помимо толп анархических, аморфных, естественных и т.д., существуют еще толпы организованные, дисциплинированные, искусственные (например, политические партии, государственные структуры, организации типа церкви, армии и т.д.). Именно искусственные толпы привлекли наибольшее внимание З. Фрейда.

Глубоко анализируя эти и другие «превращенные» формы толпы, С. Москвичи вслед за Г. Тардом особо отмечает еще одну и, быть может, наиболее существенную трансформацию толпы в публику. Если изначально толпа есть скопление людей в одном и том же замкнутом пространстве в одно и то же время, то публика – это рассеянная толпа. Благодаря средствам массовой коммуникации теперь нет необходимости организовывать собрания людей, которые информировали бы друг друга. Эти средства проникают в каждый дом и превращают каждого человека в члена новой массы. Миллионы таких людей составляют часть толпы нового типа. Оставаясь каждый у себя дома, читатели газет, радиослушатели, телезрители и т.д. существуют все вместе как специфическая общность людей, как особая разновидность толпы.

В современных исследованиях выделяют, как правило, четыре вида толпы: окказиальная, конвенциональная, экспрессивная и действующая.

Окказиальная толпа (или случайная, от англ. *occasion* – случайность) – скопление людей, собравшихся поглазеть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная из ситуаций стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку. Случайную толпу каждый может легко наблюдать на улице, где произошло, допустим, дорожно-транспортное происшествие. Столкнулись два автомобиля, и, естественно, вокруг сразу же остановилось несколько любопытных прохожих. Пока водители выясняют суть дела между собой, любопытствующие, число которых становится все больше, уточняют детали. Основной эмоцией в данном случае является банальное любопытство.

Конвенциональная толпа (от англ. *convention* – условность) собирается по поводу заранее объявленного события: спортивного состязания, политического митинга, концерта рок-группы и т.п. Здесь уже преобладает более направленный интерес, и люди до поры (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать определенным условностям (конвенциям). В то же время А.П. Назаретян [148] предупреждает, что не следует, по его мнению, путать конвенциональную толпу с публикой, собравшейся в драматическом, оперном театре, консерватории. Такое терминологическое различие важно в функциональном отношении: на концерт, допустим, симфонического оркестра или рока люди приходят с разными установками,

здесь различные варианты развития событий и организаторы, соответственно, по-разному к ним готовятся.

Экспрессивная толпа обычно представляет собой совокупность людей, совместно ритмически выражающих ту или иную эмоцию: радость или горе, энтузиазм или протест, возмущение или восхищение и т.п. Спектр эмоциональных доминант здесь очень широк, а главная отличительная черта – ритмичность выражения. Это может быть, например, горестная толпа на похоронах. Или толпа, радующаяся встрече своего кумира. Это может быть скандирование лозунгов на политическом митинге или манифестации. В ряде случаев процесс ритмического выражения эмоций может принять особенно интенсивную форму, и тогда возникает особый феномен экстаза.

Экстатическая толпа – это экстремальная форма экспрессивной толпы. Она возникает тогда, когда люди доводят себя до иступления в совместных молитвенных или ритуальных ритмических действиях. В экстазе люди самозабвенно истязают себя цепями на шиитском религиозном празднике «шахсей-вахсей», доводят себя до неистовства на сектантских бдениях, в неистовом молении в секте трясунов или в танце на бразильском карнавале, рвут на себе одежду в ритме рока и т.д. и т.п.

Действующая толпа – политически наиболее значимый и опасный вид массового поведения. В ее рамках, в свою очередь, выделяется несколько подвидов:

– *агрессивная толпа* – это скопление людей, объединенных слепой ненавистью к некоему объекту (суд Линча, избиение религиозных, политических противников и пр.), движимых гневом и злобой, стремящихся к разрушению, уничтожению, вандализму, убийствам. Уже сама эмоциональная доминанта (ярость, злоба, ожесточение), равно как и направленность действий, выражены в названии этой толпы;

– *паническая толпа* объята ужасом, стремлением каждого избежать реальной или воображаемой опасности. Однако нередко бывает и так, что паническое поведение не только не является спасительным, но и становится более опасным фактором, чем то, что ее спровоцировало. Обычно такая толпа возникает в условиях стихийных бедствий или очень крупных катастроф, то есть когда появляется опасность для большого количества людей. Но бывает и так, что толпа, охваченная паникой, неожиданно возникает в совершенно спокойных условиях. Примерами могут служить два случая давки, в которых погибло значительное число: один из них имел место в 1896 году

на Ходыньском поле в Москве в связи с празднеством по случаю коронации Николая II, а второй – в 1953 году, также в Москве во время похорон Сталина. В обоих случаях была плохая организация порядка в местах скопления людей;

– *стяжательная толпа* состоит из людей, вступивших в неорганизованный конфликт за обладание некими ценностями. Такая толпа разнородна, она может включать в себя мародеров, вкладчиков обанкротившихся банков, обманутых дольщиков, погромщиков и т.п. Ее главная особенность – общее эмоционально-действенное единство на фоне осознаваемого в глубине души конфликта: ведь члены такой толпы борются за обладание ценностями, которых все равно на всех не хватит. В революционной ситуации, в ситуации недовольства группы людей легитимной властью, такая толпа способна грабить магазины, музеи, офисы и т.п. Нечто подобное можно наблюдать в парламентах, когда народные избранники с боем прорываются к трибуне с намерением либо лишить слова своего оппонента, либо, несмотря на регламент, высказать очередную банальность;

– *повстанческая толпа* по ряду признаков сходна с агрессивной (преобладает чувство злости), но отличается от нее социально справедливым характером возмущения. Это также требует пояснений, поскольку понятие «социальная справедливость» выглядит здесь произвольным и не укладывающимся в операциональную схему. В действительности, однако, дифференциация повстанческой и агрессивной толпы столь же функционально полезна, как дифференциация конвенциональной толпы и публики.

Дело в том, что толпа справедливо возмущенных людей даже внешне выглядит иначе, чем «классическая» агрессивная толпа. А главное, она обладает несколько иными качествами. При наличии активного сознательного звена в нее может быть внесено организационное начало, и тогда повстанческая толпа превращается в сплоченную группу (в противном случае она может выродиться в более примитивную форму толпы). Хрестоматийным примером часто служит восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 году, но можно обратиться и к более свежим примерам. Кому приходилось наблюдать стихийный протест, забастовки, митинги в рабочих коллективах (в частности, забастовки шахтеров в России 1998 года), мог заметить, что они чаще всего не выливаются в массовые драки, погромы и прочие разрушительные действия. Профсоюзные комитеты выделяют

ответственных лидеров, которым удастся внести сознательную организацию в действия массы...

Таким образом, представленную классификацию толпы можно отразить в виде простой схемы (см. рис. 10.2).

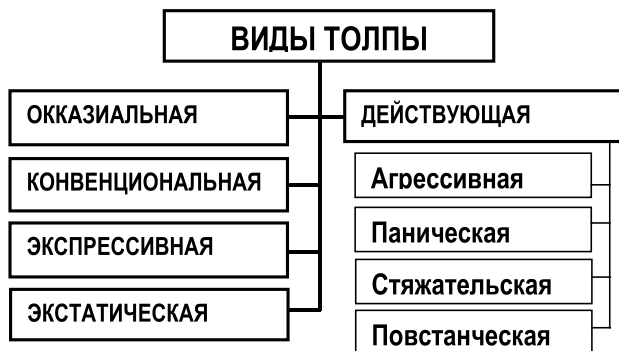

Рис. 10.2. Виды толпы по характеру поведения людей

Конечно, такая классификация весьма условна. Отсутствие ясных целей, отсутствие или диффузность структуры порождают практически самое важное свойство толпы – ее легкую превращаемость из одного вида (подвида) в другой. Такие превращения часто спонтанны, но знание их закономерностей и механизмов позволяет умышленно манипулировать поведением толпы в авантюристических целях. Так, например, агрессивную толпу можно превратить в экспрессивную, просто включив ритмическую музыку. Повстанческая толпа может стать стяжательской, стоит кому-то закричать: «Вот оно! Хватай!».

Весьма интересный анализ свойств и типологии толпы, представил Э. Канетти в своей знаменитой книге «Масса и власть» [82]. Если учесть, что в западной науке понятия «масса» и «толпа» рассматриваются как тождественные, то в данном случае мы имеем дело, по сути, с анализом толпы.

Э. Канетти предлагает классификацию массы по двум признакам: по признаку роста и по признаку равенства и плотности.

По признаку роста выделяются «открытая» масса и «закрытая».

Открытая масса характеризуется двумя важнейшими свойствами – спонтанностью и стремлением к росту. Возникнув спонтанно, она стремится возрастать, она готова захватить каждого, кого только

можно. Всякий, имеющий облик человеческого существа может к ней примкнуть. Это естественная масса, для роста которой не существует каких-либо границ. «Она не признает домов, дверей и замков; ей подозрительны те, кто от нее запирается». Слово «открытая» понимается здесь во всех смыслах, она такова всюду и во всех направлениях. Открытая масса существует до тех пор, пока она растет. Как только рост прекращается, начинается ее распад.

Противоположностью открытой массе, которая может расти до бесконечности, которая есть повсюду и именно потому претендует на универсальность, является закрытая масса. Для нее самое главное – устойчивость и наличие границы. Закрытая масса держится стойко. Она создает для себя место, где обособляется; есть как бы предназначенное для нее пространство, которое она должна заполнить. Это пространство Э. Канетти сравнивает с сосудом, в который наливается жидкость: известно, сколько жидкости войдет в этот сосуд. Доступ на территорию закрытой массы ограничен, туда так просто не попадешь. Граница препятствует нерегулируемому приросту, но она же затрудняет и замедляет возможность распада. Теряя в росте, масса соответственно приобретает в устойчивости. Она защищена от внешних воздействий, которые могут быть для нее враждебны.

Открытая масса не имеет ясного представления, насколько большой она могла бы стать. Она не привязана к какому-либо заранее известному помещению, которое ей требовалось бы заполнить. Ее размер не определен; она склонна расти до бесконечности, а для этого ей нужно лишь одно – как можно больше людей.

Однако ограниченные пространства для закрытой массы вскоре становятся тесными. Прорыв из закрытых помещений, где принято собираться, всегда означает желание массы вернуть себе прежнюю способность к внезапному, быстрому и неограниченному росту. Внезапный переход закрытой массы в открытую Э. Канетти называет прорывом (рис. 10.3). Такое случается часто, однако не следует понимать этот процесс как чисто пространственный. Порой впечатление такое, как будто масса вытекает из помещения, где она была надежно укрыта, на площадь и на улицы города, где она, все в себя вбирая и всему открытая, получает полную свободу действий. Но важнее этого внешнего процесса соответствующий ему процесс внутренний: неудовлетворенность ограниченным числом участников, внезапное желание привлечь к себе других, страстная решимость вобрать всех [82].

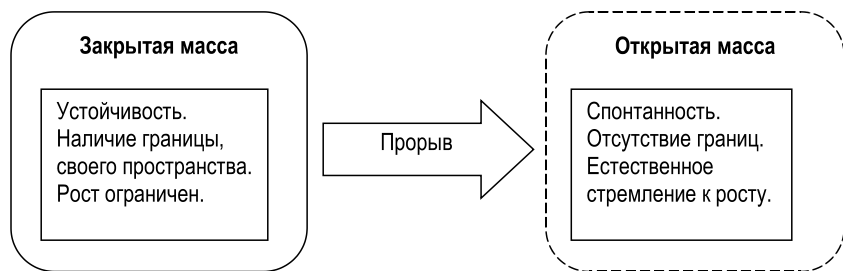

Рис. 10.3. Переход закрытой массы в открытую (по Э. Канетти)

Прежде чем предпринять попытку классификации массы (толпы) по признаку равенства и плотности, Э. Канетти выделил ее главные свойства.

Во-первых, масса хочет постоянно расти. Природных границ для ее роста не существует. Там, где такие границы созданы искусственно, то есть в институтах, служащих сохранению замкнутой власти, всегда возможен и время от времени происходит прорыв массы. Абсолютно надежных учреждений, которые могли бы раз и навсегда помешать приросту массы, не существует.

Во-вторых, внутри массы господствует равенство. Оно абсолютно, бесспорно и никогда не ставится под сомнение самой массой. У всех есть головы, у всех есть руки, а чем там они отличаются, не так уж важно. Ради этого равенства и становятся массой. Все, что могло бы от этого отвлечь, не стоит принимать во внимание. Все лозунги справедливости, все теории равенства вдохновлены в конечном счете этим опытом равенства, который каждый по-своему пережил в массе.

В-третьих, масса любит плотность. Не должно быть никаких перегородок, ничего чужеродного внутри, все должно по возможности принадлежать ей. Чувство наибольшей плотности она получает в момент разрядки (об это чуть ниже).

В-четвертых, масса нуждается в направлении. Она находится в движении и движется к чему-то. Общность направления для всех, кто к ней принадлежит, усиливает чувство равенства. Цель, лежащая вне каждого в отдельности и относящаяся ко всем, вытесняет частные, неравные цели, которые были бы для массы смертельны. Для того чтобы она существовала, ей необходимо направление. Поскольку масса всегда боится распада, ее можно направить к какой-то цели.

Каждое из этих четырех свойств может играть большую или меньшую роль. В зависимости от того, какое из них превалирует, можно по-разному классифицировать массы.

Когда речь шла об открытых массах, было подчеркнуто, что эта классификация устанавливается по признаку роста. Пока этому росту ничто не препятствует, масса открыта, если же ее рост ограничен, она закрыта.

По признаку равенства и плотности массы подразделяются на «ритмические» и «замерзшие» (см. табл. 10.1).

Таблица 10.1

Свойства масс, классифицируемых по признакам равенства и плотности (по Э. Канетти)

Свойства массы	Замерзшая масса	Ритмическая масса
Соотношение плотности и равенства	Начинается с плотности	Плотность и равенство присутствуют с самого начала одновременно
Связь с движением	Неподвижность, ожидание разрядки	Постоянное ритмическое движение
Цель массы	Достижение равенства	Расчленение плотности при сохранении равенства

Замерзшая масса начинается с плотности, она неподвижна, плотно стиснута, живет ожиданием разрядки. Она не сомневается в ней, однако оттягивает ее. Она ждет, пока ей покажут обещанную голову или что-то скажут, или она следит за борьбой. Плотность значит здесь особенно много: давление, которое отдельный человек ощущает со всех сторон, дает ему представление о мощи целого, лишь частицу которого он собой представляет. Чем больше стекается людей, тем это давление сильнее. Ноги никуда не могут двинуться, руки стиснуты, свободными остаются лишь головы, они могут видеть и слышать; всякое возбуждение передается непосредственно от тела к телу. Чувствуешь себя телесно связанным одновременно со многими вокруг. Знаешь, что это разные люди, но, поскольку они здесь так плотно объединены, ощущаешь их как единство. Этот вид плотности существует определенное время, действуя какой-то срок как постоянная величина; она аморфна, не подчинена никакому известному или выученному

ритму. Долго ничего не происходит, однако потребность в действии нагнетается, возрастает и тем сильнее в конце концов прорывается. Главной целью замерзшей массы становится равенство. Всякий совместный крик, любое совместное проявление оказывается выражением этого равенства.

В ритмической же массе плотность и равенство, наоборот, с самого начала присутствуют одновременно. Здесь все связано с движением. Всякое возбуждение тел, которое можно наблюдать, заранее известно и выражается в танце. Расходясь и вновь сближаясь, участники умело «расчлениают» плотность. Равенство же демонстрируется само собой. Демонстрация плотности равенства искусно создает ощущение массы. Быстро возникают ритмические образы, и положить им конец может лишь физическая усталость.

Работая над своей книгой в течение 1940–1960-х годов, Э. Канетти иллюстрирует состояние замерзшей массы на примерах спортивных мероприятий, концертов, театров и т.п. Мы эти примеры не приводим, поскольку сегодня наблюдается совершенно отличное состояние массы, допустим, на симфоническом или рок-концерте. Да и активность современных футбольных болельщиков отличает их от своих предшественников: в наши дни она иногда приводит к погромам на стадионах, поджогам и даже жертвам. И здесь уже весьма трудно определить, с какой массой мы имеем дело, с замерзшей или ритмической. Тем не менее, для анализа и оценки современных политических массовидных явлений классификация Э. Канетти является полезной.

Как уже отмечалось, к массовидным явлениям, кроме толпы относятся митинг и демонстрация.

Политический митинг – это массовое собрание для обсуждения актуальных политических проблем, поддержки каких-либо политических требований, для выражения солидарности или протеста. Митинг образуется из предварительно информированных людей, повинующихся или сопротивляющихся политике, в связи с изменениями в традиционном образе жизни общества. Митинг характеризует психология политических настроений. Он выполняет свои функции с опорой на мотивационные состояния: любовь или ненависть к носителям политических перемен в обществе.

Политическая демонстрация – организованное массовое политическое выступление (шествие) с целью выражения каких-либо

общественно-политических настроений, в поддержку или против политической власти. Демонстрация является пространственным образованием индивидов. Решающее значение в прохождении демонстраций имеет характер людей, в ней участвующих.

10.3. Индивид и массовое поведение

Те, кто у толпы на устах,
скоро попадают ей на язычок,
а потом и на зубок.

Станислав Ежи Лец

Индивид и масса неразрывно связаны. Отдельные индивиды складываются в массу, которая влияет на них, изменяя их сознание и поведение. Следовательно, невозможно понять массу, игнорируя индивидуальную психологию входящих в нее людей. Но точно так же нельзя понять индивидов, игнорируя их свойство образовывать массы.

Вопрос о том, что первично – индивид или масса – имеет давнюю историю. Подавляющее большинство исследователей рассматривало массу скорее как статичное, а не динамичное образование, и рассуждало об индивиде в готовой, уже сложившейся массе. Получалось, что люди становятся членами массы, как правило, помимо своей воли. Объяснялось это внезапно просыпавшимися одновременно у всех инстинктами, драйвами и т.п. Однако масса никогда бы не возникла, если бы у индивидов не было особой потребности соединиться в ту или иную массу. Именно потребность в идентификации себя с большим количеством людей ради регуляции своих эмоциональных состояний лежит в основе возникновения массы. Причем эта потребность обычно актуализируется в тех случаях, когда речь идет о сильных эмоциональных состояниях, с которыми сам индивид справиться не может. Тогда ему и необходима особая идентификация – не психологическое отождествление себя с другими людьми, а физическое соединение с ними.

Таким образом, индивид предшествует массе. У него существует потребность быть в массе, мотивированная, в свою очередь, потребностью регулировать свои эмоциональные состояния, уменьшая отрицательные и усиливая («укрепляя») положительные эмоции [157].

Общепризнанно, что масса значительно изменяет индивидуальную психику и поведение индивида. При этом существенно, что

масса, вовлекающая в себя значительное число людей, не только стирает групповые и все прочие различия между ними. Она в значительной мере трансформирует всю индивидуальную психику, целиком подчиняя себе индивидуальное сознание.

Выше уже отмечалось, что Г. Лебон уделял внимание анализу толпы, детально останавливаясь на ее классификации и качественных особенностях. Однако основным предметом его исследования был человек, его сознание и поведение в массе (толпе). В своей основополагающей книге «Психология народов и масс», в разделе «Душа толпы» Г. Лебон пишет: «Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не даст волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе» [108].

В целом Г. Лебон отмечал следующие основные особенности поведения индивида в массе (толпе):

– становясь частью толпы, человек приобретает большее осознание собственной силы и перестает обуздывать свои врожденные инстинкты, следовательно, повышается уровень его импульсивной активности;

– вырвавшаяся на свободу иррациональность человека заставляет его жить больше всего чувствами, а не прислушиваться к доводам разума, следовательно, повышается уровень его эмоциональности и снижается уровень критичности;

– возросшая в силу перечисленного восприимчивость к внушению и подверженность «заражению» идеями заставляют человека принести в жертву свои индивидуальные интересы и отказаться от произвольного поведения;

– закономерным следствием становится снижение уровня индивидуальной ответственности и фактическая передача этой функции лидеру («вождю массы»).

Характеризуя личностные изменения, происходящие с человеком в толпе, Г. Лебон посчитал необходимым обратить внимание на фигуру вождя, в котором должны персонифицироваться утерянные каждым членом толпы личностные атрибуты. Однако, описав его психологические качества и те чувства, которые связывают вождя

и рядовых членов толпы, он никак не объяснил механизмов его выдвижения. Именно эта проблема стала в дальнейшем предметом анализа для З. Фрейда в его работе «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921).

Соглашаясь с Г. Лебоном, что индивиды в толпе образуют некоторое единство, З. Фрейд закономерно предполагает, что должно быть что-то их объединяющее; именно эта психологическая реальность требует изучения, однако она не стала предметом анализа для Г. Лебона, ограничившегося простым указанием на факт ее наличия.

В отличие от Г. Лебона, объяснявшего процесс деперсонализации механизмами заражения идеями и подражания, З. Фрейд видел причину единообразия действий и чувств индивидов в толпе в обнажении одинакового для всех людей бессознательного «фундамента», в актуализации основных врожденных инстинктов.

Соглашаясь с Г. Лебоном в том, что «человек массы» обладает повышенной внушаемостью, З. Фрейд закономерно спрашивал о том, кто собственно является гипнотизером, то есть обращался к анализу фигуры вождя, чем в свое время пренебрег Г. Лебон.

На этот фактор обращал внимание и Н.К. Михайловский. По его мнению, для возникновения стихийной толпы необходимо или общее сильнейшее эмоциональное потрясение (например, известие о каких-то трагических событиях может привести к отчаянию, озлоблению, агрессии против действительного или мнимого источника этих несчастий), или ситуация, в которой при монотонности, скудности впечатлений почти любая новая информация может показаться крайне значимой и сильно переоцениваться. Источником таких сильных эмоциональных переживаний может оказаться так называемый герой, или вождь. Определяя позицию героя, Н.К. Михайловский подчеркивал, что это человек, увлекающий своим примером массу на хорошее или дурное [140].

На роль вождя в толпе указывал и С. Московичи, который писал о том, что толпы нуждаются в поддержке вождя. Вождь убеждает людей толпы не с помощью рассудка, а добивается подчинения силой. Он пленяет их как гипнотизер своим авторитетом. «Вождь должен учитывать смысл, который имеют слова в данный момент. Некоторые могли обветшать (например, боги, честь), утратить свою побудительную силу. Другие еще чересчур новы, чтобы побудить отклик. Надо найти «говорящие» слова, сжав их в краткие формулировки. Вождь

должен обладать тремя качествами. Первое – быть человеком веры до крайности, до коварства, упорно верить в свою идею. Второе – преобладание смелости над интеллектом. Третье – объединение этих двух качеств (твердой убежденности и упрямой отваги) создает авторитет, его «харизму». Вождь должен уметь обольщать толпу, то есть переносить ее из разумного мира в мир иллюзорный, где могущество людей и слов пробуждают воспоминания и сильные чувства [144].

Политико-психологический анализ взглядов многих авторов свидетельствует, что толпа, как специфическое объединение людей, обладает рядом социально-психологических свойств (анонимичность, однородность, внушаемость), которые оказывают влияние на поведение составляющих ее индивидов.

Анонимичность характеризуется тем, что принадлежность к толпе порождает чувство анонимности у человека, уверенность в том, что его действия и поступки останутся никем не замеченными и никому неизвестными. Следствием является чувство бесконтрольности и безответственности, поскольку каждый полагает, что любые его действия будут приписаны толпе, а не ему лично. Это позволяет людям совершать поступки, немыслимые для них в обычных условиях.

Ощущение слияния с большой массой людей в сочетании с анонимичностью наполняет человека чувством силы и могущества, что способствует эмоциональному возбуждению, ограничивающему контроль сознания над поведением.

Однородность толпы возникает вследствие уравнивания, сведения к одному уровню всех психических проявлений и поведения индивидов. Общий интеллектуальный уровень толпы ниже уровня интеллекта ее участников, поэтому она крайне некритично воспринимает любые слухи, легко переносит внимание с одних объектов на другие, бездумно поддается воздействию лозунгов, речей не только лидеров толпы, но и случайных людей.

Внушаемость – одно из важнейших свойств толпы, связанное с предыдущими ее качествами, объясняющее непредсказуемость ее действий, поскольку она легко реагирует на любые обстоятельства и призывы. Это же свойство повышает готовность людей совершать деяния, которые могут быть в полном противоречии с их сознанием и характером [213].

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что психологическими механизмами возникновения массы являются заражение, подражание,

внушение и убеждение. Несомненно и то, что, по сути, это механизмы психологического воздействия на индивида в массе (толпе).

Главным психологическим механизмом, воздействующим на индивида в массе, является заражение. В социальной психологии заражение – это процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому, протекающий на психофизиологическом уровне контакта помимо собственно смыслового воздействия или дополнительно к нему. Заражение может обладать различной степенью произвольности. При наличии обратной связи заражение способно нарастать в силу взаимной индукции, приобретая вид особой циркулярной реакции.

Заражение осуществляется через бессознательную передачу психического настроя, обладающего большим эмоциональным зарядом, через накал чувств и страстей. Механизм заражения сводится к эффекту многократного взаимного усиления эмоциональных воздействий общающихся людей. При этом сила нарастания накала страстей находится в прямой пропорциональной зависимости от величины аудитории и степени эмоционального накала индуктора. Заражение усиливает групповую сплоченность либо компенсирует недостаточный уровень ее развития. Заражение – это сопереживание людьми общего психического состояния [186].

По мнению Б.Ф. Поршнева в явлении психического заражения в той или иной общности, следует различать два разных явления. Их можно определить как внушение и подражание [183]. То есть базовая формула такого подхода выглядит следующим образом:

Заражение = внушение + подражание.

Это означает, что наблюдаемое со стороны заражение складывается из внешнего воздействия (внушение) заражающего и внутренней реакции (подражание) заражающегося.

Если говорить о принципиальных различиях между подражанием и заражением, то они вполне очевидны на уровне здравого смысла. Если один субъект (индивид, масса) заражает, то другой субъект (индивид) заражается и в результате начинает подражать тому, кто его заражал. Таким образом, заражение и подражание соотносятся как активная причина и пассивное следствие.

Д.В. Ольшанский в данной трактовке подчеркивает исключительно пассивную сущность феномена подражания. По своей сути подражание в целом всегда является подражанием действию, поступку,

мимике и пантомимике, одежде, и лишь в качестве частного подражательного акта выступает речеподражание – будь то подражание совсем произвольное (типа эхоталии) или же осуществляемое под контролем сознания. Отсюда вывод Б.Ф. Поршнева о том, что массовое подражание восходит к физиологическому явлению, общему для всех стадных и особенно высших животных, хотя иногда, конечно, оно может принимать и специфически человеческую форму (социальное подражание).

Следует отметить точку зрения Д.В. Ольшанского и о том, что в основе психологических механизмов формирования массы лежат не столько активные факторы (чье-то стремление заражать, внушать, убеждать), но и факторы «пассивного» рода (согласие, готовность поддаться соответствующим стремлениям). Речь, таким образом идет не о субъект-объектном, а о субъект-субъектном подходе, учитывающем ответные реакции массы. В первую очередь, это включает готовность массы заразиться, получить внушение, оказаться убежденной. В общем же виде совершенно ясно, что основным таким механизмом является подражание. Именно через него и реализуется потребность индивида быть в массе.

В социально-психологическом смысле подражание – это в большей или меньшей степени осознанное и буквальное воспроизведение воспринимаемого поведения. Понятно, что подражание бывает осознанным или неосознанным; буквальным (простая репродукция) или относительно творческим; полным или частичным; добровольным или принудительным и т.д. Конкретный анализ различных видов поведения позволяет строить разные его классификации.

Особенностью подражания как феномена психологии масс является то, что оно возникает, как правило, при определенном снижении уровня индивидуального сознания. Возникающая в силу различных причин у человека потребность быть в массе для регуляции своего эмоционального состояния не просто снижает уровень рациональности индивидуального сознания – она делает его повышенно эмоциональным. Такое эмоционально-аффективное состояние ведет к желанию разделить его с другими людьми. При возникновении благоприятных для этого ситуаций (наличие, например, некоторого числа людей, готовых разделить то состояние, которое испытывает индивид) актуализируется способность человека к подражанию. Из просто потенциальной способности она превращается в конкретную

потребность, становясь на некоторое время главным механизмом поведения индивида. Тогда человек и начинает воспроизводить воспринимаемое им поведение людей, находящихся в сходном эмоциональном состоянии, следуя предлагаемым ему образцам регуляции своего эмоционального состояния. Так складывается масса подражающих друг другу людей.

Эмпирические исследования позволяют отметить некоторые социологические и демографические параметры, от которых зависит подражание индивида в массе.

Во-первых, подражание зависит от возраста – чем старше человек, тем менее он склонен к подражанию. Помимо этого, с возрастом меняются объекты и характер подражания: к старости людям свойственно не автоматическое имитационное подражание конкретным поведенческим образцам, а осознанное следование традициям и принципам.

Во-вторых, подражание зависит от пола – мужчины обычно менее склонны к подражанию, чем женщины. Здесь же надо выделить различный в половом плане характер подражания. Если для мужчин больше свойственно инструментальное подражание, то для женщин – эмоциональное.

В-третьих, подражание зависит от уровня образования – чем менее образован человек, тем больше он склонен к подражанию. И здесь подражание имеет различный характер. Менее образованный человек подражает конкретным поведенческим бытовым образцам, более образованный – образцам обобщенным, абстрактным.

В-четвертых, подражание зависит от некоторых национальных особенностей – например, представители национальных меньшинств более склонны к подражанию, чем представители национального большинства.

В-пятых, оно зависит от общего уровня социально-политической культуры, существующей в обществе. Так, в рамках «патриархального» или «подданнического» типа политической культуры (по Г. Алмонду и В. Вербе) уровень подражания намного выше, чем в рамках культуры «активистской». Соответственно, выше и вероятность возникновения масс и массового поведения [157].

Следует отметить особый интерес В.М. Бехтерева к роли внушения в общественной жизни, и, в частности, в толпе. Он писал о том, что «сборища лиц», воодушевленных одной и той же идеей «сами собой как бы превращаются в одну огромную личность, чувствующую

и действующую как одно целое». В.М. Бехтерев ставит ряд взаимосвязанных вопросов: что связывает воедино массу лиц, незнакомых друг другу, что заставляет биться их сердца в унисон одно другому, почему они действуют по одному и тому же плану и заявляют одни и те же требования? Ответ, по мнению ученого, можно найти только в одной и той же идее, связавшей этих лиц в одно целое, в один большой и сложный организм. Для большинства лиц толпы – это внушенная идея. И когда толпа сформировалась под влиянием одного общего психического импульса, тогда в дальнейших ее действиях главная руководящая роль уже выпадает на долю внушения и взаимовнушения. По мнению В.М. Бехтерева, толпа движется, не зная препятствий по одному мановению руки своего вожака, издает одни и те же крики, действует как по команде в одном и том же направлении именно под могущественным действием в толпе взаимного внушения. Оно возбуждает у индивидов одни и те же чувства, поднимает активность до необычайной степени.

«Благодаря этому взаимовнушению, – пишет В.М. Бехтерев, – отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только ... путем взаимовнушения и можно объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления» [26].

С. Московичи акцентирует внимание на целом ряде психических свойств и состояний человека, оказавшегося под воздействием внушения в толпе. К таковым он относит:

- уход от логического и предпочтение нелогического мышления;
- раскол рационального и иррационального в человеке, внутренней и внешней жизни, утрата связи с реальностью и потеря веры в себя. Человек находится в состоянии войны с самим собой, войны, которая сталкивает его индивидуальное «Я» с его «Я» социальным;
- растворившись в толпе, человек утрачивает свои личные интересы, всякую критичность и способность принимать правильное решение. Он обладает удивительной предрасположенностью верить тому, что ему говорят, он понимает язык, минуя разум, обращенный к чувству;

– люди легко подчиняются приказам вождя. «Без инстинктивного ощущения массы нет великого политического деятеля»;

– собравшиеся толпы, ниспровергают основы демократии и утверждают охлократию – власть толпы [144].

Взаимоотношения индивида и массы настолько сложны, что не могут быть объяснены исключительным действием какого-то одного психологического механизма. Только совокупное действие подражания, заражения и внушения, при котором каждый из данных феноменов исполняет свою роль, обеспечивает все многообразие вариантов этих отношений и складывается в единый общий механизм возникновения и развития массового поведения.

10.4. Массовые политические настроения

Настроение окружающих – быть может,
в силу какого-то физического закона,
которому вы не можете противиться, –
сразу передается и вам.

Майн Рид

Выше, в главе «Политическая психика», рассматривались понятие и сущность политического настроения как одной из разновидностей политических эмоций.

Массовое политическое настроение – это однородная для достаточно большого множества людей субъективная, сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность общими социально-политическими условиями жизни; субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний при данных условиях; а также стремление к изменению условий ради осуществления притязаний. Это особые психические состояния, охватывающие значительные общности людей – состояния, переходные от непосредственных эмоций к более или менее осознанным мнениям, вырастающие из повседневных эмоций, но носящие более обобщенный в политическом отношении характер, рационализированные условиями политической жизни, ее нормами и устоями [211].

Субъектом политических настроений является некая масса, то или иное множество людей, объединенных в некую общность

за счет действия единого политико-психологического фактора. К числу таких факторов относятся те или иные аффекты, эмоции, чувства и другие психологические процессы и явления, отражающие социально-политическую жизнь и политическое поведение людей.

Природу массовых политических настроений целесообразно рассматривать в двух аспектах – психологическом и социально-политическом. С психологической точки зрения в истоках массовых настроений лежат общие для значительного числа людей, социально-политические потребности, но не сами по себе, а как фактор, порождающий соответствующие притязания. Последние представляют собой конкретную устремленность на потребное и переживаются в зависимости от возможности или невозможности их реализации. Подкрепляемые достижениями притязания обычно ведут к росту позитивного «напряжения» (положительного настроения), неподкрепляемые – к росту отрицательных настроений. В последнем случае накапливаемое, неразрешаемое эмоциональное напряжение проявляется, при условии достаточной значимости притязаний, в массовых «выбросах» отрицательных настроений, которые психологически можно рассматривать по аналогии с открытым школой К. Левина «аффектом неадекватности».

В социально-политическом аспекте возникновение массовых настроений зависит от уровня однородности социально-политической структуры общества. Чем дифференцированнее, плюралистичнее эта структура, тем больше существует в обществе различных групп, обладающих специфическими потребностями и интересами, и каждая из них может иметь свои настроения. Чем сильнее, четче, яснее и однороднее представляются общественные отношения, тем более «сжата» структура и тем сильнее однородно-нормативный, «общественный» компонент настроений.

В общем виде возникновение и развитие настроений зависит прежде всего от степени очевидности расхождения притязаний людей с предоставляемыми социально-политической системой возможностями их удовлетворения.

Одним из первых заметных показателей развития настроений является резкое увеличение и массовое распространение новых слухов. Возникает своеобразный циклический механизм: слухи – настроения – слухи... Появляются толпы, возникают другие формы спонтанного поведения. Подобного рода массовые состояния не только спла-

чивают людей, но и создают затем особые ситуации разочарования, вызванного тем, что кроме нас – группы «мы», – существуют оказываются и какие-то «они».

Разочарование оказывается тем сильнее, чем больше люди поверили во что-то или кому-то: ведь «они верили», а «их обманули». Именно этот лозунг часто используется для идеологического «оформления» возникающих оппозиционных, по отношению к власти, настроений. Люди, разочаровавшись в возможности реализации своих притязаний, испытывают потребность либо как-то изменить притязания, либо найти новые пути для удовлетворения старых притязаний. Если они чувствуют себя психологически «чужими» в «обманувшем их мире», значит, им нужно обрести новое, собственное, истинное «мы». Перед ними встает вопрос о том, где же «истинные» идеалы, нормы, ценности, смыслы жизни [164].

Если же говорить о начальной стадии развития оппозиционных настроений, то их возникновение обычно представляется как результат своего рода «брожения масс». Под влиянием оппозиционных по отношению к власти идейно-политических сил это брожение принимает уже осознаваемую направленность, реализуясь в конкретных действиях. Это происходит на базе все того же расхождения притязаний людей, сформированных доминирующими в обществе каналами пропаганды, и реальной жизни, которая также зависит от сил, владеющих средствами массовой коммуникации или обладающих реальной возможностью влиять на них. При увеличении разрыва между тем, что говорится, и тем, что делается, нарушается политико-психологическая однородность общества, начинается отмеченное «брожение». И тогда, в сравнительно короткие сроки, возникают в противовес тем, «кто говорит одно, а делает другое», новые политико-психологические общности людей, объединяемые негативным отношением к таким силам. Вновь и вновь стремление «обманутых» (связываемых чувством «мы») объединиться против «обманщиков» (неких «они»), «негативизм по отношению к «ним» стимулируют контагиозность среди «нас»» [183]. Нарастающая заразительность усиливает распространение настроений.

Развитие массовых настроений проходит весьма динамично. Характер этой динамики наиболее явно проявляется в толпе. Развитие настроений в толпе носит «циркулярный», спиралевидный характер, напоминающий своеобразное «эмоциональное кружение»: одни и те

же настроения, имеющие общую основу (чаще всего именно неудовлетворенные притязания, вызывающие психическое «напряжение»), воспроизводятся вновь и вновь, захватывая все большее число людей и усиливая свою интенсивность.

Циркулярный характер продемонстрировали настроения, развивавшиеся в толпах на площадях столиц восточно-европейских государств, Москвы, столиц бывших союзных республик и некоторых областных центров СССР в конце 1980-х – в 1990-х годах. В 1989 г. наиболее драматично этот механизм проявил свое действие в Тбилиси. Аналогичные ситуации возникали в 1991 и 1993 годах в Москве, в 2004 и 2013–2014 годах в Киеве и др.

Общим в подобных случаях было то, что собравшиеся люди первоначально заведомо не могли быть готовы к «решительным действиям», «штурмам» и т.п. Они были просто охвачены настроением недовольства, не имеющим какого-то конкретного выхода. Первоначально люди в такого рода толпах в самом буквальном смысле демонстрируют свое настроение. Постепенно они начинают «заводиться», возбуждать друг друга, – иначе собравший их вместе настрой начинает терять силу. Циркуляция настроений осуществляется за счет перечисления, по кругу, требований – нереализованных притязаний. Шаг за шагом они обычно усиливаются, и, соответственно, недовольство нарастает от их неосуществляемости. На определенном этапе от выражения притязаний следует переход к поиску тех, кто, по мнению толпы, виновен в том, что притязания не реализуются. Далее идет процесс атрибутирования, приписывания «виновным» всевозможных отрицательных качеств. Нарастая при циркуляции, соответствующие настроения достигают такого уровня, когда лишь немедленные действия могут предоставить им возможность для разрешения. Начиная с этого момента, настроения «включают» соответствующее поведение.

Ситуации в Тбилиси и других городах показали, что от начала скопления людей до активных действий проходит не меньше нескольких часов, а иногда и дней. В частности, в нескольких эпизодах толпы людей в буквальном смысле дневали и ночевали на площадях как бы для того, чтобы не прерывалось циркулярное взвинчивание настроений. Отдельные случаи (например, бесчинства в здании МВД в Кишиневе осенью 1989 г.) показали: даже после начала действий толпе может понадобиться своеобразная «митинговая пауза» для по-

вторной стимуляции тех настроений, которые начинают угасать или разрешаться [157].

Если говорить о функциях массовых политических настроений, то они весьма разнообразны. Однако главными из них являются три:

- 1) политико-психологическая оценка;
- 2) формирование субъекта политических действий;
- 3) инициирование и регуляция массового политического поведения.

Во взаимосвязи эти функции составляют целостный механизм политического поведения. Соответственно, Д.В. Ольшанский выделяет три вида массовых настроений:

- 1) сигнально-оценочные настроения, лежащие в основе отношения к политической реальности;
- 2) настроения, формирующие потенциально-действенные общности, лежащие в основе массовых движений;
- 3) настроения, иницирующие и регулирующие массовое политическое поведение.

Так они выстраиваются в соответствии с психологической логикой: оценка – появление субъекта действия – само действие. В политико-психологическом отношении более адекватным представляется иной способ ранжирования, в соответствии с практической политической значимостью и очевидностью проявления настроений. Тогда на первом месте будет функция формирования субъекта потенциальных политических действий и, соответственно, настроения, формирующие потенциально-действенные общности (например, массовые движения). На втором месте – функция инициирования и регуляции массового политического поведения и соответствующие настроения (например, приводящие к модификации политической системы). На третьем – функция политико-психологической оценки и, соответственно, сигнально-оценочные настроения, лежащие в основе отношения к политической реальности (например, развития «нового» политического мышления и его распространения в борьбе с мышлением «старым») [157].

Одним из наиболее заметных политических состояний являются панические настроения, или паника. Паника – это эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо, напротив, как следствие ее избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Соответственно, на основе паники возникают панические толпы со специфическим поведением.

Какие условия способствуют возникновению панических настроений?

1. Ситуационные условия. Вероятность развития массовых панических настроений и панических действий возрастает в периоды обострения текущей ситуации. Когда люди ожидают каких-то событий, они становятся особенно восприимчивыми ко всякого рода пугающей информации.

2. Физиологические условия. Усталость, голод, алкогольное или наркотическое опьянение, хроническое недосыпание и т.п. ослабляют людей не только физически, но и психически, снижают их способность быстро и правильно оценить положение дел, делают их более восприимчивыми к эмоциональному заражению и, за счет этого, снижают пороги воздействия заразительности, повышая вероятность возникновения массовой паники.

3. Психологические условия. К ним относятся неожиданность пугающего события, сильное психическое возбуждение, крайнее удивление, испуг.

4. Идеологические и политико-психологические условия. Сюда относятся нечеткое осознание людьми общих целей, отсутствие эффективного управления и, как следствие, недостаточная сплоченность группы. Реальная практика, а также многочисленные экспериментальные исследования показали, что от этой группы условий в значительной мере зависит, сохранит ли общность целостность, единство действий в экстремальной ситуации или распадется на панический человеческий конгломерат, отличающийся необычным, вплоть до эксцентричного, поведением каждого, разрушением общих ценностей и норм деятельности ради индивидуального спасения. Многочисленные эксперименты американских исследователей показали, что в неосознающих общность целей, слабо сплоченных и структурированных группах паника провоцируется минимальной опасностью (например, даже опасностью потерять несколько долларов или получить слабый удар током). Напротив, ситуации естественного эксперимента (войны, боевые действия) демонстрируют высокие уровни сплоченности специально подготовленных, тренированных и объединенных общими ценностями (например, патриотизм) и нормами общностей людей.

Возникновение и развитие паники в большинстве описанных случаев связано с действием шокирующего стимула, отличающегося чем-то заведомо необычным (например, сирена, возвещающая начало воздушной тревоги). Частым поводом для паники являются слухи.

Известно, например, что летом 1917 года в России выдался один из самых обильных урожаев. Тем не менее, уже осенью в стране разразился голод. Ему способствовала массовая паника, которую вызвали слухи о предстоящем голоде, – она буквально опустошила прилавки, амбары и закрома [157].

В.М. Бехтерев относил панику к числу «психопатических эпидемий». «Кто переживал вместе с другими панику, – писал выдающийся ученый, – тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно побороть в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением. Нет, это есть нечто такое, что охватывает подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение, и которое получает объяснение только во внушении этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу». И далее: условием развития паники «должна быть неожиданность в появлении всеми осознаваемой опасности, на какой-либо почве достаточно малейшего толчка, действующего подобно внушению, чтобы развилась паника» [26].

Следует отметить, что современный мир демонстрирует дальнейшее усиление роли массовых настроений в самых различных сферах жизни, в том числе и в политике. Двадцатый и начало двадцать первого века принесли определенные качественные изменения в психологии масс как субъекта социально-политических действий. Возрастающие их роли в наше время в значительной степени связано с все более непосредственными проявлениями в поведении таких факторов, как массовые настроения.

10.5. Психология «Майдана»

Чем гуще смрад, тем шире диапазон.
И в политике тоже.

Станислав Ежи Лец

Особым массовидным явлением стал феномен «Майдана», заявивший о себе в политических процессах на Украине в начале XXI века. Слово «майдан» имеет несколько значений. Это и базарная площадь, называемая так в южных областях России и Украины

[153; 210], у казаков – круг или сходка, на которой проводились советы для решения общественных дел и др. Особенно популярным это слово стало в конце 2003-го – начале 2004 годов, когда в Киеве возникли беспорядки в период так называемой «Оранжевой революции». В центре Киева находится Площадь Независимости, именуемая на украинском разговорном языке «Майдан Незалежності». Именно здесь состоялись противостояния митингующих и украинской милиции. С тех пор все последующие массовые протестные выступления на Украине получили общее обозначение «Майдан».

Обратимся к политико-психологическому анализу этого феномена.

Украинским исследователем А.А. Ткаченко в концепции дела жизни была предпринята попытка провести эмпирическое исследование психологической, социальной и духовной сущности феномена Майдана 2004 года [227]. Данное явление рассматривается как целостное образование, интегрировавшее внутренний (активно действующий) Майдан (Киевский и Донецкий) и внешний (наблюдатели за событиями через СМИ). На внутреннем уровне под феноменом Майдана понимались актуализированные психосоциальные образования (процессы, состояния, проявления, эффекты и т.п.), которые возникали у людей, особенно активно сориентированных на события «Оранжевой революции». Поэтому, главным признаком принадлежности к участникам Майдана было определено количество дней, недель активного непосредственного участия в событиях или наблюдения за ними.

В первую неделю на Киевском Майдане происходила внутренняя борьба двух противоположных психологических состояний (негативного и позитивного), порожденных двумя группами противоположных чувств – несправедливостью, возникшей как реакция на действия власти, которую олицетворял ее кандидат в Президенты и верой в победу демократии, которая центрировалась на собственном желании избрать истинно народного Президента. В итоге такого пограничного внутреннего конфликта, как на общенациональном, так и на индивидуальном уровнях, народу удалось актуализировать свое «психодуховное» состояние на принципах веры в победу. Таким образом сформировался вершинный дух Майдана, благодаря которому, как считает А.А. Ткаченко, удалось абсолютно четко контролировать огромные массы людей, исповедовавших лишь внутренние возвышенные состояния, независимо от деструктивного внешнего

влияния. Абсолютно четко выполнялась установка относительно ненасильственного характера действий.

На протяжении второй недели центр пограничных состояний начинает перемещаться из общего психосоциального формата в индивидуально-личностный. Как следствие, персонифицируется психологический механизм поступка. Возникает окончательная уверенность в победе, эмоциональные всплески возникают реже, возникают расслабленность и меланхолия. Пребывание на Майдане приобретает характер обычной «работы», когда уже адекватнее воспринимаются и анализируются влияния внешних факторов. В последнюю неделю наступает полная обыденность.

А.А. Ткаченко разделяет Майдан на три составляющие: «истинный Майдан», «пост-майданный эффект» и «пост-майданный синдром». «Истинный Майдан», по мнению исследователя, существовал лишь в первые дни, не больше недели, и базировался на «высших» общечеловеческих ценностях – национальных, моральных, духовных. «Вершинный» эмоциональный эффект у большинства людей после первой недели начал интенсивно спадать, трансформироваться в индивидуальный мир Я каждого в виде «пост-майданного эффекта». Затем, вместе с появлением «халявных» майданников (всячески желающих что-то получить ради собственной выгоды), возник «пост-майданный синдром» и заработали манипулятивные политтехнологии, пребывание на Майдане начало восприниматься как своеобразная «работа».

По выводам А.А. Ткаченко, основным результатом явления «Революционного Майдана» 2004 года стало то, что украинцам удалось выдержать фатальный экзамен на цивилизованность, культуру и ненасилие во время «Оранжевого бунта», то есть сохранить приоритет высших человеческих ценностей, не скатиться к междоусобной вражде и кровопролитию.

«Эмпирико-теоретический духовно-психологический» взгляд А.А. Ткаченко на феномен Майдана, безусловно, представляет интерес для политической психологии. Однако полученные эмпирические данные вызывают сомнение, поскольку, по словам автора концепции, из всего множества участников Майдана лишь единицы изъявили желание принять участие в исследовании (всего 49 человек участников внутреннего и 27 участников внешнего майдана). В тех условиях все-таки еще срабатывал страх за собственные откровения.

Что касается «Евромайдана» 2013–2014 годов, то на сегодняшний день какого-либо политико-психологического анализа этого явления пока нет. Лишь отдельные разрозненные данные [78] позволяют сделать такой анализ в качестве предварительного и отметить следующие позиции.

Принято считать, что «Евромайдан» стал реакцией сторонников евроинтеграции Украины, когда осенью 2013 года президент Янукович отказался подписать необходимые соглашения с Европейским Экономическим Сообществом.

Прежде всего, следует отметить, что если во время Оранжевой революции 2004 года Майдан был более «карнавальным», то Евромайдан – куда более агрессивное, более жестокое проявление толпы. Здесь пролилась кровь, появились многочисленные жертвы и пострадавшие.

По оценкам украинского исследователя П. Фролова (Институт социальной и политической психологии) эмоциональное и даже физическое состояние участников Майдана таково, что «просит» побыть там еще и еще. Это обусловлено тем, что в толпе возникает эффект «эмоциональной воронки». Она создается в несколько этапов. «У Майдана есть кордоны, которые проверяют охранники. И уже на входе у человека появляется чувство опасности и ответственности, чувство серьезности происходящего. При вхождении в толпу эффект усиливается: гул, музыка, ритм, который задается специально. Постепенно в толпе суживается сознание и человек подчиняется ей. При большом скоплении народа возрастает агрессия... На Майдан приходят люди, оскорбленные властью, и они становятся очагом эмоционального заражения тех, кто был настроен мирно. Постоянные информационные сообщения о том, что «Беркут» (подразделения милиции специального назначения МВД Украины) вот-вот начнет атаку на Майдан, вызывают еще большую агрессию, желание сопротивляться и защищаться».

Ситуация усугубляется применением современных технологий, которых не было в периоды известных ранее массовидных явлений.

Во-первых, это так называемая «СМС-атака». Она осуществлялась путем рассылки сообщений типа «Сдавайтесь. Вы окружены. Теплые вещи и чай гарантированы»; «Выходи на Майдан за 150 гривен»; «Все на Майдан. Начинается штурм» и т.п. Такие сообщения стали получать на телефон те киевляне и гости города, кто часто появляется в районе Майдана или работает неподалеку. Такая СМС-рассылка, по сути, – продуманная технология сеяния паники.

Для этого использовалось специальное оборудование – прибор размером с чемодан, подменяющий соту. При включении он вклинивается в существующие сети всех мобильных операторов и охватывает телефоны, работающие в радиусе трех километров. Единоновременно он может разослать до десяти тысяч сообщений.

Во-вторых, организация «открытого университета Майдана». На открытой сцене для участников Майдана читались лекции, как на украинском, так и на русском языках. Тематика лекций самая разнообразная – от социально-политических, экономических до бытовых проблем. Например: «Украина и Европа: общие ценности», «Почему важна солидарность и как повлиять на ситуацию с правами человека», «Христианские принципы преобразования общества», «Я и государство: может ли человек действительно влиять на мир?», «Пенсионная и бюджетная реформа», «Социальные перемены в обществе Украины за годы независимости сквозь призму костюма и моды» и т.д.

В ходе противостояний на Майдане выкристаллизовались несколько основных лозунгов: «Банду – геть!», «Україна – це Європа!», кричалка «Хто не скаче, той москаль!» и приветствие времен УПА (украинской повстанческой армии) «Слава Україні – героям слава!». Здесь работает следующее правило. В основе лозунга должны лежать два принципа. Первое – ритм. Скажем, лозунг времен Оранжевой революции «Разом нас багато – нас не подолати!» («Вместе нас много – нас не победить!») копирует ритм мантры «Харе Харе Кришна, Харе Харе Рама». И второе – программа (слова, которые задают цель). Лозунг должен звучать с определенной периодичностью, чтобы люди оставались на одной волне. По сути, эта технология позволяет из индивидуумов создавать толпу.

Новшеством можно считать создание психологической службы Майдана, с целью оказания профессиональной психологической помощи, как участникам акций протеста, так и Антимайдана, а также всем, кто обратится. Организовано дежурство волонтеров-психологов в жилетах мятного цвета с надписью «Психолог». Основной упор делался на индивидуальную работу. В среднем за сутки волонтеры психологической службы принимали по меньшей мере 50 человек. Со временем стала применяться и групповая форма работы, в частности так называемый «круг психологической взаимоподдержки» с целью предоставить людям возможность высказать свои переживания по поводу событий, происходящих в стране. Организована работа

телефонной горячей линии психологической помощи. При этом выявлен интересный феномен: в психологическую службу Майдана обращалось очень много киевлян, которые о событиях в центре города узнавали из телеэфиров. Оказалось, что в этом случае люди больше встревожены событиями, чем когда ни приезжают непосредственно на Майдан. Организована также интернет-служба психологической помощи Майдана.

В завершение сошлюсь на один из выпусков передачи «Прямой эфир» (телеканал «Россия», 18 марта 2014 г.), в которой психологи, политологи и другие специалисты, а также участники событий обсуждали технологии, применяемые на Майдане в Киеве. Отмечалось влияние на участников Майдана религиозных структур – грекокатолической церкви, киевского патриархата и различных сект, в том числе авторитарной секты сайентологов, запрещенной во многих странах мира. На Майдане было множество униатских священников. Униаты и баптисты имели пункты моления, их символика была на битах, на касках, многих из них отличало наличие белых щитов с красным крестом. Именно эти группировки, как отмечали участники передачи, управляют духовным расколом на Украине («Волки Майдана в овечьей шкуре»). На Майдан съехались массово семинаристы из униатских семинарий западной Украины, слушатели католического университета. В первые дни на Майдан особенно активно привлекались молодые люди, которых дисциплинированно везли туда после проповедей. Среди них, как и среди других участников Майдана распространялся «Католический молитвенник революционера».

В передаче отмечалось применение различных психотехнологий воздействия и манипулирования массовым сознанием. В частности демонстрировались кадры, на которых один из униатских священников проповедовал: «С врагом не может быть иного разговора, как разговор пуль и выстрелов орудий. С врагом не может быть иного разговора, как шумит наш лес – шумит удавками, на которых должны быть повешены наши враги. Шумит наш лес, к каждому сердцу зывая – восстань, возьми в руки оружие и отбрось страх». Такие призывы священников были массовым явлением. Президент Российской ассоциации изучения религий и сект А. Дворкин отметил, что таким образом идет «накрутка с эксплуатацией религиозного чувства и подменой слов». Это технология сектантских манипуляций, которые используются, например, и при проведении массовых самоубийств.

Если сказать «Давайте убьем друг друга, убьем себя», мало кто на это пойдет. Если же сказать: «Давайте скинем устаревший скафандр и вознесемся на новый надчеловеческий уровень» – звучит гораздо привлекательнее. Постепенная подмена понятий – и люди уже не осознают то, что они делают. Психолог В. Петренко отметил два момента. Во-первых, относительно подмены понятий «героика» и «проявление героизма»: против героики никто не возражает, каждый считает себя героем и готов примкнуть к какому-то героическому сообществу или пассионарной части общества. А вот что за идеологию несет эта часть пассионарного общества? Здесь уже простор для манипуляций очень широкий. И второй момент. В «молении» униатского священника (о нем выше шла речь), призывающего убивать и вешать, В. Петренко обратил внимание на рефрены (повторяющиеся фразы). Это, по сути, технология массового гипноза. Таким образом, отметили участники передачи, Майдан – это в значительной степени религиозное явление. Именно этот фактор представляет собой глубинный слой Майдана.

Психология масс в политике – важнейшая часть политической психологии, интенсивно развивающаяся в современной политико-психологической науке и практике. Психология масс, с одной стороны – это, пожалуй, наиболее практическая часть политической психологии. В то же время, с другой стороны, возникают теоретические подходы, позволяющие выявить закономерности массовидных явлений в политике, дать им политико-психологическую оценку. В исследовании психологии масс практически не применимы эксперимент, какие-либо лабораторные исследования. Сами социально-политические ситуации и возникающие в них массовидные явления становятся естественными экспериментами, которые периодически ставит над собой общество. Психологу приходится быть всего лишь наблюдателем, а иногда и участником массовидных явлений, что существенно затрудняет процесс познания и осмысления психологии масс.

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Можно ли говорить о том, что массовое сознание есть сумма индивидуальных сознаний людей, образующих массу?
2. Что представляет собой иерархическая структура массового политического сознания?
3. Чем характеризуется рациональный уровень массового политического сознания?

4. Каковы причины и механизмы воздействия на массу, с точки зрения фрейдизма?
5. Согласны ли Вы с утверждением Х. Ортега-и-Гассета о том, что масса людей не имеет мнения?
6. Что может служить основанием типологизации массового сознания?
7. В чем заключается проблема соотношения понятий «толпа» и «масса»?
8. Что такое «толпа» с психологической точки зрения?
9. Какие роли люди могут выполнять в толпе?
10. Каковы причины возникновения толпы?
11. Чем отличаются экспрессивная и экстатическая толпа?
12. Какие существуют виды, и каковы основные характеристики действующей толпы?
13. Каковы главные свойства толпы, по Э. Канетти?
14. Что такое «закрытая масса» и «открытая масса», каковы между ними связи и отношения?
15. Каковы свойства «замерзшей массы» и «ритмической массы»?
16. Что такое «политический митинг» и «политическая демонстрация»?
17. Каковы особенности поведения индивида в толпе?
18. В чем заключается роль вождя в толпе?
19. В чем заключаются особенности социально-психологических свойств толпы?
20. Каковы психологические механизмы возникновения массы, и чем они характеризуются?
21. Каковы социологические и демографические параметры, от которых зависит подражание индивида в массе?
22. Что такое «массовое политическое настроение», и каковы его психологические характеристики?
23. Что такое паника, и какие условия способствуют возникновению панических настроений в толпе?

Глава 11.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИМИДЖЕЛОГИЯ

Понятие и типология имиджа. Субъекты политического имиджа. Имидж политического лидера. Основные компоненты имиджа политического лидера. Имидж российских политических лидеров. Имидж политической партии. Политический имидж государства. Политический имидж России.

Имидж – это искусство управлять впечатлением

Э. Гофман

11.1. Понятие и типология имиджа

Понятие «имидж» в последние годы стало довольно распространенным в лексиконе представителей ряда наук и специалистов-практиков. В России оно стало предметом общественного внимания и научного анализа лишь в последней трети XX столетия, когда появились первые серьезные отечественные разработки по имиджированию, посвященные психологическим аспектам формирования имиджа.

В работах по теории и практике имиджологии имидж рассматривается либо как образ (психический образ, формирующийся в массовом сознании; символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия и т.п.), либо как мнение (рационального или эмоционального характера об объекте), либо как мнение на основе образа, возникшее в психике группы людей.

Политический имидж – сложный многофакторный феномен, специфика конструирования которого связана с особенностью политики как вида деятельности, ее местом в жизни людей и характером деятельности политического лидера или организации. Роль эффективного политического имиджа проявляется как в высоком рейтинге популярности его носителя, так и в возможностях влияния на общественное мнение, активного формирования политической деятельности государства и общества в целом.

Исследование имиджа потребовало введения ряда обозначений тех объектов (и субъектов), без которых невозможен процесс

построения и преобразования имиджа. Во-первых, это прообраз имиджа – субъект, представленный в имидже, или субъект, имидж которого создается. Во-вторых, реципиент имиджа – объект, для которого создается имидж и в представлении которого он существует. Если имидж создается для социальной группы, то эту группу называют аудиторией имиджа. Хотя к ней также может быть применим термин «реципиент». Последний указывает на то, что предметом анализа здесь являются в основном индивидуально-психологические механизмы восприятия имиджа, в то время как использование понятия «аудитория» указывает на то, что в центре внимания находятся групповые механизмы восприятия [165].

Таким образом, имидж представляет собой мнение на основе образа, или представление об объекте, целенаправленно сформированное у составляющей аудитории имиджа (реципиента) социальной группы посредством профессиональных усилий.

В таком случае политическим имиджем будет мнение на основе образа или представление об объекте политики (личности политика, политической партии, государства), целенаправленно сформированное посредством профессиональных усилий у составляющей аудиторию имиджа социальной группы посредством профессиональных усилий.

Для политического имиджа существенно то, что в качестве субъекта (прообраза имиджа) могут выступать политический лидер, политическая организация, государство, политическая власть, политические процессы и явления, продукты политической деятельности, или какой-либо иной деятельности, продукты которой имеют прямое отношение к политике. То есть субъект политического имиджа – это тот (или то), имидж кого (или чего) создается, или образ которого отражается в политической психике воспринимающего объекта (аудитории, или реципиента) имиджа. Объектом политического имиджа является аудитория имиджа (социальная группа), для которой политический имидж создается, или у которой формируется мнение, представление об образе субъекта. В то же время объектом политического имиджа выступает субъект – конкретный человек или группа людей. Таким образом, имеет смысл говорить о двойственной природе имиджа. С одной стороны имидж выступает в качестве объекта, с другой – в качестве субъекта.

Говорить о формировании политического имиджа (как и любого другого) можно только тогда, когда известен объект, то есть тот, для

кого формируется имидж, или в психике кого отражается образ воспринимаемого субъекта (аудитория имиджа, или реципиент). Так, имидж кандидата в президенты страны будет разным в представлениях молодежи или пенсионеров, студентов или рабочих, чиновников или военнослужащих и т.д.

В восприятии субъекта-прообраза политического имиджа важную роль играют и такие характеристики аудитории, как место ее проживания, уровень образованности, социальный статус, уровень жизни, религиозность (с учетом принадлежности к той или иной религиозной конфессии), пол, возраст и др.

Почему имидж формируется посредством профессиональных усилий? Качественный имидж – это имидж созданный специалистом в области имиджмейкинга. Этот специалист – имиджмейкер, занимающийся созданием и преобразованием имиджа, а также оказывающий помощь в формировании имиджа своему клиенту. Такой специалист должен обладать знаниями, профессиональными компетенциями в областях социальной, политической психологии, психологии восприятия, психологии коммуникации и др.

Сегодня ситуация такова, что у нас в стране нет вузов, которые на государственном уровне осуществляли бы подготовку специалистов такого профиля. Как правило, в качестве имиджмейкеров выступают высококвалифицированные профессиональные психологи и специалисты по связям с общественностью. Однако очевидно, что только психологам подвластно понимание глубины процессов воздействия на сознание и подсознание человека, формирования в его психике символического образа субъекта. С другой стороны, нельзя исключать того, что человек может и сам сделать немало для создания или преобразования собственного имиджа. Однако если такой человек хочет заниматься своим имиджем основательно, эффективно, целесообразно, ему понадобится помощь профессионала. Не наивного, интуитивного, обыденного, «случайного» «психолога», а специалиста с высшей профессиональной подготовкой, и имеющего опыт работы в сфере имиджмейкинга.

Как появились имиджмейкеры в нашей стране? В литературе, в средствах массовой информации нередко приводится пример, связанный с выборами президента России в июне 1996 года. В начале избирательной кампании – в январе 1996 года – на этот пост было больше десяти кандидатов. У одного из них в то время имидж вряд ли

мог хоть каким-то образом претендовать на положительный, и неудивительно, что рейтинг у него был, по различным источникам, от трех до пяти процентов. Идти на выборы с таким имиджем – было равно самоубийству. И тогда этому кандидату в президенты выписывают из США профессиональных имиджмейкеров. Их встречают в Москве, размещают в гостинице, изымают паспорта, запрещают выходить самостоятельно из гостиницы, звонить куда-либо, то есть все делалось для того, чтобы сохранить их работу в строжайшей тайне. Когда же информация все же просочилась в печать, последовало моментальное опровержение.

И вот накануне выборов, в конце мая 1996 года, рейтинг этого кандидата достигает 50%. Даже по американским меркам поднять рейтинг в 10 раз всего за пять месяцев – блестящий результат. И стал с таким-то имиджем Б. Ельцин (а именно об этом кандидате идет речь) президентом, победив своих соперников. Об этих событиях в США поставлен художественный фильм «Проект «Борис», который на российском телевидении демонстрировался под названием «Проект «Ельцин». А позже, как бы отдавая дань профессионалам-имиджмейкерам, он Ельцин своим указом вводит в администрации президента должность имиджмейкера и назначает на эту должность свою дочь Татьяну Дьяченко (ныне Юмашеву).

Если говорить о типологии имиджа, то здесь авторами предлагаются разные подходы. Остановимся лишь на некоторых из них.

Г.Г. Почепцов выделяет типологию имиджа на основании функционального и сопоставительного подходов [187]. Функциональному подходу, по его мнению, присущи несколько возможных вариантов имиджа: зеркальный, текущий, желаемый, корпоративный и множественный.

Зеркальный имидж свойствен нашему представлению о себе. Мы как бы смотримся в зеркало и рассуждаем, каковы мы. Обычно это положительный вариант имиджа, ибо психологически во взглядах о себе мы выдвигаем на первое место позитив. При этом минимально учитывается мнение со стороны. Этот имидж может определять характеристики лидеров, организаций, представителей тех или иных профессий и др.

Текущий имидж характерен для взгляда со стороны. Это не просто внешний взгляд аудитории вообще, это могут быть взгляды журналистов, избирателей, клиентов и т.д. Поэтому важнейшей задачей

здесь становится получение не столько благоприятного, сколько верного, адекватного имиджа.

Желаемый имидж отражает то, к чему мы стремимся. Он особенно важен для создаваемых структур. О них пока еще никто ничего не знает, поэтому это имидж желаемый и выступает в виде возможного, иногда единственно возможного.

Корпоративный имидж, по мнению Г.Г. Почепцова, это имидж организации в целом, а не каких-то отдельных его подразделений или результатов работы. Здесь и репутация организации, и ее успехи, и степень стабильности. Подобный тип имиджа важен, например, для финансовых структур. Хотя это вполне можно отнести и к определенным политическим структурам.

Множественный имидж образуется при наличии ряда независимых структур вместо единой организации. К хорошему единому имиджу стремятся, например, компании, политические партии, общественные организации, использующие собственную символику.

При сопоставительном подходе происходит сравнение имиджевых характеристик, например, двух политиков, двух политических партий.

А.Ю. Панасюк предлагает классифицировать имидж с точки зрения факторов, его образующих [162]. На этом основании выделяются следующие типы имиджей:

- габитарный имидж (от лат. *habitus* – внешность, внешний облик) – мнение о личности по ее внешности (одежда, обувь, прическа, аксессуары и т.п.);

- средовой имидж – мнение о субъекте по созданной им среде обитания – по жилищу, кабинету, автомобилю и т.д.;

- овеществленный имидж – мнение о личности, складывающееся по его овеществленной продукции – предметам, вещам, которые он сделал, создал;

- вербальный имидж – мнение о личности по ее вербальной продукции – что человек говорит, как говорит, что и как пишет;

- кинетический имидж – мнение, основанное на кинестетической продукции человека.

Е.Б. Перелыгина, предлагая свой подход к типологии имиджа, рассматривает индивидуальный имидж, групповой, корпоративный и предметный имиджи [165]. Для политической имиджелогии больший интерес представляет имидж индивидуального субъекта, противопоставляемый в данном случае имиджу группы, организации, предмета.

Е.Б. Перельгина различает два типа индивидуального имиджа: имидж, ориентированный на самоощущение и имидж, ориентированный на восприятие. Причем эти типы не являются взаимоисключающими и в ряде случаев один и тот же имидж может обладать свойствами как первого, так и второго. Политический имидж ориентирован на восприятие. Однако наибольших успехов в формировании и функционировании имиджа достигают, как правило, те политики, для которых имидж является одновременно ориентированным и на самоощущение.

Имидж, ориентированный на восприятие, включает три основных структурных компонента: миссию, легенду и цели субъекта.

Миссия – это компонент символической структуры имиджа, содержащий оценочно и эмоционально нагруженную информацию о том, во имя чего субъект-прообраз имиджа существует в обществе и занимается своей деятельностью, в чем состоит смысл его существования в данном качестве. Понятие миссии широко применяется в имиджмейкинге при создании любых видов имиджа.

Что касается легенды, то ее построение в имиджмейкинге считается самым трудным, в силу сложности ее структуры. Для появления легенды необходима демонстрация как минимум трех компонентов – целей, которые человек ставит перед собой, наличие реальных дел, которые показывают, насколько эффективно осуществляется движение к этим целям, и миссии, которая показывает, почему и зачем ставятся такие цели, во имя чего они выполняются. В том случае, когда эти три компонента логично, правильно, непротиворечиво увязаны между собой, и возникает особый эффект восприятия – легенда. Если же из названных трех компонентов хотя бы один отсутствует или плохо согласуется с другими элементами, имидж утрачивает цельность и зачастую становится негативным.

Дальнейший анализ имиджа в политике требует обращения к субъектам политического имиджа.

11.2. Субъекты политического имиджа

Проблема имиджа субъекта политики, политического института, политической деятельности, поведения и отношений сегодня привлекает внимание многих ученых и практиков, абсолютно всех политиков и не оставляет безразличным ни одного человека, интересующегося развитием современного общества, политических процессов и отношений в нем.

Прежде всего, следует отметить, что субъект политического имиджа не является изолированным образованием, а существует в специфическом социально-культурном пространстве. Это органы политической власти различных уровней, социально-политическая и экономическая ситуация, а также социокультурные, правовые и иные факторы, оказывающие иногда косвенное влияние на субъекта политического имиджа.

Как прообраз политического имиджа субъект обращен к политике различными гранями, анализ которых позволяет построить одну из классификаций субъектов политического имиджа [178].

Так, по признаку количественного состава участников политического взаимодействия, для которых разрабатывается имидж, можно выделить две условные группы субъектов: единичные субъекты, к которым относятся отдельные личности, и групповые или множественные субъекты, к которым принадлежат различные социальные группы.

По правовому признаку можно выделить физические субъекты (люди – участники правоотношений в политике) и юридические субъекты (организации, являющиеся носителями гражданских прав и обязанностей в политике).

По признаку первичности существования можно выделить первичные субъекты политического имиджа (сами граждане, социальные группы, в которые они включены, и на которые оказывает влияние чей-либо политический имидж напрямую) и вторичные субъекты (политические партии, политические институты, которые не только сами подвержены влиянию, но и призваны воздействовать на других субъектов).

В целом к субъектам политического имиджа следует отнести: политического деятеля, политического лидера; политические партии, политические организации; государства.

11.3. Имидж политического лидера

Хороший имидж черпается из глубокого колодца, а не из мелкого ручейка

Г.Г. Почепцов

Основные компоненты имиджа политического лидера

Обратимся к индивидуальному субъекту политического имиджа, к имиджу политического лидера, политического деятеля.

Существуют различные подходы к структуре имиджа политика. Это разного рода наборы («паттерны») черт, которые широко варьируются в разных странах и на различных этапах истории. «Устойчивого набора» имиджевых характеристик нет и быть не может, так как разные аудитории воспринимают различные совокупности и сочетания свойств политических деятелей.

Анализ и обобщение различных подходов к этому вопросу позволяет выделить ряд основных компонентов имиджа политика:

- габитарный имидж;
- вербальный имидж;
- кинетический имидж;
- личностные характеристики политика.

Габитарный имидж включает одежду, обувь, аксессуары, прическу.

Одежду можно рассматривать как средство знаково-символического представления (выражения) жизненных и профессиональных ролей. Для политика это, прежде всего, отражение в одежде профессиональной статусности, обязывающей одеваться в соответствии с ролью, предписываемой положением. Одежда способна поддерживать статус политика, благодаря созданию иллюзий размера, веса, возраста, успеха, авторитетности. Здесь должна быть гармония, проявляющаяся во всем: в степени приспособленности одежды к телесным характеристикам и цветовому тону образа политика (цвету глаз, волос, кожи), его социальным характеристикам и отношениям, возрасту, художественному и эстетическому вкусу, общему уровню культуры и т.д.; в выразительной организации формы одежды и ее чувственно-гедонистическом воздействии на психику; в ее способности быть носительницей образа, выражающего определенное мироотношение и создающего иллюзию некоей реальности.

Отражая определенные идеи, одежда может быть свободной или плотной, жесткой или мягкой, пластичной по форме, яркой или спокойной по цвету. Она может свидетельствовать о непреклонности характера, жесткости моральной установки, чистоте моральных побуждений, отражая этический символизм, который играет большую роль в строгих и официальных костюмах политиков в наши дни. Фактурой материала, добротностью своего костюма, глубокой и спокойной чернотой ботинок, безупречной чистотой воротничков и манжет, спокойным, неярким и соответствующим костюму или рубашке галстуком политический лидер демонстрирует окружаю-

щему миру свою потенциальную силу, твердость духа, свободу от легкомысленных соблазнов.

Интересна метаморфоза, произошедшая с премьер-министром Великобритании Дж. Мейджором, который не раз заявлял, что его не интересует собственная внешность, и что он хочет остаться таким, какой он есть, каким его знают. Но каково же было его удивление, когда после одного из своих выступлений он увидел, что в газетах нет ни слова о том, что он говорил, обсуждается лишь его внешний вид. После этого он полностью изменил свою точку зрения: новые костюмы пришли на смену прежним, изменились тип очков и прическа. Аналитики назвали это феноменом человека, внезапно поднявшегося на вершину, за внешностью которого до этого следила только его жена [188].

Аксессуары – застывшие эмоции внешнего вида любого делового человека, в том числе и политика, и потому, также как и одежда, требуют к себе серьезного внимания. Основные признаки аксессуаров (будь то элементы одежды или украшения) – сдержанность, элегантность, высокое качество. Аксессуары, подчеркивающие респектабельность их владельца – часы, ремни, бумажники, органайзеры, сотовый телефон, авторучки, запонки, зажигалки, портсигары, футляры для визитных карточек, очков, ключей и пр.

Аксессуары как дополнение к одежде могут придать внешнему облику своеобразную «характерность»: усилить значительность, авторитетность, подчеркнуть индивидуальность, вызвать расположение и доверие или, наоборот, чувство дистанции. Иногда достаточно назвать характерный аксессуар (трубка, сигара, кепка, множество орденов и др.), чтобы безошибочно создать в памяти образы известных политиков. Гармоничная связь одежды и аксессуаров с телесными характеристиками политического деятеля, манерой поведения, пластикой, жестами, тембром, ритмом и интонацией голоса помогает создать общезначимый и принимаемый общественной аудиторией образ политика, который является как средством самовыражения, самопрезентации, так и эффективным средством воздействия на массовое сознание.

Важную роль в имидже политика играет прическа. Если говорить о женщине, то ее прическа выбирается с учетом фигуры, типа лица, формы головы. Волосы должны достойным образом обрамлять лицо, придавая ему дополнительную привлекательность, и в то же время

они не должны доминировать во внешнем облике, затенять привлекательные черты или привлекать к себе незаслуженное внимание. Для мужчины важно содержать волосы опрятными, хорошо подстриженными и уложенными. Если же появилась лысина, воспринимать это нужно с достоинством, отнестись к этому как к своей индивидуальности.

Во внешнем облике женщины немаловажное значение имеет макияж. Его функция состоит в том, чтобы обеспечивать на подсознательном уровне притяжение людей к «владельцу» макияжа. Макияж должен быть чудом недоговоренности. Он подчеркивает достоинства и слегка затушевывает недостатки. Макияж не должен быть избыточным, вызывающим, привлекать к себе внимание, в то же время он должен соответствовать цвету кожи, волос, глаз, то есть представить женщину-политика наилучшим образом.

Конечно, внешний облик политика очень важен, не зря же в народе говорят: «Встречают по одежке...». Однако, когда при хорошей «одежке» человек открывает рот и начинает что-то говорить, мнение о нем может в корне измениться. В действие вступает имидж вербальный.

Вербальный имидж, как уже отмечалось, характеризуется вербальной продукцией человека и тем, как она представляется. Важнейшая роль здесь отводится коммуникативной культуре, грамотности речи, ораторскому искусству, умению убеждать, аргументированно и ясно отстаивать свои политические убеждения, свои взгляды относительно процессов и явлений политической действительности.

Речевые особенности говорящего связаны с семантикой, грамматикой и фонетикой. Воспринимая используемую политиком лексику, грамматические конструкции, фонетические особенности, подтекст и др., избиратели, сторонники (или люди, колеблющиеся в своих политических взглядах), могут определить вкусы, социальные, деловые и личные качества, возраст и другие особенности субъекта. В восприятии речи политика немаловажное значение имеет наличие своеобразных оборотов, пословиц, афоризмов и т.п.

Важнейшим элементом вербального имиджа являются экстралингвистические особенности, заключающиеся в своеобразии голоса, высоте, громкости, интонации, характере применения и заполнения пауз, дикции и т.д. При восприятии экстралингвистических особенностей можно определить культурный уровень говорящего, его различные психические состояния, в том числе и напряженные, и другие моменты.

Особое значение вербальный имидж приобретает при выступлении политического деятеля по телевидению (в некоторой степени и перед большими открытыми аудиториями, например, на митинге), поскольку здесь требуется определенное владение актерским мастерством. Хороший политик сегодня тот, кто умеет подать себя с экрана: рассмешить, подыграть, уверенно выглядеть. Своего рода телевизионным политиком стал В.В. Жириновский. В свое время он обещал всё и всем, но потеря логики при этом никого не смущала. Его выступления смотрелись и смотрятся сегодня как актерские. По мнению Г.Г. Почепцова, появление телевидения обусловило появление новой характеристики политического деятеля, которой не было раньше – искренности. Специалисты считают ее чисто актерским приобретением. Ведь избирателей к первую очередь должна интересовать непосредственно мысль выступающего, а не степень искренности ее подачи. Но телевизионный канал не годится для передачи мысли, если она не зрелищна, поэтому категория мыслительная, категория содержания сменилась категорией формы и подачи. Говорение вообще тяжело сделать зрелищным и интересным, и это не является чьей-то ошибкой, такова природа телевидения [188].

Достижение актерского мастерства невозможно без соответствующей кинетики, или такого компонента имиджа, как **кинетический**, который включает следующие слагаемые.

Во-первых, это пантомимика – выразительные движения человеческого тела. Фигура человека – типологически сложное образование. Она тектонична, то есть пропорциональна, обладает ясно выраженной работой костей и мышц, обеспечивающей пластику телосложения, движений. Подтянутость, тренированность, изящество движений, или, наоборот, дряблость, деформированность, неуклюжесть – это как раз те качества, в «разговор» с которыми в первую очередь вступает реципиент.

Во-вторых, мимика – выразительные движения лицевых мышц. Мимические знаки включают качественные и количественные характеристики. Качественная сторона предполагает эмоциональное выражение лица. Количественные характеристики эмоциональных выражений включают интенсивность проявлений переживаний личности и степени их выраженности.

В-третьих, жестикуляция – экспрессивные движения рук. В литературе можно встретить утверждение о том, что жест иллюстрирует

не факт, а наше отношение к нему. Именно это объясняет, почему одинаковые по смыслу слова могут сопровождаться разными жестами. Руки – символ власти. Отсутствие или недостаток воли отражается немощью рук. Посредством рук демонстрируются отношения, целеустремленность, решительность и т.п.

В-четвертых, проксемические (пространственные) особенности общения. Они включают расстояние между общающимися и их взаимное расположение. Воспринимая расстояние между объектом и его партнером можно определить, в каких отношениях он с ним находится, какой у него статус и пр. Ориентация объекта восприятия по отношению к партнеру и «угол общения» между ними, место, которое он выбирает, – все это в совокупности позволяет воспринимающему определить черты характера, стиль поведения и другие характеристики объекта.

Политик как личность обладает собственной системой ценностей, установок, при этом они могут сочетаться с наиболее актуальными социальными ожиданиями и, соответственно, сочетаться с чертами предлагаемого имиджа или вступать в противоречие с ними. Поэтому возникает необходимость создания такого имиджа политического лидера, который является с одной стороны, привлекательным для публики и, с другой, представляет собой оптимальный стиль самопредъявления для самого политика.

Имидж политического деятеля выступает как явление, включенное в политическую деятельность. Поэтому важнейшей особенностью субъекта политического имиджа является его активность. Политический лидер должен быть способен воздействовать на сознание, волю, эмоции, деятельность и поступки, как отдельных людей, так и больших и малых социальных групп. Именно в этой связи уместно говорить об эмоционально-волевой направленности политика. Создавая имидж, политик должен совершать волевые усилия для «вживания» в него, что предполагает задействование механизма волевой регуляции, то есть регуляции побуждения к действию, осуществляемой на основе произвольной формы мотивации. Включить волевую регуляцию возможно посредством интенсивного переживания последствий совершения или несовершения действий. Это предполагает активное использование воображения и эмоциональной сферы. Результат достигается посредством включения заданного действия в другое, желаемое для субъекта, как условие его осуществления.

В процессе политического взаимодействия постепенно проявляется воздействие имиджа политика на его Я-концепцию. Успешный и эффективный политический имидж может вывести своего носителя в категорию, например, «народных любимцев», и тогда Я-концепция субъекта-прообраза будет позитивно заряжаться, так как произойдет перенос положительной оценки с политического имиджа на собственную личность. Затем, вместе с меняющейся Я-концепцией, у субъекта разовьется потребность в позитивном отношении со стороны окружающих, что обусловлено ее корреляционными связями с Я-концепциями других субъектов в системе имиджевого взаимодействия.

Особое место в структуре личностных имиджевых характеристик политика занимают его нравственные качества. Прежде всего, в имидже политика высоконравственно то, что служит интересам народа, общества. В любой предвыборной платформе, да и реальной политической деятельности, интересы как нации, так и конкретного человека должны обязательно оказаться на переднем плане. Причем выражены они должны быть в четкой и яркой форме, исключающей двусмысленность толкования. Служение народу, отстаивание его интересов во все времена рассматривалось как проявление патриотизма.

Важнейшими нравственными качествами, которые во все времена и везде ценились очень высоко, это – *альтруизм*, бескорыстие, забота о благе других, постоянное стремление помочь обездоленным. Если такие качества проявляет политик и об этом становится всем известно, то популярность его резко возрастает.

Кроме того, учитывая публичный характер деятельности политика, для улучшения своего имиджа он должен в повседневной жизни и профессиональной деятельности демонстрировать *личную скромность*. Такое качество особенно приветствуется в славянской среде. Именно поэтому, создавая культ Ленина (уже после его смерти) и культ Сталина, идеологи настойчиво проводили мысль об их скромности в быту.

Политик всегда на виду, многие обращают внимание не только на то, как он одет, но и на то, что ест и пьет, каково убранство его рабочего кабинета, на каком автомобиле он ездит и т.д. Из увиденного делаются определенные выводы, и если отмеченное свидетельствует о скромности политика, то скромность эта идет ему только на пользу. Сейчас ввиду наличия значительной прослойки малообеспеченных граждан на это качество политиков избиратели обращают особое внимание.

Людьми всегда почитались и ценились такие нравственные качества как *честность и порядочность*. Политик обязательно должен проявлять в своей деятельности эти весьма ценные в народе качества. Их наличие привлекает внимание, вызывает симпатию. И наоборот, любой, получивший огласку нечестный поступок кандидата мгновенно отталкивает избирателей от него. Например, многие женщины (да и мужчины) негативно относятся к кандидату, про которого стало известно, что он материально не помогает бывшей супруге в воспитании ребенка.

Еще одно ценимое качество – *религиозность*. Почему отношение к религии имеет такое большое значение для политиков и очень сильно влияет на их имидж? Сошлемся на зарубежный опыт, там об этом говорят просто и ясно (у нас это подразумевается): если политический деятель искренне верит в бога, значит, он будет следовать той морали, которую проповедует его религия. Если не верит, то от него можно ожидать чего угодно. Как по Ф.М. Достоевскому: «Если Бога нет, то можно все». У неверующего политика духовные ориентиры и моральные нормы неясны, поэтому трудно предположить, как он будет поступать в сложной ситуации нравственного выбора. Так что не удивительно, что крупные политики (например, В.В. Путин и Д.А. Медведев) постоянно «отмечаются» в храмах по большим религиозным праздникам.

Одна из ярких характеристик нравственности любого человека, а тем более политика, – *отношение к семье, близким*. Хороший семьянин – одна из лучших характеристик любого человека, а тем более политика. Отношение его к семье в глазах избирателей неосознанно проецируется на отношения к ним самим.

Отмеченные нравственные качества являются наиболее ценными, у серьезного политика они должны присутствовать в имидже обязательно. Если в имидже не представлено хотя бы одно из таких качеств, эффективным имидж не будет. Например, политик умен, обладает хорошим потенциалом, но нравственные его качества представлены слабо. В таком случае ему трудно доверять, ведь избиратель не знает, чего от него ждать.

Политическому лидеру, безусловно, необходимо быть фигурой авторитетной. Авторитет нужно обязательно делать яркой чертой имиджа. Психологическое понимание авторитета своеобразно, оно связывается с имеющимися у личности явными преимуществами перед другими, ко-

которые дают позитивный социально значимый результат. Нередко авторитет выступает как нравственный эталон. Регулирующая роль такого вида авторитета поистине огромна даже без наличия руководящих и организаторских функций, «высоко занимаемого кресла».

Следующая группа факторов, обуславливающих появление авторитета, связана с *профессионализмом и компетентностью*. По данным исследований, лица, обладающие устойчивым авторитетом, как правило, выделяются в лучшую сторону своими знаниями, умениями, навыками, опытом.

Роль личностного фактора в оценке политических деятелей подтверждается и конкретными исследованиями. Так, по данным Н. Ная, С. Вербы и Дж. Петрикоса [по: 178], сравнение частоты оценки кандидатов с точки зрения партийных связей, личностных характеристик и политических позиций дало соответствующие значения, отраженные в табл. 11.1.

Таблица 11.1

Оценки кандидатов по их партийным связям, личностным характеристикам и политическим позициям

Год	Партийные связи	Личностные качества	Политические позиции
1952	46	75	49
1956	41	83	53
1960	42	82	54
1964	34	84	77
1968	40	82	68
1973	24	72	67

Данные приведенные в таблице, показывают, что личностным качествам кандидата отдается приоритет. Личностный характер голосования проявляется не только на уровне национальных выборов, но и на уровне республик, регионов, городов. Причем именно на этих уровнях наблюдается самый большой процент «отклоняющегося голосования». Это, по-видимому, объясняется тем, что значительная часть кандидатов более или менее хорошо известна избирателям. Там же, где кандидаты знакомы с избирателями хуже (например, на выборах в парламент), выше доля партийного голосования.

Важную роль в имидже политика играет и его физический облик, который включает в себя такие элементы как анатомические, физиологические и функциональные особенности, а также паралингвистические характеристики.

Анатомические (соматические) особенности физического облика: рост, телосложение, голова, руки, ноги и пр. Воспринимая эти характеристики, субъект может сделать определенный вывод о возрасте, этнической принадлежности, состоянии здоровья и других особенностях объекта.

Физиологические характеристики: дыхание, кровообращение, потоотделение и т.д. Воспринимая их, субъект может сделать определенные умозаключения о физиологическом возрасте, темпераменте, состоянии здоровья и других особенностях объекта. Например, покраснение или побледнение кожи, появление тремора, пота может свидетельствовать о психической напряженности воспринимаемого. То, как человек ведет себя во время кашля или чихания, является показателем его культурного уровня (пользуется платком, отворачивается в сторону и пр.).

Функциональные особенности включают осанку, позу и походку.

Осанка – это манера придавать фигуре определенный вид, сочетание положения корпуса и головы. По ней воспринимающий может определить состояние здоровья, занимается ли человек спортом, психическое состояние, возраст, черты характера (уверенность в себе, высокомерие, угодничество и пр.) и некоторые свойства темперамента.

Поза – это положение тела в пространстве. Поза может «говорить» о психическом состоянии человека, некоторых чертах его характера, уровне культуры, отношении к людям и т.д.

Походка – это манера ходить, поступь человека. В походке находит отражение темперамент (темп ходьбы – быстрый или медленный), физиологическое самочувствие (усталость, бодрость и др.), иногда перенесенные болезни, возраст (старческая походка), психическое состояние (виноватая походка) и т.д.

К паралингвистическим особенностям относят мимику, жесты, пантомимику, то есть те характеристики, которые выше мы отнесли к кинестетическому имиджу.

Важной характеристикой имиджа политика является его целостность, внутренняя непротиворечивость. Кроме того, имидж должен включать как достоинства, так и недостатки своего «пробобраза».

Только целостный имидж вызывает доверие. Люди не поверят политику, известному только с хорошей стороны. Разумеется, речь идет всего лишь о тех недостатках, которые либо меркнут на фоне достоинств, либо делают политика более человечным. Либо только кажутся недостатками, а в глазах избирателей оборачиваются достоинствами. Нецелостный, фрагментарный имидж уязвим для критики. Помимо этого субъект политического имиджа должен быть реалистичным, то есть содержать черты, воспринимаемые однозначно как принадлежащие действительности [178].

Будучи целостным образованием, политический имидж должен быть пластичным, изменчивым, а не «жестким». Образ политика зависит от многих факторов, которые могут изменять свои значения, поэтому он не должен оставаться неизменным. Атрибуты имиджа преобразуются в соответствии с изменениями в самом носителе или в групповом сознании. Имидж политика, психический образ – явление не стойкое, меняющееся во времени, потому его необходимо постоянно и целенаправленно подкреплять, напоминая о его сути.

Физические и социальные особенности внешнего облика политика, его настроение способствуют формированию межличностной привлекательности – сложного психологического свойства личности, которое как бы «притягивает к себе» партнера по общению и непроизвольно вызывает у него чувство симпатии. Обаяние личности политика позволяет ему располагать к себе людей.

А.И. Донцов, определяет привлекательность как результирующую внешние, телесные, морально-этические, психологические, профессиональные и деловые качества человека. Степень привлекательности конкретного субъекта не остается одинаковой на протяжении всей его профессиональной деятельности. Этот показатель очень изменчив, к тому же часто недостатки в какой-либо одной сфере могут быть компенсированы достоинствами в других [по: 178]. Р. Мэй отмечает, что мы часто употребляем выражение «личное обаяние», редко задумываясь над тем, что же это за качество. Р. Мэй определяет это качество так: «Это оборотная сторона проявляемого к людям интереса и радости от общения с ними» [146].

Межличностная привлекательность способствует развитию интерперсональных связей, вызывает у партнера когнитивный, эмоциональный и поведенческий отклик. С прикладных позиций

в последние годы понятие «межличностная привлекательность» особенно активно исследуется как феномен формирования определенного имиджа. В публикациях по данной проблеме излагаются рекомендации по созданию привлекательного имиджа представителей различных профессий, что в определенной мере можно отнести и к политическим деятелям.

Видные политики современности оказывали самое активное влияние на формирование своего имиджа, понимая, что это существенно изменяет характер их воздействия на политические процессы и события. Самый дорогой политический имидж современной политической эпохи принадлежит известному политику и оратору У. Черчиллю. Этот вывод следует из того, что сам У. Черчилль и его имиджмейкеры сделали все возможное для популяризации этого лидера. Сам он писал книги, выступал в парламенте, на митингах, во всех средствах массовой информации и привлекал для воплощения своих идей огромные денежные средства. Черчилль всю жизнь прожил как игру, лишённую забот и приносящую лишь победу во всех начинаниях. Неслыханная самоуверенность и наглость царил в всех делах и поступках «великого» империалистического консерватора. В своих книгах политик описывал события, в которых непосредственно участвовал либо как политический деятель, либо как военный. Но все события описывались «в пользу» Черчилля и вся его деятельность восхвалялась самим же автором. Он не признавал своих ошибок и во всем обвинял людей, которые либо работали с ним, либо являлись его конкурентами. Черчилль вкладывал огромные деньги в написание своих сочинений, он собирал целый арсенал помощников, которые собирали и обрабатывали нужную информацию, печатали под его диктовку, архивировали полученные данные. Черчилль имел огромные архивы, содержащие все государственные документы, которые были созданы за время его работы в правительстве, так как в Англии до сих пор существует закон о том, что руководитель может оставлять копии тех бумаг, которые проходят через его руки и хранить их у себя. Именно на основе данных архивов и писались все книги Черчилля. Цель всех книг одна – прорекламировать их автора, как умного, прогрессивного, принимающего только правильные решения политика. Все это, безусловно, оказывало заметное влияние на авторитет политического лидера Англии, успешность проводимой им политики, на развитие международной жизни [106].

Работа над созданием имиджа лидера становится центральным моментом в деятельности современного политика. Имидж является определяющим фактором феномена политического лидерства, ибо наделяет его некоторым символическим смыслом, отсутствующим в реальной жизни, но необходимым для скрепления сообщества последователей в единое целое.

Имидж российских политических лидеров

Сегодня существует немало политико-психологических оценок личности ведущих политических лидеров. Выясняется их жизненный путь, тайные пристрастия, недуги, стремления и пр., с тем, чтобы предугадать их поступки. И главное при этом – понять, как лидер принимает решения, с кем он советуется, или решает все сам? Впрочем, искушенные профессионалы полагают, что психоанализ на расстоянии невозможен. Психологические портреты на девяносто процентов – догадки, предположения. То, что мы видим, в действительности – маска созданная имиджмейкерами. Но маска эта необходима, без нее политик надорвется, не выдержит нагрузки [43]. С другой же стороны, не менее важно то, что «скрывается» за этой маской, те индивидуально-психологические и иные характеристики, которые составляют основу субъекта-прообраза имиджа.

Рассмотрим некоторые имиджевые характеристики политических лидеров России XX – начала XXI веков. Речь пойдет о первых лицах государства: В.И. Ленине, И.В. Сталине, Н.С. Хрущеве, Л.И. Брежневе, Ю.В. Андропове, К.У. Черненко, М.С. Горбачеве, Б.Н. Ельцине, В.В. Путине, Д.А. Медведеве.

В.И. Ульянов (Ленин) – колоссальная политическая фигура не только для России, но и для мировой истории XX века. Отношение к нему далеко неоднозначное, что и породило различные, порой противоречивые точки зрения о вожде пролетариата. Странники и противники В.И. Ленина описывают его по-разному. Крайне редко можно встретить объективное описание особенностей его личности.

Д.А. Волгогонова, историка, политолога, члена КПСС с сорокалетним партийным стажем, внезапно «порозовевшего» в начале 1990-х годов, вряд ли можно обвинить в «любви» в Ленину. Тем интереснее данные им характеристики основателю российской компартии и советского государства. Вот некоторые его оценки Ленину: «Человек

железной воли, неукротимой энергии, сливающий фанатичную веру в движение, в дело с не меньшей верой в себя...»; «Мощный волевой интеллект, огромная историческая решительность, способность на крутые повороты в политике, беспредельная заряженность на достижение цели быстро превратили его в политика номер один». «Он был признанный вождь» [43].

Можно относиться к деятельности В.И. Ленина как угодно, в зависимости от тех или иных политических убеждений, но нельзя не признать, что деятельность этой без преувеличения выдающейся исторической личности обеспечивает ей одно из первых мест в истории человечества.

Что касается габитарного имиджа, то большинство описаний о В.И. Ленине говорят о том, что на первый взгляд его внешность была настолько обычной, что он мог затеряться среди простонародья. По поводу ленинского отношения к одежде Н.К. Крупская выразилась кратко, но определенно: «На свою одежду обращал внимания мало. Думаю, что цвет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости». На покупку новой одежды бережливый Ленин соглашался весьма неохотно. Весной 1917 года его приходилось очень долго убеждать в необходимости покупки новой одежды. Ленин ворчал, и шутя говорил, что едет домой в Россию не за тем, чтобы открывать какое-нибудь ателье, а делать революцию! [214]. Незамысловатый пиджак, неизменная жилетка и галстук удивительным образом дополнялись кепкой, которая вскоре определила политическую моду. Вслед за Лениным кепки стала носить почти вся советская элита.

Если говорить о вербальном имидже, то, прежде всего, нужно сказать, что В.И. Ленин был ярким оратором. Его выступления запоминались и побуждали к действию, он прекрасно чувствовал тип аудитории и умел менять «приспособления» в зависимости от того, перед кем выступал. Если посмотреть сохранившуюся видеозапись выступления В.И. Ленина на митинге с балкона бывшего здания Моссовета (сегодня – мэрия Москвы), то видно, что это даже не выступление, а общение. В.И. Ленин пластичен, буквально перегибается через перила балкона, обращаясь к тем, кто стоит перед ним на площади. Его речь лаконична, отличается короткими, четко сформулированными фразами, она конкретна, также как и конкретны его интонации. Это свидетельствует о том, что В.И. Ленин четко представляет себе то, о чем говорит.

А.И. Куприн о Ленине пишет: «Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который не оценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком» [38].

Что же касается письменной речи, то многие современники отмечают, что в своих работах (так же как и во время разговоров, полемик) «Ленин довольно часто употреблял крутые выражения и резкие оценки. Причем это ставилось в вину Ленину его обиженными оппонентами, которым доставалось от него. Сам Ленин прекрасно знал об этом своем качестве и понимал всю силу воздействия резких печатных выражений. Еще в 1899 году он писал Анне Ильиничне из Шушенского, что «в печати резкости выходят неизмеримо сильнее, чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении». По словам Ульянова-Ленина, он уже тогда стоял «за смягчение их и уменьшение их числа». Но ничего из этого в принципе не получилось, и Ленин продолжал употреблять крепкие слова преднамеренно. Иногда, когда ему на это настойчиво указывали, он соглашался «сбавить» тон [214].

Существует немало свидетельств, характеризующих кинетический имидж В.И. Ленина. В личной беседе он предпочитал близко видеть лицо своего собеседника. Эту привычку заметил и американец А. Вильямс, писавший, что в беседе Владимир Ильич пододвигался как можно ближе, почти вплотную. Во время разговора он часто подавался вперед, не переставая смотреть собеседнику в глаза, словно стараясь проникнуть в самую душу собеседника... [214].

Говоря о личностных характеристиках В.И. Ленина, стоит обратить внимание на слова одного из наиболее сильных его оппонентов – Н.А. Бердяева. Известный русский философ, оценивая человеческие качества вождя, писал, что в его характере были олицетворены типически русские черты народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и риторике, практичность мысли. Как личность сделан из одного куска, монолитен. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В нем не было ничего анархического, он выступал против революционного фразерства, громил коммунистическое чванство и коммунистическое

вранье. В.И. Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Короче говоря, «Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего». Все это воспринимается в тексте Н.А. Бердяева как своего рода философские обобщения и символы, достаточно объективно, рисующие портрет Ленина [21].

В обыденной «нормальной» жизни В.И. Ленин тяготел к упорядоченности, был аккуратистом. Он не курил, не выносил алкоголя, регулярно занимался гимнастикой.

О **И.В. Джугашвили (Сталине)** написано очень много, но из всего массива самой разнообразной и часто противоречивой информации довольно непросто выбрать ту, которая имеет непосредственное отношение к имиджу этого политического лидера.

Относительно габитарного имиджа, следует отметить просто в одежде. Был очень бережлив – из одежды у него не было ничего лишнего. Обычных пиджаков И.В. Сталин не носил, предпочитал английский френч. Френч защитного цвета и высокие сапоги стали фирменной одеждой почти всех партийных руководителей того времени, поскольку все одевались, как хозяин Кремля. Вместо ленинской кепки – фуражка со звездой. Зимой – шапка-ушанка и солдатская шинель. Когда в 1943 году И.В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, он надел соответствующую военную форму: китель военного покроя со стоячим воротником и погонами и брюки навыпуск с лампасами. Брюки были светло-серыми вместо установленных защитного и темно-синего цветов. Однако стоячий воротник не понравился Сталину, и тогда ему пошили новый костюм – закрытый светло-серый китель с отложным воротником и накладными карманами. Такой мундир как у Сталина больше никто не носил.

Говоря о вербальном имидже И.В. Сталина, следует сказать, что по воспоминаниям его секретаря Б. Бажанова, вождь был плохим оратором, говорил с сильным грузинским акцентом, речи его были малосодержательны, говорил он с трудом, подбирая нужное слово «на потолке» [17].

В целом же, анализ источников о Сталине как ораторе свидетельствует о противоположных оценках соратников и последователей тогдашнего лидера СССР и современных исследователей. У этого

феномена могут быть две причины: во-первых, речи И.В. Сталина были эффективны и блистательны с точки зрения его современников, на которых они были рассчитаны, и, во-вторых, сподвижники вождя – в силу известных причин – не имели возможности открыто высказать свою критическую оценку выступлений Сталина.

Вместе с тем нельзя отрицать умение И.В. Сталина находить нужные слова для данного времени и данной аудитории: слишком уж восторженной и повсеместной была реакция его слушателей, его речи двигали массами, вдохновляли людей, когда на подвиги, а когда и на преступления. Его риторическое влияние было абсолютным [42]. И все же на фоне других лидеров октябрьской революции (В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и др.) Сталин как оратор выглядел очень бледно.

Жестикуляция очень скудная, не экспрессивная, в основном правой рукой. Речи И.В. Сталина начинались, как правило, с продолжительных оваций аудитории слушателей. Так, например, выступлению с речью о проекте Конституции СССР в 1936 году предшествовали длительные аплодисменты, сопровождавшиеся возгласами и здравицами в честь оратора, длившимися около трех минут. Все это время Сталин спокойно стоял за трибуной, почесывая подбородок, поглаживая усы, поглядывая в потолок, переминаясь с ноги на ногу. Выдержав таким образом две с половиной минуты, вождь, наконец, бросил в зал: «Ладно, хватит!». Однако публику это не остановило [39]. И это была типичная ситуация.

Важным элементом имиджа И.В. Сталина являются его личностные характеристики.

Еще когда решался вопрос об избрании И.В. Сталина генсеком партии, В.И. Ленин в известном «Письме к съезду» предупреждал: «Сталин слушком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю ...назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности...» [112]. Несмотря на это, Сталин стал во главе партии и государства на тридцать лет.

Некоторые соратники И.В. Сталина и большинство современных исследователей отмечают такие черты характера как подозрительность, мстительность, дьявольская хитрость, коварство. Это был

человек волевой, но не обладавший личным мужеством, осторожный и нерешительный.

И все же, как считает американский ученый-антисталинист Д. Ранкур-Лаферриер, грандиозные титулы, использовавшиеся средствами массовой информации по отношению к Сталину при его жизни, отражают подлинное величие этого человека: «Сталин действительно был «Преобразователем природы» и «Великим мастером смелых революционных решений и крутых поворотов», «Продолжателем дела Ленина» и «Творцом Сталинской Конституции»: «И только из-за его действительного могущества миллионы людей верили в него, как в бога» [196].

Имидж И.В. Сталина следует рассматривать как мнение, сложившееся о нем:

– у населения СССР (весьма различное: от обоготворения, восторга и восхваления до тревоги и настороженности, а также страха и ненависти);

– на международной арене, у лидеров западных государств.

Д.А. Волкогонов пишет, что в середине 1930-х годов И.В. Сталин чувствовал свою огромную силу в стране, но хотел и международной популярности. Его встречи с Западными писателями (Р. Ролланом, Э. Людвигом и др.) преследовали цель создать привлекательный образ вождя СССР для Запада. В годы Великой Отечественной войны как Верховный главнокомандующий Сталин очень заботился об образе выдающегося полководца. В его кабинете не случайно висели портреты А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Побывав Летом 1943 года в расположении одного из фронтов, он не преминул тут же сообщить об этом лидерам союзников, подчеркивая, что ему приходится часто лично бывать на различных участках фронта [43].

В завершение посмотрим, как менялось мнение о И.В. Сталине у Ф. Рузвельта. До знакомства оно было резко негативное, скорее – снисходительное. В ответ на реплику одного из своих советников о том, что Сталин – это бандит, и не стоит иметь с ним дела как с джентльменом, Рузвельт ответил: «Нет, мы будем вести себя с ним как с джентльменом, и он должен постепенно перестать быть бандитом». После знакомства на конференции в Тегеране: «Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним одно удовольствие... В общем он производит сильное впечатление. «Под руководством маршала Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир» [246].

Н.С. Хрущев был неординарной личностью и неоднозначно воспринимавшимся политическим лидером. Его габитарный имидж привел к большим переменам и в одежде партийной номенклатуры. Вместо военных френчей все дружно переоделись в гражданские костюмы. Сам Хрущев предпочитал широкие пальто и костюмы светлых тонов, которые носил в любое время года. А поскольку фигура у него была отнюдь не атлетическая, костюмы, рубашки и ботинки ему шили на заказ. Причем помимо делового стиля Н.С. Хрущев культивировал и народный. На людях он иногда появлялся в расшитых рубашках. И некоторые партаппаратчики старались подражать лидеру страны. Своеобразную революцию Н.С. Хрущев совершил и в моде на мужские головные уборы. Фактически он ввел в моду ношение шляп, в которых ходил и осенью и летом. Причем кроме обычных фетровых шляп он надевал и соломенные. Вообще же Хрущев обладал внешностью зажиточного крестьянина.

Для оценки вербального имиджа Н.С. Хрущева материала более чем достаточно. Выступал он очень много: на съездах, пленумах, совещаниях, собраниях различных активов, научных конференциях и пр. Он не знал меры. Его речи отличались яркой эмоциональностью, выраженной экспрессивностью, жестикуляцией, и, в то же время, абсолютной безапелляционностью. У Н.С. Хрущева сложилась манера делать частые отступления от подготовленного референтами материала и украшать свою речь народным фольклором. Однако когда приходилось выступать с очень важными речами, как например, доклад на XXII съезде КПСС, он не рисковал отступать от заранее подготовленного материала, и даже водил пальцем по тексту, чтобы не сбиться.

Он терпеть не мог мнений, противоречащих или хоть как-то не согласовывающихся с его точкой зрения, с его убеждениями. У него было правило перебивать ораторов, бросать им реплики, задавать по ходу выступлений самые различные вопросы. На форумах от него можно было ждать всякого. Хрущев был остроумен, но остроты эти были слишком плоскими, вульгарными. В целом, это был малограмотный человек.

По характеру Н.С. Хрущев был человек напористый, исполнительный, не сомневающийся в верности партийных директив. Взяв на вооружение сталинские методы, он действовал бесцеремонно решительно, больше всего полагаясь на свою политическую волю.

Десятилетие правления Н.С. Хрущева гигантской страной продемонстрировало в этом человеке потенции: новатора, ниспровергателя,

экспериментатора, волонтариста, преобразователя. У него был поистине «вулканический характер». Это был человек властный, вспыльчивый, необузданный, грубый, в том числе и в отношении своих ближайших коллег, самоуверенный и падкий на лесть и подхалимство. Одновременно – порывистый, нетерпеливый, увлекающийся, одержимый духом новаторства, но без серьезной концепции...

Хотя Н.С. Хрущев часто выглядел простачком, иногда даже разыгрывал из себя «обычного мужика», он обладал глубоким природным умом и был способен во многих случаях понять «философию эпохи».

Таков был Хрущев: смелый и непоследовательный, импульсивный и непредсказуемый, готовый взяться за изменения, реформы в любой области.

Имидж **Л.И. Брежнева** существенно отличался от его предшественников. Леонид Ильич одевался подчеркнуто элегантно. Это был первый советский руководитель, который сменил традиционный серый костюм на «авангардный» синий. Известно, что в смысле одежды он был неприхотлив, так как был воспитан в обществе, где откровенная забота о «красе ногтей» считалась бархатным мещанством и признаком духовного разложения. Решиться на радикальную перемену имиджа Брежнева уговорил легендарный модельер из Общесоюзного дома моделей на Кузнецком мосту Александр Игманд. Благодаря его стараниям, костюмы Брежнева, сидели на его фигуре безупречно. При этом в одежде Брежнев был консервативен. За мировыми тенденциями не гнался и привычкам не изменял. Например, на пиджаках у него должно было быть обязательно три-четыре пуговицы. И сколько бы модельер ни предлагал пошить пиджак с двумя пуговицами, как тогда было модно во всем мире, генсек ни в какую не соглашался. Чем старше становился Брежнев, тем лацканы пиджака становились все меньше, поскольку нужно было все больше места для звезд Героя Советского Союза и Героя социалистического труда.

Рубашки, которые специально для Брежнева шили на фабрике «Большевичка», он тоже предпочитал голубого оттенка. Галстуки Брежнев носил импортные. Но, чтобы не давить на шею, они не завязывались, а застегивались на крючок.

Любил Брежнев и неформальный вид одежды. Тем более, что к отдыху он относился со всей серьезностью. На охоту, например, облачался в свитер и охотничью шляпу. Летом, в Крыму ходил в спор-

тивном костюме или полотняных брюках и легкой рубашке. Первым из советских лидеров она надел солнцезащитные очки, в которых смотрелся как настоящий мачо.

Не обладая даже малейшей долей ораторского таланта, Л.И. Брежнев стремился чуть ли не еженедельно выступать с речами или докладами, которые транслировались телевидением по всей стране или включались в специальные выпуски кинохроники. Разумеется, все это только вредило его имиджу, но могло служить и наглядной иллюстрацией деградации ораторского искусства у руководителей.

Л.И. Брежнев был простым чтецом подготовленных для него речей и докладов. Но даже и такое чтение давалось ему с большим трудом, он делал много ошибок при произношении слов. Он терялся на публике или перед телевизионными камерами. Без бумажки он не мог произнести даже краткой приветственной речи, например, при вручении ордена кому-нибудь из коллег по Политбюро. Только однажды, в 1971 году, во время государственного визита во Францию, где так высоко ценится ораторское искусство, Л.И. Брежнев на приеме в Елисейском дворце произнес свою речь без бумажки. По впечатлениям Роя Медведева, Брежнев старательно выучил заранее свою небольшую речь. Однако от волнения он забывал произнести отдельные слова или предложения, что делало непонятными или бессмысленными некоторые фразы. Конечно, переводчик из советской делегации выучил текст этой речи лучше Брежнева, и потому французы не заметили никаких ошибок [133]. Описано немало и других фактов из жизни Л.И. Брежнева, свидетельствующих о малообразованности этого человека, не любившего ни писать, ни читать.

В последние годы жизни он говорил нечленораздельно, водя пальцем по бумажке с крупно отпечатанным текстом. Его глаза перескакивали через отдельные строчки, и понять что-либо из того, что он говорит, было практически невозможно. Всем было жаль этого старика и стыдно за великую страну.

По характеру Л.И. Брежнев был человеком нерешительным, даже добрым, покладистым, компромиссным, внушаемым, общительным, незлобивым, ценил спокойствие, был тщеславен, осторожен, консервативен. У него не было интеллектуальной силы и политической гениальности Ленина. У него не было сверхчеловеческой силы воли и злобного властолюбия Сталина. У него не было исключительной

самостоятельности, огромных реформаторских замыслов и исключительной работоспособности Хрущева. И по характеру, и по интеллекту Брежнев был посредственным и неглубоким политиком, но большим мастером аппаратной интриги.

В быту Л.И. Брежнев воспринимался как добрый «коммунистический царь». Как и подобает доброму царю, он любил делать окружающим его людям приятное: подарки, просто оказывать вельможное внимание. У генсека было много личных друзей, приятелей, и каждого из них он не забывал поздравить по телефону, прислать роскошную открытку, именно подарок [43].

Таким образом, Л.И. Брежнев цементировал свой «дворцовый» фундамент личной власти не с помощью страха, как, допустим, Сталин, а используя приятельский доброжелательный характер отношений. Генсек любил долгие и обильные застолья, большую охоту и рыбалку, быструю езду на роскошных автомобилях, которые он коллекционировал.

Л.И. Брежнев очень интересовался тем, что о нем думают, что говорят и что пишут. Нередко проводил час-другой за прослушиванием откликов о своих выступлениях, «книгах», поездках, встречах и т.п. Это еще больше усиливало уверенность Брежнева в своей величии, незаменимости, мудрости (естественно, были люди, которые формировали нужную для Брежнева информацию).

Имидж **Ю.В. Андропова** характеризуется у советских людей представлением о нем, прежде всего, как человеке, стремившемся навести порядок в стране стагнирующей экономики и застоя. Люди, жившие в СССР, запомнили его, как руководителя партии и государства, стремившегося установить трудовую дисциплину на производстве, преодолеть коррупцию, кумовство и казнокрадство. Это вызывало у советских людей уважение и надежду. Правда методы, которые для этого подбирались, были, мягко говоря, не самыми лучшими, и поэтому себя не оправдывали. Типичные картины, которые можно было наблюдать в то время: середь бела дня, когда в кинотеатре демонстрируется фильм, в зал входят сотрудники милиции в штатском, останавливается сеанс и начинается выяснение причин, кто и почему в рабочее время находится не на работе, а в кино. Подобные ситуации наблюдались в магазинах, ресторанах, на рынках и т.п. Строго фиксировалось время прибытия на работу и ухода с работы. И не так важно

было то, чем человек занимался на рабочем месте, каковы результаты его деятельности.

Бывший до этого председателем КГБ СССР, Ю.В. Андропов стал руководителем коммунистической партии и государства почти в семидесятилетнем возрасте, будучи тяжело больным, и руководил страной, немногим более года – 15 месяцев. Поэтому, опуская всю его предшествующую деятельность (в дипломатии, в госбезопасности и др.), в данном контексте говорить следует только об имидже его как политического лидера государства.

По своему внешнему облику Ю.В. Андропов ничем не отличался от представителей номенклатуры высших органов власти, разве что только особой скромностью и даже некоторым аскетизмом.

Выступать с речами ему довелось совсем немного. Физическое и функциональное состояние не способствовало эмоциональности его выступлений. Жесты если и применялись, то, как правило, традиционные, митинговые, идущие от выступлений Ленина – вытянутая далеко вперед и вверх рука, указывающая путь к «великому будущему».

Д.А. Волкогонов пишет: «Все знавшие Андропова отмечали у него манеры немного старомодного интеллигента. Он всегда смотрел прямо в глаза и не отводил взгляд, как Черненко. Никогда не кричал, как Хрущев, не матерился, как Горбачев, не любил много говорить о себе, как Брежнев. Мне довелось два раза близко видеть Андропова на совещаниях по Афганистану... Негромкий голос генсека заставляет всех напряженно прислушиваться к его речи. Она лаконична и ясна. Чувствовалось, что Андропов не любил пустых словопрений... Близоруко глядя на собеседников, Андропов не спеша, но точно формулировал фразы, которые без редактирования сразу можно было печатать. Но все, что он говорил, было известным...» [43].

Не имея высшего образования, Ю.В. Андропов, тем не менее, был человеком сильного, масштабного интеллекта. Обладая сильным аналитическим умом, ведя аскетическую замкнутую жизнь, хорошо зная свои кадры, Андропов пользовался большим авторитетом у себя в ведомстве и в высших партийных сферах. Он редко «являлся» на публике, если не считать обязательных присутствий на заседаниях политбюро, всесоюзных съездах, конференциях, и был для многих довольно загадочной личностью. Это был сугубо кабинетный руководитель с аналитическим уклоном.

Ю.В. Андропов усилил контроль за состоянием индивидуального и общественного сознания, но центр тяжести при этом был сосредоточен на привлечении науки к изучению тенденций в умонастроениях людей, полагая таким образом сохранить стагнирующую систему.

К.У. Черненко оказался самым старым из всех советских лидеров, когда-либо получавших высшую должность в стране. Тринадцать месяцев он держал в руках рычаги высшей власти. Это был уже семидесятидвухлетний больной старец, скрытый и осторожный, с посредственным умом, торопливой и невнятной речью. Слушая его выступления, а также то, что он говорил, и как он произносил слова при встрече с лидерами различных государств, советским дипломатам было стыдно за свою страну.

Выступая на траурном митинге во время похорон Ю.В. Андропова, К.У. Черненко с большим трудом смог зачитать небольшую надгробную речь. Слушатели с трудом улавливали смысл произносимого: оратор «проглатывал» слова, неоднократно кашлял, останавливался, вытирал платком губы и лоб. С трудом новый генсек смог едва-едва приподнять руку, прощаясь со своим предшественником у могилы. К мавзолею он поднялся с помощью недавно сооруженного специального подъемника в Сенатской башне Кремля, а спускался вниз при поддержке двух охранников.

Если с Андроповым народ, и особенно интеллигенция, связывал какие-то надежды на благие перемены в обществе, то «черненковокское безвременье» дышало безысходностью, духовной тоской и всеобщим равнодушием [43]. Общественное настроение было таково, что все ждали крупных перемен.

М.С. Горбачев вошел в историю страны как яркая политическая личность, организатор перестройки, реализация и последствия которой оцениваются совсем неоднозначно.

Габитарный имидж М.С. Горбачева характеризуется тем, что архитектор перестройки придерживался строгого правила носить вещи только отечественного производства. Костюмы ему шили на заказ в кремлевском ателье. Ну а поскольку тогда появились качественные легкие ткани, выглядел Горбачев всегда элегантно. А вот смокинг не надел ни разу за время своего правления. И сколько его ни уговаривали щегольнуть в таком наряде на заграничном приеме, он всегда отказывался наотрез.

Несмотря на повальное увлечение в 1980 годах норковыми шапками-ушанками, М.С. Горбачев предпочитал шапку в форме «пирожка». В свое время примерно такую же носил Хрущев, однако этот головной убор ассоциируется прежде всего с Горбачевым. Тем более что «пирожок» был не из каракуля, а из нерпы с небольшими ушками-отворотами. Кстати, вслед за М.С. Горбачевым такие шапки стали носить и другие члены Политбюро.

В выборе одежды, так же как и в быту, перестроечный лидер страны особой скромностью не отличался. Слишком сильно он себя любил. Став руководителем партии и страны, стремился максимально использовать возникшие вдруг возможности для получения всех возможных благ. По словам политика и публициста Владислава Шведа, Горбачевы страдали одной страстью: им хотелось жить не просто хорошо, а еще лучше [248]. Это бросалось в глаза не только ближайшему окружению, но и всему населению страны. При встречах с простыми людьми, последних раздражали дорогие наряды и драгоценности, которые несколько раз в день меняла первая леди государства, постоянно сопровождавшая супруга в его поездках по стране. И это в то время, когда мясо, масло, сахар и другие продукты можно было получить раз в месяц и то по талонам.

Наверное, зная о таком отношении населения страны, М.С. Горбачев и озаботился собственной безопасностью. Спустя годы, в печати («Комсомольская правда» от 1.11.2007 г.) появились данные, составлявшие длительное время государственную тайну, о том, что для первого президента СССР в НИИ стали был специально изготовлен бронежилет (для скрытого ношения «Визит «М»), предназначенный для защиты от холодного оружия, от пуль, осколков мин и гранат. Вес бронежилета – от 0,9 до 3,2 кг. Кроме того был изготовлен эксклюзивный вариант бронекорсета для Раисы Максимовны Горбачевой. Он был настолько точно подогнан, что ни один телезритель не заподозрил броню под элегантным платьем первой леди страны. Комментарии, думается, излишни.

Западные политологи с издевкой подметили необыкновенную способность генсека мало слушать и долго говорить, а также его непринужденность, свободное владение речью. Горбачев положительно нравился собеседникам своей внешней открытостью, доброжелательностью, умением убеждать и идти на компромиссы.

На Западе замечали всё: как говорит М.С. Горбачев, как одевается, как отвечает на вопросы корреспондентов, как держится перед

камерами. Беседы с лидерами государств Горбачев вел мастерски, демонстрируя дружелюбие, внимание, участие. Горбачев научился очаровывать людей. Не советских, а приезжающих к нему со всего света. Крупные издания постепенно стали говорить о М.С. Горбачеве устойчиво уважительно, почтительно, а потом и восторженно.

Парадокс М.С. Горбачева как личности: это человек большого ума, но слабого характера. Наиболее рельефная его слабость – нерешительность, половинчатость предпринимаемых шагов.

К концу своего правления М.С. Горбачев подошел с печальным и парадоксальным итогом: насколько восторженно его принимали на Западе, настолько же эмоционально предавали остракизму дома, на родине. Получив всемирное признание как лидер планетарного масштаба, Горбачев остался в своей стране малоуважаемым вождем исторически обанкротившейся партии.

Самые близкие люди из окружения М.С. Горбачева в бытность его лидером партии и государства, дают ему диаметрально противоположные нравственные оценки. Все дело в том, что «моральное зрение», по мнению Д.А. Волкогонова, нередко искажается конкретной политической позицией человека, оценивавшего Горбачева. Ознакомившись с тысячами документов, литературными и другими источниками, Д.А. Волкогонов приходит к выводу о том, что Горбачев – незаурядная личность, носитель многих высоких качеств. Без сомнения – это «насквозь “политическая” личность». Однако политика, как правило, цинична и безжалостна, и у нее никогда не было равноправного союза с нравственностью. Жизнь и дела Горбачева, при всех его бесспорных «добродетелях», лишь подтверждают этот постулат, – пишет Д.А. Волкогонов [43].

В. Швед оценивает М.С. Горбачева как «неудачника, у которого был шанс прославиться в веках, как правителю, сумевшему придать новое дыхание одной из величайших держав мира. На деле же его будут вспоминать как шельму, изначально помеченную богом. К сожалению, советские люди слишком поздно поняли это роковое предупреждение» [248].

Б.Н. Ельцин – первый президент России. Высокий, статный, громогласный, он совсем не походил на Горбачева. Если говорить о его габитарном имидже, то следует отметить, что в начале своего правления он одевался в отечественные костюмы, но позднее ему их стали

покупать за границей и подгонять по фигуре. То же самое и с обувью. Фактически именно в эпоху Ельцина в высших эшелонах власти появилась мода на дорогие импортные костюмы, рубашки и галстуки. Ельцин стал первым из российских лидеров, кто (хоть и не сразу) облачился в смокинг, впервые надев его в 1994 году для встречи в Кремле английской королевы. А затем уже без всякого сопротивления надевал его и во время своего официального визита в США и в Японию. А вот фрак он так ни разу и не надел.

Б.Н. Ельцин никогда не умел говорить так складно и легко, как Горбачев, но выступал напористо и смело.

Высокий и немногословный Ельцин с его твердым характером более всего соответствовал вошедшему в плоть и кровь представлению о начальнике, хозяине, вожде, отце, даже царе... Он принадлежал к числу людей, которые лучше всего проявляют себя в роли полновластного хозяина. У него был ярко выраженный советский вождизм.

Представление о Б.Н. Ельцине в сознании российских людей менялось по мере изменений, происходивших в стране в 1980–1990-е годы и в зависимости от той роли, которую играл Ельцин в социально-политической жизни общества. И он ее действительно играл. Помощник президента Ельцина Г.А. Сатаров говорил о том, что Ельцин – артист, он умел играть, может он не всегда правильно строил свою роль, но он всегда играл [43].

На восприятие образа Б.Н. Ельцина существенно повлияло назначение его руководителем московской партийной организации. Он принялся за новое дело со свойственной ему энергией. Прежде всего, занялся чисткой кадров: из тридцати трех первых секретарей райкомов сменены были двадцать три. Ельцин ездил в общественном транспорте, заходил в районную поликлинику, появлялся в магазинах. Он совсем не походил на других партийных чиновников и сразу стал очень популярен. С этого момента и началась его слава.

Однако в Москве, тем не менее, ничего не менялось. Б.Н. Ельцин не понимал, что делать дальше, он стал срывать, стал принимать седативные препараты, злоупотреблять алкоголем. Ни сам Ельцин, ни кто-либо другой, так и не сумели объяснить, почему он осенью 1987 года вдруг взбунтовался. И прежде всего, против высшего партийного руководства. Затем – симуляция покушения на самоубийство (канцелярскими ножницами), понижение в должности [43].

Благодаря распространяемым по Москве слухам, Б.Н. Ельцин стал обретать черты мифологического героя, прежде всего, как борца за справедливость.

Однако, объявив войну партийно-государственным привилегиям, сам Ельцин никогда не отказывался от привилегий, связанных с высоким положением, принимал их как должное и оделял ими своих приближенных. Два чувства стали руководить им: желание вернуть утраченную власть, расквитаться с обидчиками и стремление изменить несправедливую систему.

В результате победы демократов над путчем в 1991 году, Б.Н. Ельцин становится президентом самостоятельной России. Обосновавшись в Кремле, он сильно изменился. У Ельцина были свои представления о том, как должен вести себя президент великой России, и он старательно играл эту роль. Изменились его манеры, взгляд, даже походка стала неспешной. Он избегал стремительных движений – теперь они казались замедленными. Ельцин не любил совестливых глаз, боялся их. Может быть, поэтому он не очень часто раскрывался, не хотел показать себя [43].

Во второй президентский срок Б.Н. Ельцин вступил в состоянии тяжелого политического и физического здоровья. Его появление на телеэкране производило жалкое впечатление. Он оказался далеким не только от народа, но и от собственного правительства, замкнувшись в узком кругу особо близких и доверенных лиц.

Со временем отношение к Б.Н. Ельцину в стране стало меняться совсем не в лучшую сторону. Главное – значительное ухудшение жизни людей. Его имидж стал приобретать весьма негативные характеристики. Одна из них – алкоголь. В различных источниках – мемуарах, исторических очерках и т.п. – приводится немало примеров, хотя и трактуются они по-разному, в зависимости от политической позиции автора, его личного отношения к Ельцину и пр.

Приведем два наиболее характерных эпизода, оба в 1994 году.

Первый – 31 августа в Берлине, во время церемонии проводов советских войск из Германии. Тогда Ельцин в полупьяном бреду произнес свою речь, затем решительно направился к полицейскому оркестру, буквально расталкивая сопровождавших его лиц, охрану. Наконец схватил дирижерскую палочку и стал «дирижировать». Тот, кто видел это пьянство российского президента, никогда уже не сможет этого забыть: бургомистр Берлина Эберхард Дипген не знал куда

отвести глаза, федеральный канцлер Г. Коль вымученно улыбался, наши дипломаты не знали куда деваться от позора. Люди вокруг просто хохотали над пьяным русским президентом.

Второй эпизод – 30 сентября в ирландском аэропорту Шеннон. Самолет российского президента возвращался из США, и должен был сделать двухчасовую стоянку. В это время предполагалась встреча и переговоры с премьер-министром Ирландии А. Рейнольдсом, который специально для этого прилетел из Австралии, сократив свой визит в эту страну на два дня. В аэропорту президента России ждал почетный караул, ковровые дорожки. Однако из самолета он не вышел. Л.М. Млечин пишет: «Беда состояла в том, что Ельцин позволил себе лишнее, и в самолете ему стало плохо... Потом Ельцин, как ни в чем не бывало, рассказывал журналистам, что он утомившись проспал, а охрана не решилась его разбудить. Но довольно быстро стала известна реальная подоплека. Пристрастие президента к горячительным напиткам ни для кого не оставалось секретом. История в Шенноне бурно обсуждалась в Ирландии, страна сочла себя оскорбленной» [141].

Оба этих эпизода характеризуют имидж не только президента Б.Н. Ельцина, но накладывают существенный отпечаток на имидж российского государства.

Эти и подобные им случаи, а также значительно ухудшившаяся социально-экономическая ситуация в стране и привели к тому, что в начале 1996 года рейтинг Ельцина, как уже отмечалось, составил менее пяти процентов.

В сознании российских людей Б.Н. Ельцин остался в основном как президент, которому вменяются в вину антиконституционный переворот 1993 года, война в Чечне, приватизация («ваучеризация») собственности, развал Вооруженных Сил и потеря обороноспособности страны.

И в то же время, нельзя отрицать, что это была неординарная, сильная политическая личность, смелый, волевой человек, мотивы поступков которого, его политической деятельности до сих пор трактуются весьма неоднозначно. Нужна была большая смелость и недюжинная воля, чтобы публично заявить о выходе из КПСС. И еще – Ельцина никто не сумел лишить власти. Он ушел сам, когда счел это целесообразным.

Имидж **В.В. Путина** также начнем с описания его габитарных характеристик. В основном его внешний вид не вызывает нареканий.

Его деловые костюмы строги и элегантны. Пиджаки почти всегда приталены, удлинены и снабжены шлицами. Костюмы всегда однотонные. Зимний – темных цветов, летом – светлых. Не стал сопротивляться Путин и рекомендациям протокольных работников, которые заставили его облачиться во фрак – в 2003 году во время визита к английской королеве.

Одевают президента В.В. Путина в закрытом спеццехе Управления делами президента. Кроме работников цеха над имиджем президента трудятся лучшие стилисты и модельные дизайнеры, которые определяют фасон костюма, цвет ткани. А специалисты службы протокола следят за тем, чтобы одежда президента неукоснительно соответствовала обстановке того или иного официального мероприятия.

В неформальной обстановке В.В. Путин может появиться без галстука, без пиджака или в джинсовом костюме. А вот по-настоящему фирменной путинской вещью можно назвать его манеру носить часы на правой руке. И вслед за Путиным эта необычная мода распространилась и в среде чиновников.

На внешний облик В.В. Путина существенное влияние оказало его увлечение спортом. Мнение о нем, как о человеке здорового образа жизни, постоянно поддерживающем хорошую спортивную форму, укрепилось в сознании российских людей достаточно прочно. Тем более что успехи в спорте возможны только для человека с сильным волевым характером. Путин стал в свое время мастером спорта по самбо, обладателем черного пояса по каратэ. Однако интерес к спорту не ограничивается у него только единоборствами, он успел попробовать себя в стрельбе, плавании, армреслинге и других видах.

Вербальный имидж В.В. Путина многократно описан и проанализирован как российскими, так и зарубежными специалистами. Прежде всего, отмечается мастерство публичных выступлений российского лидера. Его выступления характеризуются взвешенностью, последовательностью, характерным ритмом. Путин сохраняет хладнокровие, не выходит из себя, не повышает голоса, не делает оплошностей. Тверд, но старается ни о ком плохо не говорить.

Встречающиеся с Путиным иностранцы говорили, что видят раскованного, абсолютно уверенного в себе человека.

П.С. Гуревич заметил, что «во время разговора Путин поджимает и прикусывает нижнюю губу. Это – привычка людей, глубоко, по-детски переживающих обиды. Обычно это доверчивые люди, наивные,

поэтому неудачи для них особенно болезненны. А наивность, как и доброты, относится у Путина к наиболее ценным качествам» [63].

В.В. Путин тщательно готовится к переговорам, и его трудно застать врасплох неожиданным вопросом. Он держит в памяти огромное количество цифр и фактов, целые блоки информации, у него компьютерный ум. Неопытный партнер Путина по разговору может легко попасть впросак. В.В. Путин готовится к переговорам, встречам, интервью, не теряется, какие бы вопросы ни задавали ему иностранные политики, бизнесмены и журналисты. Отвечает ясно, коротко и образно. У В.В. Путина шикарное чувство юмора. Он умеет профессионально вести разговор, располагать к себе. М. Кожухов, который был первым пресс-секретарем Путина, свидетельствует: «Я видел многих людей, которые приезжали к нему с предубеждением, а уходили с симпатией. Но у него есть еще одна особенность: он очень корректно держит дистанцию» [43].

Вербальное взаимодействие В.В. Путина с коллегами (членами Правительства, Совета безопасности и др.) повлияло на стиль их общения с президентом. Известно, что сам Путин, даже будучи офицером КГБ, военную форму никогда не носил и вряд ли общался со своими коллегами по ведомству на характерном армейском лексиконе, диктуемом общевоинскими уставами. Однако, уже только знание того, что перед ними (пусть и в прошлом) офицер КГБ, побуждает некоторых (если не сказать многих) его нынешних подчиненных отвечать на вопросы и иные высказывания Путина в чисто военном стиле: «Так точно!», «Никак нет!», «Есть!» и т.п.

Когда В.В. Путин стал во главе государства, россияне увидели молодого и уверенного в себе человека, который не только еще ни чем не опорочен, но и не боится взять на себя ответственность. Он продемонстрировал те качества, которые люди хотели видеть в руководителе страны – решительность и твердость.

В.В. Путин оказался человеком с юмором и хорошей реакцией, несколько высокомерным, чуть-чуть кокетливым, жестким и резким, очень точным и настойчивым в достижении цели. Достаточно быстро распространилась информация, что Путин – прихожанин храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. В отличие от Ельцина, он осеняет себя крестным знамением, знает, как вести себя в церкви.

В самом начале его президентского правления многие считали, что репутация В.В. Путина и его политическое будущее зависят

от итогов второй чеченской кампании. Казалось, рост его рейтинга скоро остановится, потому что в стране не так много любителей казарменно-туалетной лексики. Но постепенно стало ясно, что люди готовы голосовать за В.В. Путина не только из-за Чечни. Похоже, и сам Путин был потрясен внезапным ростом своего рейтинга, своей популярностью в народе.

В массах популярность Путина укреплялась его имиджем человека, близкого к военной среде и культуре. Это подтверждается фотографиями в прессе Путина в специальном костюме на подводной лодке, Путина в форме летчика, управляющего военным самолетом, Путина в танке и пр. Не имея огромного роста, массивной фигуры, президент России подтверждает образ сильного лидера другими способами, среди которых, как уже отмечалось, присутствуют и занятия экстремальными видами спорта, и демонстрация отстаивания интересов России, и борьба с «зарвавшимися» олигархами.

Сила В.В. Путина состояла и в том, что когда он пришел к власти, никто ничего о нем не знал. Тогда он воспринимался как человек без прошлого, лишь недавно вышедший из тени. И это оказалось неоспоримым преимуществом на выборах. Люди желали смены политических поколений.

Выдвигая на политическую арену нового лидера, PR-технологи, имиджмейкеры сталкиваются с проблемой «узнавания» нового образа. Расхожей темой публикаций в России и за рубежом в первые месяцы президентства В.В. Путина стало вопрошание: «Кто вы, мистер Путин?». На самом деле это была удачная игра по конструированию целостного образа на основе того впечатления, которое производил свежеиспеченный президент своими высказываниями и поступками.

Путин, несомненно, один из самых умных и культурных глав государств в новейшей истории России, – писал философ Д. Фурман. – Первый, после Ленина, знающий иностранный язык и ни разу не ошибившийся с ударением... Путина очень многие любят. Некоторые его, естественно, ненавидят. Но он ни у кого не вызывает тех презрительных насмешек, которые раньше вызывали у бессильных подданных многие наши всемогущие правители...».

Если Путин что-то твердо решил для себя, он добивается своего. Далеко не все верили в возможность завоевать право провести олимпиаду в Сочи. Он не только верил, но и сделал все, чтобы добиться победы. Не меньшую твердость и решительность он проявляет во

внешней политике, что особенно ярко проявилось в решении Сирийской проблемы – недопущении вторжения американских войск.

За 2009–2014 годы рейтинг президента РФ В.В. Путина достиг максимальных показателей, о чем свидетельствуют данные опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). По итогам 2012 года британская «The Times» поставила президента России на третье место в списке людей, которыми больше всего восхищаются в мире. Во «Всемирном рейтинге-2013», по результатам изучения мнения представителей 175 информационных агентств, В.В. Путин признан политиком мира номер один. При этом, главную роль сыграли инициативы российского лидера об энергобезопасности Европы, о ядерной программе Ирана, об удержании сирийского кризиса в рамках внутреннего конфликта, принуждая стороны к миру.

Однако с начала 2014 года рейтинг В.В. Путина на мировой арене, и, прежде всего, в Западной Европе и США» значительно снизился из-за позиции президента России в отношении к ситуации, сложившейся на Украине.

В то же время, в России этот фактор (и прежде всего возвращение Крыма в состав Российской Федерации), наряду с организацией и проведением олимпийских игр в Сочи привел к росту авторитета президента в стране. Рейтинг Путина в России в конце марта 2014 года вышел на новый максимум – 82,3%. Вместе с тем, среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга, которые склонны давать более низкую оценку работе президента РФ, чем россияне в среднем, в это же время рейтинг также вырос и достиг рекордного за последние шесть лет значения – 81,5% [78].

Для В.В. Путина характерно болезненное отношение к своим оппонентам, к критике в свой адрес (так же, как и в адрес страны). Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов как-то спросил у Путина, как он расценивает людей, которые против него. Президент ответил примерно так: «Люди, которые против меня – двух типов: враги и предатели. Враги – это обычная история. С ними воюешь, потом заключаешь перемирие, потом партнерствуешь... А предатели – это те люди, которые были в твоей команде, поддерживали тебя изо всех сил, а потом, когда ты что-то не так сделал, они перебежали. И часто бьют в спину. С предателями никаких разговоров быть не может [43].

Путин не любит, когда кто-то публично осуждает его действия. Он как-то заметил: «Вы думаете, это приятно сидеть в Кремле и читать гадости, которые про меня журналисты пишут?».

Конечно, есть немало негативных характеристик в имидже президента В.В. Путина, так же, как и случаев, заметно подрывавших его авторитет у населения страны. На многих, например, произвел тяжелое впечатление ответ Путина известному американскому журналисту Ларри Кингу на вопрос о судьбе подводной лодки «Курск». «Так что же случилось с вашей подводной лодкой? – спросил журналист, надеясь, что президент России расскажет зрителям о подлинных причинах гибели «Курска». «Она утонула», – с легкой иронией ответил президент. «Не знаю, что произошло тогда с Путиным, что он хотел тогда сказать, – пишет Л.М. Млечин. – Наверное, ему хотелось обрезать знаменитого американца показать себя ироничным и светским. Но вышло наоборот. Люди решили, что такая высокомерно-легкая улыбка может быть только у человека, который не понимает, что речь идет о смерти людей и бесконечном горе для их родных...» [43].

Д.А. Медведев стал самым молодым президентом России. Причем в весьма сложное для страны время – в период, когда в мире разразился тяжелейший финансово-экономический кризис.

Внешний облик Д.А. Медведева как президента страны и как премьер-министра подчеркнуто деловой. Предпочтение отдается строгому темно-синему костюму хорошего качества в сочетании со светлой рубашкой (белой, голубой, иногда светло-серой). Следит за модой. Будучи президентом, Медведев носил галстуки с широким полувиндзорским узлом, что, с одной стороны, вполне удачно сочеталось с широкими лацканами пиджака, но не очень хорошо смотрелось при его узких плечах. Позже и лацканы пиджака стали уже, и узел галстука, и сам галстук. Со временем в костюмах Медведева произошли перемены, связанные не столько с модой, сколько с тем, как костюмы «сидят» на фигуре.

В неформальной обстановке, встречаясь с молодежью, журналистами, Медведев может появиться в джинсах, в темной рубашке без галстука. На саммите большой восьмерки в Италии в 2009 году впервые появился в солнцезащитных очках.

Вербальный имидж Д.А. Медведева характеризуется, прежде всего, правильной речью, мало кто в нашем истеблишменте так говорит

по-русски. В общении отличается сдержанностью, хладнокровием, уверенностью в себе, вежливостью, спокойствием, не переносит свое настроение и иные эмоции на окружающих. Не делает лишних движений, не говорит ненужных слов. Хорошая улыбка свидетельствует об отсутствии внутренних комплексов и фобий. Завидная реакция и природное остроумие – шутит легко и непринужденно.

В первые годы своего президентства в вербалике Д.А. Медведева иногда можно было наблюдать некоторое заимствование ораторских приемов, речевых технологий у В.В. Путина (формулирование предложений, доходчивость слов, рубленые фразы, многократное повторение ключевых слов и др.). Но если Путин может иногда позволить себе говорить не по подготовленному заранее тексту, то Медведев предпочитает не отклоняться от такого текста.

Что касается личностных качеств президента Д.А. Медведева, то его нередко относят к психологическому типу «Аналитик» – INTJ (международный стандарт психологических типов – АРТ). В кадровом менеджменте этот тип стоит особняком, он более других способен вникнуть в самые сложные системы, именно по этой причине его еще называют «реорганизатором бизнеса». И, видимо, не случайно президент Медведев во главу угла своей программы ставил вопросы модернизации и инноваций.

Характерная черта «Аналитика» – его принципиальность и честность во взаимоотношениях. «Все знающие Д. Медведева люди уверяют, что он никого никогда не подсиживал и не «разводил». Такая характеристика для чиновника – это величайшая честь. «Аналитикам» совершенно не присуща подковерная игра – они честны и порядочны. Политика, как известно, дело непростое, если не сказать больше, и некоторые политобозреватели полагали, что она будет не по зубам президенту Медведеву. Но, как показало время, он не только справился со всеми ее сложностями, но и создал новый стандарт российской демократии» [87].

По характеру Д.А. Медведев человек впечатлительный и романтический, и, одновременно, прагматичный, настойчивый в достижении цели. Многие упрекают его в робости, нерешительности, недостатке лидерских качеств. Однако, августовская война 2008 года (принуждение Грузии к миру) показала президента России человеком волевым и решительным, причем качества эти проявились спустя всего два месяца после вступления Медведева в должность президента России.

Д.А. Медведев не боится предлагать нестандартные решения. Взять хотя бы его пожелание чиновникам пойти в Интернет. Сам Медведев, активно пользуясь сетью Интернет, выстраивает свой образ и доводит свои мысли и идеи до желаемой аудитории посредством создания собственного сайта, блога в Живом журнале, в Твиттере, страницы в сети «В контакте». Используя сеть Интернет, Медведев позиционирует себя не только как политика, но и как человека, высказывающего свое мнение по разным актуальным вопросам, открывает свои собственные увлечения, вкусы.

Будучи президентом России, Д.А. Медведев сумел способствовать изменению политического имиджа страны и отойти от образа России как потенциального противника коалиции США. Он подписал новый договор с США об ограничении стратегических вооружений. В период президентского правления Медведева Россия оказала значительную поддержку силам НАТО в Афганистане, открыв свою территорию для военного транзита.

11.4. Имидж политической партии

Имидж лидера политической партии во многом влияет на имидж самой партии.

Современную политическую деятельность трудно представить без организующего начала, роль которого играют политические партии, движения и т.п. В то же время, многие исследователи отмечают падение престижа политических партий, их авторитета среди населения различных стран. Так, Р. Далтон пишет об уменьшении доверия граждан к политическим партиям в условиях современной западной демократии, об общей эрозии партийных привязанностей во всех развитых индустриальных демократических государствах. Если прежние поколения воспринимали политические партии как столпы демократии, то теперь и старшее поколение и молодежь довольно скептически относятся к необходимости существования тех или иных политических партий. Это проявляется, прежде всего, в снижении мотивации политического участия граждан, отказе от голосования. Многие избиратели считают, что политические партии коррумпированы, равнодушны к интересам граждан [268].

Что касается России, то, по мнению Г.Г. Почепцова, в настоящее время партии не играют роль связки между политикой и населением. Политические объединения повисли в воздухе в качестве инородного

звена, которое оказалось не нужным ни населению, ни власти [187]. Партии изначально обязаны своим появлением стремлению собирать воедино разнородное население на основании единой идеологии. На сегодняшний день население России сравнительно однородно, а потому исследователи отмечают эффект движения в рамках единой партии, поскольку идеологическая нюансировка, вносимая партийными имиджмейкерами слабая и малоразличима с точки зрения россиян.

Тем не менее, какую бы роль не играли политические партии в условиях того или иного общества, как бы к ним ни относилась общественность того или иного государства, в любом случае это отношение («хорошее» оно или «плохое») является результатом восприятия этих партий населением, результатом восприятия того образа, или имиджа партии, который сформировался в данном обществе.

Раскрывая содержание корпоративного политического имиджа (политической организации, любого современного политизированного движения), А.А. Бодалев, Л.Г. Лаптев и др. отмечают его многокомпонентность. В.Г. Зазыкин и С.Е. Захарова полагают, что имидж политической партии может описываться с помощью десятикомпонентной модели. В порядке убывания в ней представлены по степени значимости:

- имидж лидера, сила личности лидера, выраженность харизматичности лидера;
- идеология партии;
- образ деятельности партии;
- имидж членов партии (возможно, ее выдающихся сторонников);
- политические, административные и финансовые ресурсы и возможности партии;
- имидж электората партии;
- история партии (или история идеи, принятой партией за основу);
- особенности партийного политического PR и рекламы;
- особенности партийной риторики (яркая образность, просто, внутренняя непротиворечивость выдвигаемых идей, обладающих консолидирующими свойствами);
- символика партии [27].

На имидж партии влияют:

- имеющиеся у партии каналы передачи политической информации;
- наличие и степень развитости прямых (особенно неформальных) коммуникаций партии с избирателями, своевременное их информирование и реагирование на обращения граждан;

- создание благоприятного мнения о действиях партийных структур на общественных слушаниях и с помощью других форм распространения имиджформирующей информации;
- активность партии, проявляемая в общественно-политической жизни страны.

Что можно сказать об имидже политических партий современной России?

Начнем с того, что согласно Федеральному закону «О политических партиях», политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления [158].

Полученные учеными данные свидетельствуют о том, что в современном российском обществе вне зависимости от половых возрастных и региональных особенностей электората отношение к ведущим политическим партиям Российской Федерации зависит прежде всего от отношения лидера партии и ее членов к населению, а также от того, какую реальную деятельность партия осуществляет, чем и как она занимается и каков результат ее действий.

В формировании эффективного имиджа политической партии особую роль играют такие составляющие социальных ожиданий, как: стабильность, позитивные сдвиги в социально-экономической жизни общества, определенность будущего. При голосовании выбор осуществляется скорее не в пользу той партии, которая соответствует принятым представлениям о деятельности в политике, а в пользу той, которая эмоционально приемлема и возглавляется привлекательным лидером. Характерная психологическая особенность восприятия политических партий в России – отождествление партии с ее лидером.

На сегодняшний день наиболее крупными политическими партиями России являются: «Единая Россия» (более двух миллионов человек); «Справедливая Россия» (500 тысяч человек); Либерально-демократическая партия России (более 200 тысяч человек); Коммунистическая партия Российской Федерации (более 156 тысяч человек).

Партия «Единая Россия» (ЕР) основана в 2001 году. Ее идеология – центризм, социальный консерватизм.

Основным имиджевым содержанием партии является популяризация политического курса власти. С этим связывают основную проблему имиджа «Единой России» – отсутствие самостоятельного, популярного образа в массовом сознании избирателей.

Эмблема партии представляет собой композицию, в верхней части которой расположено стилизованное изображение развевающегося полотнища с полосами равной ширины белого, синего и красного цвета, символизирующего флаг Российской Федерации, окаймляющего с правой стороны стилизованное изображение в сочетании белого и синего цвета силуэта медведя, развернутого правым боком к зрителю, под которым по всей ширине изображения полотнища буквами одинакового размера синего цвета горизонтально в два ряда изображена надпись: ЕДИНАЯ РОССИЯ. При изображении эмблемы на темном фоне надпись – ЕДИНАЯ РОССИЯ – исполняется буквами белого цвета. Иных символов у партии нет. В 2003–2008 годах у партии был свой печатный орган – газета «Единая Россия». Членов партии на современном политическом жаргоне называют «единороссами», «едросами», иногда «медведями» (в связи с символом партии). У партии есть своя молодежная организация «Молодая гвардия Единой России».

Лидером партии в настоящее время является Д.А. Медведев, который, заботясь о своем имидже и имидже партии, стремится поддерживать контакт с общественностью, гражданами страны, для чего активно пользуется интернетом. Он имеет блог в «Живом журнале», который ведется от его имени его помощниками (модераторами), ведет видео-блог, который располагается на поддомене официального сайта Президента РФ.

На имиджевые характеристики партии оказали влияние, применяющиеся избирательные технологии. Так имидж Единой России строится на имидже Президента РФ. «ЕР» воспринимается как «партия власти» со всеми вытекающими плюсами и минусами. К сказывающимся на имидже партии факторам можно отнести отождествление «ЕР» в массовом сознании с Коммунистической партией Советского Союза, которая имеет ресурс кулуарного влияния на принятие решений. Хотя такое сравнение может быть оценено двояко, так как имидж КПСС во многом имеет такие недостатки как «бюрократизм», «чиновничество». Автоматическое восприятие Единой России как прототипа КПСС может вызывать в массовом сознании наравне с позитивными факторами, негативные клише.

А. Макаркин пишет о том, что «партия отличается слабой публичностью, несмотря на постоянное присутствие ее представителей в электронных СМИ, не слишком удачно выполняет роль «адвоката» власти и пропагандиста ее решений. «Единая Россия» способна лишь играть роль дисциплинированного проводника политического курса власти, но не агрегировать различные интересы, что необходимо власти, нуждающейся в поддержке со стороны различных групп общества» [125].

Социологические данные в различных территориях показывают рост числа отрицательных оценок «партии власти», то есть имиджевая динамика единороссов в данный момент носит скорее отрицательный характер [219]. Происходит снижение доверия к партии, что влияет на ее электоральный результат в регионах. Основные причины роста негативных оценок «ЕР», связаны с разочарованием в деятельности партии, принятием депутатами-единороссами в Госдуме ряда непопулярных социальных законов (монетизация льгот, изменения в Жилищный кодекс), пассивностью региональных отделений и общим ростом критики в адрес власти за отсутствие зримых изменений в общественной жизни [198].

Партия «Справедливая Россия» основана в 2006 году, ее идеология – социал-демократия, социализм XXI века. Эмблема Партии представляет собой композицию темно-красного (бордового) цвета из следующих частей: букв «СР», набранных прописным шрифтом и стилизованной стрелки, переходящей в прямоугольник с наклоном под углом 9 градусов. На прямоугольнике расположена надпись *СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ* прописными буквами в две строки белым цветом. Молодежное движение партии находится на стадии реорганизации. Лидер партии – С.М. Миронов. С 2007 года в «Живом журнале» он ведет блог, который стал победителем конкурса «Блог Рунета-2009» в номинации «Политический персональный блог».

На политическом сленге членов партии часто называют «справороссами», или «эсерами» (от инициалов названия), хотя к непарламентской партии социалистов-революционеров они никакого отношения не имеют и на преемственность от нее не претендуют.

Имидж «Справедливой России», можно сказать, находится на стадии формирования. Окончательного, более или менее четкого представления об этой партии у населения страны не сложилось.

Причиной тому – сам процесс создания, всевозможных реорганизаций, реформирования партии.

Первоначально по замыслу президентской администрации планировалось создание в стране двухпартийной системы, при которой Кремль смог бы опираться на одну из двух системообразующих партий. Нужна была для общества «вторая нога», на которую можно было бы переступить, когда затекла первая. Нужна была вторая крупная партия, к которой в перспективе должны были отойти голоса оппозиционных партий, партий «левого уклона и с сильным националистическим привкусом». При этом роль «главной ноги» на ближайшие годы оставалась за единороссами. Результатом реализации этой идеи стало объединение партий «Родина», Российской партии жизни и Российской партии пенсионеров и затем провозглашение на базе этого объединения партии «Справедливая Россия».

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) основана в 1992 году. Идеология партии – центризм, патриотизм, панславизм, имперство, смешанная экономика, правый популизм.

На имидж ЛДПР в значительной мере повлияло то обстоятельство, что она возникла в условиях распада государственных, социально-политических структур СССР. Определяющей имиджевой характеристикой партии является сравнение ее с партией одного лидера, в данном случае В.В. Жириновского. Реальность такова, что, по сути, только лидер ЛДПР обладает высокой содержательной известностью, остальным членам партии отводится второстепенная роль. ЛДПР позиционирует себя как центристская демократическая партия, имидж которой чаще всего характеризуется не столько оппозиционностью (как считает лидер партии и его последователи), сколько лояльностью к власти. Программа партии имеет ярко выраженный популистский характер с доминирующей ориентацией на национально-патриотическую риторику. Главные программные цели ЛДПР: создание могущественного Российского государства, воссоединение земель бывшего СССР, правопорядок и диктатура закона. Однако ЛДПР – скорее не партия политических действий, а партия лозунгов.

Партия имеет свой гимн (слова и музыку написал В.В. Жириновский), официальный флаг (синее полотнище с желтой аббревиатурой «ЛДПР» в центре) и герб (щит темно-синего цвета с золотистым обрамлением. На щите карта России, из-за нее восходит солнце. На его

фоне – сокол с распростертыми крыльями. Надпись на гербе гласит: «Свобода», «Патриотизм», «Закон»).

Печатные органы партии: газета «ЛДПР» и журнал «За русский народ». Официальный сайт партии [114] позволяет поддерживать контакты со сторонниками партии и иными гражданами. Есть у партии молодежная организация – «Время молодых», действует Всероссийский молодежный центр ЛДПР, в работе которого активное участие принимает лидер партии В.В. Жириновский.

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) основана в 1993 году. Идеология партии – «Россия! Труд! Народовластие! Социализм!». Лидер партии – Г.А. Зюганов.

Эмблемой КПРФ являются взаимоувязанные воедино серп, молот и открытая книга, символизирующие солидарность рабочих, крестьян и интеллигенции. Основанием эмблемы является аббревиатура «КПРФ». По окружности эмблемы расположены слова «РОССИЯ», «ТРУД», «НАРОДОВЛАСТИЕ», «СОЦИАЛИЗМ». Гимном КПРФ является Интернационал, бывший ранее гимном КПСС. Печатные органы партии – газета «Правда» и журнал «Политическое просвещение». Есть у партии молодежная организация – Ленинский коммунистический союз молодежи (ЛКСМ РФ).

Имидж КПРФ имеет неоднозначный образ. Современное восприятие КПРФ достаточно противоречиво: 35,1% россиян склонны в той или иной степени ассоциировать КПРФ с Коммунистической партией Советского Союза, а 55,6% полагают, что это две различные политические силы. Основной слабостью КПРФ, по мнению 17,1% опрошенных, является опасность возвращения к прежним временам, это самый слабый аспект имиджа партии. Негативно воспринимается также и отсутствие реальных действий КПРФ, ее низкая активность (10,2%), а также тенденция к демагогии, даче пустых обещаний (8,5%). Слабые лидерские качества Г.А. Зюганова выделяют 4% респондентов [198]. Имидж КПРФ как «партии демагогов» увеличивает свое влияние по мере снижения среднего возраста избирателя. Старшее поколение помнит КПСС и те дела, что делались под ее руководством.

Несмотря на противоречивый имидж КПРФ, значительная часть электората с достаточным оптимизмом относится к перспективам реализации КПРФ различных направлений политики [219].

Таблица 11.2

Динамика представительства наиболее крупных партий России в Государственной Думе РФ по итогам выборов 2003 и 2011 годов

Партия	2003 год		2011 год	
	Число мест	Результат	Получено мест	Изменение доли
Единая Россия	315	64,30 %	238	- 14,98 %
КПРФ	57	11,57 %	92	+ 7,62 %
Справедливая Россия	38	7,74 %	64	+ 5,50 %
ЛДПР	40	8,14 %	56	+ 3,53 %

Имидж КПРФ – это имидж устойчивой консервативной партии, защищающей интересы пенсионеров и обездоленных. Также к характеристикам имиджа КПРФ относится имидж партии ретроградов, партии критики, а не позитива. Коммунисты воспринимаются как старейшая политическая партия в России (опять же усматривается связь с КПСС), но у которой однозначно нет политического будущего, поскольку они «всем надоели», «тянут страну назад», «изжили себя» и т.п. [48].

Имидж политических партий современной России в определенной мере характеризуется результатами выборов в Государственную Думу РФ [184]. В табл. 11.2 в динамике представлены результаты выборов в Государственную Думу последних двух созывов (2003 и 2011 годов).

Как многие общественно-политические явления, имидж партий не является статичным. Он изменяется, модифицируется соответственно изменению запросов населения, условий политической системы и исторического контекста.

11.5. Политический имидж государства

Одним из основных институтов и субъектов политического имиджа является государство.

В литературе иногда различаются понятия «имидж государства» и «имидж страны». В этом случае имидж страны включает в себя географические, этнолингвистические, культурно-исторические, религиозные, хозяйственные характеристики. Большая часть данных представлений формируется на протяжении длительного времени,

что обуславливает их значительную устойчивость. В противоположность этому имидж государства включает в себя преимущественно представления о политической организации общества, властных институтах и механизмах реализации власти, а также о правовой и экономической системах, проводимой внутренней и внешней политике. В связи с этим имидж государства – структура более динамичная, она легче поддается корректировке [123].

В то же время Э.Г. Соловьев, А.Н. Смирнов и др. отождествляют понятия «имидж государства», «имидж страны», «национальный имидж» [216].

Будем исходить из того, что в массовом сознании, как правило, понятия «государство» и «страна» сливаются воедино, дополняясь характеристиками народа, его культуры, менталитета, традиций, а также историческими, политическими, географическими и другими параметрами. Имидж государства и имидж страны – это две стороны одного явления и «разорвать» их практически невозможно. Поэтому в дальнейшем мы будем употреблять эти понятия как синонимы, имея в виду, что имидж государства как целостное образование включает в себя как более устойчивые географические, культурно-исторические и им подобные характеристики, так и более динамичную политическую организацию общества и соответствующую ей внутреннюю и внешнюю политику.

Политический имидж государства – это мнение о нем на основе образа, сложившегося в представлении, целенаправленно сформированном посредством профессиональных усилий у внутренней (население страны) или внешней (социальные группы других стран) аудитории.

Из приведенного определения видно, что политический имидж страны предполагает целенаправленное формирование мнения о ней на основе образа, возникающего в представлении двух основных целевых аудиторий: населения самой страны и социальных групп, отдельных индивидов вне данной страны. На этом основании выделяются два вида политического имиджа государства:

– внутриполитический имидж, когда реципиентом выступает население государства, имидж которого создается;

– внешнеполитический имидж, когда реципиентом выступают население других стран, их правительства и политические лидеры, международные политические, общественные и иные организации.

Внутриполитический и внешнеполитический имиджи государства взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообуславливают друг друга.

Политический имидж государства – сложное системное образование, которое включает в себя следующие компоненты:

- имидж политических институтов;
- имидж главы государства;
- имидж вооруженных сил и других силовых структур;
- имидж правящей политической элиты;
- массовое политическое сознание, политический менталитет;
- демократический характер политической системы;
- характер внутренней политики государства;
- характер внешней политики, международный статус государства;
- национальная и межрегиональная политика государства;
- геополитическое положение государства;
- государственная символика.

Данные компоненты являются объектом восприятия как внутренней, так и внешней аудитории.

Очевидно, что любое государство заинтересовано, как во внутриполитическом, так и во внешнеполитическом положительном имидже. Однако, в современных условиях власть, как правило, отдает предпочтение внутриполитическому имиджу, то есть ориентируется, прежде всего, на собственных граждан, что естественно в границах существования суверенных государств. Позитивный имидж государства в глазах его граждан может стать мощным фактором консолидации нации, укрепления идентичности народа, обеспечения поддержки внутренней и внешней политики, одним из условий социальной безопасности.

В то же время, по мере развертывания процесса глобализации все большую роль в жизни любой страны играют внешние факторы, и странам, чей внешнеполитический имидж имеет отрицательную «окраску», так или иначе приходится прилагать усилия для изменения ситуации. Можно прогнозировать, что в XXI веке постепенно будет возрастать роль внешнеполитического имиджа страны, и политические элиты всех государств будут уделять ему, по крайней мере, не меньшее внимание, чем внутриполитическому имиджу [33].

Значение внешнеполитического имиджа обусловлено целым рядом объективных и субъективных причин, среди которых:

- неуклонно развивающийся процесс глобализации и расширения международных связей;
- необходимость интеграции в мировое экономическое сообщество;

– потребность обезопасить страну от внешнеполитического и военного давления извне;

– стремление властной элиты заручиться поддержкой международной общественности, чтобы использовать ее как ресурс в борьбе с внутренней политической оппозицией;

– стремление правящих кругов общества использовать его положительный внешнеполитический имидж в целях укрепления своих позиций в конкурентной политической и экономической борьбе с другими странами [178].

Удачное конструирование имиджа за рубежом положительно сказывается на развитии международных отношений с другими государствами, представителями бизнеса и экономики, вложении инвестиций, рассмотрении того или иного государства в качестве надежного поставщика качественных товаров, привлекательного туристического центра. Благоприятный имидж государства на международной арене является обязательным условием успешной защиты интересов страны и ее граждан, эффективного ведения переговоров, заключения выгодных деловых соглашений.

Политический имидж государства представляет собой феномен, полный парадоксов:

– имидж создается годами, рушится – в одно мгновение;

– непоправимый урон имиджу может быть нанесен одним человеком, чтобы улучшить его, в некоторых случаях недостаточно усилий и целой нации;

– имидж не имеет временных или эпохальных границ;

– разрушить имидж не стоит никаких финансовых затрат, создать эффективный имидж – процесс дорогостоящий;

– негативный имидж имеет большее воздействие во времени и пространстве, чем имидж позитивный;

– международный имидж более подвержен действию сложившихся стереотипов, чем динамике происходящих процессов.

Любое государство нормально функционирует в социальном окружении только тогда, когда оно постоянно, честно и своевременно информирует общественность, а мировая общественность, в свою очередь, имеет объективное представление о данном государстве.

Стало очевидным, что вкладывать деньги в имидж государства выгодно всем: правительству, бизнесу, обществу.

Опыт развитых стран показывает, что правительство должно финансировать работы по формированию, преобразованию имиджа

в размере приблизительно 10–20 процентов от общего бюджета. Например, Великобритания каждый год тратит 1,3 млрд. долларов на продвижение собственного имиджа за рубежом. Саудовская Аравия выделяет на эти цели около 6 млрд. долларов [124].

Таким образом, сегодня политика практически любого государства немыслима без целенаправленной, постоянной и систематической работы по совершенствованию своего политического имиджа, формированию позитивного отношения к государству у своих граждан и социальных групп других государств.

11.6. Политический имидж России

Политический имидж России имеет свои специфические особенности, и, как показывает история страны, постоянно меняется.

В ходе исторического развития величие России утверждается в народном сознании прежде всего через ее военные победы: избавление от татаро-монгольского ига связывают с Дмитрием Донским; победу над наполеоновской армией – с Александром-победителем и фельдмаршалом М.И. Кутузовым; разгром гитлеровского фашизма – с И.В. Сталиным, Г.К. Жуковым. Если же войны нет, то в России все равно происходит борьба или битва (за урожай с природой, за лидерство в мире с империализмом, за первенство в космосе с США, за высокие экономические показатели, за трезвый образ жизни и пр.). Поэтому образы «Ленина на броневике», «Ельцина на танке», «Путина на крейсере» выступают как выигранные имиджевые характеристики.

Внешнеполитический имидж России, как и любого другого государства, в значительной мере зависит от характера взаимоотношений между страной, как субъектом-прообразом имиджа и страной (странами) – реципиентом. Так, в течение XX века национальный имидж россиян менялся в представлениях американцев в зависимости от характера советско-американских, российско-американских отношений. П.Н. Шихирев отмечает, что «в США русские, особенно в карикатурах (которые наиболее четко выражают обычные массовые стереотипы), изображались последовательно как анархисты с бомбой в руке (1917–1922); медведи, сильные и добрые (1941–1945); коварные, жестокие, злые и опасные, вооруженные атомной бомбой чекисты и генералы (1947–1985); такие же люди, как американцы (1986–1990); перспективные быстро обучающиеся партнеры (1991–1995); растяпы, мафиози, агрессивные попрошайки, готовые

украсть и продать что угодно (1995 г. – настоящее время)» (В.Б.: имеется в виду 1999–2000 гг.) [252].

И.В. Лябухов при анализе политического имиджа России в ее новейшей истории выделил ряд этапов, имеющих качественные различия [123].

Первый этап (1991–1999 гг.) характеризуется трансформацией российской государственной системы и имиджа России в глазах мирового сообщества. Причем трансформация происходила во многом стихийно и заключалась преимущественно в двух разнонаправленных тенденциях. С одной стороны, присутствовало восприятие России как преемницы Советского Союза с перенесением имиджевых характеристик СССР на Российскую Федерацию. С другой стороны, предпринимались попытки разделить СССР и Россию в восприятии мирового сообщества, даже противопоставить их имиджевые характеристики. Российское руководство начала 1990-х годов всячески старалось подчеркнуть отсутствие связи практической политики и имиджа государства с советским прошлым. Однако целостной и продуманной имиджевой политики на государственном уровне фактически не осуществлялось.

Только во второй половине 1990-х годов проблема восприятия государства за рубежом, проблема его имиджа начала осознаваться общественностью, прежде всего – деловым сообществом. Им начали предприниматься первые шаги по исправлению ситуации, которая сложилась с имиджем Российской Федерации за рубежом, когда основными характеристиками стали «нищета», «экономическая нестабильность», «коррупция», «русская мафия» и «война в Чечне». Нельзя сказать, что разрозненные попытки улучшить имидж государства имели тогда большой положительный эффект, тем не менее, проблема была поставлена.

На втором этапе (2000–2008 гг.) происходит качественное изменение государственной политики в области формирования имиджа России за рубежом. Начавшееся в конце 1990-х годов осознание проблем имиджа государства и негативного влияния, которое он способен оказать на все сферы жизни общества, в данный период получило свое развитие. Тема восприятия Российской Федерации на международной арене выходит на государственный уровень и закрепляется, как одна из приоритетных целей в «Концепции внешней политики» (2000 г.).

В это же время проблема имиджа государства становится предметом широкого общественного обсуждения и поводом для целого ряда практических шагов: проведение саммитов, конференций, участие

в международных ярмарках, создание специализированных информационных ресурсов и др. В целом, однако, технологии формирования имиджа государства в этот период были представлены преимущественно крупномасштабными, но разовыми акциями с довольно ограниченным во времени позитивным эффектом.

Третий этап, который у И.В. Лябухова ограничивается 2008–2011 годами, стал временем, когда возникшие на предыдущем этапе тенденции получили свое развитие. В новой «Концепции внешней политики», принятой в 2008 году, отмечается усиление внимания к проблеме восприятия России за рубежом. Имидж государства все больше осознается на всех уровнях как один из главных государственных интересов, от эффективности реализации которого зависят место и роль Российской Федерации на внешнеполитической арене, ее возможности по отстаиванию своих позиций.

Образ страны социализма трансформировался и стал основываться на таких ключевых ценностях, как частная собственность, свобода предпринимательства, демократия, гражданское общество, права человека, правовое государство, равенство всех перед законом, свобода совести, свобода слова и т.д. [187].

Однако, несмотря на заметную положительную динамику, государственная политика в имиджевой сфере еще далека от совершенства. Главный ее недостаток – отсутствие концепции, которая определяла бы цели и задачи, конкретное содержание формируемого имиджа, комплекс технологий его создания, инструментарий, основных исполнителей и методы мониторинга результата, что предполагает совместные усилия государства и гражданского общества, а также дальнейшие исследования в этом направлении [123].

Э.А. Галумов в своей концепции формирования имиджа России справедливо отмечает, что в ходе своего функционирования имидж страны, в том числе политический, постоянно, последовательно трансформируется: базовые черты сохраняются, добавляются новые – так называемые «поверхностные» черты, отражающие новые реалии. Образуется новый имидж страны – вторичный. Его возникновение – результат политической, экономической, информационной и т.п. борьбы с другими странами. Он должен быть:

– во-первых, правдоподобным, достоверным. Никому не нужен имидж, если он не пользуется доверием у людей. Имидж должен идентифицироваться с конкретной страной;

– во-вторых, ярким и конкретным. Он лучше срабатывает, если апеллирует к чувствам, быстро воспринимается, когда сосредоточивается на определенных чертах и ярко высвечивает один или несколько наиболее характерных для конкретной страны признаков;

– в-третьих, упрощенным. Чтобы избежать нежелательных эффектов, он должен быть проще, чем сам объект. Наиболее эффективен имидж простой и быстро запоминающийся;

– в-четвертых, несмотря на конкретность, имидж страны должен быть до некоторой степени неопределенным и находиться где-то между ожиданиями и реальностью. Он должен устоять перед непредвиденным развитием событий, изменениями в политических пристрастиях, соответствовать желаниям и ожиданиям разных людей [47].

Выше представлена структура политического имиджа государства, которая вполне применима для характеристики политического имиджа Российской Федерации, и поэтому останавливаться на ней относительно России особого смысла нет.

Вместе с тем, для нашей страны характерны некоторые особенности ее политического имиджа.

Прежде всего, это традиции, связанные с историей государства. Традицией, например, стали военные парады 9 мая в честь победы в Великой Отечественной войне. Они стали имиджевыми событиями, представляющими, с одной стороны, героическую славу, подвиг народов СССР, России в борьбе с фашизмом, с другой стороны – боевую мощь Вооруженных Сил страны, способных и готовых отразить агрессию, направленную против Российской Федерации, защитить целостность и неприкосновенность ее территории [231]. Такие парады проходят не только на Красной площади в Москве, но и в других крупных городах России, и, как правило, собирают огромное множество людей, испытывающих гордость за свою страну, за ее Вооруженные Силы. Страна, неспособная защитить себя, не вызывает уважения.

На политический имидж России, безусловно, накладывает отпечаток отношение граждан к великим деятелям, сыгравшим наиболее значительную роль в истории страны. В 2008 году телеканалом «Россия» был реализован проект «Имя Россия». Тогда в результате голосования интернет-пользователей, телезрителей и радиослушателей победителями стали Александр Невский и А.С. Пушкин, на втором месте – А.В. Суворов, на третьем – П.А. Столыпин. В 2014 году реализован аналогичный проект – «Имя Победы». 9 мая были объ-

явлены результаты: победитель – А.В. Суворов, на втором месте – Г.К. Жуков, на третьем – М.И. Кутузов [78].

Немаловажную роль в политическом имидже страны играют спортивные достижения, как общероссийского, так и международного уровней. Казалось бы, спорт и политика несовместимы, часто говорят, что спорт (как и наука, искусство и пр.) должен быть вне политики. И, наверное, это правильно. Но жизнь показывает, что на деле все не так просто, в крупных международных соревнованиях всегда существовал и существует некоторый элемент политики. В 1973 году Федерация футбола СССР заявила о невозможности проведения отборочного матча чемпионата мира по футболу между сборными СССР и Чили на стадионе в Сантьяго, поскольку он фашистской хунтой был превращен концлагерь, в арену пыток и казни заключенных. Тогда Советский Союз заявил о себе, как о стране, выступившей против чилийского фашизма.

В 1980 году ряд западных стран бойкотировали Олимпийские игры в Москве, якобы в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан. В ответ СССР бойкотировал Олимпийские игры в 1984 году в Лос-Анжелесе. В 2014 году предпринимались попытки бойкотировать Зимние Олимпийские игры в Сочи под разными сомнительными предлогами – то якобы из-за ущемления прав российских сексуальных меньшинств, то из-за поддержки Россией режима Асада в Сирии и пр. Однако Олимпиада состоялась, и она стала не только крупным спортивным, но и политическим событием, значительно повлиявшим на внешнеполитический имидж России.

Значительное место во внешнеполитическом имидже России занимает геополитический фактор. Возвращение Крыма в состав России стало выдающимся событием в истории и политике нашей страны. И если на внешнеполитический имидж Российской Федерации оно оказало негативное влияние, поскольку было воспринято «в штыки» странами НАТО, то в самой России оно вызвало небывалый подъем патриотизма, чувство гордости граждан за свою страну и за своего президента.

Существенной имиджформирующей характеристикой является символика государства. Что касается России, то структура ее символики включает в себя:

– государственные символы Российской Федерации (герб, флаг, гимн);

– символы власти – символы высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти; символы Вооруженных Сил России; символы политических партий;

– национальные символы России: Юрий Гагарин, Анна Павлова, А.Д. Сахаров, Ф.М. Достоевский, В.И. Чапаев, Д.М. Карбышев, Кремлевские куранты и др.;

– национальную валюту (банкноты, монеты разных лет выпуска; памятные, юбилейные монеты);

– символы российских регионов (Владими́ро-Сузда́льский заповедник; «Амур-батюшка»; Шукшинские чтения в Алтайском крае; астраханская черная икра; башкирский мед и др.);

– историческую символику (памятные даты, символы СССР);

– государственные награды;

– спортивные награды и символы [58].

Современный внешнеполитический имидж России противоречив, имеет позитивные и негативные составляющие. Негативные оценки связаны с неприятием Западом возрождения России как самодостаточного, мощного государства с возрастающим влиянием на международной арене, ведущего самостоятельную внешнюю политику, направленную, прежде всего, на отстаивание своих политических, экономических и иных интересов, на обеспечение своей конкурентоспособности в глобализирующемся мире. Положительные оценки международного имиджа РФ в большей мере связаны с освоением космоса, со сферами литературы, искусства, спорта.

По оценкам некоторых авторов [92], перспективы формирования позитивного внешнеполитического имиджа России связаны с реализацией в будущем нескольких важнейших направлений развития: стремление России стать лидером в сфере энергетических технологий посредством развития своего значительного энергетического потенциала и реализации его в современных формах энергетического диалога с другими странами; стремление развивать высокие технологии и поддерживать высокие темпы роста во всех сферах науки и производства и др.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (2013 г.) отмечается, что важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических

инициативах и действиях Российской Федерации, о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки. В рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире...» [98].

Вопросы для размышления и самоконтроля

1. Что такое субъект-субъектное взаимодействие и какова его роль в практике имиджелогии?
2. Почему имидж формируется посредством профессиональных усилий?
3. Какие существуют подходы к типологии имиджа? Что в них общего и каковы различия?
4. Что можно рассматривать в качестве субъекта политического имиджа?
5. Что включает в себя габитарный имидж политика?
6. Что такое коммуникативная культура и какова ее роль в вербальном имидже политика?
7. Какие нравственные качества, на Ваш взгляд, являются наиболее значимыми в структуре личностных имиджевых характеристик политика?
8. Что важнее, по-Вашему, в имидже политического лидера – его физический облик или социальный?
9. Что такое межличностная привлекательность с психологической точки зрения?
10. Какие компоненты включает в себя модель имиджа политической партии?
11. Что, на Ваш взгляд, играет наиболее значимую роль в формировании эффективного имиджа политической партии?
12. Имидж какой политической партии в России можно считать наиболее удачным, и почему?
13. Каковы слагаемые политического имиджа государства?
14. Почему в современных условиях государство отдает предпочтение, как правило, внутривнутриполитическому имиджу?
15. Каковы, на Ваш взгляд, сильные стороны и недостатки внутриполитического и внешнеполитического имиджа современной России?

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

АВТАРКИЯ – совокупность мер и средств, используемых государственными и политико-негосударственными субъектами, направленных на обособление политических институтов в целях создания замкнутой политической системы, отдельных ее организационных структур, их видов.

АВТОРИТЕТ – индивидуально-типические особенности устойчивой системы воздействия руководителя на подчиненных, на коллектив.

АВТОРИТЕТ ИСТИННЫЙ – такое влияние на людей, такая власть над ними, которые соответствуют подлинным интересам этих людей, и которые именно поэтому добровольно принимаются этими людьми; соединение влияния руководителя с собственными интересами людей.

АВТОРИТЕТ ЛОЖНЫЙ – основан на несовпадении интересов того, кто руководит людьми и самих этих людей.

АКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – деятельность индивида или политических групп, связанная со стремлением изменить политический или социально-экономический порядок и соответствующие институты. В наиболее широком смысле проявляется в революционных преобразованиях общества или его реформировании. На индивидуальном уровне – совокупность проявлений тех форм жизнедеятельности индивида, в которых выражается его стремление активно участвовать в политике, отстаивая свои интересы и права.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ В ПОЛИТИКЕ – (в широком смысле слова) – совокупность психических процессов, состояний и свойств личности, не представленных в сознании индивидуального субъекта политического поведения и деятельности, но оказывающих активное влияние на поведение значительных неструктурированных конгломератов людей (например, толпы).

БУРЖУАЗИЯ – общественный класс собственников капитала, получающих доходы в результате торгово-промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности.

ВЛАСТЬ – волевое отношение между людьми, при котором один человек воздействует на другого с целью заставить его поступать определенным образом.

ВЛАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – способность и возможность одного человека или группы лиц, исходя из своих политических интересов и целей, оказывать определяющее воздействие на деятельность и политическое поведение людей.

ВНУШЕНИЕ – вид целенаправленного коммуникативного влияния на поведение и сознание человека (или группы людей), в результате которого человек (группа людей) вопреки имеющейся фактической информации признает существование того, что в действительности не существует, либо что-то делает вопреки своим намерениям.

ВОЖДИЗМ – тип властных отношений, основанный на личном господстве и личной преданности носителю верховной власти.

ВОЖДЬ – общепризнанный идейный, политический руководитель.

ВОЙНА ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ – психологическое воздействие на войска противника и население с целью их деморализации и склонения к прекращению сопротивления.

ВОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – способность человека (группы людей) действовать в направлении сознательно поставленной политической цели, преодолевая при этом внутренние и внешние препятствия.

ВООБРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – процесс создания новых целостных образов политической действительности на основе переработки и творческого преобразования политических представлений.

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – восприятие политики как таковой, восприятие политических лидеров, политических групп, политической власти, политической информации и других объектов, имеющих непосредственное отношение к политике.

ГРУППА МАЛАЯ В ПОЛИТИКЕ – реальная группа, существующая в системе общественно-политических отношений, как субъект социально-политической деятельности, преследующая определенные политические цели и реализующая конкретные политические потребности.

ГРУППА РЕФЕРЕНТНАЯ – реальная или условная социальная общность, с которой индивид соотносит себя как с эталоном и на нормы, мнения, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – организованное массовое политическое выступление (шествие) с целью выражения каких-либо общественно-политических настроений, в поддержку или против политической власти.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – процесс активного взаимодействия с окружающей социально-политической действительностью, ходе которого человек (группа людей) как субъект общественно-политических отношений целенаправленно воздействует на объект и таким образом удовлетворяет свои политические потребности, достигает определенных политических целей.

ЗАРАЖЕНИЕ – эмоциональное воздействие, осуществляемое через передачу определенного психического состояния и предполагающее бессознательное усвоение данного состояния.

ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА ПОЛИТИЧЕСКИЙ – мнение о государстве на основе образа, сложившегося в представлении, целенаправленно сформированном посредством профессиональных усилий у внутренней (население страны) или внешней (социальные группы других стран) аудитории.

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – мнение на основе образа или представление об объекте политики (личности политика, политической партии, государства), целенаправленно сформированное посредством профессиональных усилий у составляющей аудиторию имиджа социальной группы посредством профессиональных усилий.

КЛИЕНТЕЛА – форма социальной зависимости, характерная для рабовладельческого строя в Древнем Риме.

КЛИКА – неформальное объединение государственных сил и/или политических деятелей, ставящих целью захват власти или установление фактического контроля над ней путем использования нелегальных (тайная власть) и/или криминальных средств.

КОЛЛЕКТИВ – высший уровень развития просоциальной группы, отличающийся максимальным единством взглядов, интересов и способов действия.

КОНФЛИКТ ЭТНИЧЕСКИЙ – особая форма политических отношений, конфронтация между двумя или несколькими этносами (или между их отдельными представителями, между конкретными субэтническими элементами), характеризующаяся состоянием взаимных претензий и имеющая тенденцию к нарастанию противостояния вплоть до вооруженных столкновений, открытых войн.

КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – система исторически сложившихся взглядов, убеждений, ценностных ориентаций, присущих человеку как участнику политической системы, политического процесса; субъективная сфера, лежащая в основе политических действий и придающая им соответствующее значение.

КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКАЯ – система исторически сложившихся ориентаций сознаний, моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ – степень согласия между управляющими и управляемыми социальными субъектами, то есть согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как это устраивает управляемых, как нормативно определено.

ЛИДЕР ПОЛИТИЧЕСКИЙ – ведущее лицо политического процесса, осуществляющее функции объединения и сплочения социальных сил, задающее направление деятельности большим социальным группам, государственным и общественным институтам, политическим движениям, во многом определяющее особенности курса на политические преобразования в обществе.

ЛИДЕРСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЕ – процесс взаимодействия между людьми, в котором наделенные реальной властью авторитетные люди осуществляют легитимное влияние на общество (или его часть), которое отдает им часть своих политико-властных полномочий и прав.

ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – системное социально-политическое качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении, в политических по своему характеру социальных отношениях и характеризующее меру представленности этих отношений в индивиде.

ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТ, ЛЮМПЕНЫ – деклассированные слои общества (уголовники, нищие, бродяги, бомжи, попрошайки и т.п.).

ЛЮМПЕНСТВО – историческая тенденция антисоцидания и даже разрушения – через отказ от сбережения (накопления) и неотложное нерегулируемое потребление – как главные проявления активности индивида.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – система способов психологического воздействия на массы, которые политические власти используют с целью политического обмана, внедрения в сознание народа иллюзорных представлений о политической жизни.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ – социально-психологическое состояние, характеризующееся сомнениями индивида относительно своей личной ценности, неопределенностью ситуаций, постоянной боязнью быть отвергнутым, болезненной застенчивостью, одиночеством, чрезмерной мечтательностью, излишним беспокойством о будущем и т.п.

МЕНТАЛИТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – совокупность осознаваемых и неосознаваемых политических представлений, ценностей, установок, стереотипов определенных социальных общностей в сфере политической действительности.

МИТИНГ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – массовое собрание для обсуждения актуальных политических проблем, поддержки каких-либо политических требований, для выражения солидарности или протеста. Он выполняет свои функции с опорой на мотивационные состояния: любовь или ненависть к носителям политических перемен в обществе.

МИФ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – некритически воспринимаемое иллюзорное воображение, замещающее и вытесняющее представление о политической реальности.

МОТИВ ВЛАСТИ – устойчивое и отчетливо выраженное стремление человека (группы) иметь власть над другими людьми, склонность управлять социальным окружением, побуждать других поступать в соответствии со своими интересами и потребностями, доказывать свою правоту, направлять, влиять, организовывать, подчинять, диктовать условия, судить, устанавливать законы и правила поведения, принимать решения за других людей, наказывать, привлекать к себе внимание, иметь последователей.

МЫШЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – социально обусловленный, неразрывно связанный с речью процесс опосредованного и обобщенного отражения политической реальности в ходе ее политико-психологического анализа и синтеза.

НАРОД – 1) в широком смысле – все население определенной страны (совокупность граждан определенного государства); 2) синоним понятия «этническая общность» (или «историческая общность людей»).

НАСТРОЕНИЕ МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – однородная для достаточно большого множества людей субъективная, сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность общими социально-политическими условиями жизни; субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний при данных условиях; а также стремление к изменению условий ради осуществления притязаний.

НАСТРОЕНИЕ ПАНИЧЕСКОЕ (ПАНИКА) – эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо, напротив, как следствие ее избытка и проявляющееся в импульсивных действиях.

НАСТРОЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – более или менее устойчивое, продолжительное, без определенной интенции эмоциональное состояние человека, окрашивающее в течение некоторого времени его переживания, связанные с восприятием политической ситуации, общественно-политических процессов и явлений.

НАЦИЯ – 1) политическая общность граждан определенного государства; 2) этническая общность с единым языком и самосознанием. В международном плане нация – синоним национального государства.

ОТЧУЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – чувство неудовлетворенности, разочарования, безразличия, отстранения, безнадежности в отношении к вопросам политической жизни общества, к политической власти.

ПАССИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – безразличие к политике и нежелание граждан принимать участие в политической жизни общества.

ПАТРИОТИЗМ – морально-политическое чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы; особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.

ПЛЕМЯ – объединение двух или более родов. Это более высокая форма уже непосредственно политической организации.

ПОДРАЖАНИЕ – воздействие, осуществляемое через демонстрацию конкретных, наглядных образцов поведения и подразумевающее их принятие и воспроизведение.

ПОЛИТИКА – сфера деятельности, регулирующая социальные отношения и обеспечивающая завоевание, удержание и использование государственной власти.

ПСИХИКА ПОЛИТИЧЕСКАЯ – сложное социокультурное образование, представляющее собой особую форму активного отражения субъектом общественно-политических процессов и явлений, возникающую в социально-политическом взаимодействии этого субъекта с внешним миром и осуществляющую в его поведении (деятельности) регулятивную функцию.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – междисциплинарная наука, изучающая психологические компоненты политической жизни общества, которые формируются и проявляются в сознании социальных групп, наций, индивидов и реализуются в их практических действиях.

РАБОЧИЙ КЛАСС – большая социальная группа – совокупность работников преимущественно физического труда, занятых в сфере промышленности.

РЕФЕРЕНТНАЯ ГРУППА – реальная или условная социальная общность, с которой индивид соотносит себя как с эталоном и на нормы, мнения, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении.

РОД – группа кровных родственников по материнской или отцовской линии, ведущих свое происхождение от общего предка, носящих общее родовое имя, имеющих общие потребности и интересы, проявляющиеся в единых социально-политических действиях.

САМОСОЗНАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ – совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности.

САМОСОЗНАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ – процесс и результат выработки относительно устойчивой осознанной системы представлений субъекта политических отношений о самом себе в социально-политическом плане, на основе которой субъект целенаправленно строит свои взаимоотношения с другими субъектами и объектами политики как внутри социально-политической системы, так и за ее пределами, и относится к самому себе. Это осознание себя в политике как самостоятельного деятеля, целостная оценка своей роли, своих целей, интересов, идеалов и мотивов поведения.

СОЗНАНИЕ ГРУППОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – обобщенное сознание тех или иных более определенных и организованных, конкретных больших и малых групп, связанное с политикой.

СОЗНАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – свойство и качество личности, «политического человека», способного так или иначе воспринимать политику, более или менее точно ее оценивать и относительно целеустремленно действовать в политическом плане.

СОЗНАНИЕ МАССОВОЕ – один из видов общественного сознания. Особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»), характеризующийся совпадением в какой-то момент наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых).

СОЗНАНИЕ МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – особая разновидность массового сознания, имеющая в качестве основного содержания политические проблемы, на решение которых направляется политическое поведение массы.

СОЗНАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ – сложная совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации.

СОЗНАНИЕ ОБЫДЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – отличается целым рядом специфических свойств: содержательной диффузностью, размытостью, спутанностью и противоречивостью, отрывочностью, несистематизированностью, повышенной эмоциональностью, во многом случайностью образующих его компонентов, стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений о политике в рамках так называемого «житейского здравого смысла». Одновременно, оно характеризуется устойчивостью и особого рода инерционностью влияния на политическое поведение.

СОЗНАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – опосредованное отражение политической жизни общества, сущностью и содержанием которого является проблема власти, формирование, развитие и удовлетворение интересов и потребностей политических субъектов, совокупность взглядов, оценок, установок, которые, отражая политико-властные отношения, обретают относительную самостоятельность.

СОЗНАНИЕ ТЕОРЕТИКО-ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – строгая, целостная рациональная система

взглядов и суждений, определенное мировоззрение, объясняющее окружающую человека политическую действительность на основе той или иной идеологической концепции и сводящееся к расширенной экспликации идеологии на подлежащие осознанию сферы жизни.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – процесс включения индивида в политическую систему посредством оснащения его опытом данной системы, позволяющим индивиду стать полноправным участником политической жизни общества, ориентироваться в сложных общественно-политических процессах, делать сознательный выбор в политике.

СТЕРЕОТИП ПОЛИТИЧЕСКИЙ – стандартизированный, схематизированный, упрощенный, обычно эмоционально-окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты

ТОЛПА – изначально неорганизованное (или потерявшее организованность) скопление людей, не имеющее общей осознанной цели (или утратившее ее) и, как правило, находящееся в состоянии эмоционального возбуждения.

ТОЛПА АГРЕССИВНАЯ – скопление людей, объединенных слепой ненавистью к некоему объекту, движимых гневом и злобой, стремящихся к разрушению, уничтожению, вандализму, убийствам.

ТОЛПА КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ – скопление людей, собравшихся по поводу заранее объявленного события: спортивного состязания, политического митинга, концерта рок-группы и т.п.

ТОЛПА ОККАЗИАЛЬНАЯ – случайное скопление людей, собравшихся поглазеть на неожиданное происшествие.

ТОЛПА СТЯЖАТЕЛЬНАЯ – скопление людей, вступивших в неорганизованный конфликт за обладание некими ценностями (мародеры, вкладчики обанкротившихся банков, погромщики и т.п.).

ТОЛПА ЭКСПРЕССИВНАЯ – совокупность людей, совместно ритмически выражающих ту или иную эмоцию: радость или горе, энтузиазм или протест, возмущение или восхищение и т.п.

ТОЛПА ЭКСТАТИЧЕСКАЯ – экстремальная форма экспрессивной толпы, возникающая тогда, когда люди доводят себя до исступления в совместных молитвенных или ритуальных ритмических действиях.

УБЕЖДЕНИЕ – сознательное аргументированное воздействие одного или нескольких человек на критическое мышление другого

или группы людей с целью принятия собеседником наших взглядов, нашей точки зрения; процесс побуждения человека принять определенный набор ценностей, верований или отношений.

УСТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКАЯ – неосознанная и осознанная предрасположенность и готовность социального субъекта к восприятию будущих политических событий и к действиям в конкретной политической ситуации.

УЧАСТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ – неотъемлемое свойство политической деятельности людей, служащее одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются во властные политические отношения, в процесс принятия решений, носящих политический характер.

ХАРАКТЕР НАЦИОНАЛЬНЫЙ – исторически сложившаяся относительно устойчивая совокупность характерных для данной национально-этнической общности особенностей восприятия окружающего мира, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни представителей данной общности, их отношение к себе, к своей истории и культуре, к другим народам, к их истории и культуре.

ХАРИЗМА – (греч. *Charisma* – милость, божественный дар) – исключительная одаренность.

ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИДЕР – человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности – мудрости, героизме, «святости».

ХУНТА – государственные органы, военное правительство в некоторых латиноамериканских странах. Группа заговорщиков, участников военного переворота в странах Латинской Америки.

ЦЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ – выраженные в мнениях, суждениях позитивные ориентации индивида на различные объекты и состояния политического бытия; представления о наиболее важном и значимом в политике.

ЧУВСТВА ПОЛИТИЧЕСКИЕ – устойчивые эмоциональные отношения человека к политическим процессам и явлениям, высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях.

ЭЛИТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ – относительно небольшая совокупность лиц, обладающих значительным влиянием на формирование

и реализацию политики в стране, значительной политической властью и привилегированным положением в обществе.

ЭМОЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – форма чувственного, обычно неосознанного, но достаточно продуктивного отражения человеком процессов и явлений окружающей политической реальности в виде аффективных оценок и реакций.

ЭТНОС, этническая общность – исторически сложившаяся группа людей, обладающих общим самосознанием, общностью происхождения и культуры (чаще всего языка), общностью территории проживания.

ЯВЛЕНИЯ МАССОВИДНЫЕ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ – любая совокупность людей, если она имеет с человеком психологические связи социального, политического, национального, территориального и иного характера, соответственно которой он изменяет форму, стиль, экспрессию, смысл, характер своего политического поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев В. Философия вождизма. Хрестоматия. – М., 2006.
2. Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1.
3. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М., 1995.
4. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М., 2012.
5. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. – 1992. – № 4.
6. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб., 2001.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001.
8. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2007.
9. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2009.
10. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – М., 2009.
11. Аристотель. Политика / Сочинения в 4-х томах. – М., 1983. Т. 4.
12. Артемов Г.П. Социокультурный потенциал и политические диспозиции среднего класса в современной России // Политический анализ: Доклады центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 7 / Под ред. Г.П. Артемова. – СПб., 2006.
13. Асмолов А.Г. Психология личности. – М., 2007.
14. Аугустинавичюте А. Соционика. Психотипы. Тесты. – М., 1998.
15. Баграмов С.А. Буржуазная социология и проблемы национального характера // Вопросы философии. – 1964. – № 6.
16. Багрина А.Ю. Имидж политических институтов в современной России: Концептуальные модели, методы исследований и технологии продвижения. Дисс. канд. полит. наук. – М., 2005.
17. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – СПб., 1992.
18. Базаров Т.Ю. Управление персоналом. – М., 2007.
19. Балабанова Е.С., Бурлуцкая М.Г. и др. Маргинальность в современной России. – М., 2000.

20. Баталов Э. Я. Политическая культура как социальный феномен // Вестник МГУ. – Серия 12. Социально-политические исследования. – 1991. – № 5.
21. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
22. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990.
23. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Мыслители русского зарубежья. – СПб., 1992
24. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. – Пг., 1921.
25. Бехтерев В.М. Психика и жизнь. Избр. труды по психологии личности в 2 Т. – СПб., 1999. Т.1.
26. Бехтерев В.М. Роль внушений в общественной жизни // В.М. Бехтерев. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Т.2. Объективное изучение личности. – СПб., 1999. – С. 169-219.
27. Бодалев А.А., Лаптев Л.Г. Социально-теоретическая и практическая обусловленность возникновения политической имиджологии // Политическая имиджология / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. – М., 2006. – С. 9-34.
28. Болл Т. Власть // Полис. – 1993. – № 5.
29. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2004.
30. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin). Том 1. – М., 2000.
31. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: В мире мудрых мыслей. – М., 2001.
32. Букалов А.В. Функциональные роли типов в квадре и соционе // Соционика, ментология и психология личности. – 1996. – № 5.
33. Ваторопин А.С., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социальные ценности как фактор формирования политического имиджа страны // Политическая имиджология / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. – М., 2006. – С. 169-177.
34. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
35. Вебер М. История хозяйства. Город. – М., 2001.
36. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М., 2002.
37. Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс], – <http://kant.narod.ru/weber.htm>. (Дата обращения: 12.09.2013 г.).

---

38. Великие о Ленине [Электронный ресурс], – http://igpr.ru/forum/velikie_o_lenine. (Дата обращения: 02.10.2014 г.).

39. Видеоархив выступлений И.В. Сталина [Электронный ресурс], – <http://kobtv.narod.ru/documental/arhiv-stalina.html>. (Дата обращения: 02.10. 2014г.).

40. Вико Д. Основания науки об общей природе наций. – М., 2007.

41. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 Т. – М., 1960. Т.1.

42. Волков А.А. Основы риторики: учебное пособие. – М., 2003.

43. Волкогонов Д.А., Млечин Л.М. 10 вождей: От Ленина до Путина. – М., 2012.

44. Восленский М.С. Номенклатура. – М., 1991.

45. Вундт В. Проблемы психологии народов. – М., 2011.

46. Гагина Г. К вопросу о крестьянстве в современной России [Электронный ресурс], – <http://www.rkgr-rpk.ru/content/view/7930/>. (Дата обращения: 11.11.2013г.).

47. Галумов Э. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003.

48. Гармонова А.В. Имидж политических партий и объединений в электоральном процессе. – М., 1998.

49. Гегель Г.Ф. Политические произведения. – М., 1978.

50. Глухова А., Рахманин В. Политическая конфликтология. – Воронеж, 2002.

51. Гнатенко П.И. Национальная психология [Электронный ресурс], – // <http://nashaucheba.ru/v17423/page=6>. (Дата обращения: 10.01.2013 г.).

52. Гнатюк О.Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902-1978) // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. – СПб., 2004.

53. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 2000.

54. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону, 1996.

55. Голев С.В. Политическая психология. Словарь-справочник. – Херсон, 2004.

56. Головатий М.Ф. Політична психологія. – Київ, 2009.

57. Горохов А.Ю. Ценностно-смысловые детерминанты участия личности в политической организации. Дис. канд. психол. наук. – СПб., 2008.

58. Государственная символика России [Электронный ресурс], – www.statesymbol.ru. (Дата обращения: 28.05.2014г.).
59. Грамши А. Искусство и политика. – М., 1991.
60. Григорян Г. М. Политическая экономия: принципы обновления и развития. – Харьков, 2000.
61. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М., 1987.
62. Гуленко В.В. Квадральные ценности. Психологические корни социального неравенства // Соционика, ментология и психология личности. – 2000. – № 2.
63. Гуревич П.С. Политическая психология: учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2008.
64. Демидов В.П. К вопросу о сущности элитаризма // В.П. Демидов / Проблемы образования: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1997.
65. Демосфен – биография, факты из жизни [Электронный ресурс], – <http://www.piplz.ru/page.php?id=570>. (Дата обращения: 11.10.2013 г.).
66. Демосфен. Речи. – М., 1994.
67. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М., 1996.
68. Дубейковская Я.С. Политическое, мужское, женское... // Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции. Материалы Всерос. психоаналитической конф. – М., 2005.
69. Жуков К.А. Классовая структура современного российского общества и социальная база коммунистического движения [Электронный ресурс], – <http://com-stol.ru/?p=10483>. (Дата обращения: 29.12.2013 г.).
70. Заболотная Г.М. Политология: курс лекций. – Ростов-н/Д., 2007.
71. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004.
72. Иванников В.А. Основы психологии: Курс лекций. – СПб., 2010.
73. Идентичность и конфликт в постсоветском государстве. – М., 1997.
74. Изард К.Е. Эмоции человека. – М., 1980.
75. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего: Об основах духовного характера. – Новосибирск, 1991.

-
76. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., 1993.
77. Инкелес А. Личность и социальная структура // Социология сегодня: проблемы и перспективы. – М., 1967.
78. Интернет. Режим доступа: <http://mn.ru/society/20130517/346613879.html>. 2013-05-17 17.25.
– <http://news.bigmir.net/world/804340--Reiting-Pytina-v-RF-dostig-novogo-maksimuma--823>. 2014-07-05 17.30.
– <http://www.nameofvictory.ru>. 2014-05-30 12.30.
– <http://www.blikimag.ru/journal/> 2014-03-12 12.10.
– <http://www.hakamada.ru/1323/Paper/1809.html>. 2013-09-24 15.15.
– <http://company.yandex.ru/researches/reports/> 2013-01-15 20.30.
– <http://www.medien.ru/novostnye-portaly> 2013-02-25 21.20.
– <http://lenta.ru/chronicles/marshvmoskve>. 2014-02-18 10.30
– <http://podrobnosti.ua/society/2013/11/24/944155.html>. 2014-02-19 9.50.
79. Ирхин Ю.В. Взаимосвязь политики, морали и права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 1999. – № 1.
80. Каарбо Дж., Бизли Р. Практическое руководство по сравнительному методу case study // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопап. – М., 2002.
81. Каверин С.Б. Потребность власти. – М., 1991.
82. Канетти Э. Масса и власть. – М., 2012.
83. Кант И. Лекции по этике. – М., 2005.
84. Карабущенко Н.В. Особенности политической психологии субъектов элит (современный российский опыт) // Вестник АГТУ. – 2006. – № 6/35.
85. Карабущенко Н.В. Феномен элиты: историко-психологические обоснования и пути развития. Автореферат дис. док. психол. наук. – М., 2009.
86. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2008.
87. Карнаух И. Демократ стратегического назначения. Психологический портрет президента Дмитрия Медведева [Электронный ресурс], – <http://www.gosrf.ru/magazine/archive/sep11/52/>. (Дата обращения: 10.05. 2014 г.).
88. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2.
89. Коблянская Е., Лабковская Е. Поведение политиков предсказать можно // Независимая газета. – 1993. – 31 марта.

90. Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе / Социология и социальная антропология. – СПб., 1997.
91. Колесов Д.В. Человек и толпа. – М., Воронеж, 2001.
92. Коломенский М.А. Формирование внешнеполитического имиджа современной России. Дисс. канд. полит. наук. – М., 2008.
93. Кон И.С. Нужна помощь психологов // Советская этнография. – 1983. – № 3.
94. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. – М., 2007.
95. Коновалов В.Н. Политология. Словарь. – М., 2010.
96. Конфисахор А.Г. Системно-психологическое описание политической власти. Дис. канд. психол. наук. – СПб., 1999.
97. Конфисахор А.Г. Психология политической власти. – СПб., 2009.
98. Концепция внешней политики Российской Федерации (2013) // <http://base.consultant.ru/>.
99. Коршунова Л.С., Пружинин Б.И. Воображение и рациональность. Опыт методологического анализа познавательных функций воображения. – М., 1989.
100. Кричевский Р.Л. Если Вы – руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. – М., 1993.
101. Крыжановская О.А. Свобода. Воля. Власть. – Ростов-на-Дону, 1996.
102. Крысько В.Г. Секреты психологической войны. – Мн., 1999.
103. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999.
104. Крысько В.Г. Этническая психология, – М., 2008.
105. Кэрролл Л.Л. Логическая игра. – М., 1991.
106. Лаптев Л.Г., Степанова Л.А., Николаева Ю.Н. Значение эффективного имиджа для функционирования субъекта политики // Политическая имиджология / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. – М., 2006. – С. 320-335.
107. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. – М., 2005.
108. Лебон Г. Психология народов и масс. – М., 2010.
109. Лебон Г. Психология социализма. – СПб., 1995.
110. Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005. – М., 2006.
111. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 2004.
112. Ленин В.И. Письмо к съезду / Ленин В.И. Изб. соч. в 10 т. Т.10 1921-1922. – М., 1987. – С. 363-367.

-
113. Лец С.Ж. Непричесанные мысли. – М., 2005.
  114. Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт [Электронный ресурс], – http://ldpr.ru/power/Staff_reserve_2013/. (Дата обращения: 12.12.2013г.).
  115. Логинова А.А. Биографический метод исследования и коррекции личности [Электронный ресурс], – <http://www.syntone.ru/library/books/content/5608.html>. (Дата обращения: 11.09.2013г.).
  116. Лодей Д. Талейран: главный министр Наполеона. – М., 2009.
  117. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. Сочинения в 3 Т. – М., 1988. Т. 3.
  118. Лосев А.Ф. Комментарии к диалогам Платона «Политик» // Платон. Законы / Общ ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М., 1999.
  119. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М., 2005.
  120. Лубский Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. – Ростов-на-Дону, 2001.
  121. Лученкова Е.С. Политическая психология. – Минск, 2010.
  122. Любимый Я.В. Современное массовое сознание: динамика и тенденции развития. – Киев, 1999.
  123. Лябухов И.В. Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене. Автореф. дисс. канд. полит. наук. – Барнаул, 2011.
  124. Ляпоров В.Н. Бренд-политика как основа внешнеполитической стратегии // Власть. – 2007. – № 7.
  125. Макаркин А. Единая Россия – проблема имиджа партии власти [Электронный ресурс], – <http://www.politcom.ru/2005/pvz652.php>. (Дата обращения: 10.06.2014г.).
  126. Макиавелли Н. Государь. – СПб., 2012.
  127. Макклелланд Д. Мотивация человека. – СПб., 2007
  128. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1961. – Т.3.
  129. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1961. – Т.8.
  130. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1961. – Т.18.
  131. Марцинковская Т.Д. История психологии: учебник. – М., 2007.
  132. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 1999.
  133. Медведев Р. Леонид Брежнев, личность и эпоха. – М., 2011.
  134. Мельвиль А.Ю. Политология. – М., 2004.
  135. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006.

136. Миллс Р. Властвующая элита. – М., 2007.
137. Милованов Ю.Е. Лидер и вождь: опыт типологии. Россия – США: опыт политического развития. – Ростов-н/Д, 1992.
138. Минаев Б.Д. Ельцин. – М., 2010.
139. Михайловский Н.К. Соч. в 6 Т. – СПб., 1896. Т.2 [Электронный ресурс],- http://www.biblioclub.ru/109868_Sochineniya_Tom_2.html/. (Дата обращения: 22.01.2014г.).
140. Михайловский Н.К. Герой и толпа. – М., 2011.
141. Млечин Л.М. Министры иностранных дел. Внешняя политика России. От Ленина и Троцкого – до Путина и Медведева. – М., 2011.
142. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 2005.
143. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. – М., 2002.
144. Московичи С. Век толп. – М., 1998.
145. Мухаев Р.Т. Теория политики: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным дисциплинам и специальности «Международные отношения. – М., 2005.
146. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М., 1994.
147. Назаретян А.П. Политическая психология. – М., 2001.
148. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. – СПб., 2004.
149. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании. – М., 2005.
150. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. Собр. соч. в 2 Т. – М., 1990. Т.1.
151. Новый энциклопедический словарь. – М., 2008.
152. Обуховский К. Психология влечений человека. – М., 1972.
153. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984.
154. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – Екатеринбург, 2001.
155. Ольшанский Д.В. Психология современной российской политики. Хрестоматия для вузов. – М., Екатеринбург, 2001.
156. Ольшанский Д.В. Политическая психология. – СПб., 2002.
157. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб., 2002.
158. О политических партиях. Федеральный закон (с изменениями на 7 мая 2013) [Электронный ресурс], – <http://docs.cntd.ru/document/901792270>. (Дата обращения: 15.05.2014г.).

-
159. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2002.
160. Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. – М., 1993.
161. Павлов Ю.М., Павлов М.Ю. Политическая воля и цель в современном мире [Электронный ресурс], – <http://utopiya.spb.ru/index.php?option>. (Дата обращения: 23.10.2013г.).
162. Панасюк А.Ю. Я – ваш имиджмейкер и готов помочь сформировать Ваш профессиональный имидж. – М., 2003.
163. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. – М., 2007.
164. Парыгин Б. Д. Общественное настроение. – М., 1966.
165. Перельгина Е.Б. Психология имиджа: Учебное пособие. – М., 2002.
166. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. – 1991. – № 6.
167. Петренко В.Ф., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания. – Смоленск, 1997.
168. Петренко В.Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов: Лики толерантности и нетерпимости. – М., 2000.
169. Петрова М.Г., Хорос В.Г. Диалог о Михайловском [Электронный ресурс], – http://rusbook.com.ua/russian_classic/mihaylovskiy_nk/m_g_petrova_v_g_horos_dialog_o_mihaylovskom.9887. (Дата обращения: 03.12.2013г.).
170. Петровский А.В. Психология и время. – СПб., 2007.
171. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М., 1998.
172. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. – М., 2002.
173. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. – М., 2002.
174. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории / Избранные философские произведения в 5 тт. – Т. 2. – М., 1956.
175. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М., 2011.
176. Поварнин С.И. Спор: О теории и практике спора. – М., 2002.
177. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.Ф. Новейший политологический словарь. – Ростов-на-Дону, 2010.
178. Политическая имиджология / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. – М., 2006.

179. Политология / Словарь по обществознанию под ред. Петрунина Ю.Ю., Панова М.И. – М., 2006.

180. Политическая конфликтология / Под ред. С. Ланцова. – СПб., 2008.

181. Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общей ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. – М., 2001.

182. Политическая психология. Хрестоматия / Составитель Е.Б. Шестопап. – М., 2007.

183. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1966.

184. Поршнев Н.Б. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – СПб., 2007.

185. Постановление ЦИК России от 09.12.2011 № 70/576-6 «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва // Российская газета. – № 278. – 10.12.2011.

186. Почебут Л.Г. Социальная психология толпы. – СПб., 2004.

187. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М., 2000.

188. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. – СПб., 2001.

189. Правда о Ленине в воспоминаниях его современников [Электронный ресурс], – <http://nfo.agni-age.net/lectures/lecture/2006/13.shtml>. (Дата обращения: 23.04.2014 г.).

190. Пригожин А. И. Патология политического лидерства в России // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3.

191. Пращников Н.С. Психология элиты: учебное пособие. – М., Воронеж, 2012.

192. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М., 2004.

193. Рабочий класс в странах Западной Европы. – М., 1982.

194. Райгородский Д. Я. Психология масс: Душа толпы; Наука о массах; Коллективное поведение: Хрестоматия. – М., 2010.

195. Ракитянский Н.М. Теория и методология психологического портретирования личности политика. Дис. доктора психол. наук. – СПб., 2004.

196. Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: психоаналитическое исследование. – М., 1996.

197. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. – М., 1979.

198. Рейтинг политических лидеров [Электронный ресурс], – <http://wciom.ru/issledovanijapolitika/ehlektoralnye-issledovanija.html>. (Дата обращения: 03.03.2014 г.).

-
199. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. – СПб., 2012.
200. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М., 2004.
201. Роцин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. – М., 1980.
202. Роцин С.К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. – 1990. – № 5.
203. Рукет М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. – М., 2010.
204. Румянцев Г.Г. Опыт применения метода «незаконченных предложений» в психиатрической практике / Исследования личности в клинике и в экстремальных условиях. – Л., 1969.
205. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. Политические сочинения. Трактаты. – М., 2000.
206. Светоний Г. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 2006.
207. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. – М., 2011.
208. Силласте Г.Г. Интеллигенция в канун и в период бури глобального кризиса. – Харьков, 2009.
209. Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1.
210. Словарь иностранных слов. – М., 2008.
211. Словарь ключевых социологических терминов [Электронный ресурс], – <http://glossword.info/index.php/term/66-gumanitarnye-distipliny,1313-slovar-klyuchevyh-sotsiologicheskikh-terminov.xhtml>. (Дата обращения: 28.08.2013г.).
212. Словарь-справочник политической психологии (azps.ru) [Электронный ресурс], – <http://vocabulary.ru/dictionary/5/symbol/207>. (Дата обращения: 30.11.2013г.).
213. Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В.Н. Дружинин. – М., 1999.
214. Современники о Ленине [Электронный ресурс], – <http://colonelcassad.livejournal.com/1039574.html>. (Дата обращения: 23.04.2014г.).
215. Сокольский Л. Классы в современной России [Электронный ресурс], – <http://www.shapovalov.org/news/>. (Дата обращения: 10.12.2012 г.).

216. Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей // Полис. – 2008. – № 5.

217. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М., 1991.

218. Социальная психология /Под ред. А.Л. Журавлева. – М., 2002.

219. Социологические исследования партий //Фонд «общественное мнение» [Электронный ресурс], -<http://www.fom.ru/>. (Дата обращения: 12.05.2014г.).

220. Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи / Авт.-сост. М. Лобанов. – М., 2002.

221. Столбун Е.Б., Шерковин Ю.А. Ленинское наследие и психология политики // Вопросы психологии. – 1980. – № 5.

222. Сухов А.Н. Психология больших социальных групп и движений // Социальная психология: Учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений / А.Н. Сухов, А.А. Бодалев, В.Н. Казанцев и др.; Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. – М., 2002. – С.198- 202.

223. Тард Г. Общественное мнение и толпа. – М., 1999.

224. Тард Г. Социальная логика. – М., 1996.

225. Теплов Б.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий. – М., Воронеж, 1998.

226. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.

227. Ткаченко А.А. Феномен «Майдана» (эмпирико-теоретический духовно-психологический взгляд) [Электронный ресурс], – <http://psyfactor.org/lib/tkachenko2.htm>. (Дата обращения: 18.04.2014 г.).

228. Троицкий Л.Д. Дневники и письма. – М., 2011.

229. Уинтер Д.Дж., Херманн М.Дж., Уайнтрауб У., Уокер Ст. Дж. Дистантное изучение личностей Дж. Буша и М. Горбачева: процедуры, портреты, политика / Политическая психология. Хрестоматия / Составитель Е.Б. Шестопал. – М, 2002. С. 54-92.

230. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. – М., 2008.

231. Федеральный закон «Об обороне». – М., 2013.

232. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982.

233. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992.

234. Фрейд З., Буллит У. Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. – М., 1999.

-
235. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М., 2011.
236. Фромм Э. Душа человека. – М., 1992.
237. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 2009.
238. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 2012.
239. Хвостов А.А. Психологические и логические основы политического мышления. Дис. канд. психол. наук. – М., 1996.
240. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб., 2003.
241. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – СПб., 2013.
242. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 2010.
243. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.
244. Чернышевский Н.Г. Собр. соч. в 15 т., Т. 2. – М., 1949.
245. Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика: записки психиатра. – М., 2002.
246. Что говорил Рузвельт о Сталине, СССР и его роли во второй мировой [Электронный ресурс], – <http://www.rg.ru/2014/01/30/ruzvelt-site.html#comments>. (Дата обращения: 30.01. 2014г.).
247. Шаблинский И.Г. Политическое лидерство: типология и технология. – М., 2004.
248. Швед В. Горбачев. «Равный богу» [Электронный ресурс], – <http://www.specnaz.ru/articles/199/27/1824.htm>. (Дата обращения: 11.02.2014г.).
249. Шейнов В.П. Психология лидерства, влияния, власти. – Минск, 2008.
250. Шестопал Е.Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования. – 1995. – № 4.
251. Шестопал Е.Б. Политическая психология. Учебник для студентов вузов. – М., 2010.
252. Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. – М., 2000.
253. Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1.
254. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. – СПб., 1998.
255. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М., 1969.

256. Щербинина Н.С. Политика и миф // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 1998. – № 2.
257. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1995.
258. Энциклопедия афоризмов: В мире мудрых мыслей / Э. Борохов. – М., 2001.
259. Этический кодекс политического психолога [Электронный ресурс], – <http://www.spbpo.ru/info.php>. (Дата обращения: 30.11.2013 г.).
260. Юдин Э.Г. Деятельность как объяснительный принцип // Вопросы философии. – 1976. – № 5.
261. Юнг К.Г. Психология и религия / Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991.
262. Юрьев А.И. Психология массовидных явлений / Психология / Под ред. А.А. Крылова. – М., 1998. – С. 535-546.
263. Ярошевский М.Г. История психологии от Античности до середины XX века. – М., 1996.
264. Almond G., Powell B. Comparative Politics Today. N.Y., 1996.
265. Barber J.D. The Presidential character. – N.J., 1972.
266. Burns J.M. Leadership. – N.Y., 1978.
267. Christie R., Geis F. Studies in Machiavellianism. – N.Y., 1970.
268. Dalton R., Weldon S. Public Images of Political Parties: A Necessary Evil? // West European Politics, vol. 28, No. 5, 931-951, November 2005.
269. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York: Free Press, 1965.
270. Freud S. Civilization and Its Discontents. Penguin books, 2002.
271. Greenstein F. Personality and Politics. – Princeton, 1985.
272. Hermann M.G. Ingredients of leadership // Political psychology: contemporary problems and issues. – San Francisco, 1986.
273. Hollander E., Julian J. Studies in leader legitimacy, influence and innovation // Adv. In Exp. Soc. Psychol. 1970.
274. Lasswell H. D. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change // Science and Culture. 1967. Vol. 33. No 4.
275. Lasswell H.D. Psychopathology and politics. – Chicago, 1977.
276. Merton R.K. Approaches to the study of social Structure. N. Y., 1975.
277. Milbrath L.W. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? – Chicago, 1965.

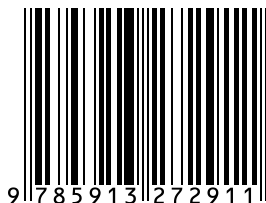
-
278. Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View. N.Y., 1974.
279. Political Psychology: Contemporary Problems and Issues / M. Hermann, ed. – San Fr., 1986.
280. Prewitt K., Stone A. The Rulling Elites. Elite Theory, Power and American Democracy. – N.Y., 1973.
281. Riesman D. The lonely crowd: a study in the changing American character. – New Haven, 1950.
282. Rustow D. A world of nations. – W., 1981.
283. Schiffer I. The projected image // Cultivating leadership: an approach. – W., 1981.
284. Schumpeter J. Capitalisme, Socialisme et Democratie. – P., 1969.
285. Stogdill R. Handbook of leadership: a survey of theory and research. – N.Y., 1974.
286. Toward understanding Crosscultural relations. – Cambridge, 1998.
287. Tversky A. and Kahneman. The Framing of Decisions and the Psychology of Choise // Science. 1981.221 (January 31).

Учебное издание

Бозаджиев Владимир Лукьянович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений

Компьютерный набор, корректура
и форматирование автора
Технический редактор Кулакова Г.А.
Подписано в печать 31.12.2014
Бумага офсетная.
Гарнитура PetersburgC
Формат 60×84 1/16
Печать трафаретная. Печ. л. 29,63.
Тираж 500 экз. Заказ № 034-14.

Отпечатано в типографии ИД «Академия Естествознания»,
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3